МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Кадышева Ольга Владимировна

Нормативный регионализм в современном международном праве на примере права Евразийского экономического союза

Специальность: 5.1.5. Международно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Москва 2026

Посвящается моим родителям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 8

Глава 1. НОРМАТИВНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО..... 54

1.1. К понятию «регионализм» и его эволюции 54

1.2. Нормативный регионализм и формы его проявления в международном праве 60

1.3. Регионализм и Организация Объединённых Наций 68

1.4. Нормативный регионализм в деятельности Комиссии международного права Организации Объединённых Наций..... 75

1.4.1. Комиссия международного права Организации Объединённых Наций и региональные императивные нормы 80

1.4.2. Комиссия международного права Организации Объединённых Наций и региональные общие принципы права 86

1.5. Нормативный регионализм и региональные международные организации 93

1.6. Основные выводы по главе 103

Глава 2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК ОСНОВА ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА..... 106

2.1. Право ЕАЭС: общая характеристика 106

2.2. Региональные императивные нормы: понятие и проблемы идентификации..... 111

2.2.1. Понятие императивных норм в международном праве..... 112

2.2.2. Понятие региональных императивных норм..... 118

2.2.3. Основные выводы по параграфу..... 129

2.3. Общие принципы права как источник права Евразийского экономического союза..... 132

2.3.1. Общие принципы права как источник международного права..... 135

2.3.2. Сложности идентификации региональных общих принципов права 141

2.3.3. Общие принципы права Европейского союза..... 145

2.3.4. Общие принципы в праве Евразийского экономического союза 149

2.3.5. Основные выводы по параграфу 155

2.4. Публичный порядок как основа регионального правопорядка 159

2.4.1. Понятие публичного порядка: вопросы терминологии 163

2.4.2. Суд Европейского союза и вопросы публичного порядка в праве Европейского союза 167

2.4.3. Вопросы публичного порядка в практике Суда Евразийского экономического союза 178

2.4.4. Основные выводы по параграфу 183

Глава 3. ВОПРОСЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА 186

3.1. Понятие частного лица и общие вопросы правосубъектности частных лиц в международном праве 187

3.2. Доктрина международного права о статусе частных лиц в общем международном праве 189

3.3. Правосубъектность частных лиц в региональных интеграционных объединениях 201

3.3.1. Правовое регулирование статуса частных лиц в праве Европейского союза и Евразийского экономического союза 203

3.3.2. Отдельные аспекты статуса служащих в Евразийском экономическом союзе 207

3.3.3. Основные выводы по параграфу 216

3.4. Парламентское нормотворчество и парламентский контроль как институциональная форма участия частных лиц в создании норм права интеграционных объединений 218

3.4.1. Международное право и национальные парламенты 221

3.4.2. Роль Европарламента и национальных парламентов в Европейском союзе 224

3.4.3. Проблемы парламентского контроля в Евразийском экономическом союзе 237

3.4.4. Основные выводы по параграфу 239

Глава 4. ВОПРОСЫ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРАВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА 241

4.1. Ответственность в международном праве: общие вопросы 241

4.2. *Lex specialis* в праве международной ответственности (на примере практики Всемирной торговой организации) 244

4.3. Ответственность в праве Европейского союза: международно-правовой аспект 250

4.4. Вопросы ответственности в праве Евразийского экономического союза 255

4.5. Смешанные соглашения Евразийского экономического союза с третьими странами и вопросы ответственности 259

4.5.1. Порядок заключения, прекращения и приостановления действия международных договоров Евразийского экономического союза 260

4.5.2. Правовая природа Соглашений ЕАЭС с третьими странами 268

4.5.3. Практика заключения смешанных соглашений в Европейском союзе 270

4.5.4. Разрешение споров в рамках смешанных соглашений Евразийского экономического союза и вопросы ответственности 277

4.5.5. Общие нормы об ответственности, применимые к смешанным соглашениям 279

4.5.6. Практика Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации по вопросу присвоения поведения за действия Евразийского экономического союза 283

4.6. Основные выводы по главе 285

Глава 5. СУД ЕАЭС — ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА 289

5.1. Консультативная юрисдикция Суда Евразийского экономического союза и право Союза 290

5.1.1. Консультативная юрисдикция в международном правосудии: общая характеристика 291

5.1.2. Правовой эффект (юридическая сила) консультативных заключений органов международного правосудия 295

5.1.3. Инструментальная роль консультативных заключений 301

5.1.4. Консультативная юрисдикция Суда Евразийского экономического союза 310

5.1.4.1. *Ratione personae* Суда ЕАЭС в области консультативной юрисдикции 310

5.1.4.2. *Ratione materiae* Суда ЕАЭС в области консультативной юрисдикции 317

5.1.4.3. Влияние консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС на право ЕАЭС 320

5.1.1.4. Иные функции консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС 321

5.1.4.5. Юридическая сила консультативных заключений Суда ЕАЭС 323

5.1.5. Основные выводы по параграфу 324

5.2. Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза 327

5.2.1. Исполнение решений органов международного правосудия: общие вопросы 328

5.2.2. Правовое регулирование исполнения и правовых последствий решений Суда Евразийского экономического союза 331

5.2.3. Сравнительный анализ статьи 94 Устава Организации Объединённых Наций и положений Статута Суда ЕАЭС 335

5.2.4. Вопросы надлежащего исполнения решений Суда Евразийского экономического союза 342

5.2.5. Сравнительный анализ правил ВТО и положений Статута Суда ЕАЭС об исполнении принятых при разрешении споров решений 346

5.2.6. Основные выводы по параграфу 351

5.3. Взаимодействие Суда Евразийского экономического союза с конституционными судами государств — членов Союза (на примере Конституционного Суда РФ) 353

5.3.1. Взаимодействие судов интеграционных объединений с национальными конституционными судами: общие вопросы 354

5.3.2. Приоритет права ЕАЭС как основа взаимодействия с конституционными судами государств — членов ЕАЭС 358

5.3.3. Практика Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам взаимодействия с органами международного правосудия 360

5.3.4. Основные выводы по параграфу..... 370

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 373

Список сокращений..... 381

Список использованной литературы и документов..... 386

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современный миропорядок формируется под воздействием двух ключевых процессов — глобализации, ориентированной на поиск решений универсальных проблем, и регионализации, акцентирующей внимание на региональном сотрудничестве, которое нередко обеспечивает более оперативное и эффективное урегулирование многих вопросов. Если до начала XXI века эти явления рассматривались как противоположные, то на практике они проявляются как взаимодополняющие. Современные дискуссии ведутся в отношении того, выступает ли регионализм функциональным элементом универсалистской архитектуры международных отношений, или универсализм должен проявляться только тогда, когда меры, принятые на государственном или региональном уровне, оказываются недостаточными, например, для противодействия глобальному изменению климата.

В текущий момент происходит фундаментальная смена основного вектора в международной политике в виде изменения приоритетов государств и перехода от их активного участия в универсальных процессах к не менее настойчивому созданию различных форм регионального сотрудничества. Во многом это связано с пониманием того, что универсализм и глобализация имеют свои пределы, могут создавать препятствия для развития отношений между государствами и нести в себе значительные риски для них, в том числе и в виде навязывания интересов одной группы стран в качестве всеобщих ценностей и за счёт интересов других стран.

В условиях многополярного мира региональное сотрудничество — политика группы государств, направленная на углубление интеграции ради достижения совместных целей, — становится более действенным инструментом решения целого ряда задач по сравнению с универсальными механизмами. В рамках международного сотрудничества создаются региональные международные

организации, которые являясь подвидом международных организаций, уже воспринимаются как сложившаяся и необходимая часть мирового порядка, играя при этом всё возрастающую роль в международной политике. В этой подгруппе особое место занимают международные организации региональной экономической интеграции[1], такие как Евразийский экономический союз, Андское сообщество и Европейский союз. Их отличительной чертой является наличие полномочий по принятию нормативных актов общего действия, обязательных не только для государств-членов, но и для субъектов их внутренних правопорядков (включая отношения между ними), и подлежащих непосредственному применению национальными судами государств-членов.

В свою очередь, существование самостоятельных правопорядков международных организаций региональной экономической интеграции и их очевидные особенности по сравнению с традиционными международными межгосударственными организациями порождают комплекс доктринальных вопросов в сфере международного права — о природе и составе источников права этих объединений, субъектах правопорядков и особенностях ответственности, а также о соотношении норм этих объединений с общим международным правом. Наличие этих проблем было признано в начале XXI века Комиссией международного права ООН в известном Докладе о фрагментации и в более поздних исследованиях, посвящённых источникам международного права, когда оказалось невозможным дальше игнорировать как неоспоримый факт наличие особенностей правопорядков международных организаций региональной экономической интеграции, так и то, как они влияют на достижение целей, поставленных государствами — членами этих организаций.

В этом отношении следует отметить, что академические исследования в области права международных организаций в основном концентрировались либо на организациях универсального характера, либо имели своим предметом

---

[1] В целях настоящей работы термины «международные региональные организации экономической интеграции», «региональные организации экономической интеграции» и «региональные интеграционные объединения» понимаются как синонимы.

отдельные региональные организации. При этом европейский опыт экономической интеграции не только сыграл центральную роль в развитии концепции регионализма в целом, привлекая внимание исследователей, но и длительное время воспринимался как модель и мерило успешности того или иного регионального интеграционного проекта. Существовавшее в науке признание права ЕС как *sui generis* во многом способствовало отсутствию работ, посвящённых комплексному исследованию правопорядков региональных интеграционных объединений не только и не сколько *per se*, но и с точки зрения общедоктринальных подходов международного права. Особенности правопорядка ЕС объяснялись его автономностью, которая при этом понималась по-разному исследователями права ЕС и специалистами по международному праву[2]. Однако современная практика показывает, что, во-первых, Европейский союз не является единственным примером, на который можно опираться при анализе этой проблематики, а во-вторых, было бы контрпродуктивно и неверно с методологической точки зрения измерять успешность интеграционных моделей путём их сравнения исключительно с ЕС и делать доктринальные обобщения о них, опираясь только на европейский опыт. Кроме того, попытки объяснить специфику правопорядков региональных интеграционных объединений исключительно через призму их автономности имеют свои ограничения в силу разного понимания этой автономности. В этом отношении научный потенциал приобретает идея нормативного регионализма, которая может быть использована для альтернативного объяснения разнообразия и особенностей правопорядков организаций региональной экономической интеграции. Этот потенциал особенно очевиден при анализе правопорядка ЕАЭС, который не рассматривается как автономный по аналогии с правом ЕС, но при этом имеет сходные черты. **Всё это говорит об актуальности заявленной темы**.

---

[2] *Исполинов А. С.* Принцип автономности права Евросоюза, его внешнее измерение и роль в процессе конституционализации ЕС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 251–277, 254.

Созданный в 2015 году Евразийский экономический союз сразу привлёк к себе внимание отечественных учёных, специалистов как в области международного права, так и европейского права. В опубликованных в течение нескольких последующих после создания ЕАЭС лет статьях российских юристов-международников анализировались такие международно-правовые вопросы функционирования ЕАЭС, как соответствие ЕАЭС основным характеристикам международных организаций, правосубъектность ЕАЭС, характеристика ЕАЭС как наднациональной международной организации, а также соотношение права ЕАЭС и международного права[3]. В свою очередь, отечественные специалисты по праву ЕС отмечали схожесть институциональной структуры и источников права ЕАЭС с другими интеграционными объединениями, в первую очередь с Европейским союзом, придерживаясь взгляда на право ЕАЭС как автономный правовой режим *sui generis,* демонстрирующий тенденцию к институциональному и нормативному обособлению от международного права посредством выработки собственных принципов Союза[4].

За последние годы практически не появилось новых публикаций на тему международно-правовой природы Союза[5], в то время как авторы второй группы практически исчерпали возможности изучения права ЕАЭС путём его сравнения с правом ЕС в силу очевидной ориентации Суда ЕАЭС и государств — членов

---

[3] См., например: *Ануфриева Л. П.* ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 48–62; *Бекяшев К. А.* ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11 (78). С. 14–16; *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 59–69; *Пименова О. И.* Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 76–93; *Соколова Н. А.* Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // Lex russica. 2017. № 11. С. 47–57.

[4] См., например: *Дьяченко Е. Б.*, *Энтин К. В.* Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 123–133; *Чайка К.* Конституционализация интеграционных правопорядков как феномен международного права? // Международное правосудие. 2020. № 1 (33). С. 67–78.

[5] Исключением здесь является статья Н. Е. Тюриной. См.: *Тюрина Н. Е.* Правовая система ЕАЭС: суверенитет государств-членов и «наднациональное» право // Государство и право. 2025. № 7. С. 140–148.

Союза на международно-правовые основы деятельности Союза и их нежелания выходить (по крайней мере пока) за рамки парадигмы международного права в дальнейшем развитии Союза.

При этом надо отметить, что право ЕАЭС обладает очевидной спецификой в силу того, что его нормы в определенных сферах действуют напрямую в правопорядках государств — членов Союза и непосредственно применяются всеми субъектами национального права, в том числе и в отношениях между собой, а также национальными судами государств-членов. Это открывает дорогу к исследованию таких пока нераскрытых в отечественной литературе доктринальных вопросов, как субъектный состав правопорядка ЕАЭС и локальная правоспособность частных лиц в праве ЕАЭС, специфика источников права ЕАЭС и их иерархичность, включая проблему соотношения общих принципов права ЕАЭС, концепция которых активно развивается Судом ЕАЭС, с общими принципами права и принципами международного права.

Отдельно можно выделить такую особенность права ЕАЭС, как полное отсутствие упоминания международных обычаев (как общих, так и региональных) среди источников права ЕАЭС в Договоре о ЕАЭС и в практике Суда ЕАЭС, несмотря на то что в статье 50 Статута Суда ЕАЭС упоминается международный обычай в перечне применимых Судом норм при разрешении споров.

Особое значение в этой связи приобретает фундаментальная проблема действия в правопорядке ЕАЭС императивных норм международного права (*jus cogens*), а также возможность появления собственных региональных императивных норм в праве ЕАЭС и их соотношения с универсальными нормами *jus cogens*.

Отдельного осмысления требует проблема действия общих норм об ответственности государств в правопорядке ЕАЭС и их соотношения с соответствующими правилами в ЕАЭС, включая вопросы распределения ответственности между ЕАЭС и государствами — членами Союза, порядок вменения ответственности и порядок возмещения причинённого вреда.

Все вышеперечисленные вопросы требуют комплексного доктринального осмысления, и имеют очевидное не только теоретическое, но и практическое измерение.

Степень научной разработанности темы исследования. В отечественной юридической науке в рамках специальности 5.1.5 (ранее — 12.00.10) с 2018 по 2023 год были защищены три диссертации на соискание степени доктора юридических наук, которые в той или иной степени касались проблематики ЕАЭС или его отдельных институтов (в первую очередь Суда ЕАЭС). В 2018 году была защищена диссертация А. С. Исполинова «Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии: на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС»[6], в которой автором в числе других поднимались вопросы исполнения решений Суда ЕАЭС и взаимодействия Суда ЕАЭС и Конституционного Суда РФ, однако без учёта сложившейся в последнее время практики данных судов. В 2022 году была защищена диссертация К. Л. Чайки (на тот момент занимавшего должность судьи Суда ЕАЭС) на тему «Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия»[7], где в том числе рассматривались региональные интеграционные объединения как особая категория международных организаций, права региональных интеграционных объединений, а также вопросы взаимодействия конституционных судов государств-участников и судов региональных интеграционных объединений. В 2023 году была защищена диссертация сотрудника аппарата Суда ЕАЭС Е. Б. Дьяченко на тему «Отправление правосудия в судах интеграционных объединений»[8], в которой в двух разделах исследовались роль суда интеграционного объединения как органа, обеспечивающего правопорядок в интеграционном объединении, и проблемы применения норм и принципов международного права при

---

6 *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС) : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018.

7 *Чайка К. Л.* Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022.

8 *Дьяченко Е. Б.* Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2023.

формировании правовых позиций суда интеграционного объединения. Однако в целом это диссертационное исследование было посвящено процессуальным аспектам деятельности органов международного правосудия: вопросам доказательств и доказывания, судебного толкования международных договоров и иным вопросам отправления правосудия.

Отдельным международно-правовым вопросам регионального сотрудничества государств, правосубъектности международных региональных организаций, правопорядков региональных интеграционных объединений и деятельности региональных судов посвящены диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук В. С. Ковалева «Механизмы реализации международной правосубъектности ЕС и ЕАЭС» (Москва, 2022)[9], Э. А. Хачатряна «Роль решений Суда ЕАЭС и Суда ЕС в укреплении региональных правопорядков: Сравнительно-правовой анализ» (Москва, 2022)[10], региональным механизмам разрешения споров посвящена диссертация А. А. Волковой «Региональные механизмы разрешения международных торговых споров» (Москва, 2025)[11]. Нельзя не отметить диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук, защищённые судьями Суда ЕАЭС первого состава: в 2020 году в г. Минске Д. Г. Колос защитил кандидатскую диссертацию на тему «Компетенция Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза: сравнительно-правовой анализ»[12], а в 2022 году также в г. Минске В. Х. Сейтимова защитила диссертацию на соискание

---

[9] *Ковалев В. С.* Механизмы реализации международной правосубъектности ЕС и ЕАЭС : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022.

[10] *Хачатрян Э. А.* Роль решений Суда ЕАЭС и Суда ЕС в укреплении региональных правопорядков: Сравнительно-правовой анализ : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022.

[11] *Волкова А. А.* Региональные механизмы разрешения международных торговых споров : дис. … канд. юрид. наук. М., 2025.

[12] *Колос Д. Г.* Компетенция Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза: сравнительно-правовой анализ : дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2020.

учёной степени кандидата юридических наук на тему «Судебная защита прав международных гражданских служащих»[13].

Международно-правовые вопросы экономической интеграции составляют предмет исследования в докторских диссертациях Н. А. Ефремовой «Международно-правовые механизмы регулирования экономической интеграции и суверенитет государства» (Москва, 2010)[14] и С. Н. Ярышева «Международно-правовые вопросы формирования и функционирования Единого экономического пространства» (Москва, 2012)[15].

Общие проблемы международной ответственности являлись предметом диссертационного исследования на соискание учёной степени доктора юридических наук М. В. Кешнер «Институт реализации международной ответственности государств» (Казань, 2023)[16].

Общие вопросы права Европейского союза рассматривались в докторских диссертациях М. М. Бирюкова «Современное развитие Европейского Союза: международно-правовой подход» (Москва, 2004)[17], А. Я. Капустина «Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза» (Москва, 2001)[18], П. А. Калиниченко «Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом» (Москва, 2011)[19], О. М. Мещеряковой «Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета»

---

[13] *Сейтимова В. Х.* Судебная защита прав международных гражданских служащих : дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2022.

[14] *Ефремова Н. А.* Международно-правовые механизмы регулирования экономической интеграции и суверенитет государства : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010.

[15] *Ярышев С. Н.* Международно-правовые вопросы формирования и функционирования Единого экономического пространства : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012.

[16] *Кешнер М. В.* Институт реализации международной ответственности государств : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2023.

[17] *Бирюков М. М.* Современное развитие Европейского Союза: международно-правовой подход : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004.

[18] *Капустин А. Я.* Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001.

[19] *Калиниченко П. А.* Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011.

(Москва, 2010)[20], Г. Р. Шайхутдиновой «Продвинутое сотрудничество государств в европейском праве» (Казань, 2007)[21].

Применительно к различным разделам диссертационного исследования можно выделить труды представителей отечественной доктрины, анализировавших соответствующие аспекты рассматриваемой проблематики. Прежде всего следует отметить работы Е. А. Шибаевой[22] по праву международных организаций и А. Я. Капустина[23] в части природы глобального и регионального сотрудничества, а также работы по праву ЕС и ЕАЭС представителей школ международного права Казанского (Приволжского) федерального университета[24] МГИМО[25] и МГЮА[26]. Анализу вопросов регионализма в современных политико-правовых процессах и его разновидностей уделяется внимание в трудах российских политологов М. Л. Лагутиной и Е. Б. Михайленко[27], рассматривающих региональные

---

[20] *Мещерякова О. М.* Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010.

[21] *Шайхутдинова Г. Р.* Продвинутое сотрудничество государств в европейском праве : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2007.

[22] *Шибаева Е. А.* К вопросу о наднациональности межправительственных организаций универсального характера // Московский журнал международного права. 1992. № 4. С. 81–91; *Шибаева Е. А.* Право международных организаций: Вопросы теории. М. : Международные отношения, 1986. 158 с.; *Шибаева Е. А.* Правовой статус межправительственных организаций. М. : Юридическая литература, 1972. 176 с.; *Шибаева Е. А.*, *Поточный М.* Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. М. : Издательство МГУ, 1988. 188 с.

[23] См.: *Капустин А. Я.* Европейский союз: интеграция и право : монография. М. : Издательство РУДН, 2000. 436 с.; *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс.

[24] Региональные аспекты интеграции: Европейский союз и Евразийское пространство = Regional aspects of integration: European Union and Eurasian space : монография / отв. ред. Р. Ш. Давлетгильдеев : М. : Статут, 2019. 239 с.

[25] *Войников В. В.*, *Энтина Е. Г.*, *Энтин М. Л.* Перспективы, потребности и подводные камни конституционализации ЕС и ЕАЭС // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 89–103; Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2026. 528 с.

[26] Интеграционное право : учебник / отв. ред. С. Ю. Кашкин. М. : Проспект, 2017. 717 с.

[27] *Лагутина М. Л.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. 2015. № 2 (19). С. 16–21; *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник

структуры как элементы глобального политического пространства. Вопросы сравнительной интеграции в различных регионах мира детально раскрыты в монографии отечественного политолога А. А. Байкова[28]. В контексте ЕАЭС регионализм изучается в работах Л. П. Ануфриевой[29], посвящённых автономности правовых режимов интеграционных объединений и соотношению их норм с международным правом, а также в публикациях А. Ф. Малого[30], Н. А. Соколовой[31] и Н. Е. Тюриной[32], анализирующих специфику правовой системы ЕАЭС. Значительный вклад в осмысление интеграционного правосудия внесён А. С. Исполиновым[33], чьи работы показывают, как судебные органы интеграционных объединений становятся самостоятельным институциональным элементом регионального правопорядка.

Тематика деятельности Комиссии международного права ООН (*далее* — КМП; Комиссия) нашла отражение в работах ряда российских авторов.

Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 261–278.

[28] *Байков А. А.* Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М. : Аспект Пресс, 2012. 256 с.

[29] *Ануфриева Л. П.* Международные организации и параорганизации, интеграционные объединения: автономные правовые режимы (понятийный аспект международно-правовой науки) // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1 / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : РАН ИНИОН, 2022. С. 356–360; *Ануфриева Л. П.* ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении.

[30] *Малый А. Ф.*, *Кондрашова О. Ю.* Принципы права Евразийского экономического союза как основа его правовой системы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Т. 7. № 2 (26). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/malyi_af_kondrashova_oyu_2019_2_11.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[31] *Соколова Н. А.* Указ. соч.

[32] *Тюрина Н. Е.* Указ. соч.

[33] *Исполинов А.* Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 45–67; *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС) : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 312 с.; *Исполинов А. С.* Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex russica. 2017. № 10 (131). С. 58–87; *Исполинов А. С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств — членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 152–166; *Исполинов А.* Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза // Международное правосудие. 2016. № 1 (17). С. 81–94; *Исполинов А. С.* Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 105–120.

Фундаментальным источником по этим вопросам остаётся исследование Ф. И. Кожевникова и Э. С. Кривчиковой[34], в котором представлен анализ функций и эволюции Комиссии международного права. Роль КМП в кодификации международного права рассматривается также в классических работах В. С. Верещетина[35]. Современные подходы к эффективности деятельности КМП и её влиянию на международно-правовое регулирование освещены в публикациях А. Х. Абашидзе и А. М. Солнцева[36], которые уделяют внимание проблемам методологии и результативности работы Комиссии. Однако вопросы регионализма в деятельности КМП, равно как и её подход к нормативному регионализму остались за рамками этих исследований.

Проблематика императивных норм развивалась в трудах В. Н. Дурденевского[37], Г. И. Тункина[38] и Л. Н. Шестакова[39], заложивших основы отечественной теории *jus cogens*. Исследования Ю. С. Ромашева[40] и С. В. Черниченко[41] затрагивают как общие вопросы природы императивных норм, так и связь между *jus* cogens и общими принципами права. В числе авторов, посвятивших свои исследования универсальным императивным нормам

---

[34] *Кожевников Ф. И.*, *Кривчикова Э. С.* Комиссия международного права ООН: функции и деятельность. М. : Международные отношения, 1977. 102 с.

[35] *Верещетин В. С.* О работе Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 21–34; *Верещетин В. С.* О работе 46-й сессии Комиссии международного права ООН //Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 35–51.

[36] *Абашидзе А. Х.*, *Клишас А. А.*, *Солнцев А. М.* К вопросу об эффективности деятельности Комиссии международного права ООН // Современное право. 2013. № 5. С. 103–109; *Абашидзе А. Х.*, *Солнцев А. М.* Камо грядеши… К 60-летию деятельности Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 133–145.

[37] *Дурденевский В. Н.* Пять принципов // Международная жизнь. 1956. № 3. С. 45–53.

[38] *Тункин Г. И.* Теория международного права. М. : Международные отношения, 1970. 511 с.

[39] *Шестаков Л. Н.* Императивные нормы в системе современного международного права. М. : Издательство Московского университета, 1981. 120 с.

[40] *Ромашев Ю. С.* Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С.148–174.

[41] *Черниченко С. В.* Взаимосвязь императивных норм международного права и обязательств erga omnes // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 3–17.

международного права, следует указать Л. А. Алексидзе[42], Д. С. Власова[43], П. П. Кремнева[44], Н. Н. Липкину[45], К. Л. Сазонову[46], И. И. Синякина и А. Ю. Скуратову[47]. Современным проблемам идентификации императивных норм и существующей в этом направлении судебной практике посвящены исследования А. С. Исполинова[48]. Вместе с тем в указанных исследованиях не рассматривался вопрос о допустимости существования императивных норм с ограниченной сферой действия, равно как и особенности таких норм.

Тематика общих принципов международного права занимает значительное место в отечественной доктрине. Классическое изложение содержания общих принципов представлено в труде В. М. Корецкого, который заложил методологическую основу для дальнейших исследований[49]. Значительный вклад в изучение принципов в международном праве внесла Л. П. Ануфриева[50],

---

42 *Алексидзе Л. А.* Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы. Jus cogens. Тбилиси : Издательство Тбилисского университета, 1982. 406 с.

43 *Власов Д. С.* Императивные нормы *jus cogens* и правовые позиции Международного Суда ООН // Российский юридический журнал. 2006. № 1 (49). С. 128–132.

44 *Кремнев П. П.* Общепризнанные принципы и нормы jus cogens и обязательства erga omnes: юридическая природа и иерархия в российской правовой системе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 783–802.

45 *Липкина Н. Н.* Особенности квалификации международно-правовых норм о правах человека в качестве jus cogens // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 51–55; *Липкина Н. Н.* Некоторые проблемы правовой природы норм jus cogens в современном международном праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2 (78). С. 146–150.

46 *Сазонова К. Л.* Обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72–79.

47 *Синякин И. И.*, *Скуратова А. Ю.* Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 41. С. 526–545.

48 *Исполинов А. С.* Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 7–14; *Исполинов А.* Несколько жизней доктрины императивных норм (*jus cogens*) в международном праве // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 70–97.

49 *Корецкий В. М.* «Общие принципы права» в международном праве / отв. ред. С. Б. Крылов. Киев : Издательство АН УССР, 1957. 52 с.

50 *Ануфриева Л. П.* Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания) // Московский журнал международного права. 2021. № 1. С. 6–27; *Ануфриева Л. П.* Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только… // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 6–34.

рассматривающая природу, генезис и системное значение принципов на современном этапе развития международных отношений. В исследовании Нефедова Б.И.[51] обосновывается терминологическое разнообразие в подходах к понятию принципов в международном праве, предлагается не синонимизировать различные категории принципов, а выделять их особенности. Работы Ю. С. Ромашева и Е. В. Постниковой[52] посвящены структуре и классификации этих принципов, их роли в правовой системе. Исследования Т. Н. Нешатаевой[53] затрагивают связь общих принципов с судебным правотворчеством и процессом толкования международных договоров. Тем не менее эти авторы не касаются проблематики региональных общих принципов права. Одной из последних публикаций, посвящённых общим принципам права и деятельности Комиссии международного права, является статья И. М. Лифшица[54]. Вопросы общих принципов права ЕАЭС анализируются в недавней работе К. В. Энтина[55] исходя из аналогии с общими принципами права ЕС, но при этом вопросы соотношения этих принципов с общими принципами права по смыслу статьи 38 Статута Международного Суда ООН и в свете работы КМП по этим вопросам остаются за рамками данного исследования.

В отечественной доктрине вопросы международной правосубъектности традиционно занимают центральное место. Классические подходы

---

[51] *Нефёдов Б.И.* Принципы в международном праве: терминология // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 6–17. См. также: *Нефедов Б.* Являются ли основные принципы уголовной ответственности индивидов общими принципами права? Часть 1: Принцип *nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания на него в законе») // Международное правосудие. 2025. № 3 (55). С. 66-77; *Нефедов Б.* Являются ли основные принципы уголовной ответственности индивидов общими принципами права? Часть 2: Принцип *non bis in idem* («не дважды за одно и то же») // Международное правосудие. 2025. № 4 (56). С. 65–79.

[52] *Ромашев Ю. С.* Указ. соч.; *Ромашев Ю. С.*, *Постникова Е. В.* Принципы в международном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 192–220.

[53] *Нешатаева Т.* К вопросу о создании Евразийского Союза: интеграция и наднационализм // Международное правосудие. 2014. № 2 (10). С. 57–70.

[54] *Лифшиц И. М.* Ускользающая красота общих принципов права, признанных цивилизованными нациями // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2025. Т. 3. № 3. С. 49–90.

[55] *Энтин К.* Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2022. № 2 (42). С. 64–83.

к субъектному составу международного права были заложены в трудах И. И. Лукашука[56], Ф. Ф. Мартенса[57], Г. И. Тункина[58], а также в первом томе коллективного Курса международного права под редакцией Р. А. Мюллерсона и Г. И. Тункина[59]. Вопросы баланса публичных и индивидуальных интересов в международном праве специально анализировались в работах В. А. Карташкина[60], а проблема международно-правовой правосубъектности индивида рассматривалась в работах Н. В. Захаровой[61], Г. В. Игнатенко и М. А. Лихачева[62], Б.И. Нефедова[63], Ю. В. Самович[64] и С. В. Черниченко[65].

Общие проблемы правосубъектности Евразийского экономического союза как международной организации исследовались Л. П. Ануфриевой[66], А. Я. Капустиным[67], К. А. Бекяшевым[68], Н. А. Соколовой[69], однако без анализа вопросов правосубъектности частных лиц в правопорядке ЕАЭС.

---

56 *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть : учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 432 с.

57 *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. Т. 1. СПб.: Типография Министерства путей сообщений (А. Бенке), 1882. 418 с.

58 *Тункин Г. И.* Указ. соч.

59 Курс международного права : в 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. М. : Наука, 1989.

60 *Карташкин В. А.* Государство и личность в международных правоотношениях // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 2–9.

61 *Захарова Н. В.* Индивид — субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 112–118.

62 *Игнатенко Г. В.*, *Лихачев М. А.* Размышления о современной концепции международной правосубъектности индивида // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 4 (291). С. 200–212.

63 *Нефедов Б. И.* Регулирует ли международное право отношения с участием лиц? (часть 1) // Московский журнал международного права. 2017. № 1(105). С. 3-19; *Нефедов Б. И.* Регулирует ли международное право отношения с участием лиц? (Часть 2) // Московский журнал международного права. 2017. № 2(106). С. 3-17.

64 *Самович Ю. В.* К вопросу о международной правосубъектности индивидов // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 5. С. 181–185.

65 *Черниченко С. В.* Еще раз о международной правосубъектности индивидов // Московский журнал международного права. 2005. № 4. С. 11–26.

66 *Ануфриева Л. П.* Международные организации и параорганизации, интеграционные объединения: автономные правовые режимы (понятийный аспект международно-правовой науки).

67 *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс.

68 *Бекяшев К. А.* Указ. соч.

69 *Соколова Н. А.* Указ. соч.

Различным аспектам международной ответственности в правопорядках интеграционных объединений посвящено незначительное число публикаций отечественных учёных, в основном в контексте взаимодействия ВТО и региональных торговых соглашений. В этом отношении можно упомянуть работы Д. С. Боклан[70] и А. С. Смбатян[71]. Проблемам содержания соглашений ЕАЭС с третьими странами, указывающего на возрастание роли принципов и норм ВТО как правовых регуляторов в правовой системе ЕАЭС, посвящена работа Н. Е. Тюриной[72]. Вопросы распределения ответственности между государствами — членами ЕАЭС и Союзом на примере решения Суда ЕАЭС по спору между Россией и Республикой Беларусь рассматриваются в статье Я. С. Кожеурова[73]. Судебная практика Суда ЕАЭС в части контроля за исполнением принятых судебных решений фрагментарно упоминается в трудах К. Л. Чайки[74].

Проблематика консультативной юрисдикции органов международного правосудия занимает заметное место в российской доктрине в первую очередь применительно к Международному Суду ООН и к региональным судам по правам человека. В числе работ по консультативной функции Международного Суда ООН следует отметить исследования Н. С. Симоновой[75]

---

[70] *Боклан Д. С.* Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 223–236.

[71] *Боклан Д.*, *Боклан О.*, *Смбатян А.* Значение Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния для защиты интересов сторон при разрешении споров в рамках ВТО // Международное правосудие. 2016. № 4 (20). С. 99–113.

[72] *Тюрина Н. Е.* Право ВТО в международных договорах ЕАЭС // Российский юридический журнал. 2025. № 1 (160). С. 18–30.

[73] *Кожеуров Я. С.* Вопросы права международной ответственности в решении Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 года по делу «Российская Федерация против Республики Беларусь» // Lex russica. 2017. № 12. С. 133–146.

[74] *Чайка К. Л.* Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза как условие эффективности судопроизводства // Государство и право. 2020. № 9. С. 92–101.

[75] *Симонова Н. С.* Консультативные заключения Международного Суда ООН в механизме обеспечения выполнения международных договорных обязательств // Московский журнал международного права. 2015. № 3. С. 94–108.

и А. С. Смбатян[76]. В отношении опыта Межамериканского суда по правам человека в части консультативной юрисдикции можно упомянуть статью Я. С. Кожеурова[77]. Консультативная юрисдикция Суда ЕАЭС в части доступа физических лиц к правосудию рассматривается в работе К. В. Энтина[78]. Пределы защиты оспоренных и нарушенных прав, а также многообразие функций консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС в контексте практики органов международного правосудия анализируются в настоящем диссертационном исследовании впервые.

Проблема исполнения решений международных и региональных судов является одним из ключевых сюжетов исследования правопорядков интеграционных объединений. В российской литературе центральное место занимает работа А. С. Исполинова[79], специально посвящённая теории и практике исполнения решений международных судов, в которой рассматриваются как общие вопросы обязательности судебных решений, так и практика и особенности исполнения государствами решений наиболее известных международных судов и трибуналов. В контексте ЕАЭС эта проблематика была исследована в трудах судьи Суда ЕАЭС в отставке К. Л. Чайки[80], где анализируются первые дела, рассмотренные Судом ЕАЭС, а также проблемы восприятия его актов национальными органами и влияние исполнения решений на эффективность судопроизводства в Союзе. Однако эти работы не учитывают последние тенденции в практике Суда ЕАЭС и высших национальных судах государств — членов Союза.

---

[76] *Смбатян А. С.* Консультативная юрисдикция Международного Суда ООН // Современное право. 2009. № 2. С. 98–101.

[77] *Кожеуров Я. С.* Консультативная юрисдикция международного суда: опыт Межамериканского суда по правам человека // Российский юридический журнал. 2012. № 4 (85). С. 95–107.

[78] *Энтин К.* Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу №Р-6/24 о доступе физических лиц к правосудию: развёрнутый комментарий // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 2 (54). С. 3–17.

[79] *Исполинов А.* Исполнение решений международных судов: теория и практика.

[80] *Чайка К. Л.* Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза как условие эффективности судопроизводства.

В зарубежной международно-правовой науке анализ региональных процессов и их закрепления в международном праве представлен обширным спектром исследований, охватывающих как общетеоретические вопросы, так и специализированные направления — от природы регионализма до ответственности международных организаций.

Прежде всего необходимо отметить разработки, посвящённые проявлению регионализма в международном праве. Существенный вклад в исследование феномена регионализации внесли L. Fawcett[81], анализирующая исторические и концептуальные основания регионального взаимодействия, а также представители школы «нового регионализма» F. Söderbaum[82] и T. Shaw[83], раскрывающие многоуровневую природу современных региональных процессов. Вопросы институциональной природы региональных международных организаций детально исследуются в работах C. Brölmann[84], рассматривающей региональные организации как особую категорию субъектов международного права, и C. Schreuer[85], определяющего регионализм и универсализм как две конкурирующие тенденции развития международного правопорядка. К современным сравнительно-правовым исследованиям относятся работы D. Panke и A. Starkmann[86], предложивших комплексную классификацию из 76 региональных организаций и проанализировавших закономерности их

---

81 *Fawcett L.* Regionalism from an Historical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order / ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1995. P. 21–37; *Fawcett L.* The History and Concept of Regionalism. European Society of International Law. Conference Paper No. 4/2012. 5th Biennial Conference, Valencia (Spain), 13–15 September 2012. URL: https://ssrn.com/abstract=2193746 (дата обращения: 25.12.2025).

82 *Söderbaum F.* Introduction: Theories of New Regionalism // Theories of New Regionalism / ed. by F. Söderbaum, T. M. Shaw. London : Palgrave Macmillan, 2003. P. 1–21.

83 Theories of New Regionalism / ed. by F. Söderbaum, T. M. Shaw. London : Palgrave Macmillan, 2003. 255 p.

84 *Brölmann C. M.* Regional Organizations in International Law: Exploring the Function-Territory Divide // International Organizations Law Review. Vol. 21. 2024. No. 1. P. 132–146.

85 *Schreuer C.* Regionalism v. Universalism // European Journal of International Law. Vol. 6. 1995. No. 3. P. 477–499.

86 *Panke D.*, *Starkmann A.* Trajectories of Regional Cooperation: A Comparative Analysis // Comparative European Politics. Vol. 19. 2021. No. 1. P. 1–25.

институциональной эволюции. Вопросы регионализации также получают отражение в исследованиях F. F. Carvalho[87], U. Engel[88], B. Hettne[89], M. Telò[90], C. Wyse[91], а также в публикациях, посвящённых европейской интеграции, таких как работы D. Jančić[92] и M. Kohler[93], что позволяет проследить влияние регионализма на правовую архитектуру ЕС и иных интеграционных объединений.

Значительный пласт зарубежной доктрины посвящён деятельности Комиссии международного права ООН, в том числе её роли в формулировании универсальных и региональных норм. В этом направлении выделяются исследования D. Azaria[94], посвящённые интерпретационной функции Комиссии и её роли в кодификации международного права, а также критический анализ регионального аспекта работы Комиссии в трудах J. Barkholdt[95]. Вклад Комиссии в развитие международного права рассматривается в работах M. Forteau[96], а деятельность самой Комиссии — через призму её современного

---

87 *Carvalho F. F.* Regional International Organizations and Regionalism in the Theory of International Law // International Organizations Law Review. Vol. 21. 2024. No. 1. P. 115–131.

88 *Engel U.* Regionalism and Regional Organizations // Spatial Formats under the Global Condition / ed. by M. Middell, S. Marung. Berlin ; Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2019. P. 310–333.

89 *Hettne B.*, *Söderbaum F.* The UN and Regional Organizations in Global Security: Competing or Complementary Logics? // Global Governance. Vol. 12. 2006. No. 3. P. 227–232.

90 *Telò M.* Regional Organizations and Inter-Regional Relations: Competitive Models or a Bottom-Up Change of Multilateral Global Governance? // Belgeo. 2020. No. 4. URL: https://journals.openedition.org/belgeo/43943 (дата обращения: 25.12.2025).

91 *Wyse C.* The African Union's Right of Humanitarian Intervention as Collective Self-Defense // Chicago Journal of International Law. Vol. 19. 2018. No. 1. P. 295–332.

92 *Jančić D.* The Game of Cards: National Parliaments in the EU and the Future of the Early Warning Mechanism and the Political Dialogue //Common Market Law Review. Vol. 52. 2015. No. 4. P. 939–975.

93 *Kohler M.* European Governance and the European Parliament: From Talking Shop to Legislative Powerhouse // Journal of Common Market Studies. Vol. 52. 2014. No. 3. P. 600–615.

94 *Azaria D.* "Codification by Interpretation": The International Law Commission as an Interpreter of International Law // European Journal of International Law. Vol. 31. 2020. No. 1. P. 171–200.

95 *Barkholdt J.* Is the International Law Commission Taking Regionalism Seriously (Enough)? // Goettingen Journal of International Law. Vol. 12. 2022. No. 1. P. 153–187.

96 *Forteau M.* Comparative International Law Within, Not Against, International Law: Lessons from the International Law Commission // American Journal of International Law. Vol. 109. 2015. No. 3. P. 498–513.

функционирования — в исследованиях члена Комиссии P. Šturma[97]. Существенное значение имеют труды Специального докладчика Комиссии D. Tladi[98], в которых анализируются методологические аспекты работы Комиссии, включая подготовку проекта выводов по нормам *jus cogens*. Вопросы универсализма и регионализма в рамках КМП также поднимаются в работах J. Crawford[99], а региональные подходы к общим принципам — в исследованиях M. De Andrade[100].

Отдельное направление зарубежной доктрины посвящено региональным императивным нормам. К числу зарекомендовавших себя работ в этой сфере относятся исследования R. Kolb[101], в которых *jus cogens* рассматривается как юридическая техника, и труды U. Linderfalk[102], раскрывающего последствия действия императивных норм. Расширенная дискуссия о региональных аспектах

---

97 *Šturma P.* The International Law Commission Between Codification, Progressive Development, or a Search for a New Role // FIU Law Review. Vol. 13. 2019. No. 6. P. 1125–1135.

98 *Tladi D.* Codification, Progressive Development, New Law, Doctrine, and the Work of the International Law Commission on Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens): Personal Reflections of the Special Rapporteur // FIU Law Review. Vol. 13. 2019. No. 6. P. 1137–1150; *Tladi D.* The ILC's Draft Conclusions on Peremptory Norms of General International Law: Personal Reflections of the Special Rapporteur // Austrian Review of International and European Law Online. Vol. 24. 2021. No. 1. P. 121–140.

99 *Crawford J.* Universalism and Regionalism from the Perspective of the Work of the International Law Commission // International Law on the Eve of the Twenty-first Century. Views from the International Law Commission. New York : United Nations, 1997. P. 99–121.

100 *De Andrade M. C.* Regional Principles of Law in the Works of the International Law Commission // Questions of International Law. Vol. 86. 2021. P. 23–46.

101 *Kolb R.* Peremptory Norms as a Legal Technique Rather than Substantive Super-Norms // Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens) Disquisitions and Disputations / ed. by D. Tladi. Leiden : Brill, 2021. P. 21–43.

102 *Linderfalk U.* The Effect of *Jus Cogens* Norms: Whoever Opened Pandora's Box, Did You Ever Think About the Consequences? // European Journal of International Law. Vol. 18. 2008. No. 5. P. 853−871; *Linderfalk U.* Understanding the *Jus Cogens* Debate: The Pervasive Influence of Legal Positivism and Legal Idealism // Netherlands Yearbook of International Law / ed. by M. Heijer, H. van der Wilt. The Hague : T.M.C. Asser Press, 2015. P. 51–84.

jus cogens развита в работах R. Hasmath[103], L. Lima, L. Marotti[104], A. Zouapet[105] и других зарубежных авторов.

Развитие доктрины региональных общих принципов права также отражено в зарубежной литературе. Среди основных авторов, сформировавших современное понимание региональных общих принципов, следует выделить S. Besson[106], изучающую общие принципы права и обычай в праве ЕС, E. Bjorge[107], который анализирует формирование общих принципов внутри международной системы, и E. Castellarin[108], сопоставляющего общие принципы международного права и права ЕС. Существенный вклад в разработку данной темы внесли также P. Craig[109], A. Cuyvers[110], C. Eggett[111], X. Groussot[112], J. A. Gutiérrez-Fons[113], а

---

[103] *Hasmath R.* The Utility of Regional Peremptory Norms in International Affairs. Paper presented at American Political Science Association Annual Meeting, 30 August — 2 September 2012, New Orleans. URL: https://ssrn.com/abstract=1366803 (дата обращения: 25.12.2025).

[104] *Lima L. C.*, *Marotti L.* An Unlikely Duo? Regionalism and Jus Cogens in International Law // Goettingen Journal of International Law. Vol. 12. 2022. No. 1. P. 219–239.

[105] *Zouapet A. K.* To Be or Not to Be Imperative: *Jus Cogens* Between Universal Vocation and Regional Claims // Questions of International Law. Vol. 86. 2021. P. 47–70.

[106] *Besson S.* General Principles and Customary Law in the EU Legal Order // General Principles of Law: European and Comparative Perspectives / ed. by S. Vogenauer, S. Weatherill. Oxford : Hart Publishing, 2017. P. 105–129.

[107] *Bjorge E.* General Principles of Law Formed Within the International Legal System // International & Comparative Law Quarterly. Vol. 72. 2023. No. 4. P. 845–867.

[108] *Castellarin E.* General Principles of EU Law and General International Law // General Principles of Law and the Coherence of International Law / ed. by M. Andenas, M. Fitzmaurice, A. Tanzi, J. Wouters. Leiden ; Boston : Brill, 2019. P. 131–148.

[109] *Craig P.* General Principles of Law: Treaty, Historical and Normative Foundations // Research Handbook on General Principles of EU Law: Constructing Legal Orders in Europe / ed. by K. S. Ziegler, P. J. Neuvonen, V. Moreno-Lax. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 25–39.

[110] *Cuyvers A.* General Principles of EU Law // East African Community Law: Institutional, Substantive and Comparative EU Aspects / ed. by E. Ugirashebuja, J. E. Ruhangisa, T. R. Ottervanger, A. Cuyvers. Leiden ; Boston : Brill Nijhoff, 2017. P. 217–228.

[111] *Eggett C.* General Principles and the Interpretation of CIL // Customary International Law and Its Interpretation by International Courts: Theories, Methods and Interactions / ed. by M. Fortuna, K. Gorobets, P. Merkouris, A. Føllesdal, G. Ulfstein, P. Westerman. Cambridge : Cambridge University Press, 2024. P. 239–262.

[112] *Groussot X.* General Principles of Community Law. Groningen : Europa Law Publishing, 2006. 480 p.

[113] *Gutiérrez-Fons J. A.*, *Lenaerts K.* The Constitutional Allocation of Powers and General Principles of EU Law // Common Market Law Review. Vol. 47. 2010. No. 6. P. 1629–1669.

также P. Neuvonen и K. Ziegler[114], которые исследуют роль и развитие общих принципов в правопорядке ЕС и их региональную специфику. Вопросы иерархии норм и взаимодействия общих принципов с правовой системой ЕС находятся в поле зрения J. Ziller[115], а более широкое международно-правовое измерение общих принципов права, их место в системе международного права и соотношение с другими источниками международного права представлено в исследовании X. Shao[116] и трудах M. Wood[117].

C. Giorgetti[118], F. Megret[119], A. Müller[120] и A. Orakhelashvili[121] анализируют эволюцию статуса индивида и его превращение из «объекта» в субъекта международного правопорядка с ограниченным объёмом прав.

Среди работ, посвящённых проблеме международной ответственности применительно к правопорядкам региональных интеграционных объединений, следует отметить исследования N. Nedeski[122], а также P. Palchetti[123], анализирующего ответственность международных организаций и их членов

---

[114] *Neuvonen P. J.*, *Ziegler K. S.* General Principles in the EU Legal Order: Past, Present, and Future Directions // Research Handbook on General Principles of EU Law: Constructing Legal Orders in Europe / ed. by K. S. Ziegler, P. J. Neuvonen, V. Moreno-Lax. P. 7–24.

[115] *Ziller J.* Hierarchy of Norms: Hierarchy of Sources and General Principles in European Union Law // Verfassung und Verwaltung in Europa: Festschrift für Jürgen Schwarze zum 70. Geburtstag / hrsg. von U. Becker, A. Hatje, M. Potacs, N. Wunderlich. Baden-Baden : Nomos, 2014. P. 334–352.

[116] *Shao X.* What We Talk about When We Talk about General Principles of Law // Chinese Journal of International Law. Vol. 20. 2021. No. 2. P. 219–255.

[117] *Wood M.* Customary International Law and the General Principles of Law Recognized by Civilized Nations // International Community Law Review. Vol. 21. 2019. No. 3–4. P. 307–324.

[118] *Giorgetti C.* Rethinking the Individual in International Law // Lewis & Clark Law Review. Vol. 22. 2019. No. 4. P. 1085–1149.

[119] *Mégret F.* The Subjects of International Criminal Law // International Criminal Law in Context / ed. by P. Kastner. Abingdon ; New York : Routledge, 2018. P. 28–45.

[120] *Müller A. T.* Kate Parlett, The Individual in the International Legal System. Continuity and Change in International Law // European Journal of International Law. Vol. 23. 2012. No. 1. P. 294–299.

[121] *Orakhelashvili A.* The Position of the Individual in International Law // California Western International Law Journal. Vol. 31. 2001. No. 2. P. 241–276.

[122] *Nedeski N.* Shared Obligations and the Responsibility of an International Organization and Its Member States: the Case of EU Mixed Agreements // International Organizations Law Review. Vol. 18. 2021. No. 2. P. 139–178.

[123] *Palchetti P.* The Allocation of International Responsibility in the Context of Investor-State Dispute Settlement Mechanisms Established by EU International Agreements // European Business Law Review. Vol. 28. 2017. No. 2. P. 185–195.

в контексте смешанных соглашений. Вопросы ответственности в рамках ВТО рассматриваются в трудах P. Kuyper[124], A. Mitchell[125] и K. Turner[126]. Отдельные аспекты ответственности в рамках заключённых ЕС смешанных соглашений раскрыты в исследованиях Y. Kaspiarovich и N. Levrat[127].

В иностранной литературе консультативная юрисдикция рассматривается как важный канал «мягкого» нормотворчества международных и региональных судов. Теоретические основы консультативных заключений Международного Суда ООН освещаются в работах A. Aust[128], D. Lenefsky[129], T. Mayr и J. Mayr-Singer[130] и других исследователей. Региональный аспект консультативной юрисдикции наиболее полно анализируется в работах J. Pasqualucci[131] и J. Schmid[132].

Проблематика исполнения решений международных судов анализируется в работах A. Huneeus[133], A. Tanzi[134] и других авторов, изучающих реакцию

---

[124] *Kuyper P. J.* The Law of GATT as a Special field of International Law: Ignorance, Further Refinement or Self-Contained System of International Law? // Netherlands Yearbook of International Law. Vol. 25. 1994. P. 227–257.

[125] *Mitchell A. D.* Proportionality and Remedies in WTO Disputes // European Journal of International law. Vol. 17. 2006. No. 5. P. 985–1008.

[126] *Turner K.* The Scope of Compliance Proceedings under the WTO Dispute Settlement Understanding: What Are “Measures Taken to Comply”? //Asper Review of International Business and Trade Law. Vol. 12. 2012. P. 170–204.

[127] *Kaspiarovich Y.*, *Levrat N.* European Union Mixed Agreements in International Law under the Stress of Brexit // European Journal of Legal Studies. Vol. 13. 2021. No. 2. P. 121–150.

[128] *Aust A.* Advisory Opinions // Journal of International Dispute Settlement. Vol. 1. 2010. No. 1. P. 123–151.

[129] *Lenefsky D.* Advisory Opinions as a Problem Solving Process // Villanova Law Review. Vol. 11. 1966. No. 3. P. 525–545.

[130] *Mayr T. F.*, Mayr-*Singer J.* Keep the Wheels Spinning: The Contributions of Advisory Opinions of the International Court of Justice to the Development of International Law // Heidelberg Journal of International Law. Vol. 76. 2016. No. 2. P. 425–449.

[131] *Pasqualucci J. M.* The Advisory Practice of the Inter-American Court of Human Rights: Contributing to the Evolution of International Human Rights Law // Stanford Journal of International Law. Vol. 38. 2002. No. 2. P. 241–288.

[132] *Schmid J. C.* Advisory Opinions on Human Rights: Moving Beyond a Pyrrhic Victory // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 16. 2006. No. 2. P. 415–456.

[133] *Huneeus A.* Compliance with Judgments and Decisions // The Oxford Handbook of International Adjudication / ed. by C. P. R. Romano, K. J. Alter, Y hany. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 437–463.

[134] *Tanzi A.* Problems of Enforcement of Decisions of the International Court of Justice and the Law of the United Nations// European Journal of International Law. Vol. 6. 1995. No. 4. P. 539–572.

национальных конституционных судов на решения Суда ЕС и другие акты наднациональных судебных органов.

Анализ вышеприведённой отечественной и зарубежной литературы свидетельствует, что на данный момент отсутствуют комплексные исследования, посвящённые проблемам регионализма и его нормативному проявлению в виде существования в международном праве особых систем правовых норм, формирующих правопорядки региональных международных организаций экономической интеграции с собственными источниками права, собственным подходом к категории общих принципов права, самостоятельными механизмами ответственности и специфическими формами правосубъектности, а также необходимости осмысления взаимодействия региональных и универсальных норм международного права, включая вопросы императивных норм, общих принципов права и распределения ответственности между государствами и интеграционными объединениями.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разработка концепции нормативного регионализма через призму свойств и особенностей права Евразийского экономического союза как международной организации региональной экономической интеграции с учётом объективных современных тенденций в международном праве. Для достижения данной цели автором поставлены следующие задачи:

1) определить понятие и особенности проявления регионализма в международном праве, соотношения и взаимодействия универсального и регионального правового регулирования, раскрыть понятие «нормативный регионализм» и его сущностные характеристики, установить значение региональных норм международного права в деятельности Комиссии международного права ООН и её роль в поддержании баланса между универсальным и региональным правовым регулированием;

2) выявить региональные аспекты деятельности универсальных международных организаций на примере ООН, а также особенности международных региональных организаций экономической интеграции как

особой подгруппы международных организаций, установить критерии для отнесения организаций в эту подгруппу, показать закономерности их развития с точки зрения увеличения объёма их компетенции и влияющих на это факторов;

3) систематизировать региональные нормы как основу системы правовых норм региональной международной организации, включая региональные императивные нормы, общие принципы права как источник права ЕАЭС и нормы регионального публичного порядка;

4) выявить проблемы правосубъектности в региональных интеграционных объединениях в сравнении с общим представлением о правосубъектности в международном праве, установить особенности правосубъектности частных лиц, включая статус международных служащих, в региональных интеграционных объединениях и роль парламентского контроля в обеспечении правопорядка Евразийского экономического союза;

5) определить и систематизировать основные проблемы права международной ответственности в его преломлении на правовую систему Евразийского экономического союза, провести сравнительно-правовой анализ норм об ответственности на примере Всемирной торговой организации и Европейского союза, включая положения о *lex specialis* в праве международной ответственности, выявить особенности смешанных соглашений ЕАЭС с третьими странами и проблемы ответственности Союза и государств — членов ЕАЭС, возникающие в связи с заключением данных соглашений;

6) установить роль Суда Евразийского экономического союза как институциональной основы для развития права Евразийского экономического союза, проанализировав его отдельные полномочия, связанные с консультативной юрисдикцией и исполнением решений, выявить пути взаимодействия Суда ЕАЭС с конституционными судами государств — членов ЕАЭС в части исполнения решений Суда ЕАЭС и их правового значения в национальных правопорядках государств — членов Союза на примере подходов Конституционного Суда Российской Федерации.

Объектом диссертационного исследования выступают отношения между государствами, а также между государствами и международными межправительственными организациями, складывающиеся в процессе регионального сотрудничества, включая процессы формирования и функционирования права региональных интеграционных объединений, таких как Евразийский экономический союз и Европейский союз, а также отношения с участием частных лиц в рамках правовых систем данных объединений.

Предметом диссертационного исследования являются теоретико-правовые основы и закономерности нормативного регионализма, раскрывающиеся в формировании, структуре и функционировании правовых систем региональных интеграционных объединений, прежде всего на примере права Евразийского экономического союза, включая особенности его норм и принципов, правосубъектность частных лиц, механизмы ответственности, а также роль Суда ЕАЭС во взаимодействии с высшими судебными органами государств-членов.

Методологическая основа диссертационного исследования. При проведении исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе, исторический, сравнительно-правовой, социологический, формально-логический методы познания. Исследуемые явления рассматривались в единстве и целостности, поэтому использовались метод структурно-функционального анализа и системный подход к рассмотрению правовых явлений. Системный характер методологии также выражается в ориентации исследования на правоприменительную практику и использовании аналитического инструментария, направленного на выявление и осмысление реально функционирующих процессов и явлений. При проведении диссертационного исследования автор руководствовался концептуальными положениями общей теории государства и права, международного права и международного экономического права.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды отечественных учёных — специалистов в области международного права Абашидзе А. Х., Абдуллина А. И., Авхадеева В. Р., Ануфриевой Л. П.,

Байкова А. А., Бекяшева К. А., Боброва Ю. В., Боклан Д. С., Бруна М. И., Верещетина В. С., Глотовой С. В., Дурденевского В. Н., Дьяченко Е. Б., Захаровой Н. В., Игнатенко Г. В., Исполинова А. С., Калиниченко П. А., Капустина А. Я., Карташкина В. А., Кешнер М.В., Кожевникова Ф. И., Кожеурова Я. С., Колоса Д. Г., Корецкого В. М., Коробовой М. А., Кремнева П. П., Лифшица И. М., Лукашука И. И., Мартенса Ф. Ф., Мюллерсона Р. А., Нефёдова Б.И., Нешатаевой Т. Н., Павловой Н. В., Пименовой С. Д., Поповой А. Н., Ромашева Ю. С., Самович Ю. В., Саидова А. Х., Симоновой Н. С., Смбатян А. С., Соколовой Н. А., Солнцева А. М., Толстых В. Л., Тункина Г. И., Тюриной Н. Е., Чайки К. Л., Черниченко С. В., Шестакова Л. Н., Шибаевой Е. А., Шинкарецкой Г. Г., Шумилова В. М., Энтина К. В., Энтина Л. М., Энтина М. Л.

Автор руководствовался также работами таких зарубежных юристов, как A. Aust, D. Azaria, B. Allen, J. Ahman, M. C. De Andrade, R. Barkholdt, C. Baudenbacher, S. Bardutzky, G. Bermann, S. Besson, E. Bjorge, M. Björklund, A. Bobić, C. M. Brölmann, R. Brewster, I. Brownlie, R. Buchan, F. F. Carvalho, E. Castellarin, F. Chatzistavrou, A. Christopoulou, A. Contesse, P. Craig, J. Crawford, A. Cuyvers, A. Cygan, M. C. R. de Lang, E. de Wet, R. O. F. Derler, L. Dopplinger, C. Eggett, U. Engel, F. Ferretti, O. K. Fauchald, M. Fink, T. Flynn, A. Follesdal, M. Forteau, H. Freudenschuß, N. Gal-Or, M. Ghantous, F. Ghodoosi, C. Giorgetti, C. Gray, D. Grimm, X. Groussot, J. A. Gutiérrez-Fons, R. Hasmath, B. Hettne, T. Hoško, A. P. Huneeus, A. Jancic, A. Júnior, M. Kamiyama, A. Karatzia, Y. Kaspiarovich, T. Keresteš, C. Kessedjian, N. Knight, M. Kohler, R. Kolb, G. Kübek, P. Kuyper, M. Lachs, N. Lanzoni, D. Lenefsky, L. C. Lima, U. Linderfalk, A. P. Llamzon, G. Martinico, T. Mayr, J. Mayr-Singer, F. Megret, A. Mitchell, A. Müller, C. I. Nagy, N. Nedeski, P. J. Neuvonen, J. Odermatt, K. Oellers-Frahm, L. Oppenheim, A. Orakhelashvili, O. Osiemo, P. Palchetti, D. Panke, J. Pasqualucci, D. Petrić, W. Phelan, S. Romano, C. L. Rozakis, T. Ruys, A. Soete, T. R. Schäffer, J. Schmid, C. Schreuer, X. Shao, S. Sieberson, R. Simo, B. Simma, F. Söderbaum,

P. Šturma, D. Tladi, K. Turner, N. van der Waarden, M. Virally, A. von Verdross, M. Wood, J. Wouters, C. Wyse, K. S. Ziegler, J. Ziller, A. Zouapet.

Нормативно-правовую базу представленного диссертационного исследования составляют международные договоры, обычные нормы международного права, общие принципы права и обязательные резолюции международных организаций, а также акты национального законодательства.

Эмпирическая база исследования. В работе были использованы решения международных судов и иных органов по разрешению споров, а также решения национальных судебных органов. При подготовке диссертации была проанализирована информация, размещённая на официальных порталах и сайтах международных межправительственных организаций, включая собираемые и обобщаемые ими статистические данные, аналитические сведения, результаты научных и научно-практических исследований и мероприятий, а также иная информация, опубликованная в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», по вопросам регионального сотрудничества государств.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной науке международного права установлено, что термин «регионализм» эволюционировал, и что в современных условиях территориальный критерий в контексте регионального сотрудничества потерял своё ключевое значение, он стал применяться ко всем соглашениям группы стран, имеющих общие интересы и/или цели, а также использующие для достижения этих целей (интересов) собственные правовые нормы ограниченного круга применения. В этой связи обосновано, что на первый план выступает концепция нормативного регионализма как особой формы регионализма в его позитивном и негативном значении, в том числе с точки зрения наличия собственных источников соответствующей региональной правовой системы, которые по своему составу и иерархии могут отличаться от перечня источников общего международного права. На примере права ЕАЭС предложено использовать

термин «нормативный регионализм» для анализа специфики права международной организации региональной экономической интеграции.

Установлено, что региональные правовые системы могут включать положения, соответствующие критериям императивных норм, установленным статьёй 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, но имеющие при этом другое название, защищающие ценности фундаментального характера для этой группы государств, а также региональные общие принципы права в качестве самостоятельного источника права региональных интеграционных объединений.

Обосновано положение о том, что нормативный регионализм в части региональных интеграционных объединений (таких как ЕС и ЕАЭС) проявляется также в появлении в праве этих объединений локальной правосубъектности частных лиц, которая возникает в силу принимаемых институтами этого объединения нормативных актов общего применения, непосредственно действующих в национальных правопорядках государств-членов, заменяя национальные правовые акты в соответствующей области. Кроме того, учитывая особенности правосубъектности частных лиц (как физических, так и юридических лиц), которые в настоящее время имеют права и обязанности в ряде отраслей современного международного права (их отраслевая правосубъектность либо уже признана, либо активно обсуждается среди специалистов этих отраслей), предложено сместить фокус дискуссии с правосубъектности индивида (то есть физических лиц) на более общую проблему правосубъектности частных лиц в международном праве.

Исследование международной ответственности в условиях регионализма позволило установить, что её традиционная модель, закреплённая в Статьях об ответственности государств, разработанных Комиссией международного права, дополняется и модифицируется в региональных и специальных правопорядках.

Анализ практики консультативных заключений органов международного правосудия, включая Суд ЕАЭС, позволил определить, что правовые позиции, воплощенные в консультативные заключения Суда ЕАЭС, приобретают характер

erga omnes, и их интерпретационная значимость постепенно усиливается. Последовательное обоснование вопросов правовых последствий принятых международными судами решений и порядка их исполнения позволило раскрыть проблематику расхождения позиций судов интеграционных объединений и высших национальных судов государств-членов в оценке правовых последствий решений судов интеграционных объединений в национальных правопорядках государств-членов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Понятие «регионализм» со временем заметно трансформировалось: территориальный критерий в контексте регионального сотрудничества потерял своё ключевое значение, и термин «регионализм» стал применяться ко всем соглашениям группы стран, имеющих общие интересы и/или цели, а также использующих для достижения этих целей (интересов) собственные правила ограниченного круга применения. Кроме того, регионализм перестал ассоциироваться исключительно с опытом Европейского союза, который уже не воспринимается как однозначно позитивный пример, в то время как «новый регионализм», следуя логике построения многополярного мира, исходит из множества модальностей регионального сотрудничества, сохраняя при этом главные характеристики регионализма — ограниченный круг участников и наличие собственных норм, регулирующих отношения между этими участниками.

2. На фоне объективных ограничений, с которыми сталкиваются попытки объяснить специфику права региональных интеграционных объединений через призму их автономности, несомненный научный потенциал приобретает концепция нормативного регионализма, которая может быть использована для объяснения разнообразия и особенностей правопорядков международных организаций региональной экономической интеграции. Этот потенциал особенно очевиден при анализе правопорядка ЕАЭС, который не рассматривается как автономный по аналогии с правом ЕС, но при этом имеет сходные черты: собственные источники права, субъектный состав и механизмы ответственности.

Выделение нормативного регионализма в качестве особой формы регионализма не только предполагает в его позитивном значении наличие особых норм или принципов, которые были бы обязательны лишь для государств — членов регионального объединения, но и в негативном значении требование группы государств определённого географического района не применять к ним универсальные нормы или принципы. Нормативный регионализм основан в том числе и на собственных источниках регионального права, которые по составу и иерархии могут отличаться от перечня универсальных источников международного права, в число которые могут входить региональные договоры, региональные обычаи и региональные общие принципы права. Регионализм и региональные подходы к международному праву в современных геополитических условиях являются не угрозой, а возможностью для эволюции международного права.

3. Региональные правовые системы могут включать положения, соответствующие критериям императивных норм, установленным статьёй 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, но имеющие при этом другое название, защищающие ценности фундаментального характера для этой группы государств, которые принимаются к исполнению этими государствами как обязательные и не подлежат изменению даже соглашением сторон, что серьёзным образом влияет на незыблемость аксиомы об универсальности *jus cogens*. В современном международном праве возможно существование нескольких категорий норм, императивных по своему характеру и по последствиям, но с разными названиями. Таким образом, в рамках международной правовой системы могут существовать не только универсальные императивные нормы, но и такие императивные нормы, которые могут быть адаптированы к специфическим условиям и интересам определённых групп государств. В силу своей специфики региональные императивные нормы могут быть более гибкими и учитывать уникальные политические, экономические и культурные особенности стран определённого региона.

Решение вопросов иерархии универсальных и региональных *jus cogens* и возможных нормативных конфликтов будет зависеть от общего отношения конкретного регионального правопорядка к международному праву и степени его автономности. В этой связи необходим плюралистский подход к таким ситуациям, отражающий концепцию многополярного мира, при котором спектр возможных вариантов будет варьироваться от признания приоритета универсальных императивных норм с допущением исключения в виде региональных императивных норм до признания приоритета региональных императивных норм как следствия действия общеправового принципа *lex specialis derogat generali,* исключающего применение универсальных императивных норм.

4. Статья 38 Статута Международного Суда ООН не исключает существования общих принципов права с ограниченной территориальной сферой применения, в связи с чем отсутствуют основания для исключения региональных общих принципов права из источников права региональных правопорядков, при этом региональные общие принципы права могут возникать либо на основе региональных международных соглашений, либо в рамках региональных международных организаций, и методы их идентификации могут отличаться от методологии установления универсальных общих принципов права любой категории.

Региональные общие принципы права могут быть выявлены и разработаны на основе практики, связанной с конкретным региональным договором или региональной организацией, и могут быть процессуальными или материальными. Региональные общие принципы права в первую очередь должны способствовать интеграции внутри региональных правовых систем, заполняя институциональные или правовые пробелы, тем самым повышая согласованность и устойчивость внутри данных правовых систем. При этом региональные общие принципы права могут рассматриваться как *lex specialis*, исключающие или ограничивающие применение общих принципов права, имеющих универсальный характер.

5. В качественном аспекте общие принципы права региональных интеграционных объединений (таких как ЕС и ЕАЭС, где эти принципы

формулируются соответствующими судами) по сравнению с общими принципами права в международном праве выполняют как частично совпадающие, так и совершенно отличные функции. Если к совпадающим функциям можно отнести применение этих принципов для целей толкования и устранения пробелов, равно как признание их самостоятельным источником международного права, то использование принципов права интеграционных объединений в качестве отдельного основания для судебного контроля правомерности нормативных актов институтов таких объединений и в качестве самостоятельного основания для ответственности государств — членов объединений применительно к общим принципам права в международном праве неизвестно.

Отличием общих принципов права региональных интеграционных объединений от общих принципов права универсального характера является их особый иерархический статус в региональных правопорядках. Если Комиссия международного права ООН в своём проекте выводов говорит о том, что общие принципы права не находятся в иерархическом соотношении с международными договорами и обычаями, то общие принципы права региональных интеграционных объединений рассматриваются как особая категория норм, которые находятся выше нормативных актов, принимаемых институтами таких объединений, и заключаемых такими объединениями международных договоров.

Общие принципы права в понимании Комиссии международного права ООН, с одной стороны, а также общие принципы права ЕС и права ЕАЭС, с другой стороны, сближает то, что определяющую роль в выявлении этих принципов и их применении играют международные суды, которые благодаря этой категории правовых норм получают значительные полномочия по заполнению пробелов в праве, что зачастую может находиться на грани судебного нормотворчества и потому встретить негативную реакцию государств.

6. В том, что касается доктрины общих принципов права ЕАЭС, разрабатываемой Судом ЕАЭС, то эти принципы можно отнести к категории общих принципов права, имеющих региональное применение по смыслу проекта

вывода 12, предложенного Комиссией международного права. При этом, как показывает практика этого Суда, у общих принципов права ЕАЭС на данный момент ограниченный функционал, они используются для толкования норм ЕАЭС и как самостоятельное основание для судебного контроля актов институтов ЕАЭС. Суд ЕАЭС пока воздерживается от применения доктрины общих принципов права ЕАЭС в качестве инструмента для заполнения пробелов, вероятно, желая избежать обвинений со стороны государств — членов ЕАЭС в судебном нормотворчестве. Возможно, эта ситуация изменится в будущем. Кроме того, Суду ЕАЭС также предстоит решить вопрос о месте общих принципов права в иерархии норм права Союза, а также о способах разрешения коллизий в случае противоречия между универсальными общими принципами права (например, в трактовке Международного Суда ООН), и общими принципами права Союза (в толковании Суда ЕАЭС), или в случае, если имеются различия в понимании их содержания.

7. Применительно к региональным интеграционным объединениям нормативный регионализм проявляется также в появлении локальной правосубъектности частных лиц в правопорядках этих объединений. Локальная правосубъектность возникает в силу того, что принимаемые институтами этого объединения нормативные акты общего применения, которые непосредственно действуют в национальных правопорядках государств-членов, заменяя национальные правовые акты в соответствующей области. Такие акты будут применяться всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого объединения, в том числе и частными лицами как в их отношениях с государством (по вертикали), так между собой (по горизонтали), а также национальными судами как применимое право при разрешении споров, в том числе между частными лицами.

8. Общее международное право не содержит запрета как на общую правосубъектность частных лиц, так и её региональные (локальные) проявления. Традиционный для международной правосубъектности критерий участия в создании норм международного права в данном случае, во-первых, не

является определяющим, во-вторых, этот критерий находит своё выражение в различных институциональных механизмах, создаваемых в рамках таких объединений, к которым можно отнести создание представительных органов на уровне объединения, механизмы для побуждения органов объединения принять определённый правовой акт, соучастие национальных парламентов, представляющих интересы частных лиц государств — участников таких объединений в процессе создания соответствующих правовых норм, а также соучастие граждан в принятии таких норм путём выражения своего согласия на референдуме.

Частные лица (как физические, так и юридические) в настоящее время имеют права и обязанности в ряде отраслей современного международного права, и их отраслевая правосубъектность либо уже признана, либо активно обсуждается среди специалистов этих отраслей, причём объём правосубъектности частных лиц варьируется в зависимости от отрасли международного права и в целом имеет тенденцию к расширению — как в отношении её содержания, так и в процессуальном отношении. Это даёт основания утверждать, что более правильным подходом было бы смещение фокуса дискуссии с правосубъектности индивида (то есть физических лиц) на более общую проблему правосубъектности частных лиц в международном праве.

9. Право международной ответственности не может рассматриваться исключительно с точки зрения содержания разработанных Комиссией международного права ООН Статей об ответственности государств или международных организаций либо авторитетных комментариев к ним. Применение норм о международной ответственности на практике зависит в том числе и от особенностей правовых систем, где реализуется ответственность государств и других субъектов. Правопорядки интеграционных объединений, таких как ЕС и ЕАЭС, подразумевают наличие собственных средств защиты нарушенных прав, которые в корне отличаются от традиционного международного права, что либо исключает применение к институту ответственности в таких правовых системах норм общего международного

права, включая положения Статей об ответственности, либо означает, что эти положения применяются только в той степени, в какой они не противоречат нормам регионального права, или в случаях, которые им не урегулированы.

10. Необходимость дальнейшего развития и углубления евразийской интеграции подразумевает, что в рамках ЕАЭС должны быть созданы эффективные механизмы устранения допущенных нарушений прав субъектов права ЕАЭС, которыми являются не только государства — члены ЕАЭС и сам Союз и его органы, но и частные лица, включая возмещение понесённого ими ущерба в результате таких нарушений. Для этого, безусловно, необходимы подготовка и внесение изменений в действующую правовую базу Евразийского экономического союза, что позволит сформировать *lex specialis* в правопорядке ЕАЭС в отношении международной ответственности.

11. Соглашения, заключаемые ЕАЭС и его государствами-членами с третьими сторонами, при решении ими возможных сценариев присвоения поведения за нарушения норм этих соглашений регулируют лишь вопросы о надлежащем ответчике (и то лишь частично, разрешая при этом подать иск по усмотрению заявителя одновременно к ЕАЭС и к государству — члену Союза). В отсутствие чётких договорных правил присвоения поведения арбитражные группы окажутся перед необходимостью решать этот вопрос самостоятельно, используя для этого либо Статьи об ответственности международных организаций 2011 года, либо очень проблематичную практику ВТО в отношении ЕАЭС. Учитывая тенденцию использования на региональном уровне аналога механизма разрешения споров ВТО, можно предположить, что второй вариант является более вероятным. В этом случае речь пойдёт о солидарных обязательствах и о солидарной ответственности ЕАЭС и его государств-членов за нарушение заключённых ими соглашений с третьими странами.

12. Практика консультативных заключений органов международного правосудия, включая Суд ЕАЭС, ставит под сомнение представление о консультативной юрисдикции как дополнительной по отношению

к юрисдикции по рассмотрению споров. Консультативная юрисдикция имеет огромный потенциал, однако эффективное использование этой юрисдикции зависит как от условий её реализации, изложенных в документах конкретного международного суда, так и от желания и умения всех заинтересованных сторон (в случае Суда ЕАЭС таковыми являются ЕЭК и государства — члены Союза) её использовать. При этом установление консультативной юрисдикции в учредительных документах того или иного суда само по себе не гарантирует её широкое использование данным судом.

В том, что касается правового эффекта консультативных заключений, не имеющих, по общему правилу, обязательной юридической силы, можно говорить об убедительности таких заключений и об их принятии государствами, входящими в тот или иной международный правопорядок, причём эта убедительность (правовой эффект, правовое значение) заключений не является постоянной величиной для всех международных судов, обладающих соответствующей компетенцией. Она варьируется от суда к суду в зависимости от их авторитета и репутации, от того, оказывает ли суд влияние на всё международное право, как Международный Суд ООН, или имеет влияние лишь в рамках секторальных или региональных интеграционных правопорядков, как Суд ЕАЭС. Такие консультативные заключения может ждать как полное забвение и игнорирование, так и их повсеместное признание государствами и доктриной как кардинально изменивших ту или иную отрасль международного права или тот или иной правопорядок.

13. В случае Суда ЕАЭС особое значение имеют консультативные заключения, в которых Суд посредством своих правовых позиций формулирует доктрины права Союза, такие как приоритет права Союза и непосредственное действие (прямой эффект) норм права ЕАЭС, выполняя тем самым свою основную миссию по выстраиванию целостного, устойчивого и эффективного правопорядка ЕАЭС. Несмотря на то что консультативные заключения Суда ЕАЭС не имеют обязательной силы, им постепенно начинает придаваться всё больший вес и авторитет, особая интерпретационная значимость (*res*

interpretata), и, в отличие от решений по спорам, которые обязательны только для сторон спора, правовые позиции, положенные в основу консультативных заключений, с самого начала обладают характером *erga omnes*. Кроме того, консультативные заключения Суда ЕАЭС позволяют решить целый ряд инструментальных задач и в целом компенсировать ограничение государствами-членами юрисдикции Суда.

Консультативные заключения Суда ЕАЭС, содержащие концептуализацию общих вопросов, представляют собой нечто большее, чем толкование норм права в рамках конкретной ситуации, описываемой в запросе, поскольку такие заключения часто выходят за рамки чистого толкования норм права, а правовые позиции, положенные в их основу, отражают более широкие правовые аспекты: во-первых, они служат основой для будущих правовых позиций, влияя на развитие права ЕАЭС в целом, и, во-вторых, содержат интерпретацию основ права Союза и помогают установить и распространить стандарты поведения на участников правоотношений.

14. Вопросы о правовых последствиях принятых международными судами решений и порядке их исполнения приобретают особую актуальность применительно к судам региональной интеграции, таким как Суд ЕАЭС, которые определяют соответствие праву объединения актов его институтов, действующих в установленных государствами сферах в правопорядках государств непосредственно и применяемых частными лицами в отношениях между собой, а также национальными судами при разрешении споров. Как показывает практика, у судов интеграционных объединений и высших национальных судов, осуществляющих контроль правомерности актов органов этих объединений, может возникнуть разное прочтение правовых последствий решений судов интеграционных объединений для национальных правопорядков государств — членов таких объединений. Особенно, как это видно из практики Суда ЕАЭС, велик риск возникновения таких конфликтных ситуаций в том случае, если эти вопросы нечётко урегулированы в учредительных документах суда объединения.

15. Практика Суда ЕАЭС по вопросам исполнения решений Суда ЕАЭС подтверждает, что государства при создании Суда не планировали включить стадию исполнения в общий процесс по рассмотрению спора в Суде Союза, оставив Суду лишь функцию по контролю над исполнением решения в виде возможности обращения в Высший Евразийский экономический совет. Суд ЕАЭС в позициях по поводу исполнения своих решений демонстрирует желание изменить существующий предусмотренный Статутом Суда порядок исполнения решений, считая обращение в Высший Евразийский экономический совет по ходатайству хозяйствующего субъекта исключительной мерой, к которой можно прибегать лишь в особых обстоятельствах, и толкует соответствующее положение Статута не как обязанность, а как право сделать это в том случае, если он сочтёт это необходимым. Такой подход обусловлен высокой степенью политизированности рассмотрения вопросов, связанных с неисполнением решений Суда, на уровне Высшего Евразийского экономического совета.

Теоретическая значимость исследования.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в развитии доктрины международного права в части осмысления концепции нормативного регионализма и его проявления в правопорядках региональных интеграционных объединений, а также в предложении использовать идею нормативного регионализма для анализа и объяснения разнообразия и особенностей правопорядков организаций региональной экономической интеграции. В работе через призму нормативного регионализма на примере права ЕАЭС формируется представление о специфике правопорядков организаций региональной экономической интеграции в части их субъектного состава, механизмов ответственности и источников права, включая региональные императивные нормы, общие принципы права и элементы публичного порядка — и их места в системе источников общего международного права.

Исследование расширяет теорию международной правосубъектности, обосновывая существование локальной правосубъектности частных лиц в региональных правопорядках, а также развивает доктрину международной

ответственности, показывая пределы и особенности применения универсальных норм ответственности в условиях действия *lex specialis* региональных интеграционных объединений.

Существенный вклад вносится в теорию международного правосудия: анализ консультативной юрисдикции и правовых последствий решений региональных судов, прежде всего Суда ЕАЭС, позволяет переосмыслить роль судебных органов в формировании и развитии региональных правопорядков.

Полученные теоретические положения формируют научную основу для дальнейшего изучения региональных интеграционных правопорядков и процессов фрагментации международного права в условиях многополярности.

Практическая значимость исследования.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его выводов и предложений для совершенствования правового регулирования Евразийского экономического союза и повышения эффективности функционирования его институтов. Разработанные в работе подходы к пониманию региональных норм, общих принципов права, публичного порядка, а также предложенная модель распределения ответственности между ЕАЭС и государствами-членами могут быть применены при подготовке изменений в Договор о ЕАЭС[135], акты Евразийской экономической комиссии и проекты международных соглашений Союза.

Выводы исследования представляют практическую ценность для деятельности Суда ЕАЭС, поскольку предлагают теоретически обоснованные решения вопросов консультативной юрисдикции, исполнения решений Суда и его взаимодействия с национальными судами государств-членов, что может способствовать формированию более устойчивой судебной практики и укреплению правопорядка Союза.

---

[135] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024). URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

Полученные результаты могут быть использованы государствами — членами ЕАЭС по вопросам, возникающим в связи с интеграционными процессами, в том числе при разрешении споров, имплементации актов органов Союза, осуществлении контроля за их соответствием праву ЕАЭС и разработке механизмов защиты прав частных лиц.

Кроме того, материалы диссертации могут быть интегрированы в образовательные программы по международному праву и праву ЕАЭС, способствуя подготовке специалистов в сфере правового обеспечения евразийской интеграции.

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты получены автором лично.

Достоверность результатов исследования. Детальный анализ правовых актов, практики их применения, доктринальных подходов, статистических данных, обоснованность методологии и методов исследования, постановка цели и задач исследования обусловливают достоверность полученных результатов, что также подтверждается их апробацией.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре международного права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные выводы и положения исследования отражены в 23 работах по теме, из них в 23 научных статьях (объемом 29 п.л.), опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Положения диссертационного исследования нашли отражение в докладах автора: «Суд Евразийского экономического союза и Конституционный Суд Российской Федерации: проблемы взаимодействия» (круглый стол на тему «Экономическая проблематика в практике Конституционного Суда РФ, Конституционного Суда (Конституционного Совета) Республики Казахстан и зарубежных органов конституционного контроля», Москва, 29 ноября 2025 года), «Можно ли говорить о существовании публичного порядка ЕАЭС?»

(VIII Международная конференция Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение верховенства права на пространстве ЕАЭС», Минск, Беларусь, 20–21 ноября 2025 года), «Человек не просто гражданин: к вопросу о статусе частных лиц в ЕАЭС» (Международная научная конференция Седьмые Баскинские чтения «Взаимодействие публичного и частного в современном правопорядке», Санкт-Петербург, 29 октября 2025 года), «Региональные аспекты деятельности Организации Объединённых Наций» (Ежегодная международная научно-практическая конференция Тункинские чтения «ООН: 80 лет на службе делу мира», Москва, 23 октября 2025 года, «Регионализм и “загадка” статьи 38(1)(c) Статута Международного Суда ООН» (IV Казанский международный юридический форум, сессия «Роль международного права в поддержании мира и безопасности в условиях вызовов современного миропорядка (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и образования Организации Объединённых Наций)», Казань, 3–5 октября 2025 года), «Общие принципы права как источник права ЕАЭС» (68-е Ежегодное собрание Российской ассоциации международного права «Формирование универсального международного права как результат Великой Победы», Москва, 1–2 июля 2025 года), «ЕАЭС и суверенитет государств: в поисках баланса национальных интересов и международного права» (IX Международный Невский форум Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Государственный суверенитет: актуальные вызовы и новые подходы в юридической науке и образовании», Санкт-Петербург, 26 июня 2025 года), «К вопросу о правосубъектности частных лиц в Евразийском экономическом союзе: универсальные и региональные аспекты» (XXI Международный конгресс «Блищенковские чтения» Международное право — средство обеспечения мира и доверия, РУДН, Москва, 12 апреля 2025 года), «Суд Евразийского экономического союза: итоги первого десятилетия» (XII Московский инновационный юридический форум, Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 25–26 марта 2025 года), «Принципы права ЕАЭС в системе принципов международного права» (XXV ежегодная Международная научно-

практическая конференция «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности», Москва, 26–29 ноября 2024 года), «Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза: на пути к диалогу» (VII международная конференция Суда Евразийского экономического союза «Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС», Минск, Беларусь, 21–22 ноября 2024 года), «Доктрина международного права: траектория прогресса» (Ежегодная международная научно-практическая конференция Тункинские чтения «Теория международного права: актуальные проблемы», Москва, 24 октября 2024 года), «Горизонты возможностей консультативной юрисдикции международных судов» (Научно-практическая конференция «Новые тенденции развития международного правосудия в XXI веке: к 60-летию доктора юридических наук, профессора Игоря Станиславовича Марусина», Санкт-Петербург, 18 октября 2024 года), «Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность» (III Казанский международный юридический форум, сессия «Международное право в условиях глобальной трансформации: региональная интеграция и межрегиональное взаимодействие», Казань, 26–27 сентября 2024 года), «Консультативные заключения Международного Суда ООН: очевидное не очевидно» (67-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права, Москва, 1–2 июля 2024 года), «Соглашения ЕАЭС с третьими странами: вопросы ответственности» (67-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права, Москва, Россия, 1–2 июля 2024 года), «Особенности правопорядка Евразийского экономического союза» (Круглый стол «Правовое регулирование торговых отношений в ЕАЭС», Москва, 24 апреля 2024 года), «Вектор современных направлений российской доктрины международного права» (IX Конференция памяти Г. В. Игнатенко, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, 20 апреля 2024 года), «Кризис механизма разрешения споров ВТО и региональные торговые соглашения» (XI Московский юридический форум, круглый стол «Формирование многополярного мира: политико-правовые

концепции и практические решения» Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 4–6 апреля 2024 года), «Наука международного права: современное измерение» (Общеуниверситетская научная конференция «Ломоносовские чтения», секция «Юриспруденция»: «Юридическая наука в XXI веке: традиции и развитие», МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 27 марта 2024 года), «Правосубъектность частных лиц в праве Евразийского экономического союза» (Международная научно-практическая конференция «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы» (в рамках XIII Московской юридической недели), МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 21–24 ноября 2023 года), «Проблема исполнения решений Суда ЕАЭС: *experientia docet*» (Международная конференция Суда ЕАЭС «Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС», Минск, Беларусь, 16–17 ноября 2023 года), «Региональные механизмы разрешения споров в аспекте кризиса Органа по разрешению споров ВТО» (Международная научно-практическая конференция «БРИКС, ШОС, ЕАЭС — магистральные векторы международно-правового сотрудничества», Казанский юридический форум, Казань, Россия, 29 сентября 2023 года), «Односторонние ограничительные меры: квалификация и перспективы оспаривания» (66-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права «Международное право в современных геополитических условиях», Москва, 29–30 июня 2023 года), «Международное право и парламентаризм: современный дискурс» (Научная конференция «Ломоносовские чтения», секция «Юриспруденция»: «Российский парламентаризм: теория, история и современное развитие», Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 12 апреля 2023 года), «Магия права Евразийского экономического союза» (Экспертный круглый стол «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации», Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 29 ноября 2022 года), «Публичный порядок интеграционного объединения и развитие единого внутреннего рынка» (V Международная конференция Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение эффективности доступа

к правосудию в ЕАЭС», Суд ЕАЭС, Минск, Беларусь, 17–18 ноября 2022 года), «Взаимодействие принципов международного права и принципов права интеграционных объединений» (65-е Ежегодное Собрание Российской ассоциации международного права «Международное право в многополярном мире», секция «Новейшие тенденции в правовом регулировании региональной интеграции», Москва, 10–11 ноября 2022 года), «Прошлое, настоящее и будущее ВТО» (Научно-практическая онлайн-конференция Тункинские чтения «ВТО: “уйти нельзя остаться” (к 10-летию членства Российской Федерации в ВТО)», Москва, 20 октября 2022 года), «Перспективы оспаривания нарушений режима наибольшего благоприятствования в рамках ВТО» (XIV Конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Мир. За пределами привычного». Всероссийская конференция с международным участием «Актуальные проблемы преподавания права международной торговли». Круглый стол «Полисистемность правового», МГИМО, Москва, 13–15 октября 2022 года), «Вопросы публичного порядка в праве ЕС и ЕАЭС» (XIV Конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Мир. За пределами привычного». Секция «Новейшие тенденции совершенствования правового регулирования интеграционных процессов и решение задач обретения технологического суверенитета» МГИМО, Москва, 13–15 октября 2022 года), «Возможности международного правосудия: неизвестная “санкционная война”» (I Казанский международный юридический форум (29 сентября — 1 октября 2022 года) Международная научно-практическая конференция «Международное право в условиях современных вызовов», посвящённая 100-летию профессора Д. И. Фельдмана, Казань, 29–30 сентября 2022 года), «К вопросу о пробелах в праве ЕАЭС» (Международная научно-практическая конференция «Василий Николаевич Лихачев — человек, учёный, государственный деятель», Казань, 25 марта 2022 года), «Частные лица в правопорядках интеграционных объединений» (Конгресс Российской ассоциации политических наук. Секция «Сочетание политических и юридических методов углубления интеграции: опыт ЕС и ЕАЭС», Москва, 17 декабря 2021 года), «Право на возмещение

в Суде ЕС и в Суде ЕАЭС» (Международная научно-практическая конференция «Права человека между универсализмом и регионализмом (к 55-летию Международных Пактов о правах человека и 60-летию Европейской социальной хартии)», Казанский федеральный университет, Казань, 16 декабря 2021 года), «Ответственность за нарушение прав частных лиц в праве ЕАЭС» (XXII Международная научно-практическая конференция «Роль права в обеспечении благополучия человека», Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 23–26 ноября 2021 года), «Ответственность в праве Евразийского экономического союза» (IV Международная конференция Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда», Минск, Беларусь, 17–19 ноября 2021 года), «Правопорядок ЕАЭС и его место в системе международного права» (64-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права по теме: «Международное право — основа справедливого Миропорядка в эпоху турбулентности и перемен», Москва, 28–29 июня 2021 года), «Вопросы применения досудебной процедуры рассмотрения споров в Суде ЕАЭС» (Международная конференция Суда ЕАЭС «Новые вызовы интеграции ЕАЭС: правовое измерение», Минск, Беларусь, 25–27 ноября 2020 года), «Поправки в Конституцию РФ и правопорядок ЕАЭС» (XXI ежегодная Международная научно-практическая конференция «Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки», Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 24–27 ноября 2020 года), «Международные договоры в парадигме Конституции РФ» (Научная конференция «Ломоносовские чтения — 2020». Секция «Юриспруденция»: «Конституционная трансформация правовой системы России: новые вызовы», Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 21 октября 2020 года), «Эволюция преюдициальной юрисдикции судов региональной интеграции» (63-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права на тему: «75 лет Великой Победы и развитие современного международного права», Москва, 27–29 января 2020 года), «Конституция РФ о месте соглашений ВТО в правовой системе России»

(Совместная Международная научно-практическая конференция «Конституция Российской Федерации и современный правопорядок» (в рамках VIII Московской юридической недели), МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 27 ноября — 5 декабря 2018 года), «Роль актов Суда ЕАЭС в правовой системе Союза» (Международная конференция «Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов», Минск, Беларусь, 18–19 октября 2018 года), «Юрисдикция Суда ЕАЭС и национальных судов в отношении трудовых споров служащих органов ЕАЭС» (61-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права на тему: «Глобальные вызовы современности и повышение эффективности международного права», Москва, 29–31 января 2018 года), «Обеспечение прав частных лиц в Суде ЕАЭС» (Совместная XVII Международная научно-практическая конференция и XI Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения»: «Обеспечение прав и свобод личности в современном мире», Москва, 22 ноября — 5 декабря 2016 года), «Суд Евразийского экономического союза и Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации: конкуренция или плюрализм» («Международное право: глобальный и региональный правопорядок», 59-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права, Москва, 15–17 июня 2016 года).

Автором составлены учебные программы по курсам «ВТО: вопросы теории и практики», «Правовая структура соглашений ВТО», «Юридическое сопровождение процессов в Суда ЕАЭС», «Международное экономическое право», которые используются в учебном процессе. Отдельные идеи диссертационного исследования применялись автором в процессе преподавания учебных курсов «Международное право» на Юридическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Структура диссертации.

Структура и объём диссертации предопределены логической последовательностью изложения материала в соответствии с целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, а также списка сокращений и списка использованной литературы.

Глава 1. НОРМАТИВНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

В настоящее время происходит фундаментальная смена основного вектора в международной политике в виде изменения приоритетов государств и перехода от их активного участия в универсальных процессах к не менее настойчивому созданию различных форм регионального сотрудничества. В ставшем реальностью многополярном мире регионализм, под которым традиционно понимается сотрудничество ограниченного круга государств, оказывается зачастую более эффективным инструментом для решения целого ряда проблем, чем попытки использовать для этих целей универсальные механизмы. Не менее заметную роль регионализм играет в регулировании международной торговли, где при общем снижении темпа заключения универсальных международных договоров практика участия государств в региональных торговых соглашениях стала неотъемлемой частью их внешнеэкономической политики. Нельзя не отметить роль регионализма в международном инвестиционном праве и в международном праве прав человека, а также в ходе сотрудничества государств в рамках региональных международных организаций и региональных органов международного правосудия. Практика применения норм Устава ООН придала гораздо большее значение регионализму, чем можно было предположить при создании ООН. Регионализм стал проявляться даже в таких неожиданных вопросах деятельности ООН, как поддержание международного мира и безопасности, что традиционно воспринималось как исключительная компетенция Совета Безопасности ООН.

1.1. К понятию «регионализм» и его эволюции

В течение длительного времени основной тенденцией развития современного миропорядка являлась глобализация. При этом в литературе глобализация

и регионализация «оценивались исследователями как противоположные друг другу явления»[136]. Тем не менее глобализация и регионализация могут взаимно дополнять друг друга, поэтому, по мнению специалистов, «результатом взаимосвязи глобализации и регионализации стал феномен “глобальной регионализации”»[137].

Региональный подход не только даёт возможность быстрее найти решение проблемы в силу необходимости согласия меньшего количества государств и наличия общих интересов государств-участников, но и позволяет пойти гораздо дальше в достижении поставленных целей, чем это можно было бы реализовать на глобальном уровне. Кроме этого, региональное сотрудничество и созданные в его рамках механизмы обладают зачастую бóльшим доверием в глазах государств-участников, чем многие универсальные институты, что обеспечивает гораздо более высокий уровень исполнения государствами взятых на себя обязательств. Это стало особенно очевидно в таких областях, как, например, права человека — региональные суды по правам человека действуют более эффективно, чем контрольные механизмы на универсальном уровне.

Локальные способы решения проблем часто рассматриваются как более востребованные, основанные на лучшем понимании конкретных обстоятельств и в большей степени учитывающие особенности сообществ; централистские решения предполагают более однородный, эффективный и унифицированный метод управления[138]. Появление международных универсальных организаций перенесло дилемму государственного управления на международный уровень и добавило к ней некоторые новые измерения. Поскольку универсальные решения часто считаются неэффективными, государства вынуждены решать вопросы в рамках региональных институтов[139]. В свою очередь, такая смена вектора несёт в себе вполне очевидные опасности фрагментации международной системы.

---

136 *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Указ. соч. С. 262.
137 *Лагутина М. Л.* Указ. соч. С. 16.
138 *Schreuer C.* Op. cit. P. 477.
139 Ibid.

С первых дней своего появления термин «регионализм» был в центре напряжённых дискуссий, его хвалили за его потенциал и критиковали за его неопределённый характер и ограниченные возможности. Однако к началу XXI века «регионализм» прочно вошёл в лексикон учёных и практиков[140]. Тем не менее, как отмечает Комиссия международного права ООН, проблематика регионализма не занимает сколько-нибудь заметного места в литературе по международному праву, а сам регионализм «редко принимает форму “нормы” или “принципа”» и «не обозначает какой-либо материальной области права наравне с “правами человека” или “правом торговли”»[141]. Проблематика регионализма «обычно затрагивается в связи с рассмотрением вопроса о всеобщности международного права, его историческом развитии или о разнообразных влияниях, которые восприняли его основные разделы»[142]. Возрождение и переосмысление концепции регионализма являются доминирующими тенденциями в современных международных исследованиях. Как отмечают исследователи, регионализм вернулся в центр академических и политических дискуссий после нескольких десятилетий забвения[143].

В процессе своей эволюции концепция регионализма прошла путь от «старого» регионализма к «новому» и, наконец, к «сравнительному» регионализму (*comparative regionalism*), формирование которого находится на стадии своего становления и вызывает активные дискуссии в зарубежной и российской научной литературе[144]. В соответствии с подходом «старого» регионализма «ключевая категория региональных исследований — “регион” — понимается как группа близлежащих стран, представляющих собой отдельный экономико-географический, или близкий по национальному составу и культуре,

---

[140] *Fawcett L.* Op. cit. P. 2.

[141] Комиссия международного права (*далее* — КМП). Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права. Окончательно подготовлен Мартти Коскенниеми. Документ ООН A/CN.4/L.68213. 13 апреля 2006 года. С. 109–110. § 195. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/L.682 (дата обращения: 25.12.2025).

[142] Там же.

[143] *Söderbaum F.* Op. cit. P. 1.

[144] См.: *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Указ. соч. С. 264.

или однотипный по общественно-политическому строю район мира»[145]. «Новый» регионализм получил развитие в конце 1980-х годов и в отличие от «старого» регионализма «представляет собой спонтанный процесс, направленный “снизу” и “изнутри” регионального пространства» и не имеющий чёткие конкретные цели и задачи (например, создание зоны свободной торговли или союза по обеспечению региональной безопасности)[146]. Согласно современной теории «нового регионализма» «важную роль начали играть несколько иные критерии при образовании регионов», и географическое единство более не является определяющим признаком регионализма. Например, «регион может быть определен как политический союз, не принимающий во внимание географические факторы» (ярким примером этого является БРИКС). Фактически «новый» регионализм «стремится выйти за границы картографического метода и учета географического фактора формирования регионов» за счёт введения понятия «мультиразмерности», что означает «формирование регионов на основе функционального подхода»[147]. Тогда же получает своё развитие концепция «мира регионов», в основе которой лежит отказ от европоцентричной модели построения региона[148]. Именно «в подходах теоретиков “мира регионов” стал фигурировать термин “сравнительный” регионализм или “сравнительная” интеграция»[149], при этом «зачастую под термином “сравнительный” регионализм в конце 1990-х гг. подразумевали “не-европейскую” модель интеграции»[150]. Термин «сравнительный регионализм» стал использоваться исследователями для характеристики нового этапа в развитии регионализма, который они оценивают как многомерное, сложное, изменчивое явление[151]. Ф. Содербаум в своих работах, посвящённых переосмыслению концепции регионализма, «отмечает ряд условий становления и развития нового поколения регионализма: 1) роль глобального контекста,

---

145 *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Указ. соч. С. 264.
146 Там же. С. 265.
147 *Лагутина М. Л.* Указ. соч. С. 17.
148 *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Указ. соч. С. 265.
149 *Байков А. А.* Указ соч. Цит. по: *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Указ соч. С. 265.
150 *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Указ. соч. С. 265.
151 *Söderbaum F.* Op. cit. P. 1.

выход на мировую арену стран БРИКС и других новых (emerging) держав, представляющих так называемый Глобальный Юг (Global South) или “остальной мир” (“the Rest”); 2) определение регионального управления как части многоуровневой системы глобального управления; 3) роль негосударственных акторов в формировании новых форм регионализма»[152].

Первоначальная концепция регионализма сводилась к политике и практике международных межгосударственных организаций, членство в которых ограничено соответствующей географической территорией[153]. Ранние примеры послевоенного регионализма можно отнести к трём основным группам: регионализм, ориентированный на безопасность (например, НАТО, СЕАТО, СЕНТО), регионализм, сосредоточенный на экономике (ЕС, НАФТА, ПАФТА), и более многоцелевые организации (ОАГ, ОАЕ или ЛАГ)[154]. Применительно к появлению системы ООН нужно отметить, что создатели этих послевоенных институтов всё-таки отдавали предпочтение «универсальному», а не партикулярному или региональному подходу к решению проблем. Тем не менее появлению различных форм регионализма способствовало сразу несколько факторов: во-первых, наличие тесных географических, исторических и культурных связей между государствами конкретного региона; во-вторых, тот факт, что решения региональной организации могут встретить меньшее непринятие, чем решения, принятые на универсальном уровне; в-третьих, вероятность того, что защита прав человека на уровне региона будет более широкой и эффективной; наконец, тот факт, что на уровне региона значительно меньше вероятность принятия расплывчатых «общих, компромиссных формул», которые в универсальных организациях, скорее всего, будут основаны на «соображениях политического характера»[155].

С нормативной точки зрения регионализм (нормативный регионализм) можно рассматривать как совокупность правил, применимых только к группе

---

[152] *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Указ. соч. С. 266.
[153] *Fawcett L.* Op. cit. P. 3.
[154] *Fawcett L.* Op. cit. P. 9.
[155] *Carvalho F. F.* Op. cit. P. 118–119.

государств, входящих в регион (позитивное измерение нормативного регионализма), или как требование об освобождении государств конкретного региона от необходимости соблюдать универсальные правила (негативное измерение нормативного регионализма)[156].

Несмотря на то что европейский опыт сыграл центральную роль в развитии концепции регионализма, как история, так и современная практика показывают, что это не единственный пример, на который можно опираться при анализе этой проблематики. Так, южноамериканские государства после обретения ими независимости в XIX веке были первыми сторонниками регионализма, используя его в первую очередь в целях укрепления приобретённой независимости, и ко второй половине века южноамериканский регионализм слился с более широким панамериканизмом. В XX веке появились такие знаковые примеры современного регионализма, как Европейские сообщества, позднее переименованные в Европейский союз (модели, которые широко копировались в других регионах); в XXI веке африканские государства в рамках Африканского союза развивают всё более сложные интеграционные формы[157]. Так, страны — члены Африканского союза стали первопроходцами, закрепив на региональном договорном уровне концепцию «Ответственность по защите» (*Responsibility to Protect*), которая на универсальном уровне так и не нашла понимания со стороны большинства государств и понемногу ушла в забвение, потеряв, по мнению ряда авторов, свою релевантность в современных условиях[158]. В то же время статьёй 4(h) Учредительного акта Африканского союза предусмотрено право его членов на основании решения Ассамблеи союза осуществлять вооружённое вмешательство в дела государства — члена Союза без его согласия в связи с серьёзными обстоятельствами, а именно военными преступлениями, геноцидом

---

[156] КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 109–110. § 195.

[157] *Fawcett L.* Op. cit. P. 2–3.

[158] *Jarvis S.* Failure through Consensus Building: Rethinking the Normative Status of the Responsibility to Protect in a Pluralist Global Order // Journal of Global Security Studies. Vol. 10. 2025. No. 3. P. 2. URL: https://doi.org/10.1093/jogss/ogaf021 (дата обращения: 25.12.2025).

и преступлениями против человечности[159]. Именно эта практика Африканского союза дала основание ряду авторов поставить под вопрос утверждение об императивном характере универсальной нормы о запрете применения силы[160].

На сегодня во всём мире государства активно продвигают регионализм, и большинство стран в большинстве регионов мира являются членами нескольких региональных организаций[161]. К сожалению, в академическом сообществе большая часть исследователей либо сосредотачивают свои интересы исключительно на глобальных мировых процессах (глобализм), фактически игнорируя региональную специфику, либо акцентируют своё внимание «на изучении конкретного региона (регионализм)», недооценивая при этом «глобальный системный контекст»[162].

1.2. Нормативный регионализм и формы его проявления в международном праве[163]

В современных условиях существенный массив международно-правовой практики государств возникает именно в рамках региональных институтов. Тем не менее при господствующем восприятии международного права как универсального правопорядка специфика регионального правового регулирования зачастую оказывается на периферии научного анализа и не получает должного теоретического осмысления. В то же время в отдельных работах встречается термин «региональное международное право», которое может быть

---

159 Подробный анализ этого положения и его соотношения с универсальными нормами Устава ООН см.: *Wyse C.* Op. cit.

160 См., например: *Исполинов А. С.* Нормы международного права о применении силы и специальная военная операция России // Закон. 2022. № 8. С. 30–41, 33.

161 *Fawcett L.* Op. cit. P. 2–3.

162 *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Указ. соч. С. 262–263.

163 При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О. В.* Нормативный регионализм в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2025. № 11. С. 26–33.

охарактеризовано как в узком, так и в широком смысле[164]. В узком смысле региональное международное право обозначает любой набор правил, которыми регион наделяет себя ввиду наличия определённых ценностей, разделяемых его членами, а в широком — охватывает любые правила, имеющие региональную сферу применения[165]. Однако, как отмечает М. Форто, различие между этими двумя подходами становится всё более размытым ввиду развития международного права[166]. В результате этой эволюции понятие регионального международного права расширяется, поэтому в современной концепции оно рассматривается как охватывающее не только географические, но и политические соглашения и союзы, что с юридической точки зрения делает его «не более чем специальным правом»[167].

Как уже было отмечено выше, регионализм, понимаемый как явление, охватывающее группу государств мира, необязательно формируется в географическом измерении, и даже это измерение не является решающим фактором. Иными словами, в международном праве не существует «фиксированного» понятия регионализма[168]. На наш взгляд, наиболее предпочтительным видится определение, в соответствии с которым регионализм обозначает политику сообщества или группы государств, направленную на более тесную интеграцию для достижения поставленных ими целей[169]. Именно поэтому регионализм чаще всего ассоциируется с региональными международными организациями, с помощью которых государства создают определённые условия для реализации их общих целей, имеющих ограниченную сферу применения[170].

Регионализм и его влияние на единство системы международного права нашли отражение в работе Комиссии международного права ООН при подготовке

---

164 *Forteau M.* Regional International Law // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. September 2006. § 1. URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1463 (дата обращения: 25.12.2025).

165 Ibid. § 1.

166 Ibid. § 1, 24.

167 Ibid. § 11.

168 *Derler R. O. F.* The Existence of Regional General Principles of Law. 2025. P. 6. URL: https://ssrn.com/abstract=5335932 (дата обращения: 25.12.2025).

169 Ibid.

170 Ibid.

Исследовательской группой под председательством Мартти Коскенниеми в 2002–2006 годах доклада «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Группа в своём докладе выделила три значения регионализма: во-первых, регионализм как «совокупность подходов и методов изучения международного права», в этом случае через призму региональных и локальных подходов к международному праву было предложено учитывать эти подходы в силу того, что «они утратили свой первоначальный ограниченный по географическому признаку характер и стали вносить вклад в развитие универсального международного права»[171]; во-вторых, регионализм как «метод установления международно-правовых норм», в Докладе это значение регионализма называют «привилегированным форумом для установления международно-правовых норм»[172]. Согласно рассуждениям Исследовательской группы, «международное право разрабатывается или должно разрабатываться в региональном контексте», поскольку относительная однородность интересов или взглядов стран региона «тем самым обеспечит более действенное или справедливое выполнение соответствующих норм», а наличие сильной культурной общности позволит лучше обеспечить легитимность региональных решений, равно как и их одинаковое понимание и применение[173]. Этим, по мнению Группы, объясняется тот факт, что правозащитные режимы и режимы свободной торговли, несмотря на провозглашённые универсалистские идеи о правах человека или о глобальных рынках, всегда наиболее сильно проявлялись в региональном контексте. Наконец, в-третьих, регионализм как «стремление добиться географических исключений из универсальных норм международного права»[174]. В докладе о фрагментации основное внимание уделялось именно этому значению, и указывалось, что «регионализм мог бы иметь больший смысл, если бы под ним понималась норма

---

[171] КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Пункты 199–201. С. 111–112. § 199–201.
[172] Там же. С. 114. § 205.
[173] Там же.
[174] Там же. С. 116–121. § 211–217.

или принцип с региональной сферой действия или региональным *ограничением* сферы действия универсальной нормы или принципа. В первом (позитивном) значении норма или принцип были бы обязательны только для государств, обозначенных в качестве членов конкретного региона. Во втором (негативном) значении регионализм освобождал бы государства определенного географического района от обязательной силы в противном случае универсальной нормы или принципа»[175].

В этом контексте наиболее предпочтительной видится категория нормативного регионализма, под которым, как уже было указано выше, понимается совокупность правил, применимых только к группе государств, входящих в регион, или как требование об освобождении государств конкретного региона от необходимости соблюдать универсальные правила. Наиболее ярким примером нормативного регионализма такого рода являются так называемые исламские оговорки, заявляемые мусульманскими странами при их присоединении к универсальным международным договорам по защите прав человека (согласно этим оговоркам положения договоров не будут применяться, если они противоречат нормам шариата)[176]. Кроме того, в Докладе высказывалась точка зрения, что вопрос нормативного регионализма мог бы быть отнесён к более общему вопросу «о связи между общим и специальным правом, не отличающимся от общей проблемы применимости и пределов *lex specialis*»[177]. Таким образом, в этом случае нормативный регионализм может проявляться в максиме *lex specialis* и «либо предназначен для применения модифицированной общей нормы, либо, возможно, в первую очередь служит отступлением от такого рода нормы»[178].

---

[175] КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 116–117. § 211.

[176] Подробнее см.: *Исполинов А. С.* Эволюция правового статуса оговорок: от «правила единогласия» Лиги Наций до Руководства Комиссии международного права по оговоркам 2011 года // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 134–161, 154.

[177] КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 120. § 216.

[178] КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 109–110. § 195.

Подход к рассмотрению регионального правового регулирования как *lex specialis* был использован и в других работах Комиссии. Например, в Статьях об ответственности международных организаций 2011 года (*далее* — Статьи) в статье 64, озаглавленной «Lex specialis» указано, что Статьи «не применяются, если и в той мере, в какой условия наличия международно-противоправного деяния или содержание или имплементация международной ответственности международной организации или государства в связи с поведением международной организации регулируются специальными нормами международного права. Такие специальные нормы международного права могут быть включены в правила организации, применимые к отношениям между международной организацией и ее членами»[179]. В комментариях к Статьям об ответственности международных организаций отмечено, что положения статьи 64 были в первую очередь добавлены для того, чтобы учесть неоднократно высказывавшиеся сомнения со стороны Европейского союза относительно того, будет ли подход КМП к ответственности международных организаций соответствовать характеру ЕС как образования *sui generis*[180]. Другим примером регулирования по принципу *lex specialis* стали проекты выводов Комиссии 2018 года по выявлению обычного международного права, где был принят вывод 16, в соответствии с которым «норма партикулярного обычного международного права, будь то регионального, местного или иного, является нормой обычного международного права, применимой только в отношениях

---

[179] Генеральная Ассамблея ООН (*далее* — ГА ООН). Приложение к Резолюции 66/100 от 9 декабря 2011 года. Ответственность международных организаций. Документ ООН A/RES/66/100. 27 февраля 2012 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/66/100 (дата обращения: 25.12.2025).

[180] Доклад Комиссии международного права. Шестьдесят третья сессия (26 апреля — 3 июня и 4 июля — 12 августа 2011 года). Документ ООН A/66/10. С. 196–199. URL: https://docs.un.org/ru/a/66/10 (дата обращения: 25.12.2025). См. также комментарии Европейской комиссии в 2011 году: КМП. Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания, полученные от международных организаций. Документ ООН A/CN.4/637. 14 февраля 2011 года. С. 41–43. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/637 (дата обращения: 25.12.2025).

между ограниченным числом государств»[181]. При этом, несмотря на то что в подавляющем большинстве случаев, упомянутых в комментарии, «международное партикулярное обычное право» было определено на основе его регионального или местного характера, существование обычая без элемента территориальной сплочённости государств было названо теоретически возможным[182]. В литературе также отмечается, что идея формирования рядом близких государств партикулярной (локальной) обычной нормы международного права, которая будет служить для них нормой *lex specialis*, исключая применение между ними не подходящего им универсального обычая, может показаться государствам привлекательной[183].

Кроме того, «с международно-правовой точки зрения концептуально регионализм проявляется в двух важных конструкциях — создании региональной межправительственной организации (РМПО), учреждаемой государствами на основе международного договора, и формировании в ее рамках региональной международно-правовой системы, предназначенной для регулирования отношений между государствами региона в согласованных ими сферах, чаще совпадающих с основными направлениями РМПО, реже выходящих за их пределы»[184]. В настоящее время примерами такого регионального сотрудничества государств являются Европейский союз, АСЕАН, Африканский союз, Евразийский экономический союз, КАРИКОМ, ЕАСТ и другие организации. Как мы видим, и это было отмечено выше, региональное сотрудничество не связано с географическими границами и может осуществляться посредством реализации целей и компетенции региональных международных организаций или объединений государств.

---

[181] Доклад Комиссии международного права. Семидесятая сессия (30 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2018 года). Документ ООН A/73/10. С. 134. URL: https://docs.un.org/ru/a/73/10 (дата обращения: 25.12.2025).

[182] Пункт 5 комментария к выводу 16 см.: Там же. С. 175.

[183] *Исполинов А. С.* Локальные (партикулярные) обычаи, Международный суд ООН и проблема согласия государств // Закон. 2024. № 8. С. 122–132, 131.

[184] *Капустин А. Я.*, *Боброва Ю. В.* Международное право: между глобализмом и регионализмом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 5. С. 45–56, 50.

И наконец, регионализм в его нормативной форме проявляется в региональных источниках международного права, к которым Комиссия международного права явным образом относит региональные (партикулярные) обычаи и региональные общие принципы права. Следует также обратить внимание, что КМП хоть и прямо не признаёт, но по крайней мере не отрицает существование региональных *jus cogens*.

Пункты 218–219 доклада о фрагментации рассматривают Европейский союз как наиболее развитый пример автономного регионального правопорядка. Комиссия международного права отмечает, что Европейский союз сформировал самостоятельную судебную систему; разветвлённый массив первичного и вторичного права; принципы примата и прямого действия; нормативное пространство, функционирующее по собственной внутренней логике. Право Европейского союза охарактеризовано как «особого рода правовой порядок», пример регионального автономного режима, демонстрирующий, каким образом региональное право может достигать высокой степени самостоятельности, оставаясь при этом составной частью международного права. В докладе о фрагментации КМП отнесла правопорядок ЕС (наряду с правом ВТО, нормами о защите прав человека, международным гуманитарным правом) к самодостаточным (*self-contained*) режимам в широком смысле[185], указав лишь на специфику этого правопорядка и при этом воздержавшись от более детального анализа. Кроме того, использованный в русском переводе доклада о фрагментации термин «автономный» не совсем корректен, поскольку он создал дополнительные сложности в понимании специфики таких правопорядков, как право ЕС, в силу того, что Суд ЕС также использует в своих решениях этот термин, однако вкладывает в него совершенно другое значение, подчёркивая с его помощью, что

[185] См.: КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 72–73. § 129. Как отмечают отечественные авторы, в тексте доклада КМП о фрагментации международного права на русском языке используется термин «автономный режим», который является не совсем корректным переводом термина «self-contained regime». См.: *Лифшиц И. М.* Международное финансовое право и право Европейского союза: взаимодействие и взаимовлияние : монография. М. : Юстицинформ, 2020. С. 129–144.

право ЕС не является частью международного права[186]. При этом за рамками внимания КМП остались такие ключевые особенности права ЕС, как принятие институтами ЕС нормативных актов общего применения, действующих непосредственно в правопорядках государств-членов, и обязательных не только для государств-членов, но и для всех субъектов национальных правопорядков, и применяемых ими, а также национальными судами для регулирования горизонтальных правоотношений между субъектами национального права вместо национальных норм. Кроме того, доклад о фрагментации не содержит упоминания, что такие особенности региональных правовых систем присутствуют во всех других региональных организациях, а значит, право ЕС не является явлением *sui generis*, а содержит определённые черты, общие для региональных организаций, созданных по типу ЕС, куда также входят разрабатываемые судами таких организаций собственные принципы права и, как будет показано ниже, собственный перечень источников права и присущий только этим организациям состав субъектов таких правопорядков. Мы полагаем, что для анализа особенностей этих правопорядков вместо термина «автономные правопорядки», который в данном случае может вводить в заблуждение, необходимо использовать термин «нормативный регионализм», который обладает несомненным научным потенциалом и может быть использован для альтернативного объяснения разнообразия, в том числе и описанных выше особенностей правопорядков организаций региональной экономической интеграции именно как части международного права. Этот потенциал особенно очевиден при анализе правопорядка ЕАЭС, который не рассматривается как автономный по аналогии с правом ЕС, но при этом имеет сходные черты: собственные источники права, субъектный состав и механизмы ответственности.

---

[186] В литературе отмечается, что если КМП под термином «автономный» понимает пусть и особенную, но всё же часть общего целого, будь то государство или международное право, то для Суда ЕС автономность означает полную обособленность и независимость права ЕС от национального и международного права. См.: *Исполинов А. С.* Принцип автономности права Евросоюза, его внешнее измерение и роль в процессе конституционализации ЕС. С. 254.

1.3. Регионализм и Организация Объединённых Наций[187]

Принятый в 1920 году Устав Лиги Наций и принятый в 1945 году Устав Организации Объединённых Наций имеют явные универсалистские черты. Упоминание в статье 21 Устава Лиги Наций термина «соглашения, ограниченные пределами известными районами, как доктрина Монро» было, как отмечено в литературе, «не более чем тщетной попыткой обеспечить участие Соединённых Штатов»[188]. Лига Наций так и не получила всеобщего признания из-за ограниченного числа её членов, состоящего в основном из европейских и американских государств, что усугублялось значительным числом случаев выхода из этой организации. В свою очередь, в ходе обсуждения на конференции в Сан-Франциско Устава Организации Объединённых Наций борьба между универсалистскими и регионалистскими настроениями государств играла заметную роль[189]. Мало кому известно, что, например, Эквадор при обсуждении проекта Статута Международного Суда ООН в 1945 году в Сан-Франциско предложил включить в статью 38 отдельное положение о региональных источниках международного права. Предлагаемый им текст гласил: «…международные обычаи и принципы права как континентальные, так и региональные, применимые к спорам между государствами, принадлежащими к соответствующему континенту или региону»[190]. К сожалению, это предложение в конечном итоге не было принято, но оно достаточно ярко иллюстрирует

---

[187] При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О.В.* Регионализм в международном праве: в поисках баланса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, издательство Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Москва). 2025. № 12, С. 45-54.

[188] *Schreuer C.* Op. cit. P. 477.

[189] Ibid. P. 478.

[190] Documents of the United Nation’s Conference on International Organization. San Francisco, 1945. Vol. III: Dumbarton Oaks Proposals. Comments and Proposed Amendments. English Text. P. 411–412. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1300969/files/ (дата обращения: 25.12.2025).

растущее значение регионализма в первые годы после окончания Второй мировой войны.

Тогда же по настоянию латиноамериканских и арабских государств были внесены важные изменения в Устав ООН в пользу регионализма. Эти изменения включают неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону, закреплённое в статье 51 Устава ООН, обращение к региональным органам или соглашениям при разрешении споров в соответствии со статьёй 33(1). Положения статей 52(1), 52(2) и 52(3) Устава ООН предусматривают, что ООН «ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами Организации»[191]. В свою очередь, государства — члены ООН, заключившие такие соглашения или составляющие такие органы, должны приложить все свои усилия для мирного урегулирования локальных споров при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов до передачи этих споров в Совет Безопасности ООН. Кроме того, Совет Безопасности со своей стороны должен поощрять применение мирного разрешения локальных споров при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов либо по инициативе заинтересованных государств, либо по своей собственной инициативе.

С другой стороны, применение принудительных мер осталось в компетенции Совета Безопасности (статьи 24, 25, 39–42, 53(1) и 54). Региональное сотрудничество государств, не связанное с миром и безопасностью, получило мало внимания авторов Устава ООН и не регулируется им. Распределение полномочий между ООН и региональными соглашениями в части поддержания мира и безопасности регулируется статьями 52–54 Устава, но положения данных статей не являются исчерпывающими. В соответствии со статьёй 53 Устава

[191] Статья 52(1) Устава ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-8 (дата обращения: 25.12.2025).

Совет Безопасности ООН использует, где это уместно, такие региональные соглашения или органы для принудительных мер под его руководством. В этих ситуациях организации, не являющиеся вспомогательными органами ООН и/или не состоящие в связи с ООН с точки зрения внутриорганизационного механизма, становятся инструментами в руках Совета Безопасности, действуя исключительно под его командованием и контролем. Однако это также означает, что Совет Безопасности должен нести ответственность за любые нарушения международного права, совершённые региональной организацией, либо в рамках регионального соглашения в случае наделения их такими полномочиями. В рамках второго варианта речь идёт о делегировании полномочий по принятию принудительных мер региональным организациям со стороны Совета Безопасности в том смысле, что именно региональные организации определяют порядок применения принудительных мер и несут ответственность за свои действия. Ключевыми условиями применения региональными организациями принудительных мер являются, во-первых, сохранение за Советом Безопасности исключительной компетенции устанавливать наличие угрозы миру и безопасности (при этом его мнение может отличаться от оценок самих региональных организаций), но принять решение использовать для устранения этой угрозы возможности региональных организаций[192]; а во-вторых, сохранение главного принципа, заключающегося в том, что никакие принудительные действия не должны предприниматься в рамках региональных соглашений или региональными органами без предварительного одобрения Совета Безопасности. При этом складывающаяся начиная с действий против Ирака в ответ на его агрессию в отношении Кувейта такая практика наделения региональных организаций полномочиями по поддержанию мира и безопасности вызывает бурные дискуссии в литературе с точки зрения её буквального соответствия нормам Устава ООН[193].

---

[192] *Buchan R.*, *Tsagourias N.* Regulating the Use of Force in International Law. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2021. P. 158.

[193] Подробнее по этому вопросу см.: *Freudenschuß H.* Between Unilateralism and Collective Security: Authorizations of the Use of Force by the UN Security Council // European Journal of

Кроме того, ситуации, когда такое разрешение со стороны Совета Безопасности ООН давалось региональным организациям не до момента начала применения силы, а уже по факту, поставили вопросы о том, насколько региональные организации дополняют функцию Совета Безопасности по поддержанию мира и безопасности и не являются ли они его конкурентами: «Государства и универсальные организации постепенно встраиваются в более широкую региональную и межрегиональную структуру, в которой “регионы” становятся наиболее значимыми участниками глобальной архитектуры безопасности»[194].

Статья 43(3) Устава предусматривает возможность заключения членами ООН специальных соглашений с целью оказать содействие Совету Безопасности, в частности, с группами государств — членов ООН. Действия по выполнению решений Совета Безопасности принимаются всеми государствами — членами ООН «или некоторыми из них» (статья 48(1) Устава) непосредственно и через «соответствующие международные учреждения» (статья 48(2) Устава). Разрешение споров между государствами должно осуществляться, в частности, «путем обращения к региональным органам» (статья 33(1) Устава). Кроме того, регионалистские черты проявляются в виде географических или культурных соображений, учитываемых в ходе формирования главных органов ООН. Так, при выборах непостоянных членов Совета Безопасности следует уделять должное внимание также «справедливому географическому распределению» (статья 23(1) Устава). При подборе персонала для Секретариата необходимо учитывать, что он должен осуществляться «на возможно более широкой географической основе» (статья 101(3) Устава). При выборах судей Международного Суда «должно быть обеспечено представительство основных форм цивилизации и основных правовых систем мира» (статья 9 Статута Международного Суда).

International Law. Vol. 5. 1994. No. 4. P. 492–531; *Gray C.* International Law and the Use of Force. 4th ed. New York : Oxford University Press, 2018. P. 341–386.

[194] *Hettne B.*, *Söderbaum F.* Op. cit. P. 229.

Последующая практика применения норм Устава ООН придала гораздо большее значение регионализму, чем можно было бы предположить, полагаясь только на текст Устава ООН. Этот отход от преимущественно универсалистской концепции к регионализму объясняется рядом факторов: во-первых, частичной неспособностью Организации Объединённых Наций справиться со многими возложенными на неё задачами; во-вторых, возрождением групповой солидарности среди государств — членов ООН; в-третьих, желанием государств решать определённые проблемы локально, что больше подходит для регионального сотрудничества государств; и, наконец, попытка менее влиятельных государств избежать внешнего вмешательства супердержав с их глобальными стратегиями также способствовала этой тенденции[195].

Со временем видимые черты регионализма проявились как внутри, так и за пределами ООН. Внутренняя регионализация произошла через порядок формирования органов, их структуру и процессы принятия решений. Внешняя регионализация проявилась в виде формального и неформального сотрудничества ООН с региональными организациями. Наконец, окончательное оформление черт регионализма произошло за счёт выделения в отдельную группу вопросов, закрепивших распределение функций между универсальными и региональными институтами по решению вопросов в таких областях, как права человека, экономическое сотрудничество (в основном международная торговля), а также применение силы для поддержания мира и безопасности.

В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года подчёркивается необходимость укрепления отношений между ООН и региональными и субрегиональными организациями. В соответствии с Итоговым документом Всемирного саммита главы государств выразили намерение, во-первых, расширять консультации и углублять сотрудничество между Организация Объединённых Наций и региональными и субрегиональными организациями, в том числе посредством заключения соглашений, а при необходимости — путём вовлечения

---

[195] *Schreuer C.* Op. cit. P. 479.

региональных организаций в деятельность Совета Безопасности. Во-вторых, предполагалось обеспечить, чтобы региональные организации, располагающие потенциалом в сфере предотвращения вооружённых конфликтов и поддержания мира и безопасности, рассматривали возможность его включения в систему резервных соглашений ООН. В-третьих, государства подтвердили намерение укреплять взаимодействие в экономической, социальной и культурной сферах[196]. Совет Безопасности незамедлительно принял Резолюцию 1631 (2005)[197] — первую резолюцию, касающуюся отношений между ООН и региональными организациями, в которой региональным и субрегиональным организациям, обладающим потенциалом для предотвращения конфликтов или поддержания мира, предлагалось включить такой потенциал в систему резервных соглашений ООН[198].

За прошедшие годы процессы, происходящие в Организации Объединённых Наций, приобрели гораздо более выраженные регионалистские черты[199]. В частности, Генеральная Ассамблея разработала достаточно сложную систему групп государств, имеющих особый вес при принятии решений[200]. Состав группы может определяться как географическим положением и культурными связями

---

[196] ГА ООН. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Документ ООН. A/60/L.1. 20 сентября 2005 года. С. 44. § 170. URL: https://docs.un.org/ru/a/60/l.1 (дата обращения: 25.12.2025).

[197] Совет Безопасности ООН. Резолюция 1631 (2005), принятая 17 октября 2005 года. Документ ООН S/RES/1631(2005). 17 октября 2005 года. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1631(2005) (дата обращения: 25.12.2025).

[198] Созданная в 1993 году система резервных соглашений (*United Nations Standby Arrangements System*) представляет собой совокупность соглашений, заключённых между ООН и рядом государств, предусматривающих обязательство этих государств предоставлять по просьбе ООН в установленный срок военный персонал и имущество для тех миротворческих операций, в которых они будут участвовать. Более подробно об этом см.: *Scheffer D. J.* United Nations Peace Operations and Prospects for a Standby Force // Cornell International Law Journal. Vol. 28. 1995. No. 3. P. 649–660. В 2002 году Российская Федерация подписала с Секретариатом ООН специальный Меморандум о взаимопонимании, и тем самым официально присоединилась к системе резервных соглашений Организации Объединённых Наций, призванной повысить оперативность развёртывания операций ООН по поддержанию мира. В июле 2015 года она была заменена Системой обеспечения готовности миротворческого потенциала Организации Объединённых Наций (*United Nations Peacekeeping Capability Readiness System*).

[199] *Schreuer C.* Op. cit. P. 479.

[200] Ibid.

(Африка, Латинская Америка), так и членством в региональной международной организации (Европейский союз). Часто внутри группы вырабатываются общие позиции, которые затем представляются и разъясняются в рамках ООН от имени всех её членов. Деколонизация и резкое увеличение числа государств — членов ООН, особенно в 1960-х годах, привели не только к укреплению групп африканских и азиатских государств, но и к тому, что государства из этих «новых» регионов приобрели определённую уверенность. Решительное использование получившими независимость государствами своего численного большинства в ООН привело к серьёзной конфронтации, которая достигла своего апогея в 1970-х годах и выразилась в принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюций о новом международном экономическом порядке[201]. В конце 1980-х годов региональное сотрудничество было выражено в порядке проведения выборов и назначений в рамках ООН. Так, в Генеральной Ассамблее выборы Председателя, заместителей Председателя и председателей главных комитетов проводятся по тщательно сбалансированному региональному принципу (заместители Председателя избираются по следующему плану: шесть представителей от государств Африки; пять представителей от государств Азии; один представитель от одного из государств Восточной Европы; три представителя от государств Латинской Америки; два представителя от государств Западной Европы; пять представителей из числа постоянных членов Совета Безопасности)[202]. В Совете Безопасности десять непостоянных мест распределяются по конкретным регионам[203]. В ходе текущих дебатов о новой структуре Совета Безопасности звучат не только требования

---

[201] Декларация об установлении нового международного экономического порядка. Принята Резолюцией 3201 (S-VI) Генеральной Ассамблеи ООН от 1 мая 1974 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml (дата обращения: 25.12.2025).

[202] ГА ООН. Резолюция 33/138 от 19 декабря 1978 года. Вопрос о составе соответствующих органов Организации Объединенных Наций: поправки к правилам 31 и 38 правил процедуры Генеральной Ассамблеи. Документ ООН A/RES/33/138. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/33/138 (дата обращения: 25.12.2025).

[203] ГА ООН. Резолюция 1991 (XVIII) от 17 декабря 1963 года. Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и в Экономическом и Социальном Совете. Документ ООН A/RES/1991(XVIII). URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/1991(XVIII) (дата обращения: 25.12.2025).

об увеличении представительства определённых регионов, но и предложения о создании подлинно постоянных или полупостоянных региональных мест[204]. Состав ЭКОСОС определяется на основании списка стран, организованных по региональным группам[205]. Региональный контекст распространяется даже на состав органов, члены которых не представляют государства, а действуют в личном качестве, например, в литературе отмечается, что состав Международного Суда должен в целом отражать географический состав Совета Безопасности[206]. Согласно статье 8 Положения о Комиссии международного права ООН её состав также должен отражать основные формы цивилизации и основные правовые системы мира, что на практике означает формирование КМП по строгому региональному принципу[207].

1.4. Нормативный регионализм в деятельности Комиссии международного права Организации Объединённых Наций[208]

В соответствии с содержанием пункта 1 статьи 1 Положения о Комиссии международного права целью Комиссии является «содействие прогрессивному развитию международного права и его кодификации»[209]. Кодификация

---

[204] *Schreuer C.* Op. cit. P. 480.

[205] ГА ООН. Резолюция 2847 (XXVI) от 20 декабря 1971 года. Расширение Экономического и Социального Совета. URL: https://www.un.org/ru/ga/about/garules/r26-2847.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[206] *Schreuer C.* Op. cit. P. 480.

[207] ГА ООН. Резолюция 36/39 от 18 ноября 1981 года. Расширение состава Комиссии международного права: поправки к статьям 2 и 9 Положения о Комиссии. Документ ООН A/RES/36/39. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/36/39 (дата обращения: 25.12.2025).

[208] Данный параграф подготовлен на основе следующих публикаций автора настоящей диссертации: *Кадышева О.В.* Комиссия международного права ООН о региональных общих принципах права: попытка примирить универсализм и реальность // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 3 (55). С. 23-39; *Кадышева О.В.* Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 98-116.

[209] Положение о Комиссии Международного права. Документ ООН A/CN.4/4/Rev.2. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1982. URL: https://docs.un.org/ru/a/cn.4/4/rev.2 (дата обращения: 25.12.2025).

международного права заключается в выявлении существующих норм международного обычного права. Прогрессивное развитие международного права, с другой стороны, возлагает на Комиссию отчасти квазизаконодательную функцию, которая определяется в Положении о Комиссии как «подготовка проектов конвенций по тем вопросам, которые еще не регулируются международным правом или по которым право еще недостаточно развито в практике государств»[210]. Другими словами, двойственность стоящей перед КМП задачи состоит в том, что Комиссия уполномочена оценивать практику государств для определения того, что такое международное право, а также каким оно должно быть, по мнению Комиссии[211].

В отличие от МС ООН и других международных судов, деятельность Комиссии в советской и российской науке международного права никогда не относилась к числу популярных тем для академических исследований[212]. Однако заслуженным успехом работы КМП считается кодификация права международных договоров, а также дипломатического и консульского права, проведённая в 1960-е годы, которые справедливо считаются «золотым веком» кодификации[213]. Именно поэтому в литературе отмечается, что «развитие общего международного права за последние 70 лет в значительной степени было достигнуто прямо или косвенно в результате усилий Комиссии»[214]. В начале XXI века несомненным успехом стал разработанный КМП и принятые Генеральной Ассамблеей в 2001 году Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния[215]. Международные суды и трибуналы

---

[210] Положение о Комиссии Международного права. Статья 15.

[211] *Forteau M.* Comparative International Law Within, Not Against, International Law: Lessons from the International Law Commission. P. 501.

[212] Среди немногочисленных работ отечественных авторов по этой теме можно упомянуть: *Кожевников Ф. И.*, *Кривчикова Э. С.* Указ. соч.; *Верещетин В. С.* О работе Комиссии международного права ООН; *Абашидзе А. Х.*, *Клишас А. А.*, *Солнцев А. М.* Указ. соч.; *Абашидзе А. Х.*, *Солнцев А. М.* Указ. соч.

[213] *Šturma P.* Указ. соч. P. 1130.

[214] Ibid. P. 1126.

[215] ГА ООН. Приложение к Резолюции 56/83 от 12 декабря 2001 года. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Документ ООН A/RES/56/83. 28 января 2002 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/56/83 (дата обращения: 25.12.2025).

активно используют в своих решениях разработанные КМП проекты выводов или руководства, рассматривая их в качестве обязательного для себя документа до такой степени, что даже незначительное лингвистическое отклонение от текста зачастую вызывает порицание[216]. Однако принятые в 2011 году Статьи об ответственности международных организаций[217] встретили уже более прохладный приём[218], поэтому решение КМП включить в план своей работы вопросы источников международного права[219] вызвало неподдельный интерес у представителей государств и побудило к дискуссии академическое сообщество. С одной стороны, Комиссия столкнулась с серьёзной критикой в свой адрес, так

---

[216] *Lekkas S.*-I. The Uses of the Outputs of the International Law Commission in International Adjudication: Subsidiary Means or Artefacts of Rules? // Netherlands International Law Review. Vol. 69. 2022. No. 2. P. 327–359, 328. В свою очередь, С. Д. Пименова также отмечает, что инвестиционные арбитражные трибуналы рассматривают Статьи об ответственности государств как своего рода нормы международного договора, обязательные для исполнения и применения. См.: *Пименова С. Д.* Особенности применения международных обычаев в практике инвестиционного арбитража // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 2. С. 159–168, 162.

[217] ГА ООН. Приложение к Резолюции 66/100 от 9 декабря 2011 года. Ответственность международных организаций.

[218] Статьи об ответственности международных организаций подверглись серьёзной критике со стороны как академического сообщества, так и самих международных организаций: в первую очередь, из-за явного нежелания Комиссии международного права принимать во внимание разнообразие и особенности международных организаций как субъектов международного права. Наиболее активную позицию в этом отношении занимал Европейский союз, заявляя, что в проекте статей не был принят во внимание уникальный характер ЕС как организации региональной экономической интеграции, и последовательно выступая против самой идеи сознания универсальных правил ответственности для всех международных организаций. Подробнее см.: *Wouters J.*, *Odermatt J.* Are All International Organizations Created Equal? // International Organizations Law Review. Vol. 9. 2012. No. 1. P. 7–14, 11.

[219] Речь идёт сразу о нескольких документах: Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам, Статьи о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров, Выводы о последующих соглашениях и последующей практике в отношении толкования договоров, Выводы о выявлении обычного международного права, Проект руководства по временному применению договоров. См.: Доклад Комиссии международного права. Шестьдесят третья сессия (26 апреля — 3 июня и 4 июля — 12 августа 2011 года). Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам. Документ ООН A/66/10/Add.1. URL: https://docs.un.org/ru/A/66/10/Add.1 (дата обращения: 25.12.2025); Статьи о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров. Документ ООН A/66/10. С. 204; Семидесятая сессия (30 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2018 года). Выводы о последующих соглашениях и последующей практике в отношении толкования договоров, Выводы о выявлении обычного международного права, Проект руководства по временному применению договоров Документ ООН A/73/10. С. 13–128, 131–176, 230–254.

как её деятельность в глазах государств представляется неудачной в силу того, что она больше не занимается подготовкой проектов договоров[220], а некоторые из разработанных КМП проектов выводов и руководств касаются тем, над которыми Комиссия работала в прошлом, и так или иначе уже нашли отражение в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года[221]. С другой стороны, КМП надо было каким-то образом отреагировать на возросший авторитет международных судов и трибуналов (речь идёт не только о МС ООН), активное толкование (на грани судебного нормотворчества) и использование ими не только норм международных договоров, но и других источников международного права, в первую очередь обычаев и в меньшей степени общих принципов права, а также применение различными международными судами в своих целях императивных норм международного права через самостоятельное провозглашение судами такого статуса у конкретных правовых норм[222].

Комиссия оказалась перед необходимостью преодолеть определённый скепсис государств в отношении того, насколько международные суды в своей правоприменительной практике готовы принимать во внимание её разработки. В этом отношении представляется вполне ожидаемым и разумным желание КМП укрепить свой авторитет и усилить своё влияние путём разработки в своих документах методик для выявления норм международного права (обычаев, общих принципов права, императивных норм), которые бы служили руководящими указаниями для международных и национальных судов в их практике выявления применимых норм международного права и установления их содержания, вернув эту практику в более или менее предсказуемое русло[223]. Это бы позволило

---

[220] Так, А. Х. Абашидзе и А. М. Солнцев в своей статье, посвящённой 60-летию деятельности КМП, отмечают, что «принятие деклараций или руководящих принципов, которые впоследствии не конкретизируются в форме обязательных для государств соглашений, представляет собой негативную тенденцию в области кодификации и прогрессивного развития международного права» (*Абашидзе А. Х.*, *Солнцев А. М.* Указ соч. С. 141).

[221] *Azaria D.* The International Law Commission's Return to the Law of Sources of International Law // FIU Law Review. Vol. 13. 2019. No. 6. P. 989–1006, 990.

[222] *Исполинов А.* Несколько жизней доктрины императивных норм (*jus cogens*) в международном праве. С. 83–84.

[223] *Azaria D.* "Codification by Interpretation": The International Law Commission as an Interpreter of International Law. P. 173–174.

Комиссии подтвердить своё лидирующее место в процессе кодификации и прогрессивного развития международного права, а выработка методологии по выявлению и применению норм, относящихся к различным источникам международного права, усилила бы влияние КМП на государства и международные суды и трибуналы, поскольку она воспринималась бы в качестве легитимного органа для таких целей[224].

При этом деятельность Комиссии международного права в части источников международного права можно также расценивать как своего рода предложение в адрес государств по обобщению и анализу их практики с целью вызвать их ответную реакцию как внутри системы ООН, так и за её пределами. Эта ответная реакция государств может в конечном итоге привести к соглашению между ними о толковании норм международного права в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года или появлению со стороны государств их *opinio juri*s относительно формирования и содержания тех или иных норм международного права. В том случае, если реакции со стороны государств на предложения КМП по различным причинам не последует, разработанные ею методики могут быть востребованы международными и национальными судами и трибуналами, чьи решения будут восприниматься в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм и в итоге также влиять на эволюцию содержания норм международного права[225]. Надо отметить, что если принятый в 2018 году проект выводов о выявлении норм международного обычного права был в целом благосклонно воспринят государствами и академическим сообществом, то проект выводов в отношении императивных норм вызвал более негативную реакцию в части практической ценности предложенной КМП очень сложной методологии для её применения государствами и судами[226].

---

[224] *Azaria D.* The International Law Commission's Return to the Law of Sources of International Law. P. 996–997.

[225] *Azaria D.* "Codification by Interpretation": The International Law Commission as an Interpreter of International Law. P. 200.

[226] *Исполинов А.* Несколько жизней доктрины императивных норм (*jus cogens*) в международном праве. С. 93.

1.4.1. Комиссия международного права Организации Объединённых Наций и региональные императивные нормы

Следует отметить, что, несмотря на популярность доктрины *jus cogens* в научных кругах, проблематика императивных норм была включена в работу Комиссии международного права ООН только в 2015 году. Уже в 2016 году КМП рассмотрела первый доклад Специального докладчика профессора Дире Тлади[227], в котором им были предложены проекты трёх выводов. По мнению Специального докладчика, существование региональных *jus cogens* не является общепризнанным, поэтому, даже предполагая наличие определённых подходов к пониманию региональных *jus cogens,* данную концепцию можно рассматривать только как исключение из принципа универсального применения императивных норм, а потому вопрос, совместима ли концепция региональных норм *jus cogens* с международным правом, просто должен быть поставлен в план будущих обсуждений Комиссии[228]. Таким образом, говорить о полном отрицании региональных *jus cogens* со стороны Комиссии нет никаких оснований.

В литературе было отмечено, что работа КМП над *jus cogens* была начата в контексте растущего регионализма, при котором государства всё чаще объединяются в территориальные, языковые или культурные группы для осуществления совместных проектов[229]. Этот регионализм отражается в области международного права появлением региональных подходов к международному праву как определённой «реакции на колонизацию и на то, что воспринимается как определённый империализм ценностей, которые были бы воплощены в международном праве, ошибочно названном универсальным»[230].

---

[227] КМП. Первый доклад о *jus cogens*, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/693. 8 марта 2016 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/693 (дата обращения: 25.12.2025).
[228] Там же. С. 50. § 68.
[229] *Zouapet A. K.* Op. cit. P. 48.
[230] Ibid.

В 2017 году Специальный докладчик по теме императивных норм общего международного права представил второй доклад[231], в котором он предложил критерии для идентификации таких норм[232]. Кроме того, Комиссия приняла решение изменить название темы с «*Jus cogens*» на «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)». На наш взгляд, изменение названия темы позволило Комиссии сфокусироваться на глобальных аспектах *jus cogens*, при этом не отвергая и возможность исследования региональных императивных норм. Это также создало пространство для дальнейших исследований и дискуссий относительно того, как региональные правопорядки могут формировать свои собственные императивные нормы, и каким образом они могут взаимодействовать с общими международными стандартами.

В 2018 году в рамках третьего доклада[233], посвящённого правовым последствиям императивных норм общего международного права, вопрос о региональных *jus cogens* был поднят только как перспектива для обсуждения в последующем докладе[234]. Однако в третьем докладе также содержались результаты обсуждения подготовленных проектов выводов в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН. Показательно, что в ходе такого обсуждения государства высказались в пользу невозможности существования региональных норм *jus cogens* и отсутствия необходимости рассматривать этот вопрос[235].

---

[231] КМП. Второй доклад о *jus cogens*, подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/706. 16 марта 2017 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/706 (дата обращения: 25.12.2025).

[232] См.: Доклад Комиссии международного права. Шестьдесят девятая сессия (1 мая — 2 июня и 3 июля — 4 августа 2017 года). Документ ООН A/72/10. С. 241–242. § 146. URL: https://docs.un.org/ru/a/72/10 (дата обращения: 25.12.2025).

[233] КМП. Третий доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/714. 12 февраля 2018 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/714 (дата обращения: 25.12.2025).

[234] Там же. С. 74. § 162.

[235] Среди этих государств были Польша, Германия и Япония. См.: ГА ООН. Семьдесят вторая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 24-м заседании. Документ ООН A/C.6/72/SR.24. 20 марта 2018 года. С. 2. § 6. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/72/SR.24 (дата обращения: 25.12.2025); Краткий отчет о 26-м заседании. Документ ООН A/C.6/72/SR.26. 5 декабря 2017 года. С. 14, 22. § 80, 132. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/72/SR.26 (дата обращения: 25.12.2025).

В 2019 году Комиссия обсудила четвёртый доклад[236], после чего проекты выводов по данной теме были приняты в первом чтении. Эти проекты были направлены правительствам через Генерального секретаря ООН для получения комментариев и замечаний государств. Из всех подготовленных Специальным докладчиком докладов четвёртый доклад в наибольшей мере был посвящён проблеме региональных *jus cogens*[237]. В нём было отмечено, что государствам далеко небезразлично, «как Комиссия в конечном итоге решит вопрос о региональных нормах jus cogens»[238]. При этом выдвигались самые разнообразные мнения о статусе региональных *jus cogens* — от их полного неприятия как «несовместимых с jus cogens» и способных «внести путаницу»[239] до сомнений и недоверия государств, которые выражались в том, что они не уверены «в целесообразности рассмотрения вопроса о “региональных” нормах jus cogens» и в опасениях, что «концепция региональных норм jus cogens будет подрывать целостность универсально применимых норм jus cogens»[240]. Государства в своих возражениях указывали, что «признание существования региональных норм *jus cogens* противоречило бы понятию *jus cogens* как норм, “принятых и признанных международным сообществом в целом”, и подрывало бы это понятие»[241], и что идея региональных норм *jus cogens* в корне противоречит самой концепции норм

---

[236] КМП. Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/727. 31 января 2019 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/727 (дата обращения: 25.12.2025).

[237] Помимо региональных *jus cogens* в докладе рассматривался вопрос иллюстративного перечня.

[238] КМП. Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. С. 12. § 22.

[239] Такую позицию, например, высказал представитель Малайзии. См.: ГА ООН. Семьдесят третья сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 27-м заседании. Документ ООН A/C.6/73/SR.27. 28 ноября 2018 года. С. 20. § 104. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/73/SR.27 (дата обращения: 25.12.2025).

[240] Эти опасения были высказаны представителем Соединённого Королевства. См.: КМП. Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. С. 13. § 22.

[241] См., например, позиции представителей Таиланда и Финляндии (от имени стран Северной Европы): ГА ООН. Семьдесят третья сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 26-м заседании. Документ ООН A/C.6/73/SR.26. 23 ноября 2018 года. С. 16. § 96. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/73/SR.26 (дата обращения: 25.12.2025); Краткий отчет о 24-м заседании. Документ ООН A/C.6/73/SR.24. 3 декабря 2018 года. С. 22. § 126. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/73/SR.24 (дата обращения: 25.12.2025).

jus cogens, которые являются универсальными по определению[242]. Кроме того, государства полагали, что концепция региональных *jus cogens* не может быть принята, «поскольку она подорвет первичный и универсальный характер норм jus cogens как императивных норм, в равной степени относящихся ко всем государствам, вне зависимости от того, в каком именно регионе они расположены»[243], и, наконец, что понятие региональных *jus cogens* «противоречит представлению о нормах jus cogens как о нормах, которые “принимаются и признаются международным сообществом государств в целом”»[244]. Поддерживающие концепцию региональных *jus cogens* государства тем не менее заявили, что к «обсуждению вопроса об определении региональных *jus cogens* Комиссия должна подходить с осторожностью. Не следует ставить под угрозу целостность императивных норм общего международного права в качестве норм, которые являются универсально признанными и применимыми»[245].

Определённая недооценка со стороны государств идеи о региональных *jus cogens* в литературе объясняется прежде всего недовольством ряда государств самой концепцией региональных *jus cogens* и её неопределённостью, связанной с ролью признания и процессом идентификации норм *jus cogens* в целом. С точки зрения государств, универсальный характер *jus cogens* представляет собой своего рода «предохранительный клапан» — только когда на карту поставлены универсальные фундаментальные ценности, существует возможность применения *jus cogens*, в противном же случае государства стремятся сохранить за собой определённую свободу нормотворчества в виде заключения по собственному усмотрению международных договоров и создания обычных норм

---

[242] Эта позиция была озвучена представителем Греции. См.: ГА ООН. Семьдесят третья сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 27-м заседании. Документ ООН A/C.6/73/SR.27. 28 ноября 2018 года. С. 3. § 9. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/73/SR.27 (дата обращения: 25.12.2025).

[243] См., например, позицию представителя Южной Африки: Там же. С. 10. § 46.

[244] Эта позиция представлена Соединёнными Штатами. См.: ГА ООН. Семьдесят третья сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 29-м заседании. Документ ООН A/C.6/73/SR.29. 10 декабря 2018 года. С. 7. § 34. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/73/SR.29 (дата обращения: 25.12.2025).

[245] См., например, позицию представителя Португалии: ГА ООН. Семьдесят третья сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 26-м заседании. Документ ООН A/C.6/73/SR.26. 23 ноября 2018 года. С. 20. § 119. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/73/SR.26 (дата обращения: 25.12.2025).

международного права. Поэтому можно согласиться с высказанной в литературе точкой зрения, что государства воспринимают идею региональных *jus cogens* как нечто, что может неожиданно и чрезмерно ограничить их суверенитет[246].

По мнению Специального докладчика, в проблеме (концепции) региональных *jus cogens* можно выделить два аспекта: во-первых, недостаток соответствующей практики государств, которая бы подтверждала существование таких региональных норм. Это означает, что не существует достаточного количества примеров, чтобы однозначно установить, что региональные нормы *jus cogens* действительно есть. Второй аспект является более теоретическим и касается вопросов легитимности и обязательности этих норм. Его концептуальная сложность заключается в том, что трудно обосновать, почему одно государство должно быть связано нормами, которые могут не иметь универсального признания. В частности, если региональная норма не получила согласия всех государств региона, возникает вопрос о том, как она может быть признана и применена к государству, не согласному с её императивным статусом[247]. Таким образом, внимание фокусируется не только на юридической практике, но и на философских и теоретических аспектах, связанных с вопросом о том, какие нормы международного права считаются обязательными на региональном уровне. Кроме того, определённые трудности может вызвать использование категории «регион», особенно применительно к международному праву и нормам *jus cogens*, поскольку пространственные, культурные, политические и экономические факторы могут в значительной степени варьироваться в зависимости от контекста, что порождает концептуальные и практические сложности в установлении того, какие государства связаны той или иной конкретной региональной нормой *jus cogens*[248]. И наконец, как заметил Специальный докладчик, представляется не совсем ясным, должны

---

246 *Lima L. C.*, *Marotti L.* Op. cit. P. 228.

247 КМП. Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. С. 16. § 28.

248 КМП. Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. С. 17. § 29.

ли региональные нормы *jus cogens* всегда быть привязаны к действующему региональному договорному режиму[249]. Основными же проблемами, с которыми сталкиваются государства при реализации региональных норм *jus cogens*, по мнению Специального докладчика, являются не столько вопросы их формирования и выявления, сколько последствия, вытекающие из их существования. В частности, ключевым последствием является, согласно статье 53 Венской конвенции 1969 года, ничтожность международных договоров, которые противоречат нормам *jus cogens*. Это означает, что государства, находящиеся в пределах определённого региона, не имеют права заключать между собой соглашения, которые противоречат этим нормам, — следовательно, любые договоры, подписанные в нарушение этой нормы, будут считаться недействительными между подписавшими их государствами[250]. В заключение Специальный докладчик указал, что наличие «особых ценностных норм на уровне разных регионов не подразумевает существование региональных норм *jus cogens*»[251]. Тем не менее Специальный докладчик воздержался от категоричного утверждения о том, что международное право полностью отвергает эту концепцию[252], оставив тем самым пространство для дальнейших размышлений и исследований в этой области.

Недоверие Специального докладчика и Комиссии к концепции региональных *jus cogens* объясняется, на наш взгляд, несколькими факторами: во-первых, Комиссия в своей работе по кодификации и прогрессивному развитию международного права в принципе нацелена на универсальность правового регулирования; во-вторых, это может быть связано с опасениями по поводу фрагментации международного права; и, в-третьих, даже с возможными злоупотреблениями в толковании правовых норм. Надо также отметить, что вследствие скептицизма со стороны Комиссии по отношению к региональным *jus cogens* открытым остался вопрос о возможных путях разрешения нормативных

---

[249] Там же. § 30.
[250] Там же. С. 19. § 34.
[251] Там же. С. 24. § 46.
[252] Там же. § 47.

конфликтов между универсальными и региональными нормами *jus cogens*. Показателен при этом доклад Комиссии международного права о фрагментации международного права 2006 года, авторы которого исходили исключительно из универсального характера норм *jus cogens*, отметив, правда, что «нельзя допускать, что такие коллизии могли бы быть урегулированы при помощи самой доктрины *jus cogens*: между нормами *jus cogens* не существует иерархии *inter se*»[253].

Как представляется, решение этого вопроса будет зависеть от общего отношения конкретного регионального правопорядка к международному праву и степени его автономности. В этом отношении спектр возможных вариантов будет варьироваться от приоритета универсальных императивных норм, допускающих исключения из норм универсального характера в виде региональных императивных норм, до приоритета региональных *jus cogens* как следствия действия общеправового принципа *lex specialis derogat generali*, исключающего применение универсальных норм в этом случае[254].

1.4.2. Комиссия международного права Организации Объединённых Наций и региональные общие принципы права

Комиссия включила тему «Общие принципы права» в свою долгосрочную программу работы на 69-й сессии в 2017 году, хотя это решение вызвало дискуссии в самой Комиссии. Ряд членов Комиссии увидели в этом ещё один вызов стабильности международной правовой системы в виде возможности того, что «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» как источник международного права, перечисленные в статье 38(1)(c) Статута Международного Суда, могут встать в один ряд с международным договором и международным

---

[253] КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 200. § 367.

[254] *Кадышева О.В.* Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность. С. 114.

обычаем[255]. На 70-й сессии в 2018 году Марсело Васкес-Бермудес (Эквадор) был назначен Специальным докладчиком по этой теме. В представленном им в 2019 году на 71-й сессии первом докладе[256] рассматривались общий объём темы и основные вопросы, которые должны были быть затронуты в ходе работы Комиссии. В первом докладе указывалось, что он «носит предварительный и вводный характер. Его главная цель заключается в том, чтобы заложить основу для будущей работы Комиссии по теме “Общие принципы права”, а также выяснить мнения членов Комиссии и государств в этой связи»[257]. В рамках первого доклада было сформулировано три проекта выводов[258]. Одним из наиболее спорных проектов выводов оказался проект вывода 3, которым вводятся две категории общих принципов права и выделяется вторая категория общих принципов права, а именно принципы, которые «могут быть сформированы в рамках международной правовой системы»[259].

На фоне развернувшейся дискуссии по поводу проекта вывода 3 малозамеченной осталась позиция Специального докладчика по вопросу о региональных общих принципах права. В этом контексте важно отметить, что Специальный докладчик констатировал принципиальную возможность существования общих принципов права, имеющих региональную или даже двустороннюю сферу применения[260]. При этом он привёл примеры региональных договоров, которые отсылают к общим принципам права с ограниченной сферой

---

255 *Wood M.* Op. cit. P. 308.

256 КМП. Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. Документ ООН A/CN.4/732. 5 апреля 2019 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/732 (дата обращения: 25.12.2025).

257 Там же. С. 4. § 4.

258 *Проект вывода 1. Сфера охвата:* «Настоящие проекты выводов касаются общих принципов права как одного из источников международного права». *Проект вывода 2. Требование о признании:* «Для того, чтобы общий принцип права существовал, он должен быть общепризнан государствами». *Проект вывода 3. Категории общих принципов права:* «Общие принципы права включают в себя принципы: a) вытекающие из национальных правовых систем; b) сформированные в рамках международно-правовой системы». См.: Там же. С. 79.

259 Подробнее см.: *Bjorge E.* Op. cit.

260 КМП. Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. С. 51. § 161.

применения[261], а также примеры из практики региональных судов, в частности Суда Европейского союза, который «несколько раз», по его мнению, применял «общие принципы права Сообщества», основанные на конституционных традициях, общих для государств — членов ЕС, или на правовой системе Европейского союза[262]. Всё это показывает, что, несмотря на очевидное намерение КМП всемерно поддерживать универсальный подход в международном праве, не замечать происходящие на региональном уровне тенденции стало просто невозможно, тем более что значительная доля практики в области международного права формируется именно на региональном уровне.

В ноябре 2019 года в Шестом комитете ООН прошли прения по первому докладу, и мнения представителей государств разделились. Ряд государств поддержал включение региональных общих принципов права в работу Комиссии. Например, представитель Франции указал, что сохранение вопроса о региональных общих принципах в рамках сферы охвата работы Комиссии «потребует уточнения взаимосвязи между региональной общей практикой и универсальной общей практикой», и что «рассмотрение этого вопроса станет действительно ценным дополнением к работе Специального докладчика»[263]. Тем не менее некоторые государства выступили против рассмотрения вопроса о региональных общих принципах права, хотя и открыто не отрицали факта их существования. Например, США указывали, что «региональные или двусторонние принципы права не являются достаточно “общими” для того, чтобы подпадать под сферу охвата этой темы»[264]. В самой Комиссии расхождения во мнениях также были очевидны: одни

---

[261] Там же. С. 37. § 125.

[262] Там же. С. 43. § 137.

[263] ГА ООН. Семьдесят четвертая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 31-м заседании. Документ ООН A/C.6/74/SR.31. 5 декабря 2019 года. С. 21. § 123. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/74/SR.31 (дата обращения: 25.12.2025). Позицию соответственно Испании, Федеративных Штатов Микронезии, Чехии и Сальвадора см.: ГА ООН. Семьдесят четвертая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 32-м заседании. Документ ООН A/C.6/74/SR.32. 27 ноября 2019 года. P. 7, 10, 18, 19. § 37, 55, 104, 113. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/74/SR.32 (дата обращения: 25.12.2025).

[264] ГА ООН. Семьдесят четвертая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 33-м заседании. Документ ООН: A/C.6/74/SR.33. 3 февраля 2020 года. С. 5. § 26. Позицию Филиппин и

полагали возможным включение региональных общих принципов права в тему работы КМП, другие же выражали скептицизм, либо призывая к дальнейшему изучению этого вопроса, либо выступая против их включения в проект документа, разработанного КМП[265]. Тем не менее, как уже было отмечено выше, Специальный докладчик отметил в первом докладе, что вопрос о региональных общих принципах права может быть рассмотрен в будущем докладе[266].

Поскольку региональная практика составляет существенную часть практики государств, Комиссия не может не учитывать её при выявлении и разработке общих правил. С другой стороны, регионализм часто подразумевает отклонение от тех самых общих правовых норм, которые Комиссия международного права стремится кодифицировать и развивать. Регионализм, понимаемый как требования об особом правовом режиме, основанном на принадлежности к региону, обычно позиционируется как обозначение группы государств, объективно идентифицируемой по минимальной географической сплочённости и/или общей идеологии или истории. Дж. Кроуфорд ещё в 1997 году отметил, что «документы Комиссии международного права свидетельствуют не только об отсутствии ссылок на вопросы регионализма, но и о преднамеренной попытке избегать любых подобных идей», и что вклад КМП в этом отношении является либо односторонним, либо полностью отсутствует[267]. Как отмечается в литературе, подобная амбивалентность регионализма представляет собой действительно серьёзную проблему для КМП[268] и своего рода «вызов роли, возложенной

Великобритании см.: ГА ООН. Семьдесят четвертая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 32-м заседании. Документ ООН A/C.6/74/SR.32. 27 ноября 2019 года. С. 2, 4. § 5, 16.

[265] Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля — 7 июня и 8 июля — 9 августа 2019 года). Документ ООН A/74/10. С. 400. § 240. URL: https://docs.un.org/ru/a/74/10 (дата обращения: 25.12.2025). См. также комментарии господина Хассуны (UN Document A/CN.4/SR.3490. 30 September 2019. P. 21); господина Нгуена и Райниша (UN Document A/CN.4/SR.3491. 2 October 2019. P. 12–13, 17); господина Аргуэльо Гомеса и Руда Сантоларии (UN Document A/CN.4/SR.3492. 2 October 2019. P. 4, 12); господина Васкес-Бермудеса (UN Document A/CN.4/SR.3494. 2 October 2019. P. 4).

[266] КМП. Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. С. 78. § 261.

[267] *Crawford J.* Op. cit. P. 113.

[268] *Barkholdt J.* Op. cit. P. 157.

на КМП»[269]. Кроме того, практика многих государств и научная литература за авторством исследователей из многих стран слишком часто фактически игнорируются Комиссией либо потому, что они не являются доступными (в частности, из-за отсутствия публикаций или недостаточного количества переводов на язык, доступный членам Комиссии или специальным докладчикам, например решения Суда ЕАЭС, которые публикуются только на языках государств — членов Союза), либо потому, что заинтересованные государства не предоставляют соответствующие примеры своей практики в тех случаях, когда Комиссия направляет запросы на этот счёт[270].

В 2021 и 2022 годах были подготовлены второй доклад[271] и третий доклад[272] Специального докладчика. Ни в одном из проектов выводов, ни в комментариях и выводах, представленных во втором и третьем докладах, не упоминаются региональные общие принципы права. К вопросу о региональных общих принципах права Комиссия вернулась только в 2025 году, когда ей был представлен четвёртый доклад Специального докладчика[273], а также комментарии и замечания, полученные от правительств[274]. Отчасти это последовало вслед за обсуждением роли общих принципов права, которые могут быть сформированы в рамках международной правовой системы, и было напрямую связано с заявлением Европейского союза на заседании в Шестом

---

269 Ibid. P. 156.

270 *Forteau M.* Comparative International Law Within, Not Against, International Law: Lessons from the International Law Commission. P. 505.

271 КМП. Второй доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. Документ ООН A/CN.4/741. 9 апреля 2020 года. URL: https://docs.un.org/ru/a/cn.4/741 (дата обращения: 25.12.2025).

272 КМП. Третий доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. Документ ООН A/CN.4/753. 18 апреля 2022 года. URL: https://docs.un.org/ru/a/cn.4/753 (дата обращения: 25.12.2025).

273 КМП. Четвертый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. Документ ООН A/CN.4/785. 18 февраля 2025 года. URL: https://docs.un.org/ru/a/cn.4/785 (дата обращения: 25.12.2025).

274 КМП. Общие принципы права. Замечания и соображения, полученные от правительств. Документ ООН A/CN.4/779. 28 января 2025 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/779 (дата обращения: 25.12.2025); Дополнительные замечания и соображения, полученные от правительств. Документ ООН A/CN.4/779/Add.1. 5 июня 2025 года. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g25/087/37/pdf/g2508737.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

комитете, в ходе которого комментировалось предложение Специального докладчика рассматривать общие принципы права ЕС в качестве примера общих принципов права с ограниченной сферой применения. По мнению представителя ЕС, практика Европейского союза может, с одной стороны, служить важным ориентиром при выявлении универсальных общих принципов, признанных международным сообществом. С другой стороны, представитель ЕС указывал, что общие принципы, вытекающие из правовых систем государств-членов, являются также принципами права Европейского союза и самостоятельным источником права Союза[275] (можно предположить, что под этим имелась в виду автономность права ЕС, что означает наличие собственного набора общих принципов права ЕС, функционально и иерархично отличных от тех принципов права, о которых говорит КМП, ссылаясь на положения статьи 38(1)(c) Статута МС ООН, и которые применяются международными судами).

В четвёртом докладе региональным общим принципам права посвящено значительное количество параграфов[276]. В частности, в нём отмечается, что примеры, приведённые Европейским союзом, поднимают самостоятельный вопрос о существовании наряду с универсально применимыми общими принципами права (для которых требуется признание со стороны международного сообщества) общих принципов с более ограниченной сферой применения, которые также могут подпадать под сферу действия статьи 38(1)(c) Статута МС ООН[277]. Примерами таких принципов могут служить не только договоры ЕС, но и другие международные договоры, например Африканская хартия прав человека и народов[278] и Регламент Экономического суда Содружества Независимых

---

[275] ГА ООН. Семьдесят восьмая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 23-м заседании. Документ ООН A/C.6/78/SR.23. 11 декабря 2023 года. P. 9. § 43. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/78/SR.23 (дата обращения: 25.12.2025).

[276] КМП. Четвертый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. С. 14–16. § 57–67.

[277] Там же. С. 14. § 58.

[278] African Charter on Human and Peoples' Rights. Concluded at Nairobi on 27 June 1981 // United Nations — Treaty Series. Vol. 1520. 1988. No. 26363. P. 217–292.

Государств 1997 года. Кроме того, Специальный докладчик упоминает практику Карибского сообщества[279].

По мнению Специального докладчика, вышеупомянутая практика, актуальная для региональных и субрегиональных правовых систем, свидетельствует о существовании определённых общих принципов права с ограниченной сферой применения в рамках региональной или субрегиональной правовой системы, аналогичных тем, которые подпадают под действие статьи 38(1)(c) Статута Международного Суда[280]. Тем не менее какой-либо государственной или судебной практики, касающейся двусторонних принципов, не существует. Именно поэтому Специальный докладчик предложил добавить проект вывода 12, в соответствии с которым «настоящие проекты выводов не затрагивают существования общих принципов права с ограниченной сферой применения»[281]. Учитывая ограниченную практику государств и международных судов и трибуналов по этому вопросу, Специальный докладчик полагает необходимым указать в комментариях Комиссии, что эта область права всё ещё находится в стадии становления[282].

После обсуждения четвёртого доклада на пленарном заседании Комиссия постановила передать проекты выводов 1–12 в Редакционный комитет, приняв во внимание комментарии и замечания, сделанные в ходе пленарных дебатов. Главным достижением Комиссии в контексте региональных общих принципов права, как уже было отмечено выше, стало появление проекта вывода 12, озаглавленного «Общие принципы права с ограниченной сферой применения», в котором Комиссия указала, что подготовленные проекты выводов не затрагивают общих принципов права с ограниченной сферой применения. Иными словами,

---

[279] КМП. Четвертый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. С. 14. § 60.
[280] Там же. С. 15. § 62.
[281] Там же. § 63.
[282] КМП. Четвертый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. С. 14. § 64.

признавая наличие региональных общих принципов права, Комиссия не распространяет на них методологию, разработанную в данном проекте выводов.

Стоит отметить, что проект вывода 12 получил поддержку многих членов Комиссии международного права на её 76-й сессии[283], что лишний раз подчеркнуло растущий интерес членов Комиссии к регионализму. Учитывая то, что Комиссия в своей деятельности в целом концентрируется на универсализме, усиление в данном случае акцента на регионализме является необходимым шагом вперёд к обеспечению представительства всех регионов мира в практике, которую систематизирует и обобщает Комиссия при разработке своих документов. Однако необходимо отметить отсутствие требования территориальной привязки к конкретному региону или субрегиону в формулировке вывода 12. Использованные КМП слова «с ограниченной сферой применения» открывают простор для предположений о существовании не только региональных общих принципов права, но и отраслевых принципов права, которые также могут отличаться от общих принципов права, имеющих универсальное применение, и которые подчиняются другим правилам.

1.5. Нормативный регионализм и региональные международные организации

Многие постулаты о международном праве и международных институтах основаны на идеях универсализма, которым, на первый взгляд, феномен бурного роста количества региональных международных организаций во второй половине XX века просто не соответствует. Тем не менее, как уже было отмечено ранее, даже в практике универсальных организаций, особенно в организациях системы ООН, вопросы регионального сотрудничества находятся далеко не на последнем месте.

---

[283] International Law Commission. Provisional summary record of the 3712th meeting. UN Document A/CN.4/SR.3712. 7 July 2025. P. 6. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr3712.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

В докладе КМП о фрагментации утверждалось, что региональные организации, как правило, «вместо того чтобы иллюстрировать независимую нормативную силу региональных привязок» подпадают под обсуждение *lex specialis*[284]. Этот, пожалуй, не самый беспроблемный подход к отделению институциональной сферы международной организации от универсальных норм путём использования правовой категории *lex specialis* был также избран, как уже было указано выше, в Проекте статей об ответственности международных организаций 2011 года.

Доктринальные исследования международных организаций в основном концентрируются либо на организациях универсального характера, либо имеют своим предметом отдельные региональные организации. Последняя группа в основном представлена трудами как зарубежных, так и отечественных исследователей, посвящёнными различным аспектам деятельности Европейского союза как наиболее известной региональной организации, которая к тому же до недавних пор считалась образом и моделью регионального сотрудничества[285]. Справедливости ради надо отметить, что среди отечественных авторов в последние

---

[284] КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 117. § 212.

[285] Как отмечает У. Энгел, по крайней мере до референдума 2016 года по Brexit, большинство теорий регионального сотрудничества исходили из линейной «европейской модели», состоящей из пяти последовательных этапов, где за устранением тарифных и нетарифных торговых барьеров следует создание зоны свободной торговли, затем создаётся таможенный союз с единым внешним тарифом и далее общий рынок, основанный на свободном движении товаров, услуг, рабочей силы и капитала, затем общий рынок превращается в экономический и валютный союз, и, наконец, эта модель сотрудничества достигает своего пика с образованием политического союза. См.: *Engel U.* Op. cit. P. 323.

годы заметен интерес и к таким региональным объединениям, как ЕАЭС[286], БРИКС[287] и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)[288].

Несмотря на то что региональные организации играют важную роль в региональных и глобальных процессах практически во всех областях политики, а после окончания холодной войны их число и значимость возросли[289], научные исследования региональных международных организаций в целом и особенностей их развития только начали появляться в зарубежной литературе[290] и в трудах отечественных учёных[291].

Первая точка зрения основана на том, что международные организации являются институционализированными площадками для сотрудничества по меньшей мере между тремя государствами и существуют в различных формах,

---

[286] См.: *Соколова Н. А.* Указ. соч.; *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс; *Ануфриева Л. П.* ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении; *Бекяшев К. А.* Указ. соч.

[287] См.: *Ануфриева Л. П.* Расширение БРИКС в свете принципов международного права // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 155–174; *Ануфриева Л. П.* БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 123–133.

[288] См.: *Малышев Д. В.* Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 81–104; *Рахимов К. Х.*, *Курылев К. П.*, *Химич Г. А.* Взаимодействие Шанхайской организации сотрудничества с международными и региональными организациями по поддержанию международного мира и коллективной безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 9 (66). С. 2322–2338; *Рахимов К. Х.* Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как международная межправительственная организация // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1 (116). С. 46–51.

[289] *Engel U.* Op. cit. P. 332.

[290] См.: *Fawcett L.* Op. cit.; *Engel U.* Op. cit.; *Brölmann C. M.* Op. cit.; *Carvalho F. F.* Op. cit.; *Panke D.*, *Starkmann A.* Op. cit.; *Malamud A.*, *Gardini G.* Has Regionalism Peaked? The Latin American Quagmire and its Lessons // International Spectator. Vol. 47. 2012. No. 1. P. 116–133; *Jetschke A.*, *Münch S.* Regional Organisations: A Multidimensional Approach to Policy Scope // Handbook of Regional Cooperation and Integration / ed. by P. De Lombaerde. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2024. P. 442–459.

[291] См.: *Ануфриева Л. П.* Международные организации и параорганизации, интеграционные объединения: автономные правовые режимы (понятийный аспект международно-правовой науки); Феномен регионализма в условиях современных вызовов / отв. ред. А. Я. Капустин. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Норма ; ИНФРА-М, 2024. 240 с.; Универсализм и регионализм в системе международного права и международных отношений : монография / под ред. Л. Х. Мингазова, Г. Р. Шайхутдиновой, Т. Д. Гибадуллиной. М. : Проспект, 2025. 152 с.

но в отличие от глобальных международных организаций, региональные организации имеют ограниченное, а не потенциально универсальное членство государств, и критерии членства в них связаны в первую очередь с географическим расположением государств[292], при том что в сферу компетенции этих организаций входит более чем один узко определённый вопрос[293]. Согласно другой точке зрения, региональные организации должны соответствовать трём критериям: а) они должны состоять как минимум из двух государств, которые определяют своё членство в них на географической региональной основе (например, Южная Африка, Карибский бассейн, Латинская Америка); б) они имеют общую цель, а не объединяются для решения какой-либо конкретной проблемы, в) они формально институционализированы, что требует проведения регулярных заседаний и соблюдения правил, регулирующих процесс принятия решений, и «физически представлены» (например, Секретариатом)[294].

Если рассматривать феномен региональных организаций с точки зрения исторической динамики, то в литературе можно выделить два подхода. Согласно первому из них история региональных организаций начинается в 1920-х годах с Лиги Наций и характеризуется четырьмя этапами: для первого этапа (от Первой мировой войны до Великой депрессии 1929–1939 годов) характерен «авторитарный и иерархический регионализм» (например, Британское содружество наций)[295]; второй этап начинается с момента окончания Второй мировой войны и характеризуется биполярным мировым порядком времён холодной войны и появлением ряда многосторонних региональных организаций (например, НАТО, АСЕАН и т. д.); третий короткий период ознаменован гегемонией США, но при этом усиливаются такие региональные организации, как АСЕАН, МЕРКОСУР, Африканский союз и САДК; и наконец, современный четвёртый период начинается с глобального финансового кризиса 2007–2008 годов и характеризуется фрагментацией и возникновением многополярного

---

[292] *Panke D.*, *Starkmann A.* Op. cit. P. 2.
[293] Ibid. P. 4.
[294] *Jetschke A.*, *Münch S.* Op. cit. P. 447.
[295] *Engel U.* Op. cit. P. 326.

миропорядка с конкурирующими регионализмами и межрегионализмами, «инструментальным регионализмом», торговлей, которая в основном ориентирована на союзников по региональному объединению[296].

Вторая точка зрения исходит из более короткой периодизации, начиная с момента окончания Второй мировой войны, когда доминирующими факторами мирового порядка были биполярность, холодная война и получение независимости странами Глобального Юга в результате процесса деколонизации. На этом этапе регионализм представляется как секторально ориентированный и управляемый государствами, которые объединяются в региональные организации. Вторая фаза регионализма начинается с окончанием холодной войны — примерно в 1989 году — с приобретённым контекстом в виде глобализации и неолиберализма. В этот период регионализм служил не только средством сопротивления универсализму, но также средством для продвижения идей регионализма. Сам регионализм описывается уже как «многомерный и плюралистический», и отмечается усиление влияния негосударственных субъектов[297]. И наконец, в течение 2000-х годов, с началом глобального финансового кризиса, а также подъёма БРИКС возникает многополярный мировой порядок, при котором региональные международные организаций становятся важным элементом глобального мироустройства, и в рамках региональных организаций государства взаимодействуют во всё большем числе секторов, однако при этом сохраняется тенденция «дублирования и взаимопроникновения региональных и межрегиональных проектов и процессов в большинстве регионов мира»[298].

Поскольку сфера международных организаций чрезвычайно динамична, точное число существующих сегодня региональных организаций определить очень

---

[296] Ibid. P. 327.

[297] *Söderbaum F.* Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field. KFG (Kolleg-Forschergruppe) Working Paper Series No. 64. October 2015. P. 16. URL: https://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transformeurope/publications/working_paper/wp/wp64/WP-64-Soederbaum.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[298] *Söderbaum F.* Op. cit. P. 21.

сложно[299]. Тем не менее Д. Панке и А. Штаркманн насчитали 76 региональных организаций, существовавших в период с 1945 по 2015 год, что позволило им выявить определённые закономерности динамики регионального сотрудничества с течением времени[300]. Во-первых, региональное сотрудничество в виде региональных организаций осуществляется по всему миру: государства сотрудничают в рамках региональных организаций во всех регионах мира, и, за исключением Израиля, Северной Кореи и Тимора-Лешти, все страны входят по крайней мере в одну региональную организацию; по состоянию на 2015 год в Африке насчитывалось 20 региональных организаций, в Северной и Южной Америке — 16, в Азии — 22 и в Европе — 13. Старейшей из них является Южноафриканский таможенный союз, который берёт своё начало в 1889 году, когда была подписана Конвенция о таможенном союзе между британской колонией Мыс Доброй Надежды и Оранжевым свободным государством (одно из государств бурских республик), а сам Союз в его существующем виде был создан в 1910 году. Самой крупной по составу участников является Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в которую входят 57 государств-членов (за ней следует Африканский союз, насчитывающий сегодня 55 членов)[301].

Во-вторых, число региональных организаций увеличилось с двух в 1945 году (Таможенный союз Юга Африки и Лига арабских государств) до 71 в 2015 году. При этом выделяется две волны роста числа таких организаций: одна после окончания Второй мировой войны и ещё одна после окончания холодной войны (в 1990-х годах количество существующих региональных организаций значительно увеличилось: с 37 в 1990 году до 59 в 2000 году)[302].

Для обоснования создания региональных организаций используются разные доводы, но среди наиболее часто встречающихся можно выделить, во-первых, необходимость повышения благосостояния населения путём развития торговли и

---

299 *Engel U.* Op. cit. P. 313.
300 *Panke D.*, *Starkmann A.* Op. cit. P. 2.
301 *Panke D.*, *Starkmann A.* Op. cit. P. 2–3.
302 Ibid. P. 2–3.

экономики, и во-вторых, необходимость поддержания мира в соответствующих регионах[303].

Заметный и резкий рост количества международных региональных организаций в литературе объясняется влиянием нескольких факторов. Во-первых, этот рост отражает увеличение числа независимых государств в мире после окончания Второй мировой войны; во-вторых, исследования показывают, что со временем государства проявляли всё большую готовность к региональному сотрудничеству, видя в нём одно из средств борьбы с глобализацией и растущей взаимозависимостью; в-третьих, после окончания холодной войны государства, которые больше не принадлежали к какому-либо конкретному блоку, стали пересматривать свою внешнюю и региональную политику[304].

Определённые закономерности показывает также изучение динамики изменения сферы компетенции региональных организаций, которые могут радикально отличаться друг от друга в этом вопросе. Так, по состоянию на 2015 год, у Союза стран бассейна реки Мано (*Mano River Union*) было только 9 сфер полномочий, а у Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (*Central Asia Regional Economic Cooperation*) — всего 7 сфер, в то время как у ЕС зафиксирован максимальный объём — 148[305]. При этом, если в 1950 году региональные организации охватывали в среднем 13,5 различных компетенций, в 2015 году это число возросло до 53,2[306]. Кроме того, рост числа сфер полномочий, передаваемых государствами на уровень региональной организации, оказывается напрямую связан с наличием в составе этой организации постоянно действующего суда, уровнем развития государств и возможностью принимать решения большинством голосов, а не единогласно, например, или путём консенсуса[307].

---

303 См.: *Jetschke A.*, *Münch S.* Op. cit. P. 451.
304 *Panke D.*, *Starkmann A.* Op. cit. P. 8.
305 *Panke D.*, *Starkmann A.* Op. cit. P. 10.
306 Ibid. P. 2.
307 Ibid. P. 14–15.

Отдельного комментария заслуживает развернувшаяся преимущественно в европейской литературе дискуссия о так называемом демократическом дефиците в деятельности региональных организаций[308], начало которой положили исследования права и институтов ЕС. Устранение этого «дефицита» обычно связывается с созданием в рамках региональной организации не только постоянно действующего суда, но и регионального представительного органа (в отечественной литературе схожие мысли высказывались П. Калиниченко и Р. Петровым по поводу отсутствия среди институтов ЕАЭС Межпарламентской Ассамблеи в финальной версии Договора о ЕАЭС[309]). Вопреки ожиданиям учёных, наличие таких органов не является исключительной прерогативой Европейского союза, а является достаточно распространённым свойством региональных организаций. В 2018 году в рамках в общей сложности 28 региональных организаций был создан региональный представительный орган, при этом в более чем половине из них был также создан постоянно действующий региональный международный суд, зачастую обладающий юрисдикцией в области прав человека[310]. Региональные представительные органы создаются в форме наднационального парламента с депутатами, избираемыми либо прямым голосованием (например, Европейский парламент, парламент Андского сообщества), либо национальными парламентами (например, до недавнего времени — парламент МЕРКОСУР, а также Панафриканский парламент Африканского союза, создание которого предусмотрено Протоколом, проходящим сейчас процедуру ратификации государствами — членами Союза), или межправительственного парламента, в состав которого входят делегации национальных парламентов (например, Парламентская ассамблея Совета Европы, Межпарламентская Ассамблея СНГ). Первая межпарламентская ассамблея была

---

[308] *Jetschke A.*, *Münch S.* The Existence of Courts and Parliaments in Regional Organizations: A Case of Democratic Control? // Polit Vierteljahresschr. Vol. 61. 2020. No. 2. P. 309–333, 312.

[309] *Kalinichenko P.*, *Petrov R.* On Similarities and Differences of the European Union and Eurasian Economic Union Legal Orders: Is There the “Eurasian Economic Union *Acquis*”? // Legal Issues of Economic Integration. Vol. 43. 2016. No. 3. P. 295–307, 305.

[310] *Jetschke A.*, *Münch S.* The Existence of Courts and Parliaments in Regional Organizations: A Case of Democratic Control? P. 311.

создана в рамках Совета Европы в 1949 году, а в 1979 году были созданы первые наднациональные парламенты, а именно Европейский парламент и парламент Андского сообщества[311].

Если говорить о судах, создаваемых в региональных организациях, то на данный момент насчитывается 17 таких судов, причём если первый такой суд был создан в Европе (Суд ЕОУС в 1952 году), то в настоящее время более трети таких судов находятся в Африке, а Латинская Америка занимает второе место по этому показателю с пятью судами[312].

Проведённый исследователями анализ современных региональных организаций, в которых есть постоянно действующий суд и представительный орган, показывает, что создание таких органов в первую очередь вызвано соображениями функционального характера, когда такие органы воспринимаются как инструменты для решения проблем[313], а не желанием усилить демократическую составляющую и устранить «демократический дефицит». Государства делегируют создаваемым региональным судам и представительным органам именно те полномочия, которые функционально необходимы для решения таких вопросов, как мониторинг исполнения государствами взятых на себя обязательств и установления фактов их неисполнения. Кроме того, если это необходимо, региональные суды наделяются компетенцией контроля актов и действий (бездействий) институтов региональных организаций в случае принятия ими обязательных решений, действующих непосредственно в правопорядках государств-членов[314]. При этом чем больше полномочий передаётся государствами на уровень региональной организации, тем сильнее вероятность создания регионального суд и представительного органа[315]. Интересно отметить, что сама концепция «демократического дефицита» в региональных организациях начала

---

311 Ibid. P. 322.
312 Ibid. P. 323.
313 *Jetschke A.*, *Münch S.* The Existence of Courts and Parliaments in Regional Organizations: A Case of Democratic Control? P. 318.
314 Ibid. P. 314.
315 Ibid. P. 325.

также ставиться под сомнение. В литературе отмечается, что идея о наделении региональных парламентов полномочиями, сопоставимыми с полномочиями национальных представительных органов, является контрпродуктивной в силу как невозможности полноценно воспроизвести законодательные процедуры на региональном уровне, так и в силу того, что буквальное воплощение на уровне региональных организаций полномочий, присущих национальным парламентам, привело бы к блокировке нормотворческого процесса и, возможно, даже к дезинтеграции[316].

Переходя от нормативного измерения регионализма к его ценностному содержанию, несложно заметить, что региональное измерение региональных организаций можно также рассматривать как форму противодействия универсалистским амбициям, связанным с общим международным правом и его институционализацией. Можно сказать, что в этом отношении региональные организации самим своим существованием бросают вызов ценностным основам современного международного права, в частности тем, которые связаны с универсальностью его норм[317].

При этом, как подчеркнула Комиссия международного права в своём докладе о фрагментации, региональный контекст даёт особые преимущества, например в процессах нормотворчества: «Наличие мощной культурной общности лучше обеспечивает легитимность регламентаций, равно как и их одинаковое понимание и применение»[318]. Комиссия также отметила, что современные системы прав человека и соглашения о свободной торговле неизменно зарождались в региональных условиях, «несмотря на провозглашённые универсалистские идеи о правах человека или общих рынках»[319].

---

316 *Majone G.* Europe's "Democratic Deficit": The Question of Standards // European Law Journal. Vol. 4. 1998. No. 1. P. 5–28, 11.

317 *Brölmann C. M.* Op. cit. P. 11.

318 КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 114. § 205.

319 Там же.

1.6. Основные выводы по главе

В современных условиях термин регионализм прочно вошёл в лексикон политиков, общественных деятелей и исследователей международного права. При этом значение этого термина проделало заметную эволюцию. Первоначально регионализм имел прочную привязку к конкретной территории и ассоциировался в значительной степени с интеграционными и военно-политическими процессами в Западной Европе (создание ЕС и НАТО). Однако со временем, во-первых, территориальный критерий потерял своё ключевое значение, и термин «регионализм» стал применяться ко всем соглашениям группы стран, имеющих общие интересы и/или цели, а также использующих для достижения этих целей (интересов) собственные правила ограниченного круга применения. Во-вторых, регионализм перестал ассоциироваться исключительно с опытом Европейского союза, который уже не воспринимается как пример для подражания. Новый регионализм исходит из множества модальностей регионального сотрудничества, сохраняя при этом свои главные характеристики — ограниченный круг участников и наличие собственных норм, регулирующих отношения между этими участниками[320]. Идущие по всему миру разнообразные процессы регионализации заставили исследователей говорить о сравнительном регионализме, глобальном регионализме и о мире регионов. Все эти процессы сегодня укладываются в логику построения многополярного мира.

Регионализм в нашем понимании — это политика государств, направленная на то, чтобы эффективно защищать свои интересы, быстрее достигать поставленных целей или надёжно обеспечить мир и безопасность путём создания или участия в региональных механизмах, а не попытки сделать это на универсальном уровне.

---

[320] *Кадышева О.В.* Регионализм в международном праве: в поисках баланса. С. 54.

Особой формой регионализма следует считать нормативный регионализм[321], который в его позитивном значении предполагает наличие особых норм или принципов, которые были бы обязательны только для государств — членов регионального объединения. В негативном значении нормативный регионализм представляет собой требование группы государств определённого географического района об освобождении от применения к ним универсальных норм или принципов.

Нормативный регионализм основан в том числе и на собственных источниках регионального права, которые по составу и иерархии могут отличаться от перечня универсальных источников, в число которые могут входить региональные договоры, региональные обычаи и региональные общие принципы права. Регионализм и региональные подходы к международному праву в современных геополитических условиях являются не угрозой, а возможностью для эволюции международного права..

На фоне объективных ограничений, с которыми сталкиваются попытки объяснить специфику правопорядков региональных интеграционных объединений через призму их автономности, идея нормативного регионализма приобретает несомненный научный потенциал, поскольку она может быть использована для объяснения разнообразия и особенностей правопорядков международных организаций региональной экономической интеграции. Этот потенциал особенно очевиден, как будет показано ниже, при анализе права ЕАЭС, который не рассматривается как автономный по аналогии с правом ЕС, но при этом имеет сходные черты в части собственных источников права, субъектного состава и механизмов ответственности[322].

Кроме того, уже не кажется удивительным, что за последние годы произошла регионализация вопросов применения силы для поддержания мира и безопасности, несмотря на то что эта сфера традиционно относилась к исключительной компетенции Совета Безопасности ООН. При всей

---

[321] *Кадышева О. В.* Нормативный регионализм в международном праве. С. 32:
[322] Там же.

неоднозначности регионализации такого рода сегодня она, несмотря на противоречивые результаты, стала реальностью, и вынудила Совет Безопасности искать новые пути сотрудничества с региональными организациями по этим вопросам.

Если говорить о проявлении регионализма в деятельности ООН в целом, то можно отметить, что современная практика применения норм Устава ООН придаёт гораздо большее значение регионализму, чем это можно было предположить при создании ООН. Явный переход от первоначальной преимущественно универсалистской концепции ООН к регионализму объясняется, во-первых, частичной неспособностью ООН справиться со многими возложенными на неё задачами, во-вторых, возрождением групповой солидарности среди государств-членов, а в-третьих, что естественно, желанием решать определённые проблемы локально.

Таким образом, регионализм и региональные подходы к международному праву в современных геополитических условиях являются не угрозой, а возможностью для эволюции международного права.

Глава 2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК ОСНОВА ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

2.1. Право ЕАЭС: общая характеристика

Когда мы говорим о праве ЕАЭС, то понимаем под ним и более широкую правовую категорию — «правопорядок», несмотря на то что в статье 6 Договора о Евразийском экономическом союзе употребляется термин «право Союза», которое составляют Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза. Анализ статьи 6 Договора о ЕАЭС позволяет прийти к выводу, что в основе права ЕАЭС лежит первичное право Союза (учредительный договор, договоры о присоединении к Союзу, международные договоры внутри Союза, соглашения между ЕАЭС и третьими сторонами), а также так называемое вторичное право — решения и распоряжения органов Союза. Это подтверждает, что право ЕАЭС — не просто норм, а именно правопорядок, то есть система норм со своей иерархией, нормотворческими органами и судом, отвечающим за единообразное толкование и применение норм права Союза и осуществляющим соответствующий контроль за их правомерностью. На сегодняшний день государства — члены Союза и Суд ЕАЭС не рассматривают право Союза как особый полностью автономный правопорядок, существующий отдельно от международного права, а сам Суд Союза действует в парадигме международного права, применяя правила толкования Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Не случайно в пункте 50 Статута Суда указано, что Суд ЕАЭС при осуществлении

правосудия применяет общепризнанные принципы и нормы международного права, Договор, международные договоры в рамках Союза, решения и распоряжения органов Союза, международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

В рамках права ЕАЭС в статье 6 Договора о ЕАЭС установлена жёсткая иерархия его внутрисистемных норм: на вершине этой иерархии располагается сам Договор о ЕАЭС, которому должны соответствовать договоры, заключённые внутри Союза, и договоры Союза с третьей стороной, а также акты органов Союза. В литературе отмечено, что учредительный характер Договора о ЕАЭС обладает некоторыми существенными особенностями, к числу которых относится, во-первых, то, что на его основе формируется не просто международная межправительственная организация, а «международная организация региональной экономической интеграции», имеющая черты, сближающие её с международными наднациональными организациями; и во-вторых, что в рамках этой организации обеспечиваются свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определённых данным Договором и международными договорами, заключаемыми в рамках Союза, то есть «ЕАЭС формирует единое экономическое пространство (таможенный союз, общий рынок), которое с учетом его правовых основ можно обозначить как экономико-правовое пространство»[323].

Акты органов ЕАЭС тоже имеют собственную иерархию: в случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, решения Высшего Евразийского экономического совета имеют приоритет над решениями Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, а решения Евразийского межправительственного совета имеют приоритет

---

[323] *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс. С. 61.

над решениями Евразийской экономической комиссии[324]. Перед Межправительственным советом и Высшим советом может быть поставлен вопрос об отмене решения Комиссии[325]. Пункт 30 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору) устанавливает специальный порядок обжалования только решений Коллегии Комиссии, которые не вступили в силу. При этом установленная указанным пунктом Положения процедура обжалования не вступившего в силу решения не предусматривает принятие отдельного решения о невступлении в силу и приостановлении соответствующего решения Коллегии Комиссии[326].

В рамках Союза создаются нормы, образующие его правовую систему. Речь идёт прежде всего об актах Евразийской экономической комиссии (*далее* — ЕЭК, Комиссия). Кроме того, Договором установлен порядок применения актов, составляющих право Союза. Во-первых, согласно абзацу шестому пункта 1 статьи 6 Договора решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством, то есть требуют соблюдения соответствующих внутригосударственных имплементационных процедур. Во-вторых, «Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, и рекомендации, не имеющие обязательного характера. Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов»[327].

---

[324] Статья 6 Договора о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 года.

[325] Суд Евразийского экономического союза (*далее* — Суд ЕАЭС). Консультативное заключение Большой Коллегии от 16 октября 2019 года по делу № Р-4/19. Абзац 12 пункта 3 части IV. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.19/ (дата обращения: 25.12.2025).

[326] Там же. Абзац 9 пункта 3, абзац 2 пункта 4, абзацы 6, 7 пункта 5 части IV.

[327] Пункт 13 Положения о Евразийской экономической комиссии. Приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе.

Подходы к наднациональному регулированию и к особенностям правопорядка в самом Договоре о Евразийском экономическом союзе не определены, а выработаны в практике Суда ЕАЭС. Во-первых, Суд Союза в праве Союза видит «единую систему»[328], во-вторых, право Союза обладает свойствами «прямого действия и непосредственного применения» (в терминологии Суда)[329], и наконец, право Союза имеет приоритет над правом государств-членов[330]. Кроме того, в практике Суда ЕАЭС мы обнаруживаем ссылки на принципы права Союза, что позволяет ставить вопрос о формировании группы напрямую не предусмотренных Договором о ЕАЭС собственных общих принципов права ЕАЭС, которые также можно считать особой чертой права ЕАЭС и особой категорией его источников[331].

Ещё одной особенностью правопорядка ЕАЭС можно назвать полное отсутствие упоминания в Договоре о ЕАЭС среди источников права ЕАЭС

---

[328] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 10 июля 2018 года по делу № Р-1/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.18/ (дата обращения: 25.12.2025).

[329] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 4 апреля 2017 года по делу № Р-1/17. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.17/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 10 июля 2018 года по делу № Р-1/18; Консультативное заключение Большой Коллегии от 7 декабря 2018 года по делу № Р-3/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.18/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 18 июня 2019 года по делу № Р-1/19. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.19/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 31 октября 2019 года по делу № Р-3/19. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.19/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 11 июля 2023 года по делу № Р-2/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.23/ (дата обращения: 25.12.2025).

[330] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 12 сентября 2017 года по делу № Р-2/17. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.17/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 7 декабря 2018 года по делу № Р-3/18; Консультативное заключение Большой Коллегии от 18 июня 2019 года по делу № Р-1/19.

[331] Впервые квалификация «общего принципа права Союза» была использована Судом ЕАЭС в качестве средства аргументации в консультативном заключении по делу о государственных *закупках* и касалась принципа пропорциональности, который, по мнению Суда, включает в себя проверку двух компонентов: действительно ли предлагаемая мера будет способствовать в конкретной ситуации решению одной из поставленных задач; пределы соразмерности указанной меры для достижения заявленной цели. Второй компонент теста пропорциональности предполагает подтверждение отсутствия менее ограничительных способов достижения той же цели. См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 11 января 2021 года по делу № Р-3/20. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.20/ (дата обращения: 25.12.2025).

международных обычаев (как общих, так и региональных), а также явное нежелание Суда ЕАЭС применять нормы международного обычного права в своей практике, несмотря на то что, как было ранее указано, в пункте 50 Статута Суда ЕАЭС упоминается международный обычай в перечне применимых Судом норм при разрешении споров. Надо отметить, что ещё в 1988 году в отечественной доктрине Г. М. Даниленко высказывал мысль о том, что «практика государств, являющихся членами определённой международной организации, может привести к формированию обычных норм, связывающих только государства-члены этой организации»[332]. В качестве примера он предлагал рассматривать обычные нормы, складывающиеся в рамках региональных экономических организаций, таких как ЕЭС и СЭВ[333]. Однако современные доктрины правопорядка ЕС не рассматривают такие региональные обычаи среди источников права ЕС, а практика Суда ЕС также не содержит какого-либо упоминания о таких обычаях и о возможности их появления. Всё это позволяет прийти к выводу, что региональные (партикулярные) обычаи, существование которых признаётся МС ООН[334] и КМП[335], а также современной доктриной международного права[336], не играют какой-либо роли в праве региональных организаций экономической интеграции.

---

[332] *Даниленко Г. М.* Обычай в современном международном праве. М. : Наука, 1988. С. 126–127.

[333] Там же.

[334] ICJ. *Colombian-Peruvian asylum case*. Judgment of 20 November 1950 // I.C.J. Reports. 1950. P. 266; *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Merits. Judgment of 12 April 1960 // I.C.J Reports. 1960. P. 6.

[335] КМП в своём проекте выводов о выявлении международного обычного права говорит о «партикулярном международном обычном праве» и о «нормах партикулярного международного обычного права» (вывод 16 и пояснения к нему).

[336] Подробнее см.: *Исполинов А. С.* Локальные (партикулярные) обычаи, Международный суд ООН и проблема согласия государств.

2.2. Региональные императивные нормы: понятие и проблемы идентификации[337]

Согласно устоявшемуся определению под императивной нормой общего международного права (*jus cogens*) понимается норма, которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер. Современная наука и международные суды исходят из наличия норм *jus cogens* в международном праве, однако в исследованиях отмечается почти полное отсутствие практики их применения. Более того, универсализм, который лежит в основе доктрины jus *cogens*, в последнее время сталкивается с вызовами фрагментации международного правопорядка и формированием многополярного мира. Государства всё чаще объединяются в географические, языковые или культурные группы для реализации совместных проектов, что не может не отражаться на международном праве, которое уже включает особые нормы, защищающие ценности, признаваемые фундаментальными на уровне конкретных регионов. Формирование региональных правопорядков неизбежно приведёт к возникновению проблемы идентификации и действия в рамках данных правопорядков локальных норм особой юридической силы (локальных или партикулярных императивных норм jus cogens). Такие региональные нормы играют важную роль, поскольку они способствуют выявлению общих и разделяемых фундаментальных ценностей в отдельно взятом сообществе государств, закрепляя идеи и служа основой для сотрудничества между этими государствами в решении определённых социальных и политических задач, стоящих перед ними. Распространённое в науке представление об отсутствии

[337] При подготовке параграфа была использована публикация автора: *Кадышева О.В.* Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 98-116.

региональных *jus cogens* не означает, что региональные правопорядки не вправе самостоятельно провозглашать основополагающий характер ряда своих норм, противоречие которым делает другие региональные нормы недействительными. Для обеспечения равенства и дифференцированного подхода региональные *jus cogens* следует рассматривать как концепцию, предназначенную для выборочного применения. В этой связи возникают сложные вопросы возможного соотношения универсальных и региональных императивных норм или в виде приоритета норм общего международного права, или в форме *lex specialis* для региональных норм, или, наконец, в форме допускаемых исключений региональных *jus cogens* из норм универсального характера.

2.2.1. Понятие императивных норм в международном праве

Понятие императивных норм международного права (*jus cogens*) прочно вошло в обиход международной практики и является неотъемлемой и необходимой частью интеллектуального багажа любого юриста-международника. На 73-й сессии Комиссии международного права ООН, проходившей в 2022 году, была рассмотрена тема императивных норм общего международного права. В рамках этой сессии Специальный докладчик КМП Дире Тлади представил уже пятый доклад, который содержал анализ мнений и замечаний, полученных от государств по проектам выводов и комментариев, принятым в первом чтении. Доклад включал в себя предложения по внесению изменений в проекты выводов, подготовленные на тот момент. В результате обсуждений Комиссия приняла во втором чтении полный свод проектов выводов, состоящий из 23 проектов выводов, а также приложение к ним и комментарии[338]. В соответствии со своими процедурными нормами Комиссия решила рекомендовать эти проекты выводов Генеральной

[338] Доклад Комиссии международного права. Семьдесят третья сессия (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). Документ ООН A/77/10. URL: https://docs.un.org/ru/A/77/10 (дата обращения: 25.12.2025).

Ассамблее ООН. При этом специально отмечалось, что Ассамблея должна принять к сведению данные проекты выводов и передать их на рассмотрение государств и всем, кто будет работать над идентификацией и применением императивных норм общего международного права, а также выявлением их правовых последствий[339]. Характер проектов выводов, по мнению самого Специального докладчика, стоит рассматривать как «изложение права, призванное служить руководством для тех, кто должен идентифицировать нормы jus cogens и применять последствия таких норм»[340].

В соответствии с проектом вывода 2 «императивные нормы общего международного права (jus cogens) отражают и защищают основополагающие ценности международного сообщества. Они являются универсально применимыми и стоят иерархически выше других норм международного права»[341]. В литературе отмечается, что убеждение об «иерархическом превосходстве jus cogens» является общепризнанным[342], однако при этом также утверждается, что концепция императивных норм является необходимым инструментом каждого правопорядка. Иными словами, никогда не существовало и не может существовать правопорядка, в котором все нормы были бы диспозитивными: «…если от всех норм можно отказаться (по соглашению сторон. — *О. К.*), то нормативный порядок распадается»[343]. Своим закреплением в современном международном праве *jus cogens* обязаны Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. После этого произошла значительная эволюция международного права, что стало причиной появления большого количества научных работ по проблематике *jus*

---

339 Доклад Комиссии международного права. Семьдесят третья сессия (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). С. 5 § 13.

340 КМП. Пятый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/747. 17 января 2022 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/747 (дата обращения: 25.12.2025). С. 12. § 29.

341 Доклад Комиссии международного права. Семьдесят третья сессия (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). С. 13.

342 *Кремнев П. П.* Указ. соч. С. 788.

343 *Kolb R.* Op. cit. P. 26–27.

cogens[344]. Вслед за этим эта доктрина получила применение в международных и национальных судах[345], что дало основание Комиссии международного права ООН заявить о поддержке этой доктрины в судебной практике[346]. На нормы *jus cogens* ссылаются практически в каждом деле, где сторона или сам суд намерены продемонстрировать особую важность применяемой ими нормы, однако, по некоторым оценкам, столь «навязчивое упоминание *jus cogens* контрастирует с их полной загадочностью и непрозрачностью»[347].

Понятие региональных *jus cogens* является ещё более неопределённым, поскольку оно не соответствует общепринятым представлениям об универсальном характере императивных норм и пока не подтверждается устойчивой и

---

[344] См., например: *Linderfalk U.* The Effect of *Jus Cogens* Norms: Whoever Opened Pandora's Box, Did You Ever Think About the Consequences?; *Linderfalk U.* Understanding the Jus Cogens Debate: The Pervasive Influence of Legal Positivism and Legal Idealism; *Tladi D.* Codification, Progressive Development, New Law, Doctrine, and the Work of the International Law Commission on Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens): Personal Reflections of the Special Rapporteur; *Tladi D.* The ILC's Draft Conclusions on Peremptory Norms of General International Law: Personal Reflections of the Special Rapporteur; *Tunkin G.* Jus Cogens in Contemporary International Law // University of Toledo Law Review. Vol. 3. 1971. No. 1. P. 107–118; *von Verdross A.* Jus Dispositivum and Jus Cogens in International Law // American Journal of International Law. Vol. 60. 1966. No. 1. P. 55–63.

[345] См., например: United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. *Prosecutor v. Anto Furundzija [Trial Chamber]*. Case No. IT-95-17/1-T. Judgment of 10 December 1998. P. 58. § 153; International Court of Justice (*далее* — ICJ). *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*. Jurisdiction of the Court and Admissibility of the Application. Judgment of 3 February 2006 // I.C.J. Reports. 2006. P. 31–32. § 64–65; Inter-American Court of Human Rights. *The obligations in matters of human rights of a state that has denounced the American Convention on Human Rights and the Charter of the Organization of American States*. Series A. No. 26. Advisory opinion of 9 November 2020. P. 37. § 106; Решение Кировского районного суда города Уфы от 4 июля 2013 года по делу № 2-2830/2013~М-995/2013; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 6.

[346] Доклад Комиссии международного права. Семьдесят третья сессия (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). С. 27. Комментарий к выводу 2. Пункт 15.

[347] *Zouapet A.* Op. cit. P. 47.

распространённой практикой государств. На первый взгляд, идеи — универсальной императивности и регионализма — выглядят как несочетаемые, потому что если отталкиваться от такой характеристики императивной нормы, как неизбежность быть «принятой и признанной международным сообществом государств в целом», то в этом контексте не остаётся места для какой-либо региональной перспективы. В настоящее время в международно-правовой науке отсутствует единая позиция о существовании региональных *jus cogens*[348]. Комиссия международного права ООН, полностью не отвергая концепцию региональных *jus cogens,* всё-таки её не поддерживает, лишь акцентируя внимание на том, что идея региональных *jus cogens* не находит подтверждения в практике государств и сталкивается с рядом как концептуальных, так и практических трудностей. Тем не менее в своих комментариях к выводу 1 КМП заявила, что «нормы сугубо двустороннего или регионального характера исключены из сферы охвата темы»[349]. Это дало основание ряду авторов заявить, что возможность существования региональных *jus cogens* не была полностью исключена КМП, а просто вынесена за рамки рассуждений Комиссии[350]. Однако в академических дискуссиях относительно региональных *jus cogens* проявляются интересные подходы, которые отражают современное восприятие проблемы регионализма в международном праве[351]. Региональные органы международного правосудия, развивая текущую практику, которая иногда значительно отходит от универсалистского подхода, основывающегося на традиционном понимании *jus cogens*, начинают использовать концепцию региональных *jus cogens*, что в конечном итоге переводит в практическую сферу дискуссии о региональных императивных нормах, ранее носившие сугубо теоретический характер.

Согласно статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года «императивная норма общего международного права является нормой,

---

348 *Lima L. C.*, *Marotti L.* Op. cit. P. 221.

349 Доклад Комиссии международного права. Семьдесят третья сессия. 18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года. С. 20. Комментарий к выводу 1. Пункт 8.

350 *Lima L. C.*, *Marotti L.* Op. cit. P. 226.

351 См., например: Ibid. P. 219–239.

которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»[352]. Это же положение было дословно воспроизведено в статье 53 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года. В статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года[353] содержится специальное регулирование, устанавливающее ответственность за нарушение императивных норм (статьи 40–41) и последствия контрмер, применяемых к государству-нарушителю, нарушающему нормы *jus cogens* (статья 50). По мнению С. В. Черниченко, «Венские конвенции 1969 и 1986 годов переместили… вопрос об императивных нормах международного права из доктринальной сферы в практическую, перевели его на договорные “рельсы”»[354].

Комиссия международного права ООН определяет императивную норму как норму «общего международного права (jus cogens)… которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»[355]. Как уже было отмечено ранее, в проекте вывода 2 подчёркивается, что такие нормы «отражают и защищают фундаментальные ценности международного сообщества». В комментарии к этому выводу Комиссия указывает на универсальную применимость императивных норм общего

---

[352] Статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 года) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.

[353] International Law Commission. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts // Report of the International Law Commission on the work of its fifty-third session, 23 April — 1 June and 2 July — 10 August 2001. UN Document A/56/10. P. 26–30. § 76. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[354] *Черниченко С. В.* Взаимосвязь императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes. С. 4.

[355] Доклад Комиссии международного права. Семьдесят третья сессия (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). С. 30. Вывод 3.

международного права, которая означает, что нормы имеют обязательную силу для всех субъектов международного права, которым они адресованы, включая государства и международные организации; при этом универсальное применение императивных норм общего международного права является как характеристикой, так и следствием императивных норм общего международного права[356]. На наш взгляд, выбор Комиссией терминов «отражают» и «защищают» демонстрирует двойственность фундаментальных ценностей в контексте императивных норм международного права, потому что, с одной стороны, они акцентируют внимание на том, что такие нормы не только исходят из данных ценностей, но и, с другой стороны, активно способствуют их поддержанию и защите. «Отражать» указывает на то, что императивные нормы — это не просто юридические требования, но и выражение глубоких моральных и этических принципов, общепринятых в международном сообществе; «защищать» подсвечивает активный аспект этих норм: они не только подтверждают существование основных ценностей, но и действуют в качестве механизма их охраны от нарушений, то есть императивные нормы становятся инструментом, способствующим обеспечению и укреплению этих ценностей на международном уровне.

Для идентификации императивной нормы общего международного права (*jus cogens*) необходимо установить, что рассматриваемая норма отвечает следующим критериям: во-первых, она является нормой общего международного права[357], и, во-вторых, она принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного

---

[356] Доклад Комиссии международного права. Семьдесят третья сессия (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). С. 26. Комментарий к выводу 2. Пункт 10.

[357] Общепринятого определения «общее международное право» не существует, поэтому Комиссия в комментарии к выводу 5 указала, что «общее международное право — это те нормы международного права, которые, по утверждению Международного Суда, “должны иметь одинаковую силу для всех членов международного сообщества”». См.: Там же. С. 34–35. Комментарий к выводу 5. Пункт 2.

права, носящей такой же характер[358]. Таким образом, выводы Комиссии международного права ООН сосредотачиваются на императивных нормах общего международного права, как это определено в Венских конвенциях о праве международных договоров 1969 и 1986 годов, и касаются только императивных норм общего международного права, оставляя в стороне любые предположения о региональных *jus cogens*.

2.2.2. Понятие региональных императивных норм

В проекте Статей по праву международных договоров, подготовленном Комиссией международного права[359], понятие *jus cogens* изначально было сформулировано без упоминания признания этих норм международным сообществом в целом, что указывало на то, что такие нормы являются универсальными и не допускают отступлений. Однако в ходе переговоров по обсуждению Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года было решено добавить, что такие нормы «приняты и признаны международным сообществом государств в целом». Это изменение внесло в определение *jus cogens* важный элемент общего признания, тем самым укрепив статус этих норм как обязательных для всех государств, акцентируя их универсальное применение[360].

Дискуссия о региональных *jus cogens* привлекает внимание представителей доктрины и продолжается до настоящего времени. При этом стоит отметить, что основные спорные моменты касаются не столько конкретных императивных норм, сколько основываются в большей мере на теоретических основаниях их

---

[358] Доклад Комиссии международного права. Семьдесят третья сессия (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). С. 32–33. Вывод 4.

[359] International Law Commission. Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries, 1966. Adopted by the ILC at its eighteenth session in 1966. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[360] *Zouapet A. K.* Op. cit. P. 52.

идентификации и признания[361]. На раннем этапе, как до, так и после принятия Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, большинство дискуссий о конкретных императивных нормах основывалось на теоретических основаниях, а не на конкретных примерах норм, претендующих на статус *jus cogens*. Мнения некоторых авторов, отстаивающих существование региональных *jus cogens*, аргументируются тем, что в соответствии со статьёй 53 Венской конвенции 1969 года нормы *jus cogens* принадлежат общему международному праву только в той части, в которой они применимы к Конвенции[362].

Г. И. Тункин, рассуждая о роли, правовой природе и содержании императивных принципов общего международного права, дискуссиях в Комиссии по поводу содержания статьи 53 Венской конвенции 1969 года, не отрицал существования норм особой силы, отличных от норм общего международного права, полагая, что статья 53 Венской конвенции может быть фактически применима в полном объёме и «к двусторонним или не общим многосторонним договорам»[363]. По его мнению, проблема *jus cogens* тесно «связана с прогрессивным развитием международного права и существованием региональных правовых норм»[364]. Признавая существование *jus cogens*, нельзя отрицать, по мнению Тункина, «что они не могут препятствовать установлению общих или региональных норм, которые выходят за их пределы в целях содействия мирным и дружественным отношениям между государствами, соответствующим более высоким этапам международной интеграции… [и]… запрещать установление локальных норм, которые отличаются от них по своему социальному содержанию»[365].

---

361 *Šturma P.* Is There Any Regional Jus Cogens in Europe? The Case of the European Convention on Human Rights // Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens) Disquisitions and Disputations / ed. by D. Tladi. P. 302–318, 303.

362 *Rozakis C. L.* The Concept of Jus Cogens in the Law of Treaties. Amsterdam ; New York ; Oxford : North-Holland, 1976. P. 56.

363 *Tunkin G.* Op. cit. P. 117.

364 Ibid.

365 Ibid. P. 117–118.

В изданной в 1981 году монографии Л. Н. Шестаков, не отвергая возможность существования партикулярных императивных норм в системе международного права, полагал, что основное внимание всё же стоит уделять исследованию *jus cogens* общего международного права. Данная позиция обосновывалась автором прежде всего тем, что концепция *jus cogens* является сравнительно новой и недостаточно разработанной. По мнению Л. Н. Шестакова, даже теоретическая допустимость партикулярных императивных норм не означает возможность применения их на практике: «…практическая возможность их существования сводится к минимуму»[366]. Главным же его аргументом в пользу отрицания партикулярных императивных норм было то, что международная практика не может представить «бесспорного примера существования таких норм, в то время как существование норм *jus cogens* общего международного права находит подтверждение в международной практике»[367]. Вместе с тем, как считает Л. Н. Шестаков, нормы общего международного права только в идеале стремятся к универсальности, а в реальной международной жизни на этом пути имеется много препятствий, и, как показывает практика, можно говорить о полной универсальности только небольшого числа норм международного права[368].

По мнению С. В. Черниченко, проблема *jus cogens* должна рассматриваться через призму обязательств *erga omnes*. Он полагает, что обязательства *erga omnes*, то есть обязательства, касающиеся всего международного сообщества, «являются содержанием императивных норм»[369]. В этом свете он рассуждает о том, оправданно ли считать региональные принципы императивными нормами международного права[370]. По его мнению, такая аргументация может стать основой для выводов о существовании императивных норм, которые подразумевают обязательства *erga omnes* по отношению к определённой группе государств, даже

---

366 *Шестаков Л. Н.* Указ. соч. С. 36.
367 Там же. С. 36.
368 Там же. С. 33.
369 *Черниченко С. В.* Взаимосвязь императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes. С. 4.
370 Там же. С. 13.

если они не образуют регион или что-то подобное, а имеют иные общие характеристики[371]. Допустив существование императивных норм, содержащих обязательства *erga omnes* только для государств, «образующих некий регион или объединенных каким-либо иным общим качеством», С. В. Черниченко делает две оговорки, касающиеся сферы действия этих норм: «во-первых, выражение “erga omnes” следует понимать, как означающее в таком случае государства данного региона (или группы государств, объединенных иным качеством)», а «во-вторых, эти императивные нормы не должны нарушать те императивные нормы, которые предусматривают обязательства erga omnes *всех* государств», и «региональные и им подобные императивные нормы… не должны ухудшать положение государств, входящих в регион или иную группу соответствующих государств, по сравнению с остальными государствами»[372].

С. В. Черниченко поднимает важный вопрос о балансе между глобальными и региональными нормами международного права, указывая вслед за Г. И. Тункиным, что императивные нормы общего международного права не должны препятствовать созданию императивных норм, действующих в рамках ограниченного круга государств, если последние создают более благоприятные условия для этих государств, чем глобальные императивные нормы, и им не противоречат[373]. Эти нормы различаются, по его мнению, только в сфере их действия: «Глобальные императивные нормы нельзя нарушать никаким субъектам международного права. Региональные (и им подобные) императивные нормы нельзя нарушать государствам, входящим в регион или в круг государств ими связанных (при условии, конечно, что в любом случае последние не противоречат глобальным императивным нормам)»[374].

Наиболее активно поддерживает идею существования региональных *jus cogens* Роберт Колб. Он рассматривает *jus cogens* как своего рода «юридическую

---

371 *Черниченко С. В.* Взаимосвязь императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes. С. 13.
372 Там же. С. 13–14.
373 Там же.
374 Там же. С. 14.

технику», применяемую различными способами, и поэтому выделяет «разные типы» *jus cogens*, которые имеют разные роли и последствия в международном праве. Согласно его теории, любая норма, которую невозможно изменить соглашением сторон договора, может быть охарактеризована как *jus cogens*. Это, как справедливо отмечено в литературе, безусловно, создаёт основание для развития доктрины региональных императивных норм[375].

По мнению Р. Колба, в основе мнения большинства представителей доктрины о нормах *jus cogens* лежит «субстантивный взгляд», согласно которому существует ряд норм международного права, по своему содержанию («субстанции») отражающих фундаментальные ценности международного сообщества в целом и занимающих иерархически высшее положение по отношению ко всем остальным нормам правового порядка[376]. Из этого более высокого положения вытекает ничтожность или неприменимость нижестоящих норм, а также серьёзные последствия, наступающие в случае нарушения таких норм. Субстантивный подход порождает представление о том, что в отношении таких норм не может быть принято никаких «исключений» и никаких отступлений[377]. Основными элементами этого субстантивного взгляда на вертикальную коллизию норм являются: а) фундаментальные ценности; б) отражение публичного порядка международного сообщества; в) иерархическое превосходство норм, вытекающее из последнего; г) связанные с этим различные последствия этих норм — от ничтожности нижестоящей нормы до ответственности. Именно поэтому, по мнению Р. Колба, если обратиться к сути вопроса, то субстантивный взгляд может быть сведён к двум элементам: ценностям и иерархии[378]. Далее, рассуждая о ценностях и иерархии, Р. Колб приходит к выводу, что если государства признают норму имеющей императивный статус, то этой нормой может быть норма любого характера, даже та, которая не выражает

---

375 *Šturma P.* Is There Any Regional *Jus Cogens* in Europe? The Case of the European Convention on Human Rights. P. 304.
376 *Kolb R.* Op. cit. P. 22.
377 Ibid.
378 Ibid.

фундаментальных интересов всего международного сообщества, — поэтому именно признание делает норму императивной (или *jus cogens*), а не защищаемые этой нормой ценности[379]. Колб предлагает посмотреть на проблему через нейтральную призму и классифицировать другие правовые явления в качестве *jus cogens* или связанные с *jus cogens* приёмы в международном праве, «не находясь в плену мантры о том, что императивность может существовать только в самых священных залах храма»[380]. В качестве недостатков субстантивного взгляда Колб указывает неопределённость («отсутствие точного определения императивного содержания каждой нормы»), включая отсутствие надлежащей идентификации этих норм[381], чрезмерность («одно дело — провозгласить туманную и возвышенную идею “иерархии”, другое — ответить на вопрос, что она конкретно подразумевает в правовой плоскости»[382]) и их «монополистическое высокомерие» («между этим сияющим Олимпом и вульгарными реалиями более мирской юридической повседневности нет никакого моста»[383]).

Другие авторы отвергают существование региональных *jus cogens*. По их мнению, «если определённые нормы, действующие в отношении определённой группы государств, считаются особенно важными и, соответственно, превалируют над другими, из этого не обязательно следует, что они приобретают характер *jus cogens*»[384]. Однако отрицание возможности регионального *jus cogens* не означает отрицания возможности данного регионального правопорядка определять и идентифицировать определённые нормы как основополагающие и лишать силы в этом конкретном правопорядке любое противоречащее им соглашение между государствами этого пространства. Регионы, группы государств могут свободно и при этом правомерно иметь общий набор объединяющих и обязывающих эти

---

379 *Kolb R.* Op. cit. Ibid. P. 24–25.
380 Ibid.
380 Ibid. P. 26.
381 Ibid. P. 27–29.
382 Ibid. P. 30.
383 Ibid. P. 33.
384 *Virally M.* Réflexions sur le “jus cogens” // Annuaire Français de Droit International. Vol. 12. 1966. P. 5–29, 14.

государства норм, которые будут считаться этими государствами более важными в их отношениях между собой, чем другие правила и нормы, действующие между ними. Но сказать, что норма является основополагающей для данного правопорядка или географического региона, не значит сделать её нормой *jus cogens*, по крайней мере в смысле международного права[385].

По мнению Р. Хасмат, основное различие между универсальными и региональными *jus cogens* — в их цели и корнях; в соответствии с реальной практикой современных международных отношений основополагающий принцип заключается в том, что набор высших норм, имеющих первостепенное значение, помогает в решении определённых политических задач, которые намеренно и открыто признаются приемлемыми в определённый период времени группой национальных государств, — поэтому региональные *jus cogens* носят исключительно практический характер[386]. Если такие нормы существуют на региональном уровне, то они не могут быть фундаментальными в универсальном, всеохватывающем смысле[387].

Некоторые авторы, придерживающиеся «абсолютистских» подходов к *jus cogens*, пусть и с определённой осторожностью, но всё-таки признают возможность существования региональных норм *jus cogens*. Э. де Вет, например, утверждает, что обязательства, предусмотренные в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Европейская конвенция; ЕКПЧ), преобразовались в «региональное обычное право» и, по её мнению, возможно, даже стали «региональными нормами *jus cogens*»[388]. Об этом, по её словам, свидетельствует тот «особый статус», которым пользуется Европейская конвенция на территории её участников[389]. Дж. Гайя утверждает, что до сих пор не были

---

385 *Zouapet A. K.* Op. cit. P. 61.

386 *Hasmath R.* The Utility of Regional Peremptory Norms in International Affairs. Paper presented at American Political Science Association Annual Meeting, 30 August — 2 September 2012, New Orleans. P. 6. URL: https://ssrn.com/abstract=1366803 (дата обращения: 25.12.2025).

387 Ibid.

388 *De Wet E.* The Emergence of International and Regional Value Systems as a Manifestation of the Emerging International Constitutional Order // Leiden Journal of International Law. Vol. 19. 2006. No. 3. P. 611–632, 617.

389 *De Wet E.*Op. cit. P. 617.

представлены убедительные аргументы против существования неуниверсальных или «региональных» императивных норм. По его словам, ценности, преобладающие в определённых региональных группах, не должны обязательно противоречить фундаментальным мировым ценностям — что позволяет предположить, что нормы могут приобрести императивный характер исключительно в пределах данного регионального контекста, и на основании этих норм возможно признание недействительными договоров, заключённых между государствами этой группы, в случае противоречия этих договоров региональным *jus cogens*[390].

Ранее отмечалось, что основным аргументом против существования региональных *jus cogens* является отсутствие этих норм в практике государств, на что ссылаются и сами государства при обсуждении этих вопросов в Комиссии международного права ООН. Однако при общем противоречивом отношении к данной проблеме со стороны Специального докладчика в четвёртом докладе приводятся примеры для обоснования существования концепции региональных норм *jus cogens,* к которым относятся нормы правопорядка Европейского союза и региональных систем защиты прав человека. По мнению Специального докладчика, эти «аргументы часто основаны на идее общей идентичности, сформированной членами единого сообщества, и этим и обусловлен особый характер норм, которые связывают такое единое сообщество»[391]. Поэтому он приходит к выводу, что «особая роль или статус, которые имеют конкретные нормы в той или иной группе сообщества государств» не является основанием для того, чтобы наделять эти нормы императивным статусом, и это не делает их сводом «региональных или иных норм jus cogens»[392].

Применительно к региональным системам защиты прав человека в качестве примера региональных *jus cogens* следует рассматривать признание в 1987 году

---

[390] *Gaja G.* Jus Cogens beyond the Vienna Convention // The Hague Academy Collected Courses Online. Vol. 172. 1981. P. 279–289, 284.

[391] КМП. Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. С. 18. § 31.

[392] Там же.

Межамериканской комиссией по правам человека, «что в государствах — членах Организации американских государств признаётся нормой *jus cogens* норма, запрещающая государствам казнить детей»[393]. Этот пример не был поддержан Специальным докладчиком как пример существования региональной *jus cogens* ввиду того, что, по его мнению, Межамериканскую комиссию по правам человека нельзя отнести к международным судебным учреждениям. Кроме того, отсутствовало также соответствующее обоснование идентификации региональной императивной нормы, потому что Межамериканская комиссия не утверждала, что было выражено согласие относительно недопустимости отклонений от рассматриваемой нормы[394]. Кроме того, как отметил Специальный докладчик, «если эту цитату следует толковать как относящуюся к согласию относительно недопустимости отклонений, то нет никаких указаний на то, что это согласие не является согласием международного сообщества государств в целом»[395].

Как ни странно, в качестве примера региональных *jus cogens* в практике государств была приведена идея Г. И. Тункина о «партикулярных» нормах *jus cogens* в отношениях между «странами социалистического лагеря» — региональных нормах *jus cogens*, существующих вне географического фактора, а действующих лишь для государств социалистической системы[396]. Это отчасти объясняет описанный в литературе пример региональных *jus cogens* — «доктрину Брежнева», в которой говорилось о праве и обязанности любого социалистического государства прийти на братскую помощь любому другому социалистическому государству в случае угрозы коммунистическому правлению[397] — что также свидетельствует о существовании обособленных в рамках объединения государств норм высшего порядка. Л. Н. Шестаков также указывал, что «*a priori* можно предположить, что в рамках социалистического содружества наций, как и в рамках

---

393 Inter-American Commission on Human Rights. *Roach and Pinkerton v. United States*. Case No. 9647. Resolution No. 3/87 of 22 September 1987. § 56.

394 КМП. Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. С. 21. § 39.

395 Там же.

396 Там же. С. 22–23. § 41–44.

397 *Hasmath R.* Op. cit. P. 8–10.

западно-европейской интеграции, допустимо существование императивных норм, отражающих специфический характер этих объединений и затрагивающих их коренные интересы»[398].

Ещё одним примером региональных *jus cogens* в практике государств может быть разработанная Судом Европейского союза доктрина «ключевых основ правопорядка ЕС» (*the very foundations of the Community legal order*)[399]. По мнению Суда ЕС, в правопорядке ЕС существует ядро норм, которые не могут быть нарушены или изменены государствами — членами ЕС даже по их общему согласию[400]. Решение по делу *Kadi-1*, в котором Суд ЕС наиболее полно сформулировал эту доктрину, по своему правовому эффекту аналогичную доктрине *jus cogens* в международном праве, может также рассматриваться как пример разрешения конфликта между универсальными и региональными нормами *jus cogens*. В этом решении Суд ЕС пересматривал в апелляционном порядке решение Суда первой инстанции, который заявил о своём праве в исключительных случаях осуществлять юрисдикционный контроль над резолюциями Совета Безопасности ООН, если они противоречат нормам *jus cogens*[401]. Очевидно, что Суд первой инстанции говорил о *jus cogens* общего международного права, так как под ними он имел в виду «совокупность высших норм международного публичного права, которые являются обязательными для всех субъектов международного права, включая ООН, и от исполнения которых невозможно уклониться»[402]. Суд ЕС отменил это решение и вместо ссылок на универсальные *jus cogens* указал на «ключевые основы правопорядка ЕС». В этой связи в литературе отмечается, что Суд ЕС «полностью отдавал себе отчёт в том, что любое признание не только роли норм *jus cogens*, но даже их наличия в праве ЕС фундаментальным образом

---

398 *Шестаков Л. Н.* Указ соч. С. 35.

399 CJEU. *Jasin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v Council of the European Union and the Commission of the European Communities* [Grand Chamber]. Joined cases C-402/05 P and 415/05 P. Judgment of 3 September 2008 // ECR. 2008. I-06351. § 304.

400 Подробнее см.: *Исполинов А.* Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза. С. 89.

401 Court of First Instance of the European Union. *Kadi v. Council and Commission*. Case T-315/01 // ECR. 2005. II-3546. § 226, 231.

402 Ibid.

изменит отношение к особому правопорядку ЕС и приоритету права ЕС перед международным правом»[403]. На наш взгляд, в этом решении Суд ЕС предпочёл вообще не упоминать универсальные нормы *jus cogens*, разрешив конфликт между статьёй 103 Устава ООН и нормами первичного права ЕС за счёт апеллирования к нормам, которые, несмотря на другое название, по своей сути аналогичны региональным *jus cogens*.

Существование региональных норм *jus cogens* можно рассматривать через призму дихотомии — оно может быть объяснено, с одной стороны, как проявление универсальных принципов, а с другой стороны, как результат специфических культурных, исторических и правовых традиций определённого региона. В этом смысле региональные *jus cogens* — это также императивные нормы, источник которых лежит не в согласии всего международного сообщества государств считать их таковыми, а в региональном своде высших норм, имеющих первостепенное значение. Региональные *jus cogens* не обязательно ограничиваются одним и тем же географическим регионом мира. Региональные группы могут быть созданы на основе общности или сходства политических, социальных или иных связей. Действие региональных *jus cogens* основано исключительно на практической позиции: основополагающий принцип заключается в том, что правила, имеющие первостепенное значение, в соответствии с реальной практикой современных международных отношений способствуют решению определённых политических и экономических задач, которые намеренно и открыто признаются приемлемыми в конкретный период времени конкретной группой государств. Кроме того, такие региональные *jus cogens* могут быть заменены другой супернормой или вовсе аннулированы в связи с достижением цели их возникновения или прекращения такого регионального сотрудничества.

Универсальные *jus cogens*, такие как запрет геноцида, применимы ко всем национальным государствам независимо от каких-либо их возражений. В отличие

---

[403] *Исполинов А. С.* Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов. С. 12.

от таких норм, практика применения региональных *jus cogens* может быть сопряжена с нарушением принципа суверенного равенства и поощрением формального равенства в международных делах. В международном сообществе государств, для которого характерна идея о том, что не все государства находятся в равных условиях, доводы в пользу использования дифференцированного подхода приобретают гораздо больший вес. Региональные *jus cogens* — это лишь одно из проявлений применения существующего в реальности дифференцированного для государств правового режима в международных отношениях.

Реализация региональных *jus cogens* может обеспечить решение социальных, экономических и политических проблем, которые в противном случае могли бы быть практически неразрешимыми. Это может дать лучший результат, чем попытки либо найти универсальные *jus cogens* в ряде случаев, либо найти подходящее для всех государств решение с помощью универсальных международных организаций.

2.2.3. Основные выводы по параграфу

В международном праве признаётся концепция *jus cogens* как сверхнорм, которые не могут быть отменены или изменены соглашением государств, а могут быть изменены только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер. Данная концепция поддерживается как в доктрине, так и в практике международных и национальных судов. Однако, несмотря на наличие нормативного закрепления этих норм, критерии для классификации норм в качестве *jus cogens* продолжают оставаться размытыми, а перечень таких норм, предложенный Комиссией международного права ООН, не является обязательным и исчерпывающим, что создаёт правовую неопределённость и затрудняет практическое применение данной концепции на практике.

Универсальность является существенной чертой императивных норм, что, на первый взгляд, подтверждает аргументы, исключающие существование любой региональной *jus cogens.* Действительно, императивные нормы могут рассматриваться как инструмент для предотвращения фрагментации международного права, поскольку предполагают их применение во всех областях международного права в качестве общей правовой основы, которой должны подчиняться принимаемые государствами нормы низшего порядка. В силу этого само существование региональных *jus cogens* может вызывать сомнения в силу того, что нормы *jus cogens* требуют согласия всего международного сообщества государств. Именно аргументы об исключительности и универсальности *jus cogens*, отсутствии главных правовых последствий региональных *jus cogens* в виде признания договоров ничтожными и отсутствии соответствующей практики государств выдвигались государствами в поддержку выводов Специального докладчика и Комиссии международного права ООН, направленных против идеи существования региональных *jus cogens*.

С другой стороны, также сложно отрицать, что региональные правопорядки и региональные системы защиты прав человека могут включать нормы, соответствующие критериям императивных норм, установленным статьёй 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, но имеющие при этом другое название. Такие нормы, как правило, охватывают фундаментальные ценности, которые принимаются к исполнению всеми государствами, входящими в эти правопорядки, как обязательные, и не подлежат изменению даже соглашением сторон, что серьёзным образом влияет на незыблемость аксиомы об универсальности *jus cogens*[404].

На наш взгляд, международное сообщество становится всё более гетерогенным. Группы государств могут вполне правомерно иметь общий набор обязывающих норм, которые считаются между ними более важными, чем другие обязательные для них правила и нормы. В такой обстановке, по нашему мнению,

---

[404] *Кадышева О. В.* Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность С. 114.

не стоит полностью отвергать концепцию региональных императивных норм, поскольку такие нормы могут сыграть конструктивную роль в современном международном праве. Нет никакого противоречия в том, чтобы допустить существование нескольких категорий норм, императивных по своему характеру и по последствиям, пусть и с разными названиями. Региональные императивные нормы могут существовать в международных отношениях и служить средством достижения важной цели или целей для группы национальных государств, отражая их собственные региональные ценности. Регионализм и региональные подходы к международному праву в современных геополитических условиях являются не угрозой, а возможностью для эволюции международного права. Таким образом, в рамках международной правовой системы могут существовать не только универсальные императивные нормы, но и те, которые могут быть адаптированы к специфическим условиям и интересам определённых групп государств. В силу своей специфики региональные императивные нормы могут быть более гибкими и учитывать уникальные политические, экономические и культурные особенности стран в определённом регионе.

Решение вопросов иерархии универсальных и региональных *jus cogens* и возможных нормативных конфликтов будет зависеть от общего отношения конкретного регионального правопорядка к международному праву и степени его автономности. В этой связи спектр возможных вариантов будет варьироваться от признания приоритета универсальных императивных норм с допущением исключения в виде региональных императивных норм до приоритета региональных императивных норм как следствия действия общеправового принципа *lex specialis derogat generali*. На наш взгляд, в таком плюралистском подходе и находит своё отражение концепция многополярного мира[405].

[405] Там же.

2.3. Общие принципы права как источник права Евразийского экономического союза[406]

До недавнего времени в рамках обсуждения темы источников международного права «общие принципы права» привлекали гораздо меньше внимания представителей академического сообщества, чем международные договоры и обычаи. Однако включение темы общих принципов права в программу работы Комиссии международного права ООН, а также подготовленные Комиссией проекты выводов по этой теме способствовали значительному повышению интереса к этой теме как со стороны государств, так и международно-правовой доктрины[407]. Тем не менее стоит согласиться, что общие принципы права по-прежнему остаются «самым загадочным [из] источников международного права», вызывают больше разногласий, нежели другие источники, а вопросы природы этих норм, их создания, функций и значения так и остаются во-многом нерешёнными[408]. Нельзя не отметить, что в советской доктрине международного права общие принципы права никогда не рассматривались в качестве источников международного права, и эта точка зрения по-прежнему превалирует в современной отечественной литературе[409] (несмотря на то, что Комиссия

---

[406] При подготовке настоящего параграфа использованы материалы публикаций автора: *Кадышева О.В.* Комиссия международного права ООН о региональных общих принципах права: попытка примирить универсализм и реальность // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 3 (55). С. 23-39; *Кадышева О.В.* Общие принципы права Европейского союза и принципы права Евразийского экономического союза через призму международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. № 6. С. 81-93.

[407] Комиссия включила тему «Общие принципы права» в свою долгосрочную программу работы на 69-й сессии в 2017 году, хотя это решение вызвало дискуссии в самой Комиссии — ряд членов Комиссии увидели в этом ещё один вызов стабильности международной правовой системы в виде возможности того, что «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», как источник международного права, указанный в статье 38(1)(c) Статута Международного Суда, могут встать в один ряд с международным договором и международным обычаем. Подробнее см.: *Wood M.* Op. cit. P. 308.

[408] *Eggett C.* Op. cit. P. 240–241.

[409] *Корецкий В. М.* Указ. соч. С. 45; *Дурденевский В. Н.* Указ. соч. С. 45; *Тункин Г. И.* Указ. соч. С. 230; *Ануфриева Л. П.* Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном

международного права в своих проектах выводов признала общие принципы права самостоятельным источником международного права[410]). Кроме того, в последнее время в отечественной литературе появилось сразу несколько заметных публикаций по принципам международного права[411]. При этом речь в них идёт об «основных принципах международного права», «общепризнанных принципах международного права», «общих принципах». Наконец, появились публикации о наличии в праве Евразийского экономического союза собственных общих принципов права ЕАЭС[412] по аналогии с общими принципами права ЕС, которые, как будет показано ниже, не только имеют договорную основу, созданную государствами-членами, но и существенно эволюционировали в практике Суда ЕС.

Заметным и важным следствием включения Комиссией международного права ООН в повестку своей работы вопросов об общих принципах права оказался рост интереса представителей доктрины международного права к общим принципам права с ограниченной сферой применения (региональным общим принципам права), среди которых наибольшую известность получили общие принципы права Европейского союза и практика их применения Судом ЕС.

международном праве и не только…; *Ромашев Ю. С.* Общие принципы права в системе международного права. С. 160.

[410] В проекте вывода 1 указывается, что «настоящие проекты выводов касаются общих принципов права как источника международного права» (КМП. Общие принципы права. Тексты и заголовки проектов выводов, принятые Редакционным комитетом во втором чтении. Документ ООН A/CN.4/L.1018. 20 мая 2025 года. С. 1. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/L.1018 (дата обращения: 25.12.2025)).

[411] См., например: *Абашидзе А. Х.* Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19–30; *Ануфриева Л. П.* Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания); *Глотова С. В.* Общепризнанные принципы и нормы международного права, их соотношение с иными категориями и вопросы применения в правовой системе России // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 12А. С. 170-182; *Кремнев П. П.* Указ. соч.; *Нешатаева Т. Н.* Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 113–125; *Ромашев Ю. С.* Общие принципы права в системе международного права; *Ромашев Ю. С.*, *Постникова Е. В.* Указ. соч.

[412] *Малый А. Ф.*, *Кондрашова О. Ю.* Указ. соч.; *Энтин К.* Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС; *Mikhaliova T. N.* International Law Commission’s efforts in identifying general principles of law: regional perspectives // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2023. No. 2. P. 47–54.

Оставаясь длительное время предметом интереса только исследователей права ЕС, эти принципы практически не изучались через призму общего международного права и воспринимались как явление *sui generis*. Такая характеристика представляется далеко не случайной ввиду отмеченного в литературе наличия двух взглядов на право ЕС. Для специалистов по международному праву право Европейского союза остаётся пусть особым и самодостаточным правопорядком (*self-contained regime*)[413], но всё же существующим в рамках международного права как «подсистема международного права» в силу того, что ЕС создан на основе международных договоров[414]. Этой же позиции придерживается Комиссия международного права, чей доклад о фрагментации международного права был во многом вызван необходимостью выразить собственный подход к особенностям права ЕС, сформулированным в решениях Суда ЕС[415]. По мнению специалистов по праву ЕС, право ЕС представляет собой систему, существующую принципиально отдельно (автономно) как от национального, так и от международного права[416]. Именно поэтому анализ общих принципов права ЕС в парадигме международного права казался второй группе авторов совершенно не нужным, в то время как для специалистов первой группы эта проблематика долгое время оставалась предельно маргинальной. Ситуация стала незначительно меняться лишь недавно и во многом благодаря тому, что в процессе работы КМП над темой общих принципов права стало понятно, что просто обойти молчанием факт существования принципов права ЕС у Комиссии вряд ли получится, принимая во внимание и роль, которую они играют в праве ЕС, и их известность

---

413 *Simma B.*, *Pulkowski D.* Of Planets and the Universe: Self-contained Regimes in International Law // European Journal of International Law. Vol. 17. 2006. No. 3. P. 483–529, 485.

414 Ibid. P. 516.

415 КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 121–122. § 218–219.

416 *Исполинов А. С.* Принцип автономности права Евросоюза, его внешнее измерение и роль в процессе конституционализации ЕС. С. 255.

в академической литературе[417]. Примерно то же самое можно сказать о проблеме принципов права ЕАЭС, разрабатываемых Судом ЕАЭС.

2.3.1. Общие принципы права как источник международного права

С момента появления в 1920 году в Статуте Постоянной палаты международного правосудия термина «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» в доктрине не утихают споры об их значении, порядке формирования, идентификации и сфере применения. Обилие литературы, посвящённой общим принципам права, говорит скорее о разнообразии существующих мнений, а не о наличии уже сложившегося консенсуса по этим проблемам, включая вопрос существования общих принципов права с ограниченной территориальной сферой применения («региональных общих принципов права») и их роли в современном международном праве. К сожалению, подход Комиссии международного права ООН, нашедший отражение в Проекте выводов об общих принципах права 2025 года, не даёт чёткого ответа на вопрос о существовании региональных общих принципов права, хотя и не исключает возможность их появления. Вместе с тем признание на универсальном уровне наличия региональных общих принципов права, наиболее яркими примерами которых являются общие принципы права Европейского союза, а также формирование Судом ЕАЭС общих принципов права ЕАЭС могут иметь непосредственный практический положительный эффект. Региональные общие принципы права могут быть применимы к спорам, имеющим региональное значение; кроме того, они могут использоваться для заполнения пробелов в региональных международных договорах, а также для целей их толкования. Такие принципы идентифицируются на основе практики, связанной с конкретным

[417] См., например: *Tridimas T.* The General Principles of EU Law. 2nd ed. New York : Oxford University Press, 2006; *Groussot X.* Op. cit.; *Castellarin E.* Op. cit.; *Cuyvers A.* Op. cit.; *Ziller J.* Op. cit.

региональным договором или региональной организацией, и могут носить процессуальный или материальный характер. Процесс установления наличия региональных общих принципов может отличаться от порядка, применимого для универсальных общих принципов права, поскольку суды или государства, настаивающие на его применении, должны в первую очередь доказать его локальный особый характер. Всё это показывает, что, несмотря на очевидное намерение Комиссии всемерно поддерживать универсальный подход в международном праве, не замечать складывающуюся на региональном уровне реальность в части региональных принципов было бы контрпродуктивно для авторитета самой Комиссии, а также для признания государствами, национальными и международными судами итогов её работы в части общих принципов права.

«Общие принципы, признанные цивилизованными нациями», упоминаются в статье 38 Статута Международного Суда ООН, которая содержит перечень норм, применяемых судом при разрешении споров (аналогичная формулировка содержалась в статье 38 Статута Постоянной палаты международного правосудия). Согласно устоявшейся в доктрине точке зрения положения статьи 38 Статута Международного Суда ООН представляют собой перечень источников международного права, к которым относятся и общие принципы права[418]. Согласно другой точке зрения, общие принципы права — «это понятие в науке международного права как настоящего, и прошлого», до сих пор являющееся «для одних общеизвестным, фактически аксиоматичным, для других — в существенной

[418] Пункт 1 статьи 38 Статута Международного Суда в литературе широко признан как изложение источников международного права в целом, а не только права, подлежащего применению Международным Судом. См., например: Курс международного права. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. С. 208; *Wood M.* Op. cit. P. 323; *Shao X.* Op. cit. P. 229; Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля — 7 июня и 8 июля — 9 августа 2019 года); Доклад Комиссии международного права. Семьдесят четвертая сессия (24 апреля — 2 июня и 3 июля — 4 августа 2023 года). Документ ООН A/78/10. С. 15. URL: https://docs.un.org/ru/A/78/10 (дата обращения: 25.12.2025). Критика данного подхода представлена в работе Л. П. Ануфриевой. См.: *Ануфриева Л. П.* Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только… С. 28.

мере “фантомом”»[419]. Некоторые авторы полагают, что юридические понятия, постулаты, правила юридической логики и юридической техники допустимо рассматривать «в качестве принципов права, поскольку в них также сформулированы общие основы, идеи, начала и положения, присущие любому праву, причем без конкретизации основополагающих идей, основ или руководящих положений, индивидуализирующих каждую конкретную правовую систем»[420].

Общие принципы права, несомненно, как указано выше, являются наиболее спорным, если не сказать «загадочным», источником среди всех источников международного права, перечисленных в статье 38(1) Статута Международного Суда[421]. И тем не менее общие принципы права должны рассматриваться как один из источников международного права, способных самостоятельно создавать права и обязательства, помимо договоров и международных обычаев[422].

Общие принципы права имеют важнейшее значение в судебном контексте и в целом применимы в отношениях между государствами: использование общих принципов не ограничивается вопросами международного судопроизводства и охватывает иные вопросы правоприменения. Общие принципы права являются основой для субстантивных прав и обязательств, а также основой вторичных и процедурных норм, и применяются для толкования и дополнения других норм международного права[423].

Традиционно в международно-правовой науке принято считать, что общие принципы права являются основными началами международного права и

---

[419] *Ануфриева Л. П.* Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только… С. 27.

[420] *Нефёдов Б.И.* Принципы в международном праве: терминология… С. 11.

[421] *Shao X.* Op. cit. P. 219–220.

[422] *Wood M.* Op. cit. P. 321.

[423] КМП. Общие принципы права. Тексты и заголовки проектов выводов, принятые Редакционным комитетом во втором чтении. Пункт 1 проекта вывода 10.

отражением общих принципов национальных правовых систем[424]. Например, в Курсе международного права 1989 года указывается, что «“общие принципы права” в международном праве — это юридические понятия, постулаты, правила юридической логики и юридической техники, которые применяются как в национальных правовых системах, так и в международном праве в процессе толкования и применения правовых норм»[425]. Тем не менее, как было указано выше, в советской доктрине международного права общие принципы права никогда не рассматривались в качестве источников международного права, и эта точка зрения по-прежнему существует в современной отечественной литературе, несмотря, как будет показано ниже, на позицию Комиссии международного права ООН по этому вопросу, поддержанную всеми государствами, включая Российскую Федерацию. Например, В. М. Корецкий пишет, что «общие принципы права» — это «общие (основные) принципы международного права»[426]; В. Н. Дурденевский отмечает, что «общие принципы… по своей природе суть наиболее основные положения международного обычного права»[427]. По мнению Г. И. Тункина, «“общие принципы права” — это общие национальным правовым системам и международному праву ненормативные положения, имеющие, однако, значение для применения норм действующего права; они складываются обычно в национальном праве (но ничто не мешает им складываться и в международном праве) и входят в международное право через договор или обычай»[428]. Л. П. Ануфриева приходит к достаточно категоричному выводу, что «общие принципы права (даже если бы они и были признаны явлениями в нормативно-правовом смысле) не создают особой формы объективирования (выражения вовне) норм международного права, и, значит, не могут являться формально-

---

[424] Подробнее см.: *Ромашев Ю. С.* Общие принципы права в системе международного права. С. 152–153. Об этом также пишет Г. И. Тункин, отрицая нормативный характер общих принципов. См.: *Тункин Г. И.* Указ. соч. С. 229.

[425] Курс международного права. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. С. 211.

[426] *Корецкий В. М.* Указ. соч. С. 45.

[427] *Дурденевский В. Н.* Указ. соч. С. 45.

[428] *Тункин Г. И.* Указ. соч. С. 230.

юридическим источником международного права»[429]. С другой стороны, Ю. С. Ромашев, занимая более мягкую позицию, говорит об «условном признании» общих принципов (имеются в виду общие принципы права, сформированные в рамках международно-правовой системы) в качестве источников международного права, оговариваясь, что «речь идет… о принципах как нормах международного права, находящих отражение в международных договорах и международных обычаях или вытекающих из них, а не о появлении нового источника международного права»[430]. Поэтому в его понимании «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, не являются каким-либо отдельным, отличным от международных договоров и международных обычаев источником международного права, а являются транспонированными нормами внутригосударственного права или международно-правовыми нормами, имеющими характер принципов, сформированных в рамках международно-правовой системы»[431].

Слова «общие» и «признанные цивилизованными нациями» предполагают универсальный характер этих принципов, их признание в этом статусе всем международным сообществом. Именно требование универсального характера общих принципов права является основным препятствием на пути признания наличия и роли в современном международном праве региональных общих принципов права. На первый взгляд, подобное требование в корне исключает саму идею существования региональных общих принципов.

Безусловно, термин «общие», используемый в статье 38(1)(c) Статута Международного Суда, указывает на то, что эти принципы права применяются ко всем государствам, однако, как представляется, исключением из этого общего правила может быть уже сложившаяся практика общих принципов с региональной сферой применения. Среди таких принципов наибольшую известность приобрели общие принципы права Европейского союза, отличительной особенностью

---

[429] *Ануфриева Л. П.* Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только… С. 28.

[430] *Ромашев Ю. С.* Общие принципы права в системе международного права. С. 160.

[431] *Ромашев Ю. С.* Общие принципы права в системе международного права. С. 171.

которых является непропорционально большое количественное и качественное значение в праве ЕС по сравнению с тем значением, которое общие принципы права имеют как во внутренних правовых системах, так и в международном праве[432]. Вопросам становления и развития этих принципов в практике Суда ЕС посвящены многочисленные труды специалистов по праву ЕС[433]. Эти принципы по сравнению с общими принципами права в международном праве выполняют как частично совпадающие, так и совершенно отличные функции: во-первых, они позволяют Суду ЕС заполнять нормативные пробелы, оставленные либо авторами Договоров, либо законодательным органом ЕС, и эта «заполняющая» функция общих принципов обеспечивает автономию и согласованность правовой системы ЕС; во-вторых, общие принципы служат вспомогательным средством для толкования, поскольку как право ЕС, так и национальное право, подпадающее под сферу действия права ЕС, должны толковаться в свете общих принципов, и, наконец, они могут служить основанием для судебного контроля, что означает, что акты ЕС, нарушающие общий принцип права, должны быть признаны недействительным, а национальное право, подпадающее под сферу действия права ЕС, которое противоречит общему принципу права, не должно подлежать применению судами[434].

Другим несомненным отличием общих принципов права ЕС от общих принципов права в понимании Комиссии международного права ООН является их качественно иной иерархический статус в праве ЕС, потому что с этой точки зрения общие принципы права ЕС обычно рассматриваются как часть первичного права (конечно, когда они кодифицированы в учредительных договорах ЕС), или как особая категория норм, которые находятся чуть ниже первичного права, но выше всех других нормативных актов ЕС, включая акты вторичного права и

---

[432] *Besson S.* Op. cit. P. 105–106. О существовании региональных общих принципов со ссылкой на практику Суда ЕС пишет В. Л: Толстых. См.: *Толстых В. Л.* Курс международного права : учебник. М. : Международные отношения, 2022. С. 226.

[433] См., например: *Tridimas T.* Op. cit.; *Groussot X.* Op. cit.; *Castellarin E.* Op. cit.; *Cuyvers A.* Op. cit.; *Ziller J.* Op. cit.

[434] *Gutiérrez-Fons J. A.*, *Lenaerts K.* Op. cit. P. 1629. О функциях общих принципов права ЕС также см.: *Besson S.* Op. cit. P. 114.

международные соглашения, подписанные ЕС. Иерархический статус общих принципов права ЕС важен для ответа на вопрос, могут ли принципы быть выше учредительных договоров и воли государств-членов как «хозяев» этих договоров. Общепринятая позиция по-прежнему заключается в том, что в некоторых случаях они могут приобретать даже «наддоговорный статус»[435].

Кроме того, нельзя не упомянуть, что свою лепту в формирование соответствующей практики региональных общих принципов вносит в последние годы Суд Евразийского экономического союза, который уже не раз в своих решениях и консультативных заключениях заявлял о существовании общих принципов права ЕАЭС и применял их при разрешении споров.

2.3.2. Сложности идентификации региональных общих принципов права

В доктрине в качестве сложностей идентификации региональных общих принципов права указываются, во-первых, отход от формулировки (и даже несовместимость с ней) статьи 38(1)(c) Статута Международного Суда, где говорится о всеобщности признания общих принципов права; во-вторых, отсутствие соответствующей практики государств в отношении региональных принципов (что, на наш взгляд, не совсем корректно); в-третьих, отсутствие судебной практики (что, как будет показано ниже, также можно поставить под вопрос, если принимать во внимание широко известную практику Суда ЕС и формирующуюся буквально на наших глазах практику Суда ЕАЭС); и, наконец, опасения по поводу «разрастания» подкатегорий общих принципов права[436].

Действительно, статья 38(1)(c) Статута Международного Суда является «отправной точкой» для выводов Комиссии о региональных общих принципах,

---

435 *Cuyvers A.* Op. cit. P. 219.
436 De *Andrade M. C.* Op. cit. P. 35; *Barkholdt J.* Op. cit. P. 177.

поскольку в ней говорится об общих принципах, «признанных цивилизованными нациями» именно в контексте источника международного права. Узкое толкование данных положений Статута полностью исключает существование региональных общих принципов права. Именно поэтому в проекте вывода 2 первого доклада Специального докладчика предусматривалось, что «для того, чтобы общий принцип права существовал, он должен быть общепризнан государствами»[437].

Отсутствие соответствующей практики государств кажется весомым аргументом, потому что оно может ограничить не только кодификацию, но и перспективы принятия этой подкатегории принципов членами Комиссии и государствами. Только четыре государства (Австралия, Беларусь, Нидерланды и Российская Федерация)[438] откликнулись на просьбу Специального докладчика представить подтверждение подобной практики[439]. Более того, в документах, полученных от этих государств, не освещались принципы, характерные для какой-либо области или группы государств; а упоминались традиционные примеры: бремя доказывания, добросовестность*, pacta sunt servanda, res judicata, non bis in idem, lex specialis derogat generali* и другие[440]. Единственным исключением стала ссылка Российской Федерации[441] на Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Объединённых Арабских Эмиратов о поощрении и взаимной защите капиталовложений, в котором говорится об «общих принципах права, общепризнанных обеими Договаривающимися

---

[437] КМП. Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. С. 79.

[438] См.: 72nd session of the International Law Commission (2021). Information submitted by Australia, Belarus, the Netherlands and the Russian Federation. URL: https://legal.un.org/ilc/guide/1_15.shtml (дата обращения: 25.12.2025).

[439] Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля — 7 июня и 8 июля — 9 августа 2019 года). С. 8. § 30.

[440] *De Andrade M. C.* Op. cit. P. 38.

[441] Practice of the Russian Federation relating to General Principles of Law. § 23. URL: https://legal.un.org/ilc/sessions/72/pdfs/english/gpl_russia.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

Сторонами» в качестве источников прав и обязательств[442]. Однако такая ссылка не получила дальнейшего разъяснения в представлении России.

И тем не менее в качестве примера можно привести некоторые региональные договоры, содержащие положения, которые могут восприниматься как определённая отсылка к общим принципам права с ограниченной сферой применения. Например, в статье 6(3) Договора о Европейском союзе эти принципы называются «общими принципами права Союза». Аналогичным образом статьи 340(2) и (3) Договора о функционировании Европейского союза (*далее* — ДФЕС), а также статья 188(2) Договора о Евратоме ссылаются на «общие принципы, общие для законодательства государств-членов». В статье 61 Африканской хартии прав человека и народов[443] предусматривается, что «Комиссия также принимает во внимание в качестве дополнительных средств определения принципов права… общие принципы права, признаваемые африканскими государствами». Аналогичным образом статья 29 Регламента Экономического суда Содружества Независимых Государств 1997 года предусматривает, что Суд применяет, в частности, «общие принципы права, признанные в государствах — участниках Содружества». Практика, связанная с этими ссылками на договоры, представляет собой ценную отправную точку для изучения существования региональных принципов права.

Отдельным сложным вопросом, вынесенным Комиссией за скобки своего исследования, посвящённого общим принципам права, является проблема соотношения универсальных общих принципов права с принципами права,

---

[442] Статья 11. Применение других правил и специальных обязательств: «Если какой-либо вопрос регулируется настоящим Соглашением и общими принципами права, признаваемыми обеими Договаривающимися Сторонами, или законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой капиталовложения осуществлены, ничто в настоящем Соглашении не препятствует одной из Договаривающихся Сторон или ее инвесторам, осуществившим капиталовложения на территории другой Договаривающейся Стороны, пользоваться преимуществами положений, которые являются более благоприятными для инвестора» (Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Заключено в городе Москве 28 июня 2010 года // Бюллетень международных договоров. 2016. № 7).

[443] African Charter on Human and Peoples' Rights. P. 257.

имеющими ограниченную сферу применения. На первый взгляд, условия универсальности и фундаментальности общих принципов права, их важности для функционирования международного правопорядка говорят о заведомом приоритете универсальных общих принципов права. Однако регионализм всегда проявляется в требовании учитывать региональную специфику, которая в нормативном смысле означает наличие специальных норм (*lex specialis*), которые будут иметь в данном случае приоритет над нормами универсальными. Надо отметить, что устойчивая и обширная практика применения общих принципов права ЕС (которая стала основой дискуссии о существовании региональных принципов права) подтверждает этот тезис. С точки зрения Суда ЕС, универсальные общие принципы права действуют только в отношениях между ЕС и третьими странами или международными организациями[444], но внутри правопорядка ЕС должны действовать исключительно общие принципы права ЕС, которые могут быть идентичны универсальным принципам права, быть уже или шире по своему содержанию или полностью им противоречить. Однако в любом случае внутри правопорядка ЕС будут действовать и применяться именно общие принципы права ЕС, а не универсальные общие принципы права по смыслу статьи 38(1)(c) Статута МС ООН[445]. На наш взгляд, Комиссии вслед за Специальным докладчиком не удалось полностью уловить специфику права ЕС и общих принципов права ЕС, что привело к недооценке этого явления с точки зрения *lex specialis*. Например, полностью вне поля зрения КМП и Специального докладчика остался вопрос о горизонтальном эффекте общих принципов права ЕС, то есть об их применении в отношениях между частными лицами вместо применимых норм национального права. Этот вопрос оживлённо обсуждается среди специалистов по праву ЕС, и при этом данная ситуация не имеет аналогов в международном праве[446].

---

444 *Castellarin E.* Op. cit. P. 138.
445 *Castellarin E.* Op. cit. P. 138.
446 Ibid. P. 134.

2.3.3. Общие принципы права Европейского союза

Как уже отмечалось выше, общие принципы права Европейского союза приобрели широкую известность в академической литературе. Отличительной особенностью общих принципов права ЕС является непропорционально большое количественное и качественное значение этих принципов в праве ЕС по сравнению с тем значением, которое имеют общие принципы права как во внутренних правовых системах, так и в международном праве[447]. По сравнению с общими принципами права в международном праве (универсальными общими принципами права) эти принципы выполняют как частично совпадающие, так и совершенно отличные функции. Как отмечал в своей статье Председатель Суда ЕС К. Ленаертс, эти принципы, во-первых, позволяют Суду ЕС заполнять нормативные пробелы либо в учредительных договорах, либо в актах институтов Союза, и эта «заполняющая» функция общих принципов обеспечивает автономию и согласованность правовой системы ЕС. Во-вторых, общие принципы права ЕС применяются для толкования норм права ЕС, поскольку как право ЕС, так и национальное право, подпадающее под сферу действия права ЕС, должны толковаться в свете общих принципов. В-третьих, эти принципы могут служить самостоятельным основанием для судебного контроля, что означает, что акты ЕС, нарушающие общие принципы права, должны быть признаны недействительными, а национальные нормы, подпадающие под сферу действия права ЕС, которое противоречит общему принципу права, не должны применяться национальными судами[448]. А. Кайверс дополняет этот перечень утверждением, что нарушение общих принципов права ЕС является самостоятельным основанием для ответственности государств-членов по праву ЕС[449].

---

[447] *Besson S.* Op. cit. P. 105–106.

[448] *Gutiérrez-Fons J. A.*, *Lenaerts K.* Op. cit. P. 1629; о функциях общих принципов права ЕС также см.: *Besson S.* Op. cit. P. 114.

[449] *Cuyvers A.* Op. cit. P. 220.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что никто не может объяснить, что такое общие принципы права ЕС, каково их происхождение и как они функционируют по отношению к другим источникам права ЕС[450]. Суд Европейского союза использует принципы в различных формах — «общие принципы» (*general principles*), «основополагающие принципы» (*fundamental principles*), «особенно важный принцип» (*particularly important principle[s]*), «существенные принципы» (*essential principles*), «всеобъемлющий принцип» (*overarching principle[s]*) и «основной принцип права» (*basic principle[s]*), а также «права и принципы» (*rights and principles*), предусмотренные Хартией ЕС об основных правах, — предполагая, что существует множество различных вариантов использования термина, и что толкование того, относится что-либо к общим принципам права, зависит от конкретных условий[451].

Несомненным отличием общих принципов права ЕС от общих принципов права в понимании Комиссии международного права ООН является их качественно другой иерархический статус в праве ЕС. Если КМП в своём проекте вывода 11 говорит о том, что общие принципы права не находятся в иерархическом соотношении с международными договорами и обычаями[452], то общие принципы права ЕС обычно рассматриваются как часть первичного права (конечно, когда они кодифицированы в учредительных договорах ЕС), или как особая категория норм, которые находятся чуть ниже первичного права, но выше всех других нормативных актов ЕС, включая акты вторичного права и международные соглашения, подписанные ЕС. Преобладающая на сегодняшний день позиция исходит из того, что в отдельных случаях соответствующие нормы способны приобретать «наддоговорный статус»[453].

---

450 *Neuvonen P. J.*, *Ziegler K. S.* Op. cit. P. 11.

451 Ibid. P. 9.

452 «Общие принципы права, как один из источников международного права, не находятся в иерархическом соотношении с договорами и обычным международным правом» (КМП. Общие принципы права. Тексты и заголовки проектов выводов, принятые Редакционным комитетом во втором чтении).

453 *Cuyvers A.* Op. cit. P. 219.

Договорной основой для развития общих принципов права ЕС в литературе традиционно принято считать статью 340(2) ДФЕС[454], согласно которой в случае внедоговорной ответственности Союз, в соответствии с общими принципами, закреплёнными в законодательстве государств-членов, возмещает любой ущерб, причинённый его учреждениями или служащими при исполнении ими своих обязанностей. Это положение впервые появилось в статье 288 Договора о создании ЕЭС 1957 года и до сих пор воспроизводится в неизменном виде, поэтому было бы не совсем корректно утверждать, что Суд ЕС развивал доктрину принципов права ЕС, не имея никаких для этого договорных оснований.

Суд начал их применять уже в своих ранних решениях, вынесенных в 1950-е годы. В литературе отмечается, что в практике Суда ЕС впервые ссылка на общие принципы права ЕС была сделана в заключении Генерального адвоката Лагранжа от 11 ноября 1954 года, то есть за месяц до вынесения Судом ЕС двух самых первых своих решений[455]. Сам же Суд ЕС впервые сослался на общие принципы права ЕС только в 1960 году в решении по делу *Lachmüller*, отметив в мотивировочной части, что «необходимо полагаться на общие принципы права»[456]. Потенциал принципов права ЕС стал очевидным начиная с 1970-х годов, когда Суд ЕС начал активно использовать принципы права для устранения пробелов, существующих в праве ЕС. Именно эта грань общих принципов получила наибольшую известность, вызвав дискуссии о нормотворческом характере решений Суда ЕС. В качестве наиболее яркого примера можно привести принцип защиты прав человека, сформулированный Судом ЕС в отсутствие каких-либо положений в учредительных договорах ЕС того времени о необходимости для

---

[454] Кроме того, общие принципы права упоминаются в статье 41(3) Хартии об основных правах и в статье 6(3) Договора о Европейском союзе (в редакции Лиссабонского договора), согласно которой «основные права, как они гарантированы Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и как они вытекают из общих для государств-членов конституционных традиций, входят в содержание права Союза в качестве общих принципов».

[455] CJEU. *Associazione Industrie Siderurgiche Italiane (ASSIDER) v High Authority of the European Coal and Steel Community*. Case 3-54; *Industrie Siderurgiche Associate (ISA) v High Authority of the European Coal and Steel Community*. Case 4-54. Opinion of the Advocate General of the Court of Justice of 11 November 1954.

[456] CJEU. *Eva von Lachmüller, Bernard Peuvrier, Roger Ehrhardt v Commission of the European Economic Community*. Joined cases 43/59, 45/59, 48/59. Judgment of 15 July 1960. P. 476.

институтов ЕС соблюдать права человека. Так, в широко известном решении 1970 года по делу *Internationale Handelsgesellschaft*[457] Суд ЕС заявил, что уважение основных прав является неотъемлемой частью общих принципов права, защищаемых Судом. Использованная Судом ЕС формулировка, равно как и ссылка на это решение продолжают сохранять свою актуальность при рассмотрении Судом ЕС всех дел, связанных с нарушением прав человека[458]. Ещё одним красочным примером использования Судом ЕС общих принципов права для устранения пробелов является сформулированный им в решении по делу *Francovich* принцип ответственности государств перед частными лицами за нарушения государствами своих обязательств по праву ЕС[459].

Именно успешность применения Судом ЕС общих принципов права как инструмента для заполнения пробелов позволила одному из авторов аллегорично сравнить принципы права ЕС с «тёмной материей», которая стремится заполнить собой всё мыслимое пространство: «Они унифицируют право, заполняют пробелы и придают вес и легитимность правовому порядку ЕС в целом»[460]. Более того, правовые принципы, как и «тёмную материю», бывает трудно определить и описать, «поскольку часто именно их гибкость и непостоянство позволяют им успешно выполнять различные функции»[461].

Отдельные авторы также указывают на то, что Суд ЕС так и не разработал полноценное определение этих принципов, их классификацию и методологию их выявления, несмотря на то что он использовал общие принципы права ЕС в своих ранних решениях[462]. При этом в литературе отмечается, что категория общих принципов права наделяет Суд ЕС весьма значительными полномочиями: во-

---

457 CJEU. *Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel*. Case 11-70. Judgment of 17 December 1970.

458 Более подробно об решении Суда ЕС по делу *Internationale Handelsgesellschaft* и о дальнейшей эволюции практики Суда ЕС в части защиты прав человека см.: *Исполинов А. С.* Эволюция практики Суда Европейского Союза в сфере прав человека (1952–2009) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 4. С. 80–97.

459 CJEU. *Andrea Francovich and Danila Bonifaci and others v Italian Republic*. Joined cases C-6/90, C-9/90. Judgment of 19 November 1991. § 35.

460 *Cuyvers A.* Op. cit. P. 217.

461 Ibid.

462 *Castellarin E.* Op. cit. P. 132–133.

первых, признание таких принципов возлагается исключительно на Суд ЕС; во-вторых, место этих принципов в иерархии норм права ЕС предопределяет то, что они могут быть изменены только путём внесения изменений в учредительные договоры ЕС; в-третьих, несоответствие любого нормативного акта институтов ЕС общим принципам права, а не только положениям учредительных договоров, может привести к его отмене[463].

Что касается универсальных общих принципов права, то они действуют только в отношениях между ЕС и третьими странами или международными организациями[464], но внутри правопорядка ЕС, по мнению Суда ЕС, должны действовать исключительно принципы права ЕС, которые при этом могут быть идентичны универсальным принципам права, быть уже или шире по своему содержанию или полностью им противоречить. Суд ЕС иногда заимствует общие принципы из международного права, в то время как в других случаях он отказывается делать это и предпочитает разрабатывать собственные принципы, которые он считает подходящими для своего собственного правопорядка[465]. В любом случае внутри правопорядка ЕС будут действовать и применяться именно общие принципы права ЕС, а не универсальные общие принципы права по смыслу статьи 38 Статута МС ООН[466].

2.3.4. Общие принципы в праве Евразийского экономического союза

В евразийском регионе функционируют два региональных суда. Это Экономический суд Содружества Независимых Государств и Суд Евразийского экономического союза. Ещё в первом докладе Специального докладчика в качестве примера существования региональных общих принципов приводилась статья 29

---

463 *Craig P.* Op. cit. P. 38.
464 *Castellarin E.* Op. cit. P. 137–138.
465 *Castellarin E.* Op. cit. P. 137–138.
466 Ibid.

Регламента Экономического суда СНГ 1997 года, в которой предусмотрено, что Суд должен применять «общие принципы права, признанные в государствах — участниках Содружества Независимых Государств»[467]. В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (*далее* — Договор о ЕАЭС, Договор) право Союза составляют Договор о Евразийском экономическом союзе, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, решения и распоряжения институтов Союза, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза. При этом пункт 50 Статута Суда ЕАЭС предусматривает, что Суд при осуществлении правосудия применяет: **общепризнанные принципы и нормы международного права** (выделено мной. — *О. К.*); договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства — стороны спора; решения и распоряжения органов Союза; международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы. Кроме того, в статье 3 Договора о ЕАЭС «Основные принципы функционирования Союза» используется термин «принципы осуществления Союзом деятельности в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами — членами», куда входят принципы уважения общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважения особенностей политического устройства государств-членов; обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия, учёта национальных интересов государств — членов Союза; соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирования таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов.

Соответствующие положения Договора о ЕАЭС и Статута Суда Союза не дают чёткого ответа на вопрос, являются ли общие принципы права в контексте

---

[467] КМП. Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. С. 37. § 125.

статьи 38 Статута Международного Суда ООН и результатов работы Комиссии международного права ООН источником права Союза. Как уже было отмечено выше, Статут Суда закрепляет, что Суд применяет общепризнанные принципы и нормы международного права. Можно было бы предположить, что эта загадочная формулировка охватывает как принципы международного права, так и международные обычаи, если бы чуть ниже в этом пункте Статута не упоминались отдельно международные обычаи как применимые Судом нормы. Если же исходить из подготовленного КМП текста проекта вывода 3 о том, что «общие принципы права включают в себя принципы: a) вытекающие из национальных правовых систем; b) сформированные в рамках международно-правовой системы»[468], то мы получаем косвенное подтверждение версии о том, что Статут всё же неявным образом упоминает общие принципы права в качестве применимых Судом норм права.

При этом на практике Суд ЕАЭС широко не использует категорию «общепризнанные принципы и нормы международного права» (возможно, понимая всю неоднозначность и дискуссионность этих терминов, которые проявляются в отечественной литературе). Вместе с тем в практике Суда ЕАЭС неоднократно встречается термин «общие принципы права Союза», что и позволяет ряду авторов ставить вопрос о формировании Судом ЕАЭС группы собственных общих принципов права ЕАЭС, отличных от общих принципов права, имеющих универсальное применение. Например, в одном из исследований практики Суда ЕАЭС указывается, что «анализ практики Суда Союза показывает, что уже начиная с 2016–2017 годов идёт активный процесс формирования и включения в правовую систему набора правовых принципов, используемых не только при толковании юридических понятий, что позволило бы рассматривать их как **вспомогательный источник толкования, подобный общим принципам права** (выделено мной. — *О. К.*), признанным цивилизованными нациями, но и в качестве самостоятельных оснований контроля

[468] Проект вывода 3 см.: КМП. Общие принципы права. Тексты и заголовки проектов выводов, принятые Редакционным комитетом во втором чтении. С. 1.

законности решений Комиссии и нормативно-правовых актов государств-членов»[469]. Несмотря на то что сам Суд ЕАЭС пока никак не выказался на эту тему, в другом исследовании указывается, что общие принципы права ЕАЭС представляют собой самостоятельный источник права Союза, «вырабатываемый судебной практикой и располагающийся ниже в иерархии источников права Союза, нежели акты первичного права (Договор, международные договоры в рамках Союза и международные договоры Союза с третьими сторонами)»[470]. Таким образом, подобно Суду ЕС Суд ЕАЭС, по-видимому, формирует в рамках ЕАЭС совокупность региональных общих принципов права, которые служат цели более глубокой правовой и экономической интеграции, даже если в учредительном договоре об этих принципах ничего не говорится.

Вместе с тем принципиальное различие между общими принципами права ЕС и общими принципами права ЕАЭС заключается в их правовой основе: несмотря на появление и закрепление общих принципов права ЕС в практике Суда ЕС формально договорной основой для этих принципов являются статьи 6(3) Договора о Европейском союзе и 340(2) Договора о функционировании Европейского союза. В свою очередь, Статут Суда ЕАЭС предусматривает, что Суд применяет «общепризнанные принципы и нормы международного права», однако вообще не упоминает такую категорию норм, как общие принципы права ЕАЭС. При этом Суд ЕАЭС, так же как и Суд ЕС, не утруждает себя разработкой какой-либо методологии выявления этих принципов, предпочитая вместо этого декларирование их наличия.

Здесь стоит предложить Суду обратиться к опыту КМП и её Специального докладчика, который в первом докладе по общим принципам права предлагал в целях идентификации общего принципа права именно в понимании статьи 38 Статута Международного Суда учитывать следующие факторы: «a) делается ли прямая ссылка на статью 38 1) c) Статута Международного Суда; b) делается ли

---

469 *Энтин К.* Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС. С. 74.

470 *Энтин К.* Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу №Р-6/24 о доступе физических лиц к правосудию: развернутый комментарий. С. 9–10.

косвенная ссылка на статью 38 1) c) Статута (например, путем употребления термина “общие принципы права”); c) приводится ли или применяется ли та или иная правовая норма в отсутствие нормы международного договорного или обычного права; d) существует ли, несмотря на употребление терминов “принцип”, “общий принцип” или других аналогичных терминов, договорная или обычная норма, регулирующая конкретную ситуацию; e) содержит ли документ, регулирующий функционирование суда или трибунала, положение применимого права, включающее общие принципы права»[471].

Рассмотрим несколько дел, в которых Суд ЕАЭС так или иначе обращался к общим принципам права Союза. Впервые термин «общий принцип права Союза» был использован Судом Союза в консультативном заключении Большой Коллегии по делу о *государственных закупках*. Большая Коллегия Суда, не ссылаясь на какие-либо положения Договора или Статута Суда, называет принцип пропорциональности «общим принципом права Союза» и фактически устанавливает двухшаговый тест его применения в виде проверки двух компонентов: «…действительно ли предлагаемая мера (в частности, установление особенностей, изъятий из национального режима) будет способствовать в конкретной ситуации решению одной из поставленных задач; пределы соразмерности указанной меры для достижения заявленной цели» и необходимости подтверждения «отсутствия менее ограничительных способов достижения той же цели»[472]. В решении Апелляционной палаты Суда ЕАЭС по делу *ООО «ДОМИНАНТАФАРМ»*[473] указывается, что «в Суде сформирована практика в отношении принципа правовой определенности». Как инструмент толкования принцип правовой определённости был применён в деле *РУП «Белмедпрепараты»*[474]. В решении Коллегии Суда ЕАЭС по делу *ООО «БГ-*

---

[471] КМП. Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. С. 10. § 39.

[472] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 11 января 2021 года по делу № Р-3/20. С. 8.

[473] Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 16 июля 2021 года по делу № С-2/21.

[474] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 15 июня 2023 года по делу № С-4/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.23/ (дата обращения: 25.12.2025).

ТУЛС-МСИ» Коллегия Суда отметила, что «принцип правовой определенности последовательно применяется Судом как один из принципов права Союза, а его несоблюдение рассматривается Судом в **качестве самостоятельного основания для признания решения Комиссии не соответствующим праву Союза**» (выделено мной. — *О. К.*)[475]. Апелляционная палата Суда ЕАЭС по делу *ООО «Порше Руссланд»* пришла к выводу, что «правовая определенность является одним из общих принципов права Союза»[476]. В решении Апелляционной палаты по делу *индивидуального предпринимателя Курко* Суд указал, что право на судебную защиту «гарантируется в качестве общего принципа права Союза»[477]. На сегодняшний день можно даже говорить о каталоге общих принципов права Союза, к которым относятся принципы пропорциональности, правовой определённости, законных ожиданий, добросовестного сотрудничества, *non bis in idem*, право на защиту и принцип обеспечения верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина[478]. Из практики Суда ЕАЭС становится очевидно, что у принципов права ЕАЭС пока ограниченный функционал и они используются для толкования норм ЕАЭС и как самостоятельное основание для судебного контроля актов институтов ЕАЭС. На данный момент Суд ЕАЭС не применил конструкцию общих принципов права ЕАЭС как инструмент для заполнения пробелов ни в одном деле, вероятно, желая избежать обвинений в судебном нормотворчестве. Возможно, потенциал общих принципов права ЕАЭС в этом направлении будет раскрыт позже (напомним, что Суд ЕС начал активно использовать общие принципы права для заполнения пробелов спустя почти 15 лет после своего создания). На наш взгляд, существование и использование Судом категории общих принципов права ЕАЭС требует анализа не только с точки зрения компаративистики путём сравнения с общими принципами права ЕС, но и с точки зрения выводов КМП о наличии общих принципов права, имеющих

---

[475] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 11 сентября 2024 года по делу № С-5/24. С. 14.
[476] Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 12 февраля 2025 года по делу № С-10/24. С. 10.
[477] Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 17 марта 2025 года по делу №С-8/24. С. 9.
[478] См.: Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2024 года. URL: https://courteurasian.org/analytics/#publications (дата обращения: 25.12.2025).

региональное применение (проект вывода 12). Так, при обсуждении четвёртого доклада Специального докладчика на 76-й сессии КМП член Комиссии от России Е. Загайнов, обращаясь к результатам дискуссии применительно к проекту вывода 12, указал, что, если предложенный проект вывода 12, касающийся общих принципов права с ограниченной сферой применения, будет сохранён в окончательном тексте, комментарий к проектам выводов должен отражать практику Суда Евразийского экономического союза, который признал принцип пропорциональности и право на судебную защиту общими принципами права в рамках Союза[479].

Суд ЕАЭС пока не выработал собственную концепцию автономности правопорядка ЕАЭС, продолжая действовать в парадигме международного права. Исходя из этого можно согласиться с мнением о том, что на сегодня эти принципы являются общими принципами права, имеющими региональное применение по смыслу проекта вывода 12. Суду ЕАЭС также предстоит решить вопрос о месте общих принципов права Союза в иерархии норм права Союза, а также о способах разрешения коллизий в случае противоречия между универсальными общими принципами права, например в трактовке МС ООН, и общими принципами права Союза (в толковании Суда ЕАЭС) или в случае, если имеются различия в понимании их содержания.

2.3.5. Основные выводы по параграфу[480]

На наш взгляд, статья 38 Статута Международного Суда ООН не исключает существования общих принципов права с ограниченной территориальной сферой

---

[479] International Law Commission. Seventy-sixth session. Provisional summary record of the 3711th meeting, 9 May 2025. UN Document A/CN.4/SR.3711. 11 June 2025. P. 12. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr3711.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[480] См. *Кадышева О. В.* Комиссия международного права ООН о региональных общих принципах права: попытка примирить универсализм и реальность. С. 36-37; *Кадышева О. В.* Общие

применения, в связи с чем отсутствуют основания для исключения региональных общих принципов права из источников права региональных правопорядков. К сожалению, современный подход Комиссии международного права ООН демонстрирует очень осторожное отношение её членов к этому вопросу. Это объясняется как общей склонностью Комиссии к универсальности и целостности современного международного права, особенно ввиду того, что сама Комиссия является структурой универсальной международной организации. Тем не менее проект вывода 12 показывает, что Комиссия не исключает существование региональных общих принципов права, специально указывая, что на «общие принципы права с ограниченной сферой применения» не распространяются рассуждения Комиссии как в части природы и функций, так в части методологии выявления общих принципов права. Конечно, нельзя исключать, что методология выявления общих принципов права, сформированных в рамках международно-правовой системы, предложенная Комиссией, может быть использована в какой-то части и для идентификации региональных общих принципов права. Тем не менее региональные общие принципы права могут возникать либо через региональные международные соглашения, либо в рамках региональных международных организаций, и методы их идентификации могут отличаться от методологии установления универсальных общих принципов права любой категории.

При этом признание существования региональных общих принципов права может иметь непосредственные практические и скорее положительные результаты, поскольку региональные подходы будут способствовать развитию плюрализма в международном праве и фактически примирять концептуальное противоречие между универсализмом и требованием принимать во внимание существующую региональную специфику и в целом многополярность современного мира. Так же как локальные международные обычаи, региональные общие принципы права могут применяться к спорам, имеющим региональный охват; кроме того,

---

принципы права Европейского союза и принципы права Евразийского экономического союза через призму международного права. С. 90.

региональные общие принципы могут восполнять пробелы и использоваться для целей толкования региональных договоров. Такие принципы могут быть выявлены и разработаны на основе практики, связанной с конкретным региональным договором или региональной организацией, и могут быть процессуальными или материальными. Процесс формирования и выявления региональных общих принципов права, скорее всего, будет отличаться от процесса установления универсальных общих принципов права, поскольку суды или государство, отстаивающее их существование, должны и обосновать, и подчеркнуть их особый характер[481]. Региональные общие принципы права, в первую очередь, должны способствовать интеграции внутри региональных правовых систем, заполняя институциональные или правовые пробелы, тем самым повышая согласованность и устойчивость внутри данных правовых систем. Так же как в случае с региональными обычаями, региональные общие принципы права могут рассматриваться как *lex specialis*, исключающие или ограничивающие применение общих принципов права, имеющих универсальный характер.

Одним из результатов включения Комиссией международного права ООН в свою повестку вопросов об общих принципах права оказался рост интереса представителей доктрины международного права к региональным общим принципам права, среди которых наибольшую известность получили принципы права ЕС и практика их применения Судом ЕС. Оставаясь на протяжении десятилетий предметом интереса только исследователей права ЕС, эти принципы практически не изучались через призму общего международного права и воспринимались как явление *sui generis*. В свою очередь, Специальному докладчику по вопросам общих принципов права, равно как и членам Комиссии, в процессе работы по этой теме достаточно быстро стало понятно, что просто обойти молчанием факт существования принципов права ЕС вряд ли получится, если учитывать роль, которую эти принципы играют в праве ЕС, а также их высокую известность в академической литературе.

---

[481] *De Andrade M. C.* Op. cit. P. 24.

Краеугольной отличительной особенностью общих принципов права региональных интеграционных объединений (таких как ЕС и ЕАЭС, где эти принципы формулируются соответствующими судами) является их несоизмеримо более значительная в количественном и качественном выражении роль в праве объединения по сравнению с тем значением, которое имеют общие принципы права как во внутренних правовых системах, так и в международном праве. В качественном аспекте общие принципы права региональных объединений по сравнению с общими принципами права в международном праве выполняют как частично совпадающие, так и совершенно отличные функции. Если к совпадающим функциям можно отнести применение этих принципов для целей толкования и устранения пробелов, то использование этих принципов в качестве отдельного основания для судебного контроля правомерности нормативных актов институтов и в качестве самостоятельного основания для ответственности государств полностью неизвестно для общих принципов права в международном праве. Другим несомненным отличием общих принципов права региональных интеграционных объединений от общих принципов права международного права является их особый иерархический статус. Если Комиссия в своём проекте выводов говорит, что общие принципы права региональных интеграционных объединений не находятся в иерархическом соотношении с международными договорами и обычаями, то общие принципы права региональных интеграционных объединений обычно рассматриваются как часть первичного права (в том случае, когда они кодифицированы в учредительных договорах) или как особая категория норм, которые находятся чуть ниже первичного права, но выше всех других нормативных актов ЕС, включая акты вторичного права и международные соглашения, подписанные ЕС.

В то же время общие принципы права в понимании Комиссии, с одной стороны, а также общие принципы права ЕС и ЕАЭС, с другой стороны, сближает то, что определяющую роль в выявлении этих принципов и их применении играют международные суды, которые благодаря этой категории правовых норм

получают значительные полномочия, среди которых заполнение пробелов зачастую может находиться на грани судебного нормотворчества.

В том, что касается доктрины общих принципов права ЕАЭС, разрабатываемой Судом ЕАЭС, то эти принципы, по нашему мнению, можно отнести к категории общих принципов права, имеющих региональное применение по смыслу проекта вывода 12, предложенного Комиссией международного права. При этом, как показывает практика этого Суда, у общих принципов права ЕАЭС на данный момент ограниченный функционал, они используются для толкования норм ЕАЭС и как самостоятельное основание для судебного контроля актов институтов ЕАЭС. Суд ЕАЭС пока воздерживается от применения доктрины общих принципов права ЕАЭС в качестве инструмента для заполнения пробелов, вероятно, желая избежать обвинений со стороны государств — членов ЕАЭС в судебном нормотворчестве. Возможно, эта ситуация изменится в будущем. Кроме того, Суду ЕАЭС также предстоит решить вопрос о месте общих принципов права в иерархии норм права Союза, а также о способах разрешения коллизий в случае противоречия между универсальными общими принципами права (например, в трактовке МС ООН), и общими принципами права Союза (в толковании Суда ЕАЭС), или в случае, если имеются различия в понимании их содержания.

2.4. Публичный порядок как основа регионального правопорядка[482]

Согласно традиционному представлению, вопросы публичного порядка относятся к международному частному праву, где отсылка к публичному порядку государства используется как основание для отказа суда применить иностранный

[482] Данный параграф подготовлен на основании материалов следующих публикаций автора: *Кадышева О.В.* Влияние оговорки о публичном порядке на функционирование внутреннего рынка //Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 70-75; *Кадышева О.В*. Концепция публичного порядка в судах региональной экономической интеграции // Международное правосудие. 2023. № 2 (46). С. 17-32;

закон или признать и исполнить иностранное судебное или арбитражное решение. Однако в последнее время концепция публичного порядка прочно укоренилась в международном публичном праве, где она используется в узком и широком смыслах своего значения. Публичный порядок в узком смысле представляет собой одно из предусмотренных международным договором оснований для правомерного отказа государства исполнять свои обязательства в рамках данного договора. Публичный порядок в широком смысле представляет собой совокупность норм, являющихся фундаментальными для того или иного международного правопорядка и обеспечивающих его устойчивость и эффективность.

Концепция публичного порядка (англ.: *public policy*; фр.: *ordre public*; нем.: *öffentliche Ordnung*) является неотъемлемой частью правопорядка любого государства. Публичный порядок называют «высшим принципом права, целью в праве, идеей права»[483].

Вместе с тем *ordre public* — это многогранное понятие. В литературе отмечается, что даже публичный порядок как *ordre public* отличается от выражения, часто используемого в английском языке, — *public policy*[484]. Публичный порядок как *ordre public* — это правовой принцип, который достаточно трудно определить. Выражение *public order* в текстах Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Пакта о гражданских и политических правах 1966 года взято именно из французской системы, где *ordre public* означает все обязательные правила, которые связаны с общей организацией государства, с экономической системой, моралью, здоровьем, безопасностью, общественным миром, правами, основными правами и свободами каждого гражданина. Эти правила нельзя игнорировать, индивиды не могут отступать от них, за редчайшими

---

[483] *Шулаков А. А.* Публичный порядок в международном частном праве — правило или исключение? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 149–159, 152.

[484] *Ghantous M. Ordre Public* Protection as Legitimate Aim for Freedom of Expression Restriction in the International Legal Order // Revue québécoise de droit international. Vol. 31. 2018. No. 1. P. 243–266, 251.

исключениями. Публичный порядок, следовательно, можно определить как совокупность обязательных норм, организующих жизнь в обществе в рамках данного государства. Эти нормы устанавливаются в интересах общества, и без них жизнь в обществе была бы невозможна, а государства не смогли бы выжить. Публичный порядок как *ordre public* гарантируется государством через органы принуждения. Это набор высших ценностей, которые нельзя трогать. В нём смешиваются различные интересы: политические, моральные, экономические или социальные[485].

Тем не менее публичный порядок упоминается в различных международных документах как некий факт, без раскрытия его правовой природы и содержания. Например, в статье 17 резолюции Института международного права, принятой в Брюсселе в 1936 году, уважение публичного порядка характеризуется как обычная норма международного права[486]. В свою очередь, Договор, заключённый между Британской империей, Италией, Францией, Японией, США и Польшей, о меньшинствах (Версаль, 28 июня 1919 года) также признавал существование публичного порядка в национальных правовых системах[487], а в деле *Norwegian*

---

485 *Ghantous M.* Op. cit. P. 251.

486 «Признание *де-юре* правительства подразумевает признание судебных, административных или других органов и приписывание экстерриториальных последствий их действиям в соответствии с нормами международного права и, в частности, с обычно-правовым правилом об уважении публичного порядка, даже если эти действия были совершены до какого-либо предыдущего признания *де-факто*» (Institut de droit international. Session de Bruxelles — 1936. La reconnaissance des nouveaux Etats et des nouveaux gouvernements. 23 avril 1936. P. 4. Article 17. URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1936_brux_01_fr.pdf (дата обращения: 25.12.2025)).

487 «Польша обязуется обеспечить полную и всестороннюю защиту жизни и свободы всем жителям Польши без различия рождения, национальности, языка, расы или религии. Все жители Польши имеют право на свободу, как публичную, так и частную, любого вероисповедания, религии или убеждений, отправление которых не противоречит публичному порядку или общественной морали» (Minorities treaty between the principal allied and associated powers (the British Empire, France, Italy, Japan and the United States) and Poland, signed at Versailles (28 June 1919). P. 3. Article 2. URL: http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/19190628-3.pdf (дата обращения: 25.12.2025)).

Ship-owners Claims Постоянная палата третейского суда использовала термин «международный публичный порядок» (*L'Ordre Public International*)[488].

При этом в целом доктрина публичного порядка остаётся субъективной и неопределённой и поэтому трудна для объективного и точного использования при отправлении правосудия. В доктрине отмечается, что «это одно из самых неуловимых понятий в праве, учитывая противоречивые судебные решения и запутанную литературу»[489] оно «изменчиво и непостоянно», поэтому к нему обращаются «только тогда, когда нет других аргументов»[490].

Традиционно категория «публичный порядок» исследовалась в рамках науки международного частного права в процессе применения коллизионных норм и связанной с ним «оговорки о публичном порядке» как основание для того, чтобы исключить применение национальным судом иностранного права, или для отказа в исполнении иностранного судебного или арбитражного решения. Такой подход неоправданно сужает рамки исследования данной проблематики и не может не оказывать влияние на полноту и качество её анализа. На первый взгляд, понимание публичного порядка в международном частном праве является скорее процессуальным, чем материальным.

Особое значение концепция публичного порядка приобретает в связи с рассмотрением международных споров, в которых государства всё чаще ссылаются на необходимость защиты их общественного порядка в качестве оправдания действий, которые нарушают их обязательства в рамках международного права. При этом международные органы по разрешению споров демонстрируют различие подходов к оценке применимости и обоснованности

---

488 «Международный публичный порядок, очевидно, не стоит на кону, когда этот Трибунал имеет дело с такими контрактами. Однако если публичное право одной из сторон противоречит международному публичному порядку, то Трибунал не связан национальным правом государств, являющихся сторонами арбитражного разбирательства» (Permanent Court of Arbitration. *Norwegian shipowners' claims (Norway v. U.S.A)*. Award of 13 October 1922. P. 330. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_I/307-346.pdf (дата обращения: 25.12.2025)).

489 *Ghodoosi F.* The Concept of Public Policy in Law: Revisiting the Role of the Public Policy Doctrine in the Enforcement of Private Legal Arrangements // Nebraska Law Review. Vol. 94. 2015. No. 3. P. 685–736, 687.

490 Ibid. P. 688.

таких аргументов. Концептуализация публичного порядка в значительной степени определяет роль судов в решении вопросов, связанных с публичным порядком, и влияет на итог судебного разбирательства. При этом вопрос о том, в какой степени судьи и арбитры могут оценивать публичный порядок, остаётся неурегулированным.

2.4.1. Понятие публичного порядка: вопросы терминологии

В литературе публичный порядок упоминается в качестве «исторически запутанной и часто игнорируемой доктрины»[491], а сам термин «публичный порядок» часто используется в судебном разбирательстве для утверждения, что договор, иностранное судебное решение, арбитражное решение или иностранный закон нарушают публичный порядок *lex fori*, то есть суда, рассматривающего спор.

Давая характеристику публичному порядку в международном частном праве, М. И. Брун указывал на то, что «публичным порядком диктуются и существование правила, и исключения»[492]. По мнению М. И Бруна, это происходит потому, что «публичный порядок есть не что иное, как воля самого законодателя»[493], указывающая судье на правила применения или неприменения иностранного закона. В связи с этим публичный порядок представляет, по сути, синоним требования законодателя и господствует не только в коллизионном праве, но и во всех других отраслях права.

Публичный порядок появился в национальной судебной практике в XVIII веке. Одним из первых примеров применения данной концепции было решение по делу *Mitchel v. Reynolds*, где суд признал недействительным договор, который привёл бы к ограничению торговли. Позже доктрина публичного порядка

---

491 *Ghodoosi F.* Op. cit. P. 686.

492 *Брун М. И.* Публичный порядок в международном частном праве. Петроград : Сенатская типография, 1916. С. 76. Цит. по: *Шулаков А. А.* Указ. соч. С. 152.

493 *Брун М. И.* Указ. соч. С. 76.

распространилась и на другие сферы, такие как запрет бессрочных договоров, продажа должностей, брачные договоры и азартные игры[494].

В 1750 году было предложено одно из первых определений публичного порядка — «договоры против публичного порядка не имеют силы не потому, что одна из сторон была обманута, а потому, что они являются “общим вредом” для общества»[495].

Как отметил W. S. W. Knight, в XVIII веке сформировалась доктрина публичного порядка как нечто отличное от простой безнравственности или незаконности[496]. Тогда подход к публичному порядку включал и политические соображения, а не просто общие общественные ценности для его обоснования и содержания.

Только позднее в истории публичный порядок стал категорией, не зависимой от незаконности. Частные договоры не могли быть средством обхода публичного порядка государств. В результате частноправовые соглашения стали системно подчиняться публичным правилам благодаря доктрине публичного порядка. Причём сферы применения публичного порядка относились к договорам, которые исключали юрисдикцию суда или наносили ущерб статусу брака, а также к договорам, которые ограничивали торговлю[497].

Таким образом, доктрина публичного порядка основывалась на идее, что исполнение договора является вопросом публичного права, так же как и отправление правосудия является делом государственным и осуществляется за его счёт, именно поэтому оно должно контролироваться. Государственные ресурсы не должны использоваться для исполнения соглашения, которое наносит ущерб общественной морали или интересам.

Несмотря на отмеченное выше использование концепции публичного порядка преимущественно в международном частном праве, в последнее время

---

494 *Ghodoosi F.* Op. cit. P. 692.
495 *Knight W. S. W.* Public Policy in English Law // Law Quarterly Review. Vol. 38. 1922. P. 207–222, 209. Цит. по: Ibid.
496 *Knight W. S. W.* Op. cit. P. 210.
497 *Ghodoosi F.* Op. cit. P. 696.

отмечается рост интереса к этой проблематике и с точки зрения международного публичного права, при этом понятие *ordre public* в международном частном праве и *ordre public* в международном публичном праве предлагается не смешивать[498]. С одной стороны, это связано с использованием концепции публичного порядка международными судами. Так, Европейский суд по правам человека (*далее* — ЕСПЧ), начиная с решения по делу *Loizidou*[499], неоднократно ссылался на ЕКПЧ как конституционный инструмент европейского публичного порядка (*European public order*)[500]. Как будет показано ниже, публичный порядок всего Европейского союза признает в своих решениях Суд Европейского союза. С другой стороны, оговорка о публичном порядке появилась во многих универсальных и региональных международных договорах как одно из оснований для правомерного отказа государства исполнять взятые им обязательства (такие оговорки есть в соглашениях ВТО, многочисленных инвестиционных соглашениях, Договоре о ЕС, Договоре о ЕАЭС).

Именно поэтому в доктрине было предложено использовать в международном публичном праве термин «публичный порядок» в широком и узком смыслах[501].

Публичный порядок в широком смысле — это совокупность норм, которые являются настолько фундаментальными для функционирования того или иного правопорядка в международном праве, что они имеют особый статус. Так, в доктрине термин «международный публичный порядок» (*international public order*) обычно ассоциируется с императивными нормами международного права[502] и обязательствами *erga omnes*[503]. В практике ЕСПЧ положения ЕКПЧ

---

498 Ibid. P. 251.

499 European Court of Human Rights. *Loizidou v. Turkey (Preliminary Objections)* [Grand Chamber]. Application no. 15318/89. Judgment of 23 March 1995. § 75.

500 *De Lange R.* The European Public Order, Constitutional Principles and Fundamental Rights // Erasmus Law Review. Vol. 1. 2007. No. 1. P. 3–24, 12.

501 *De Lange R.* Ibid. P. 12

502 См., например: *Orakhelashvili A.* Peremptory Norms in International Law. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 7–35.

503 См.: *Kamiyama M. I. B.* Obligations *Erga Omnes* and International Public Order after the Decision in the *Belgium v. Senegal* Case // Revista dos Estudantes de Direito da Universidade de Brasília. Vol. 11. 2013. No. 1. P. 43–62.

характеризуются как конституционные нормы европейского публичного порядка, а Суд ЕС относит ряд положений Договора о ЕС к нормам публичного порядка Европейского союза. Во всех этих случаях публичный порядок подразумевает наличие в соответствующем правопорядке норм, от исполнения которых государства не могут отказаться посредством заключения отдельного соглашения между собой или ссылки на свой собственный национальный правопорядок.

Правопорядок в международном публичном праве в узком смысле подразумевает наличие в международном договоре соответствующих исключений, на которые могут ссылаться государства, чтобы оправдать своё нарушение взятых по данному договору обязательств. Наряду с содержащимися во многих международных договорах оговорками о национальной безопасности, морали и нравственности, защите здоровья населения, применимость таких положений традиционно определялась исключительно самим государством. Однако явной тенденцией последних лет стала нарастающая активность международных судов и их стремление контролировать этот процесс и самим определять правомерность использования тем или иным государством соответствующих оговорок в конкретной ситуации.

Например, Международный Суд ООН рассматривал применение государством оговорки о публичном порядке в узком смысле в деле *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*[504], в котором рассматривался отказ Франции предоставить запрошенную Джибути информацию на основании двусторонней Конвенции о правовой помощи 1986 года. В оправдание своих действий Франция ссылалась как раз на оговорку о публичном порядке, содержащуюся в этой Конвенции.

В этой связи целесообразным видится разделение категории публичного порядка в международном праве на «публичный порядок в узком смысле» и «публичный порядок в широком смысле», при этом в отношении первого — руководствоваться концепцией национального публичного порядка, а под вторым

---

[504] ICJ. *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*. Judgment of 4 June 2008 // I.C.J. Reports. 2008. P. 177.

подразумевать совокупность фундаментальных норм соответствующего правопорядка в международном праве, которые обеспечивают устойчивость и эффективность данного правопорядка. Однако при этом остаётся открытым вопрос о соотношении в международном публичном праве концепции публичного порядка в широком смысле с доктриной императивных норм международного права в силу их схожести по своим правовым последствиям. Это даёт основание многим авторам считать императивные нормы частью норм универсального международного публичного порядка. На наш взгляд, появление в международном праве конкурирующих концепций является прямым следствием отсутствия мирового законодательного органа. С другой стороны, процессы фрагментации и регионализации международного права создают питательную среду для конкуренции различных концепций, что полностью исключено на национальном уровне, но, как мы видим, допускается государствами на международном уровне. Наличие конкурирующих концепций означает, что у международных судов появляется возможность протестировать их на практике при разрешении нормативных конфликтов с точки зрения удобства их применения. В этом отношении красноречивым видится уже отмеченное в литературе полное отсутствие практики международных судов по применению императивных норм международного права по их назначению, а именно — для признания недействительными норм договоров, которые противоречат таким нормам.

2.4.2. Суд Европейского союза и вопросы публичного порядка в праве Европейского союза

Первоначально Суд ЕС сталкивался с вопросами публичного порядка в узком значении этого термина, то есть в качестве одного из оснований для государств — членов ЕС отказаться исполнять свои обязательства по праву ЕС. В соответствии с учредительными договорами Европейский союз основан на свободном движении

товаров, услуг, людей и капитала, известных как четыре свободы внутреннего рынка ЕС. С момента подписания Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (Рим, 1957 год) включал несколько положений, не изменившихся до сих пор, согласно которым государства — члены ЕЭС, выступающие стороной — получателем товаров, работ, услуг или рабочей силы, могли ссылаться на правила своего публичного порядка для того, чтобы ограничить в тех или иных случаях указанные свободы внутреннего рынка.

Государства — основатели ЕС, планируя архитектуру европейской интеграции, исходили из того, что государства, входившие первоначально в Европейские сообщества, а затем и в Европейский союз, имеют существенные различия общественного уклада, и что каждое из этих государств будет стремиться сохранить ценности этого уклада и дифференцированно подходить к определённым видам деятельности в рамках интеграционных процессов. Именно поэтому государствам — членам ЕС было разрешено использовать свои собственные правила публичного порядка для ограничения в случае необходимости свобод внутреннего рынка. Содержание этих правил публичного порядка было оставлено на усмотрение каждого государства — члена ЕС, в связи с чем Договор о ЕЭС не содержал ни определения того, что считать публичным порядком, ни способов его применения государствами[505]. Как отмечает T. Hoško, несмотря на то что ЕС стремится к созданию «всё более сплочённого союза»[506], государства — члены ЕС ещё не достигли такого согласия в основных принципах, фундаментальных ценностях и защите прав человека, чтобы полностью отказаться от соображений собственного публичного порядка[507].

С другой стороны, понятие публичного порядка также использовалось при решении вопросов признания и исполнения внутри ЕС решений, вынесенных

---

[505] *Kessedjian C.* Public Order in European Law // Erasmus Law Review. Vol. 1. 2007. No. 1. P. 25–36, 28.

[506] Преамбула к Договору о функционировании Европейского союза. Цит. по: *Hoško T.* Public Policy as an Exception to Free Movement within the Internal Market and the European Judicial Area: A Comparison // Croatian Yearbook of European Law and Policy. Vol. 10. 2014. No. 1. P. 189–213, 195.

[507] *Hoško T.* Op. cit. P. 195.

национальными судами государств-членов. Сначала этот вопрос был урегулирован на межгосударственном уровне в Брюссельской конвенции по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров 1968 года[508] (*далее* — Брюссельская конвенция). Очевидно, что в правопорядке каждого государства — члена ЕС имеются ценности, которые необходимо защищать от противоречащих им судебных решений. К таким ценностям относится и публичный порядок государства — члена ЕС, в котором испрашивается признание и исполнение судебного решения, вынесенного судами других государств — членов ЕС. Серьёзные перемены в этом отношении стали происходить начиная с конца 1990-х годов, когда стала понятной недостаточность и неэффективность конвенционного регулирования оборота судебных решений в ЕС. Существовавшие межгосударственные процедуры признания таких решений и разнообразных подходов национальных судов по этим вопросам стали явным образом препятствовать нормальному функционированию единого внутреннего рынка за счёт разрыва единого правового пространства. Именно поэтому Амстердамским договором вопросы взаимного признания и исполнения решений судов государств — членов внутри ЕС были включены в «первую опору» Европейского союза (вопросы функционирования единого внутреннего рынка). Таким образом, в праве ЕС появилась свобода движения судебных решений (так называемая пятая свобода), а конвенционное регулирование этих вопросов было заменено на регулирование актами институтов ЕС (соответственно, Брюссельская конвенция была заменена Брюссельским регламентом[509]). При этом новый регламент сохранил оговорку о публичном порядке как об основании ограничения свободы, но в отличие от конвенционного подхода все вопросы толкования и применения этого регламента уже находились в юрисдикции Суда ЕС.

---

[508] Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров. Принята 27 сентября 1968 года.

[509] Council Regulation (EC) No. 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters // Official Journal of the European Union. 2001. No. 12. P. 1–23.

В качестве основания для ограничения четырёх свобод внутреннего рынка публичный порядок стоит рядом с общественной безопасностью и общественной моралью, защитой здоровья и жизни людей, животных или растений, защитой национальных сокровищ, обладающих художественной, исторической или археологической ценностью, и защитой промышленной и коммерческой собственности в случае свободного перемещения товаров (статья 36 ДФЕС). Однако в случае применения предусмотренной Брюссельским регламентом оговорки о публичном порядке в отношении признания и исполнения судебных решений не существует исключений, аналогичных ограничениям четырёх рыночных свобод. Как уже сказано выше, публичный порядок государства нелегко определить из-за его изменчивости в пространстве и времени. Тем не менее Суд Европейского союза оказался перед необходимостью жёстко контролировать этот процесс во избежание излишне противоречивых подходов национальных судов к этому вопросу. Для данных целей Суд ЕС разработал определённые стандарты применения оговорки о публичном порядке как в контексте обоснования ограничения действия первых четырёх свобод, так и в контексте ограничения пятой свободы[510].

В первый раз, когда Суду ЕС пришлось решать дело, касающееся такого исключения (*Van Duyn v. Home Office*), он подтвердил, что ответственность за определение своего публичного порядка несут исключительно государства — члены ЕС[511]. Суд, придерживаясь традиционной точки зрения на публичный порядок, заявил, что публичный порядок является «территориальной концепцией» (то есть специфическим для каждого государства-члена), которая при этом может меняться с течением времени. Таким образом, Суд ЕС признал, что государства-члены могут изменять содержание своего публичного порядка по мере необходимости в связи с эволюцией их общества, поэтому концепция публичного порядка является чувствительной к фактору времени и никто не знает, какой она

---

[510] *Hoško T.* Op. cit. P. 190.

[511] CJEU. *Yvonne van Duyn v Home Office*. Case 41/74. Judgment of 4 December 1974. P. 1351. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61974CJ0041 (дата обращения: 25.12.2025).

будет завтра[512]. Отдельно надо отметить, что Суд ЕС также указал, что «концепция публичного порядка в контексте Сообщества и, в частности, когда она используется в качестве оправдания для отступления от фундаментального принципа свободы перемещения работников, должна толковаться только ограничительно»[513].

Тем не менее впоследствии Суд ЕС несколько изменил свой подход к вопросу применения государствами оговорки о публичном порядке, позволив себе вмешаться в установление содержания публичного порядка стран — членов ЕС. Так, в решении по делу *Bouchereau* Суд указал, что понятие публичного порядка предполагает, помимо нарушения общественного порядка, которое представляет собой любое нарушение закона, наличие достаточно серьёзной угрозы, затрагивающей фундаментальные интересы общества[514]. Этим решением Суд начал ограничивать свободу государств-членов в определении содержания публичного порядка. Теперь для того, чтобы национальная норма могла быть квалифицирована как норма публичного порядка, необходимо наличие двух критериев: во-первых, она должна устранять реальную и достаточно серьёзную опасность, а не просто любое нарушение правила, а во-вторых, целью нормы публичного порядка должна быть защита фундаментального интереса соответствующего общества[515]. Таким образом, применительно к своим обязательствам по праву ЕС государства — члены ЕС могут защищать лежащие в основе их системы фундаментальные ценности публичного порядка только в очень ограниченном понимании Суда ЕС.

В решении по делу *Petar Aladzhov v. Zamestnik* Суд ЕС фактически суммировал ранее высказанные им аргументы и указал, что, хотя государства-члены в принципе сохраняют свободу определять требования публичного порядка и общественной безопасности в соответствии со своими национальными интересами, которые могут варьироваться от одного государства-члена к другому

---

512 *Kessedjian C.* Op. cit. P. 28.
513 CJEU. *Yvonne van Duyn v Home Office*. Case 41/74. Judgment of 4 December 1974. P. 1350. § 18.
514 CJEU. *Régina v Pierre Bouchereau*. Case 30/77. Judgment of 27 October 1977. § 35.
515 *Kessedjian C.* Op. cit. P. 29.

и от одной эпохи к другой, «факт остаётся фактом» — в контексте Европейского союза и особенно в качестве правомерного основания для государств-членов отступить от рыночных свобод требования публичного порядка должны толковаться исключительно ограничительно, то есть таким образом, чтобы их объём не мог определяться в одностороннем порядке каждым государством-членом без какого-либо контроля со стороны институтов Европейского союза[516].

Как уже указывалось выше, в первые десятилетия становления Европейских сообществ вопросы взаимного признания и исполнения судебных и арбитражных решений, а также организации и деятельности арбитража считались входящими в исключительную компетенцию государств — членов ЕС. В статье 220 Римского договора указывалось, что государства — члены ЕЭС решают вопросы гармонизации норм о признании и исполнении судебных и арбитражных решений не путём издания актов ЕЭС, а посредством заключения для этих целей многосторонних конвенций. В результате такого подхода странами — членами ЕЭС была разработана и подписана Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров. Впоследствии регулирование признания и исполнения арбитражных решений дополнилось актами институтов ЕС.

Статьи 34 и 57 Регламента Брюссель-I[517], статьи 22 и 13 Регламента Брюссель-II bis[518] и ряд других документов позволяют не признавать или не исполнять судебные решения на основании публичного порядка государства, в котором осуществляется признание и исполнение судебного решения, вынесенного судом другого государства — члена ЕС.

---

[516] CJEU. *Petar Aladzhov v Zamestnik director na Stolichna direktsia na vatreshnite raboti kam Ministerstvo na vatreshnite raboti* [Fourth Chamber]. Case C-434/10. Judgment of 17 November 2011. § 34.

[517] Council Regulation (EC) No. 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters.

[518] Council Regulation (EC) No. 2201/2003 of 27 November 2003 concerning jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in matrimonial matters and the matters of parental responsibility, repealing Regulation (EC) No. 1347/2000 // Official Journal of the European Union. 2003. No. 338. P. 1–29.

В деле *Krombach v. Bamberski*[519], обращаясь с запросом в Суд ЕС, национальный суд государства — члена ЕС просил прояснить вопрос о том, может ли оговорка о публичном порядке в соответствии с действовавшей на тот момент Брюссельской конвенцией быть истолкована таким образом, чтобы обосновать, во-первых, чрезмерную жёсткость правил установления юрисдикции суда, вынесшего решение (в данном случае речь шла о французском суде), и, во-вторых, нарушение права на справедливое судебное разбирательство. В своём преюдициальном заключении Суд ЕС установил, что государства-члены не имеют права ставить под сомнение юрисдикцию суда, вынесшего решение, о чём говорится в самой Конвенции в статье 28, даже если эта юрисдикция была ошибочно определена этим судом[520]. Кроме того, Суд ЕС отметил, что обращение к оговорке о публичном порядке, содержащейся в пункте 1 статьи 27 Брюссельской конвенции, возможно только в тех случаях, когда признание или приведение в исполнение судебного решения, вынесенного в другом государстве — члене ЕС, в неприемлемой степени противоречило бы публичному порядку государства, в котором испрашивается исполнение, в той мере, в какой оно нарушает какой-либо фундаментальный принцип[521]. Для того чтобы запрет на пересмотр по существу любого решения суда государства — члена ЕС соблюдался, нарушение должно представлять собой явное нарушение нормы права, считающейся существенной в правопорядке государства, в котором испрашивается исполнение, или явное нарушение права, признанного фундаментальным в этом правопорядке. Что касается второго вопроса, то Суд ЕС указал, что государства-члены могут интерпретировать понятие «публичный порядок» в соответствии со своими собственными концепциями, но пределы такого толкования должны быть определены самим Судом ЕС[522]. Для того чтобы можно было обоснованно сослаться на публичный порядок с целью оправдания отказа исполнять решение суда другого государства — члена ЕС, необходимо выполнение трёх совокупных

---

519 CJEU. *Dieter Krombach v André Bamberski*. Case C-7/98. Judgment of 28 March 2000.
520 Ibid. § 33.
521 CJEU. *Dieter Krombach v. André Bamberski*. Case C-7/98. Judgment of 28 March 2000. § 37.
522 Ibid. § 23.

требований: а) наличие заметного расхождения между нормой, применяемой в государстве суда, вынесшего решение, и нормой государства признания или исполнения этого решения; б) как результат такого расхождения должен быть нарушен какой-либо фундаментальный принцип государства признания или исполнения этого решения; в) это нарушение фундаментального принципа представляет собой «явное нарушение нормы права, считающейся основной в правопорядке государства, в котором испрашивается исполнение этого решения»[523].

На практике национальные суды государств — членов ЕС, как правило, ориентируются на национальную концепцию публичного порядка, используемую в данном государстве. Вместе с тем не стоит забывать основные начала приведения в исполнение иностранных судебных решений, которые сводятся к тому, что, во-первых, применение положений публичного порядка должно носить исключительный характер, а во-вторых, суды, перед которыми ставится вопрос о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, не могут произвольно отказывать в признании и исполнении решения по причине его несоответствия национальному праву, равно как и пересматривать иностранные судебные и арбитражные решения. В разных юрисдикциях относительно немногие правовые нормы поднимаются до уровня публичного порядка, а квалификация нормы как нормы публичного порядка происходит в исключительных случаях[524].

Публичный порядок ЕС в широком смысле, то есть как совокупность фундаментальных норм, определяющих функционирование соответствующего правопорядка, появился в практике Суда ЕС в результате рассмотрения им вопросов, связанных с международным коммерческим арбитражем. В статье 1 Брюссельской конвенции прямо указывалось, что она не применяется в отношении арбитража. По мнению исследователей права ЕС, разработчики Брюссельской

---

[523] Ibid. § 37.

[524] *Bermann G. A.* Navigating EU Law and the Law of International Arbitration // Arbitration International. Vol. 28. 2012. No. 3. P. 397–445, 408.

конвенции исходили из того, что для регулирования вопросов признания и исполнения арбитражных решений в ЕС было достаточно уже существовавшей к тому времени Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года[525] (*далее* — Нью-Йоркская конвенция), участниками которой являлись все государства ЕС[526]. Эта Конвенция также разрешает национальным судам не признавать арбитражные решения и отказывать в их исполнении на основании их противоречия публичному порядку. Со временем Суд ЕС обнаружил, что национальные суды стран — членов ЕС предлагают по сути 27 видов различных толкований концепции публичного порядка, внося хаос в вопросы признания арбитражных решений, вынесенных в других государствах ЕС. Как и в случае с исполнением решений национальных судов государств — членов ЕС по гражданским делам, в каждом государстве — члене ЕС суды самостоятельно толковали понятие «публичный порядок» применительно к арбитражным решениям, разрывая единое внутреннее правовое пространство и создавая тем самым препятствие на пути функционирования единого внутреннего рынка.

Это вынудило Суд ЕС занять твёрдую позицию, согласно которой суды государств — членов ЕС должны принимать во внимание правила права ЕС при решении вопросов о соответствии публичному порядку арбитражных решений, вынесенных в других странах ЕС. Ключевым в данном вопросе стало дело *Eco Swiss*[527], в рамках которого Верховный суд Нидерландов обратился в Суд ЕС за преюдициальным заключением в соответствии со статьёй 267 Договора о функционировании Европейского Союза по вопросам толкования статьи 85 Договора о ЕС (ныне статьи 101 ДФЕС)[528]. Эти вопросы были подняты в ходе

---

[525] Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Заключена в городе Нью-Йорке 10 июня 1958 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 46.

[526] См.: *Bermann G. A.* Reconciling European Union Law Demands with the Demands of International Arbitration // Fordham International Law Journal. Vol. 34. 2011. No. 5. P. 1193–1216.

[527] CJEU. *Eco Swiss China Time Ltd v Benetton International NV*. Case C-126/97. Judgment of 1 June 1999.

[528] Статья 101 ДФЕС устанавливает запрет на антиконкурентные соглашения между предприятиями.

разбирательства, возбуждённого компанией *Benetton International NV* в целях отмены Верховным судом Нидерландов арбитражного решения, предписывающего компании Benetton возместить убытки Eco Swiss China Time Ltd. за нарушение лицензионного соглашения. Поскольку арбитраж имел место в Нидерландах, в соответствии с нормами процессуального законодательства данного государства был поставлен вопрос о противоречии арбитражного решения публичному порядку, включающему и положения статьи 85 Договора о ЕС (ныне статьи 101 ДФЕС).

Верховный суд Нидерландов задал Суду ЕС в общей сложности пять вопросов, но вопрос о публичном порядке является наиболее важным в контексте рассматриваемой темы. По мнению Суда ЕС, статья 85 должна рассматриваться как фундаментальная норма права ЕС, имеющая важное значение для выполнения задач, возложенных на Сообщество[529]. В силу этого любые соглашения или решения, запрещённые данной статьёй, автоматически считаются недействительными[530]. Суд ЕС также указал, что эта статья относится к вопросам публичного порядка, но уже на уровне ЕС, по смыслу Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение арбитражных решений 1958 года[531].

Таким образом, Суд ЕС, рассматривая вопросы публичного порядка и конкурентного права ЕС, указал, что национальные суды государств-членов должны принимать во внимание любые вопросы, касающиеся права ЕС, в процессе либо отмены, либо признания и приведения в исполнение арбитражного решения, и фактически ввёл понятие публичного порядка ЕС, которое было подтверждено в его дальнейших решениях.

---

529 CJEU. *Eco Swiss China Time Ltd v Benetton International NV*. Case C-126/97. Judgment of 1 June 1999. § 36.

530 CJEU. *Eco Swiss China Time Ltd v Benetton International NV*. Case C-126/97. Judgment of 1 June 1999. § 36.

531 Ibid. § 39. В соответствии с пунктом 2 статьи V этой Конвенции, «в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть также отказано, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что… b) признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны».

В последующих делах Суд ЕС стал более серьёзно отслеживать границы применения публичного порядка всего ЕС. По мнению Суда, далеко не каждую норму права ЕС можно отнести к публичному порядку ЕС, и именно характер и значение нормы права ЕС будут определять её нарушение как нарушение публичного порядка ЕС.

С учётом того, что сейчас 80 % национального законодательства государств — членов ЕС строится на основе права ЕС[532], очевидно, что Суд ЕС исходит из того, что в вопросах публичного порядка стран — членов ЕС свобода национальных судов должна снижаться и одновременно должен нарастать скоординированный подход к публичному порядку всего ЕС. В доктрине уже было высказано предположение, что Суд ЕС руководствуется тем, что Европейский союз является своего рода квазифедерацией в развитии[533], где государства-члены являются субъектами такой федерации, и поэтому право этих субъектов использовать соображения публичного порядка для отказа в исполнении как нормативных актов Союза, так и решений национальных судов других субъектов этой федерации должно быть ограничено. По нашему мнению, учитывая широту права ЕС и возможность того, что многие его нормы могут быть отнесены к нормам публичного порядка в глазах Суда, суды государств-членов будут всё чаще сталкиваться с вопросом о сфере действия публичного порядка всего ЕС. Тем не менее у этого подхода есть и свои критики. Например, T. Keresteš указывает, что Суд ЕС, оправданно опасаясь, что государства могут злоупотреблять использованием оговорки о публичном порядке, в итоге лишил данное положение его основного смысла, разрешив государствам применять оговорку о публичном порядке лишь в нескольких случаях[534]. Далее, по мнению T. Keresteš, возможно, что в определённый момент европейское общество будет настолько интегрировано,

---

[532] *Исполинов А.* Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств — членов ЕС // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 47–68, 49.

[533] Там же. С. 64.

[534] *Keresteš T.* Public Policy in Brussels Regulation I: Yesterday, Today and Tomorrow // LeXonomica. Vol. 8. 2016. No. 2. P. 77–91, 88.

что оговорку о публичном порядке государств — членов ЕС придётся объявить «вне закона», однако время для этого ещё не пришло; культурное разнообразие по-прежнему является важным признаком ЕС, а различия — это «преимущество и выгода, а не слабость». По его мнению, до тех пор, пока существуют национальные культуры стран — членов ЕС, в праве ЕС будет место оговорке о публичном порядке[535].

В том, что касается публичного порядка ЕС в широком смысле, можно согласиться с мнением F. Ferretti, который, оценивая практику Суда ЕС в отношении международного коммерческого арбитража, говорит о том, что Суд ЕС ещё не прояснил границы публичного порядка ЕС, и вместо этого подходит к данному вопросу ситуативно, от случая к случаю. Это ставит международный коммерческий арбитраж в непростые условия, так как без определения границ публичного порядка ЕС он обречён оставаться в состоянии правовой неопределённости. Без дальнейших более или менее чётких указаний со стороны Суда ЕС государства — члены ЕС, скорее всего, будут применять эту концепцию непредсказуемо и непоследовательно, что, в свою очередь, негативно скажется на функционировании внутреннего рынка[536].

2.4.3. Вопросы публичного порядка в практике Суда Евразийского экономического союза

Что касается концепции публичного порядка в ЕАЭС, нужно отметить, что согласно положениям статьи 28 Договора о Евразийском экономическом союзе, Союз принимает меры по обеспечению функционирования внутреннего рынка в соответствии с положениями Договора. Внутренний рынок охватывает

---

535 Ibid. P. 90.

536 *Ferretti F.* EU Internal Market Law and the Law of International Commercial Arbitration: Have the EU Chickens Come Home to Roost? // Cambridge Yearbook of European Legal Studies. Vol. 22. 2020. P. 133–155, 150.

экономическое пространство, в котором обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов.

Статья 29 Договора о ЕАЭС предусматривает исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров, к числу которых относится право государств-членов при взаимной торговле товарами применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для охраны жизни и здоровья человека; защиты общественной морали и правопорядка; охраны окружающей среды; охраны животных и растений, культурных ценностей; выполнения международных обязательств и обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

Оговорки отраслевого (или ещё более узкого) характера встречаются в отдельных протоколах к Договору о ЕАЭС, в Протоколе о единых правилах предоставления промышленных субсидий (Приложение № 28), пункт 77 которого наделяет государства — члены правом использовать специфические субсидии, введение которых обусловлено необходимостью в защите общественной морали, общественного правопорядка и государственной безопасности; жизни или здоровья людей, животных и растений; национальных сокровищ художественной, исторической или археологической ценности; прав на интеллектуальную собственность; истощаемых природных ресурсов (если подобные меры проводятся одновременно с ограничением внутреннего производства или потребления).

Другим примером может служить Протокол о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (Приложение № 7), в пункте 38 которого устанавливается возможность введения при ввозе и (или) вывозе отдельных категорий товаров мер, необходимых для соблюдения общественной морали или правопорядка, а также для охраны жизни и здоровья человека, окружающей среды, животных и растений; а также мер, которые относятся к экспорту и (или) импорту золота или серебра; применяются для защиты культурных ценностей и культурного наследия; необходимы для предотвращения исчерпания невосполнимых

природных ресурсов и проводятся одновременно с ограничением внутреннего производства или потребления, связанных с использованием невосполнимых природных ресурсов; связаны с ограничением экспорта товаров, происходящих с территорий государств-членов, для обеспечения достаточным количеством таких товаров внутренней обрабатывающей промышленности в течение периодов, когда внутренняя цена на такие товары держится на более низком уровне, чем мировая цена, в результате осуществляемого правительством плана стабилизации; необходимы для приобретения или распределения товаров при общем или местном их дефиците; необходимы для выполнения международных обязательств; необходимы для обеспечения обороны и безопасности; необходимы для обеспечения соблюдения не противоречащих международным обязательствам правовых актов, касающихся применения таможенного законодательства, охраны окружающей среды, защиты интеллектуальной собственности, и иных правовых актов.

Как мы видим, Договор о ЕАЭС не содержит явным образом оговорку о публичном порядке в его узком смысле как основание для ограничений свобод внутреннего рынка, напоминая в этом отношении скорее статьи XX и XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года[537], также фиксирующего исключения из установленных ГАТТ правовых режимов, но на уровне правил Всемирной торговой организации. Интересно, что в неофициальном переводе Договора о ЕАЭС на английский язык, размещённом на правовом портале сайта ЕЭК[538], в тексте статьи 29 слово «правопорядок» переведено как «*public order*», что, на наш взгляд, является не совсем корректным переводом, поскольку термины «правопорядок» и «публичный порядок» всё же отличаются друг от друга. Впрочем, это всё равно не так важно, потому что единственным официальным языком Договора о ЕАЭС является русский язык.

---

[537] General Agreement on Tariffs and Trade. 1994. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm (дата обращения: 25.12.2025).

[538] См.: Treaty on the Eurasian Economic Union. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/3b2/0aq0urjrfygepanpcxgllxg9x68ce6bd/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

В консультативном заключении от 30 октября 2017 года[539] (пока единственном на сегодня, посвящённом вопросам исключений из общего порядка функционирования внутреннего рынка товаров) Суд ЕАЭС не стал подробно останавливаться на отдельных основаниях для введения ограничений. Суд ограничился указанием на то, что «дискреция государств-членов Союза по применению пункта 1 статьи 29 Договора не безусловна, что предопределено ограничительным толкованием условий применения ограничений во взаимной торговле товарами». По мнению Суда ЕАЭС, нужно выделять «два основных условия допустимости применения ограничений»: а) «цель принятия национальной меры должна соответствовать одному из оправдывающих обстоятельств», перечисленных в части первой статьи 29 Договора о ЕАЭС; б) «национальная мера не должна являться средством произвольной дискриминации или замаскированного ограничения в торговле между государствами-членами и должна быть пропорциональной»[540]. К сожалению, в практике Суда ЕАЭС пока не было дел, связанных с оспариванием таких ограничений. На наш взгляд, это скорее говорит о том, что государства-члены Союза стараются решать такие вопросы дипломатическим путём, а не об отсутствии фактов принятия ими таких мер.

Отсутствуют в Договоре о ЕАЭС также и упоминания о взаимном признании и исполнении в странах — членах ЕАЭС судебных и арбитражных решений, вынесенных в других государствах — членах Союза. Однако все государства — члены ЕАЭС как минимум являются участниками Нью-Йоркской конвенции, и поэтому, по нашему мнению, рано или поздно Суд ЕАЭС столкнётся с проблематикой публичного порядка в контексте ограничений для функционирования единого внутреннего рынка ЕАЭС, по крайней мере при исполнении судебных и арбитражных решений.

---

[539] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 30 октября 2017 года по делу № Р-3/17. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.17/ (дата обращения: 25.12.2025).

[540] Там же. С. 10.

Если рассматривать доктрину публичного порядка в узком смысле, то есть как правомерное основание для отступления государством от своих обязательств, то, на наш взгляд, в статье 29 Договора о ЕАЭС речь идёт именно о нём. Поскольку в статье 29 указывается на право государств-членов ссылаться на обстоятельства особой важности (мораль, правопорядок, окружающая среда, безопасность и прочее), то можно говорить о том, что Договор содержит правила, позволяющие ссылаться на внутренний публичный порядок государств — членов ЕАЭС.

Кроме того, отдельно в рамках ЕАЭС можно ставить вопрос о формировании концепции собственного публичного порядка Союза (публичного порядка в широком смысле), защиту которого бы осуществлял Суд ЕАЭС.

В особом мнении судьи Т. Н. Нешатаевой от 12 октября 2022 года[541] впервые в практике Суда ЕАЭС был использован термин «публичный порядок» применительно, как можно предположить из текста особого мнения, к проблеме установленных правом ЕАЭС исключений из налогообложения косвенными налогами товаров при их перемещении внутри ЕАЭС. Оставляя в стороне вопрос о возможности использования в контексте данного дела термина «публичный порядок», можно лишь отметить, что само понятие публичного порядка и его содержание в особом мнении не раскрываются.

В другом особом мнении судьи Т. Н. Нешатаевой — от 22 ноября 2022 года[542] — уже прямо указывается на публичный порядок как государства — члена ЕАЭС, так и всего Союза, а также на статью 29 Договора как основание для применения доктрины публичного порядка.

При этом в решении от 8 декабря 2022 года по делу *ООО «Польские машины»* Суд подчёркивает, что «проверка полномочий ЕЭК является вопросом публичного

---

[541] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. от 12 октября 2022 года по делу № Р-2/22. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P.2-22/ (дата обращения: 25.12.2025).

[542] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. от 22 ноября 2022 года по делу № Р-4/22. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-4.22/ (дата обращения: 25.12.2025).

порядка, который оценивается Судом *ex officio* в силу прямого указания права Союза и независимо от доводов истца»[543].

Именно поэтому вопросы о том, будут ли нормы права ЕАЭС толковаться и квалифицироваться в контексте «публичного порядка» или же только постулаты, идеи, ценности или абстрактные права могут считаться подпадающими под контекст публичного порядка, и о том, насколько широким при определении содержания публичного порядка будет усмотрение государств-членов, требуют дальнейшего разъяснения со стороны государств-членов и Суда ЕАЭС.

2.4.4. Основные выводы по параграфу

Подводя итог, стоит отметить, что в современном мире, нуждающемся в последовательности и предсказуемости, доктрина публичного порядка остаётся одним из самых непростых аспектов деятельности как национальных, так и международных судов. Несмотря на то что традиционно доктрина публичного порядка воспринималась через призму оговорки о публичном порядке как части частного права, «публичный порядок» всё же следует считать институтом публичного права — это в большей мере соответствует его природе, существу и функциям, поскольку он служит публичным интересам государства и общества, поддерживая суверенитет и безопасность. Концепция публичного порядка должна нести в себе функцию защиты национальной правовой системы от того, что может создать для неё угрозу. С другой стороны, с точки зрения сферы применения публичный порядок может служить не только защитником национальных

[543] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 8 декабря 2022 года по делу № С-6/22. С. 6. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/c-6.22/ (дата обращения: 25.12.2025). См. также: Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 23 октября 2023 года по делу № С-5/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-5.23/ (дата обращения: 25.12.2025); Решение Апелляционной палаты от 12 февраля 2025 года по делу № С-10/24.

ценностей и интересов, но и сдерживающим фактором для развития международных отношений, если использовать его непропорционально.

В Европейском союзе термин публичный порядок использовался как в узком, так и в широком смыслах. В узком смысле под этим термином понималось предусмотренное учредительными договорами одно из возможных оснований для государства — члена ЕС отказаться в том или ином конкретном случае исполнять свои обязательства и допустить ограничение свобод единого внутреннего рынка, включая «пятую свободу» — свободу обращения внутри ЕС судебных решений. Применительно к вопросам признания решений, вынесенных международным коммерческим арбитражем, Суд ЕС использовал этот термин в широком смысле — как публичный порядок всего ЕС, то есть как совокупность фундаментальных норм. В первом случае такое основание предусматривалось исходя из понимания сохраняющихся различий между государствами — членами Союза, именно поэтому содержание правил публичного порядка было оставлено на усмотрение каждого государства-члена в пределах его внутреннего правопорядка, а сами учредительные договоры ЕС не содержали ни определения того, что следует считать публичным порядком, ни указаний в отношении способов его применения. При этом Суд ЕС исходит из того, что государства — члены ЕС сохраняют свободу определять требования публичного порядка в соответствии со своими национальными интересами, которые могут варьироваться от одного государства-члена к другому и от одной эпохи к другой, однако эти требования должны толковаться ограничительно, чтобы их объём не мог определяться в одностороннем порядке каждым государством-членом без какого-либо контроля со стороны институтов Европейского союза, в первую очередь Суда ЕС.

Говоря о концепции публичного порядка на уровне ЕАЭС, нужно отметить, что, несмотря на то что Договор о ЕАЭС не упоминает категорию публичного порядка, статья 29 Договора содержит перечень ограничений для функционирования внутреннего рынка товаров, что не исключает возможности толкования и использования оговорки о публичном порядке как национальными судами, так и Судом ЕАЭС, и, на наш взгляд, именно суды должны дать

толкование понятия «публичный порядок». Суд ЕАЭС готов толковать нормы права ЕАЭС в контексте «публичного порядка». Вопрос о том, насколько широким будет толкование при определении содержания публичного порядка, остаётся на усмотрение Суда. По образному выражению одного из судей Верховного Суда Российской Федерации, «оговорки формулируются как лаконичные формулы, а наполнение этих формул — задача судейского усмотрения»[544].

Вопрос о соотношении в международном публичном праве концепции публичного порядка в широком смысле с доктриной императивных норм международного права в силу их схожести по правовым последствиям следует воспринимать как иллюстрацию появления в международном праве по инициативе государств конкурирующих концепций, что является прямым следствием отсутствия мирового законодательного органа.

Наличие таких конкурирующих концепций означает, что у международных судов появляется возможность протестировать их на практике при разрешении нормативных конфликтов с точки зрения удобства их применения.

---

[544] *Павлова Н. В.* Оговорка о публичном порядке как судебный эксклюзив и предел вежливости конкретной нации. Комментарий к Обзору практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 162–173, 165.

Глава 3. ВОПРОСЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА[545]

С момента создания ООН и закрепления в её Уставе положений о достоинстве и ценности человеческой личности индивид находится в поле зрения международного права. При этом, согласно классическому подходу, он не является его субъектом в первую очередь в силу отсутствия у него права на участие в создании норм международного права. Однако в последнее время доктринальное осмысление статуса индивида в межгосударственной системе существенно эволюционировало в сторону постепенного признания роли, которую он играет в международном праве. Вопрос международной правосубъектности частных лиц, к которым стоит отнести не только индивидов (физических лиц), но и юридические лица, а также любые негосударственные образования (ассоциации, профсоюзы, некоммерческие организации), требует особого внимания, особенно в контексте развивающихся интеграционных правопорядков, в которых частные лица, на наш взгляд, являются не только «объектами» правоотношений, но и их полноправными субъектами. Такой вывод можно сделать потому, что в правопорядках интеграционных объединений присутствуют не только вертикальные правоотношения между частными лицами и государством, но и горизонтальные отношения между частными лицами, также регулируемые правом интеграционного объединения. В этой связи признание правосубъектности частных лиц в правопорядках интеграционных объединений может быть обосновано через введение термина «локальная правосубъектность», который возможно рассмотреть с различных углов зрения — с точки зрения прогрессивного

[545] При подготовке главы были использованы работы автора диссертационного исследования: *Кадышева О.В.* К вопросу о правосубъектности частных лиц в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 33-37; *Кадышева О.В.* Правосубъектность частных лиц в правопорядке Евразийского экономического союза // Вестник Московского университета. Серия 11: Право, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2025, том 66, № 3, с. 168-190; *Кадышева О. В.* Нормативный регионализм в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2025. № 11. С. 26–33.

развития международного правопорядка с акцентом на всё большее включение в международно-правовое регулирование гуманитарных ценностей и принципов, и примат международного права (в данном случае права интеграционного объединения) над внутригосударственным правом, а также на более простом уровне как прямое регулирование прав и обязанностей частных лиц международным правом и доступ этих лиц к правосудию.

3.1. Понятие частного лица и общие вопросы правосубъектности частных лиц в международном праве

Homo mensura omnium rerum est — «человек есть мера всех вещей» — это самое известное изречение греческого мыслителя Протагора. Вместе с тем в системе международного права человеку (гражданину, индивиду) на протяжении столетий места не находилось, поскольку основным последствием Вестфальского мира 1648 года стало появление такой системы международных отношений, в которой только государства были субъектами международного права, а частные лица могли быть только объектами правового регулирования, полностью подчинёнными государству. Ситуация стала быстро меняться после принятия Устава ООН, фактически закрепившего принцип защиты и уважения прав человека, и Всеобщей декларации прав человека. Не случайно в статье 28 Всеобщей декларации прав человека закрепляется, что «каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены»[546]. По образному выражению К. Джорджетти, «индивид прорвал вуаль, отделявшую его от государства, и сам приобрёл права и обязанности»[547] (в международном

[546] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.12.2025).

[547] *Giorgetti C.* Op. cit. P. 1088.

праве. — *О. К.*). В свою очередь, Международный Суд ООН ещё в 1949 году отметил, что «субъекты права в любой правовой системе не обязательно идентичны по своей природе или объёму прав, и их природа зависит от потребностей общества»[548]. Таким образом, за последние сто лет произошла удивительная эволюция, в результате которой место индивида в международном праве переместилось с периферии если не в центр, то по крайней мере внутрь системы международного права. В XX веке, особенно после Второй мировой войны, эволюция международного права способствовала повышению роли гуманитарных ценностей в формировании международно-правовых норм. Защита прав как отдельных лиц, так и их групп от любых форм насилия, а также обеспечение их прав и свобод стали важными приоритетами для международного сообщества. Устав Организации Объединённых Наций подчёркивает, что поощрение и развитие «уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» является одной из целей организации[549]. С этой целью абсолютное большинство государств участвует в универсальных соглашениях по защите прав человека, которые дополняются в ряде случаев региональными механизмами сотрудничества в этой сфере. Эти документы предусматривают для частных лиц целый ряд материальных и процессуальных прав, а также процедуры для их реализации. Появление международных договоров о защите прав человека, предусматривающих, помимо материальных прав, предоставляемых частным лицам, ещё и возможность их обращения с жалобами на действия государств в международные суды и квазисудебные органы, привело к распространению различных доктрин международной правосубъектности индивидов.

---

[548] ICJ. *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations*. Advisory Opinion of 11 April 1949 // I.C.J. Reports. 1949. P. 178.

[549] Статья 1(3) Устава ООН.

3.2. Доктрина международного права о статусе частных лиц в общем международном праве

В доктрине международного права широко представлена точка зрения, что «международная правосубъектность есть юридическое выражение членства в международном сообществе. Субъект должен обладать независимым международным статусом и быть подчинен непосредственно международному праву»[550]. В парадигме этих рассуждений к бесспорным субъектам международного права могут быть отнесены государства и международные межправительственные организации. Ф. Ф. Мартенс отмечал, что «отдельные лица не суть субъекты международного права, но имеют в области международных отношений определенные права, которые вытекают 1) из человеческой личности, взятой самой по себе; 2) из положения этих лиц как подданных государства»[551].

Несмотря на то что правосубъектность индивидов относится к числу «классических»[552] тем для исследований в международном праве, мнения о международно-правовом статусе «частных лиц»[553], предпосылках его возникновения и его пределах сильно различаются. Больше века назад Л. Оппенгейм писал, что индивиды являются «объектами международного права… так же, как и государственная территория в силу признанного территориального верховенства каждого государства»[554].

В эру универсального признания прав человека, популярности международного уголовного права и межгосударственных соглашений о защите и поощрении иностранных инвестиций Дж. Кроуфорд отмечал, что каждое лицо всегда на каком-то уровне обладает правами и обязанностями по международному

---

[550] *Лукашук И. И.* Указ. соч. С. 22.
[551] *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. С. 320.
[552] *Orakhelashvili A.* The Position of the Individual in International Law. P. 241.
[553] В целях настоящей работы по уже объяснённым причинам мы будем использовать термин «частные лица».
[554] *Oppenheim L.* International Law: A Treatise. Vol. 1: Peace. 3rd ed. London : Longmans, Green and Co., 1920. P. 460. § 290.

праву — другое дело, что это не умаляет сохраняющегося различия между простыми бенефициарами прав или носителями обязанностей и активными членами международного сообщества; таким образом, частных лиц всё равно невозможно, по мнению Дж. Кроуфорда, назвать международными юридическими личностями (*international legal persons*), поскольку они в любом случае продолжают находиться в непосредственном подчинении государству[555]. Советская доктрина международного права традиционно отличалась тотальным неприятием международной правосубъектности лиц, не входивших в классический список субъектов (государства; международные межправительственные организации; нации и народы, борющиеся за независимость; государство-подобные образования). Р. Мюллерсон объяснял «категорическое» отрицание международной правосубъектности индивида в советской международно-правовой литературе «этатистским подходом к международному праву и международным отношениям, возвеличиванием роли и значения государства не только внутри общества, но и на международной арене»[556] и предлагал разделять субъектов на две категории. К первой категории относились бы те субъекты, которые обладают правами и обязанностями, непосредственно вытекающими из норм международного права, и сами непосредственно участвующие в создании этих норм и в обеспечении их соблюдения. А ко второй — те субъекты, которые, «обладая определенным довольно ограниченным кругом прав и обязанностей по международному праву», сами непосредственно не участвуют в процессе создания норм международного права[557]. По мнению И. И. Лукашука, «существенная особенность статуса субъектов международного права состоит в том, что они непосредственно участвуют в создании и осуществлении его норм», поэтому «только образования, отвечающие указанным требованиям, способны

---

[555] *Crawford J.* The Creation of States in International Law. 2nd ed. New York : Oxford University Press, 2006. P. 28–30. Схожую позицию занимал Я. Браунли. См.: *Brownlie I.* Principles of Public International Law. 7th ed. New York : Oxford University Press, 2008. P. 65–66.

[556] Курс международного права. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. С. 180.

[557] Там же. С. 181.

быть субъектами международного права», и их «круг… не может произвольно расширяться»[558].

С. В. Черниченко, категорически отрицая правосубъектность индивида, всё же предлагает рассматривать этот вопрос в парадигме доктрин соотношения международного и внутригосударственного права — монистической или дуалистической[559]. По его мнению, «в случае намерения, например, двух или более государств распространить нормы, содержащиеся в заключенном ими договоре, непосредственно на участников внутригосударственных отношений — индивидов, должностных лиц, компаний и т. п. — они это могут беспрепятственно сделать». Далее он отмечает, что в этом случае «действительно участники внутригосударственных отношений, поскольку эти отношения могут регулироваться международным правом, станут в подобного рода ситуациях действительно субъектами международного права, причем не только индивиды, но и юридические лица и т. д.», и «дело лишь в желании» государств-создателей международно-правовых норм «распространять их прямое действие на индивидов и иных участников внутригосударственных отношений»[560]. Далее С. В. Черниченко приводит небесспорную позицию умеренных дуалистов, которые считают, что «в каких-то случаях индивиды становятся субъектами международного права (в случаях прямого их доступа в международные органы, например)», но это, по его мнению, противоречит исходным положениям дуалистической теории, так как тем самым признаётся «возможность прямого регулирования международным правом отношений с участием индивидов»[561]. Отсюда мы можем сделать очень важный вывод о том, что если допустить, что на межгосударственном уровне осуществляется прямое регулирование отношений с участием индивидов, то в этом случае вопрос их международной правосубъектности решён утвердительно, окончательно и бесповоротно. Но в качестве основного вывода Черниченко всё-таки приводит аргумент о том, что

---

[558] *Лукашук И. И.* Указ. соч. С. 21.
[559] *Черниченко С. В.* Еще раз о международной правосубъектности индивидов. С. 11.
[560] Там же. С. 14.
[561] Там же. С. 15.

«международное право в состоянии регулировать *только* межгосударственные отношения. Оно создается участниками этих отношений и перешагнуть их границы объективно не может»[562], не оставляя индивиду в этой связи никакой перспективы. С другой стороны, С. В. Черниченко не исключает, что не все субъекты международного права «имеют одинаковый фактический и юридический “вес” либо наделены способностью участвовать в международном правотворческом процессе», и то, что субъекты международного права могут делиться на первичные и производные, а также на создающие международное право и только его применяющие[563].

Конечно, в советской и российской доктрине высказывались точки зрения и в поддержку правосубъектности частных лиц[564]. Например, по мнению В. А. Карташкина, который является последовательным сторонником правосубъектности индивида, индивид «не только участвует в международных отношениях, но и имеет определенные права, несет специфические обязанности, а также ответственность за нарушение норм и принципов международного права»[565], принимает «участие в создании норм международного права [и] контролирует их исполнение. Известно, что их реализация во многом обеспечивается контрольными и судебными органами, состоящими из экспертов, а не представителей государств»[566].

По мнению Нефедова Б.И., в случае, когда индивиды становятся участниками трансграничных правоотношений они являются субъектами соответствующих межсистемных образований, которые представляют собой «формируемые на основе крупных структурных элементов системы национального права каждого современного государства устойчивые совокупности коллизионных и материальных собственных и иностранных, а часто и международно-правовых

---

562 *Черниченко С. В.* Еще раз о международной правосубъектности индивидов. С. 15.
563 Там же. С. 18.
564 Обстоятельный обзор существующих точек зрения по этому вопросу см.: *Самович Ю. В.* Указ. соч.
565 *Карташкин В. А.* Указ. соч. С. 5.
566 Там же. С. 7–8.

норм, направленных на урегулирование того или иного вида трансграничных общественных отношений»[567].

Рядом авторов также отмечалась некоторая искусственность отрицания наличия у частных лиц статуса субъектов международного права лишь на том основании, что они не участвуют в создании норм международного права. Например, Я. С. Кожеуров отмечает, что, «если лицо имеет право участвовать в выработке норм международного права, мы с уверенностью можем заключить, что перед нами — субъект международного права, однако это не означает, что непременно любой субъект международного права должен быть способен создавать международное право»[568]. По мнению Н. В. Захаровой, «в международном праве, как и во внутригосударственном, имеются разные категории субъектов. Особенность международного права — наличие правообразующих субъектов. Существуют, однако, и неправообразующие субъекты, которых можно назвать специальными (естественно, возможно и иное их название)»[569]. Представители уральской школы международного права, высказываясь в поддержку правосубъектности индивида, указывали, что «необходимо освободить понимание субъекта международного права от чрезмерных условий, выраженных в требовании особого, независимого международно-правового статуса и способности к равноправному участию в создании норм и к независимому, свободному от чьей-либо юрисдикции их осуществлению»[570].

Таким образом, несмотря на то что нет никаких сомнений в том, что права личности существуют за пределами внутренней юрисдикции государств и касаются всего международного сообщества, вопрос о признании за индивидами статуса субъекта международного права по-прежнему вызывает многочисленные

---

[567] *Нефедов Б. И.* Регулирует ли международное право отношения с участием лиц? (Часть 2)… С. 15.

[568] *Кожеуров Я. С.* О международной правосубъектности индивида // Lex russica. 2004. Т. 63. № 2. С. 489–513, 494.

[569] *Захарова Н. В.* Указ. соч. С. 118.

[570] *Игнатенко Г. В.*, *Лихачев М. А.* Указ. соч. С. 204.

дискуссии и далёк от своего однозначного решения. Как было показано выше, в современной доктрине международного права представлен широкий разброс взглядов на международную правосубъектность частных лиц — от категорического отрицания такой правосубъектности до признания за ними статуса единственного субъекта международного права[571].

С другой стороны, надо также отметить, что современные дискуссии о появлении международной правосубъектности частных лиц идут в различном контексте в зависимости от отрасли международного права, в которой происходили ощутимые изменения (в этом отношении кажется вполне обоснованным мнение К. Джорджетти, что признание индивида субъектом международного права было «постепенным и асимметричным»[572]). Наибольшую известность и соответствующий резонанс получили теории правосубъектности индивида, основанные на предоставлении частным лицам материальных и процессуальных прав международными соглашениями о защите прав человека, включая право на прямое обращение в создаваемые этими соглашениями контрольные органы. В рамках этого дискурса одним из наиболее дискуссионных вопросов остаётся объём прав, предоставляемый юридическим лицам, и порядок их реализации[573].

Другим направлением стало обсуждение в доктрине международного инвестиционного права правосубъектности инвесторов (что включает в себя не только физических, но и юридических лиц), где исходной точкой для рассуждений также было предоставление государствами в заключаемых ими инвестиционных договорах прав инвесторам, включая право на обращение с иском к государству в *ad hoc* арбитраж[574]. В этой ситуации государства наделяют инвесторов правосубъектностью в международном праве только в той мере, в какой они

---

[571] Более подробно о различных точках зрения в отечественно доктрине на тему международной правосубъектности индивида см.: *Самович Ю. В.* Указ. соч.

[572] *Giorgetti C.* Op. cit. P. 1085.

[573] *Dopplinger L.* Legal Persons as Bearers of Rights Under the ECHR // University of Vienna Law Review. Vol. 5. 2021. No. 1. P. 1–46, 11–12.

[574] *Braun T. R.* Globalization-Driven Innovation: The Investor as a Partial Subject in Public International Law: An Inquiry into the Nature and Limits of Investor Rights. Jean Monnet Working Paper 04/13. New York University School of Law, 2013. P. 46–47. URL: https://ssrn.com/abstract=2286607 (дата обращения: 25.12.2025).

считают это «функционально необходимым», что, по мнению ряда исследователей, означает существование в международном праве «субъектов с разной степенью качества»[575]. Кроме того, в литературе отмечается, что права и обязанности корпораций могут быть также установлены на основе международного обычая в результате соответствующей практики государств[576].

Международная правосубъектность транснациональных корпораций (*далее* — ТНК) рассматривается в рамках международного экономического права, приоритетной задачей которого является установление международно-правовой ответственности таких компаний за нарушение норм международного права[577]. В свою очередь, в международном уголовном праве в качестве субъектов предложено рассматривать не только физических лиц, но и компании[578].

В науке международного морского права также высказываются предложения о том, что «роль и положение лиц в морском праве постоянно эволюционирует»[579] и ходе этого развития начинает формироваться их «правосубъектность с вытекающими из этого правами и обязанностями»[580]. При этом делается оговорка о том, что согласно Конвенции ООН по морскому праву1982 года практически все права и обязанности частных лиц касаются Района морского дна (право эксплуатировать ресурсы района, право подавать иски против сотрудников Международного органа по морскому дну, а также право инициировать и быть стороной в спорах, рассматриваемых Камерой по спорам, касающимся морского дна)[581]. Несмотря на отсутствие соответствующей судебной практики, данный режим подтверждает, что

---

575 Ibid. P. 48.

576 *Fauchald O. K.*, *Stigen J.* Corporate Responsibility before International Institutions // George Washington International Review. Vol. 40. 2009. No. 4. P. 1025–1100, 1029.

577 *Dal Ri Júnior A.*, *Bastos Calazans E. L.* Transnational Corporations Subjectivity Based on the Criteria of the Bernadotte Case and the Traditional International Law Doctrine // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. Vol. XVIII. 2018. P. 155–189, 166.

578 См.: *Mégret F.* Op. cit.

579 *Papanicolopulu I.* The Law of the Sea Convention: No Place for Persons? // The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 27. 2012. P. 867–874, 873–874.

580 Ibid.

581 Ibid. P. 869.

правосубъектность частных лиц в морском праве носит ограниченный, функциональный и строго контекстуальный характер.

Таким образом, можно говорить о существовании в международном праве отраслей, в которых индивид приобрёл правовой статус «отраслевого субъекта» международного права, дающий ему право иметь международные права и обязанности, в частности в международном уголовном праве, международном праве защиты прав человека, а также в международном инвестиционном праве[582].

На наш взгляд, подход к определению круга субъектов правопорядков интеграционных объединений также не может быть аналогичным подходу к международной правосубъектности в общем международном праве. Региональные интеграционные объединения (такие как Европейский союз и Евразийский экономический союз) сами по себе являются особыми субъектами международного права, которые нельзя отождествлять с государствами либо классическими межправительственными организациями. В силу их специфики, как будет показано ниже, в рамках правопорядков региональных интеграционных объединений допустимо существование локальной правосубъектности частных лиц. Вместе с тем важно отметить, что такая правосубъектность тем не менее имеет ограниченный характер и варьируется по своему объёму в пределах правопорядка конкретного интеграционного объединения и не распространяется на более широкий контекст международного права, возникая в момент создания государствами такого объединения и прекращаясь в момент окончания его деятельности.

Как мы видим, в связи с резким усложнением международных отношений и повышением уровня их международно-правового регулирования традиционная дихотомия «субъект — объект» в современных условиях не может дать адекватного объяснения международной правосубъектности частных лиц в связи с их сложным статусом в современном международном праве, и поэтому таких

---

582 *Müller A. T.* Op. cit. P. 296.

бинарных рассуждений оказывается явно недостаточно для признания или непризнания за частными лицами качества субъекта международного права[583].

Эти отраслевые дискуссии дают убедительные основания предположить, что более корректным подходом было бы смещение фокуса дискуссии с правосубъектности индивида на более общую проблему правосубъектности частных лиц в международном праве, к которым стоит отнести не только физических лиц, но и юридические лица, а также любые негосударственные образования (ассоциации, профсоюзы, некоммерческие организации). Кроме того, международные договоры о правах человека, заключение которых и стало триггером для дискуссий о правосубъектности индивидов, говорят не о физических лицах, гражданах и пр., а используют термин «лица» (*persons*), который региональными судами по правам человека толкуется как означающий физические и юридические лица.

Например, статья 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в аутентичном английском тексте выглядит следующими образом: «The Court may receive applications from any person, non-governmental organisation or group of individuals claiming to be the victim of a violation by one of the High Contracting Parties of the rights set forth in the Convention or the Protocols thereto. The High Contracting Parties undertake not to hinder in any way the effective exercise of this right». Во французском: «La Cour peut être saisie d'une requête par toute personne physique, toute organisation non gouvernementale ou tout groupe de particuliers qui se prétend victime d'une violation par l'une des Hautes Parties contractantes des droits reconnus dans la Convention ou ses protocoles. Les Hautes Parties contractantes s'engagent à n'entraver par aucune mesure l'exercice efficace de ce droit». И наконец, на русском языке статья 34 звучит следующим образом: «Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких

583 *Müller A. T.* Op. cit. P. 296.

Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права». Оценку корректности перевода сможет поставить только время. В деле *Autronic AG v. Switzerland* Европейский суд по правам человека установил, что ни юридический статус *Autronic AG* как компании с ограниченной ответственностью, ни её коммерческая деятельность, ни присущий характер свободы выражения мнения не могут лишить компанию защиты, потому что статья 10 ЕКПЧ применяется к «каждому», будь то физические или юридические лица[584]. В свою очередь, в межгосударственных соглашениях о защите иностранных инвестиций, которые также наделяют частных лиц процессуальными и материальными правами, используется термин «инвестор», под которым также понимаются как физические, так и юридические лица.

Кроме того, способность участия в процессе «нормотворчества» вполне можно относить не к признакам международной правосубъектности, а к её проявлению и качественной характеристике, которые являются следствием правосубъектности, а не её основанием. Поэтому всё обозначенное выше лишний раз подтверждает, что речь не идёт о заранее предопределённом запрете частным лицам участвовать в таком процессе, просто отсутствуют адекватные инструменты для такого их участия, которые сами появиться не могут, так как для этого необходимы скоординированные действия государств. Однако реализуемость в современных условиях таких действий на универсальном уровне представляется маловероятной из-за очевидного нежелания государств делиться своей монополией на создание норм международного права.

Совершенно другая ситуация складывается в интеграционных объединениях в силу наличия принимаемых институтами этих объединений нормативных актов общего применения, замещающих собой национальное законодательство и имеющих приоритет над любыми нормами национального права. С течением

---

[584] ECtHR. *Autronic AG v. Switzerland*. Application no. 12726/87. Judgment of 22 May 1990. § 47.

времени в таких объединениях становится насущной потребность создания в рамках их институциональной структуры представительного органа для того, чтобы обеспечить парламентский контроль над такими актами и придать им требуемую легитимность. Например, на уровне ЕС таким органом стал Европарламент. При этом порядок создания таких органов (прямые выборы или кооптация депутатов национальных парламентов) и их полномочия варьируются от объединения к объединению и определяются самими государствами-членами.

В этом отношении тот же ЕС пошёл дальше и создал новые формы участия частных лиц в законодательном процессе на уровне ЕС не только в виде права голоса при избрании раз в несколько лет членов парламента, но и в виде так называемой Европейской гражданской инициативы (*The European Citizens' Initiative*; *далее* — ECI), при которой в случае сбора в соответствии с установленным порядком более одного миллиона подписей граждан, представляющих не менее семи государств-членов, в поддержку принятия того или иного нормативного акта, Европейская комиссия обязана подготовить соответствующий законопроект и направить его в Европарламент и в Совет ЕС[585]. В декабре 2023 года Европейская комиссия опубликовала свой первый обзор Регламента 2019/788 о Европейской гражданской инициативе[586], который свидетельствует о некоторых положительных изменениях в процессе ECI с момента вступления регламента в силу в январе 2020 года: количество поддержанных Комиссией инициатив, предложенных гражданами, выросло в два раза, а отказы Комиссии в их регистрации сведены к минимуму[587]. По состоянию на июль 2025 года статистика выглядит следующим образом: за всё время начиная

---

[585] Подробнее см.: *Karatzia A.* The European Citizens' Initiative and the EU Institutional Balance: On Realism and the Possibilities of Affecting EU Lawmaking // Common Market Law Review. Vol. 54. 2017. No. 1. P. 177–208.

[586] European Commission Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the application of Regulation (EU) 2019/788 on the European citizens' initiative. COM(2023) 787 final. 6 December 2023. URL: https://citizens-initiative.europa.eu/sites/default/files/2023-12/COM_2023_787%20-%202023%20ECI%20review%20report.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[587] *Christopoulou A. E.* Towards a Golden Age of the European Citizens' Initiative? // European Law Blog. 2024. 30 January. URL: https://www.europeanlawblog.eu/pub/oqrjrv7h/release/1 (дата обращения: 25.12.2025).

с 2012 года было зарегистрировано 119 инициатив, из них только 14 достигли порога в миллион подписей, однако пока ни одна инициатива, достигшая этого порога, не побудила Комиссию выдвинуть законодательное предложение, направленное на достижение основных целей инициативы[588].

Тем не менее нельзя не отметить, что позиция Комиссии постепенно меняется в сторону большей открытости для таких инициатив, и во многом это происходит благодаря давлению со стороны академического сообщества, которое выступило с резкой критикой жёстких регистрационных требований со стороны Комиссии[589], а также со стороны Суда ЕС, который стал получать жалобы от организаторов инициатив на отказы в регистрации[590], причём в двух случаях Суд отменил решение Комиссии[591]. Это давление в итоге привело к смягчению Комиссией установленных требований для регистрации таких инициатив. В последнее время, начиная с решения по делу *Puppinck*[592], Суд ЕС уже приступил к рассмотрению жалоб, связанных с характером обязательств Европейской комиссии при рассмотрении успешных инициатив. Решение по делу *Minority SafePack*[593] подтвердило сложившуюся судебную практику: успешные инициативы «приглашают» Комиссию разработать законопроект, но не создают юридической обязанности сделать это. Между тем в рассматриваемом сейчас деле *Cage Age v Commission* объём требований, заявленных перед Судом, является более широким. Они касаются не только основных обязательств Европейской комиссии, но и

---

[588] *Alemanno A.* When Failure Succeeds and Success Fails: A Reality Check on the European Citizens' Initiative // Verfassungsblog. 2025. 19 June. URL: https://verfassungsblog.de/european-citizens-initiative (дата обращения: 25.12.2025).

[589] *Longo E.* The European Citizens' Initiative: Too Much Democracy for EU Polity? // German Law Journal. Vol. 20. 2019. No. 2. P. 181–200, 192–194.

[590] CJEU. *Alexios Anagnostakis v European Commission*. Case C-589/15 P. Judgment of 12 September 2017; *Bruno Costantini and Others v European Commission*. Case T-44/14. Judgment of 19 April 2016.

[591] CJEU. *Michael Efler and Others v European Commission*. Case T-754/14. Judgment of 10 May 2017; *Minority SafePack — one million signatures for diversity in Europe v Commission*. Case T-646/13. Judgment of 3 February 2017.

[592] CJEU. *Patrick Grégor Puppinck and Others v European Commission*. Case C-418/18 P. Judgment of 19 December 2019.

[593] CJEU. *Minority SafePack — one million signatures for diversity in Europe v Commission*. Case T-158/21. Judgment of 9 November 2022.

конкретных процедурных требований, подлежащих соблюдению Комиссией при реагировании на успешно поддержанные гражданские инициативы[594].

3.3. Правосубъектность частных лиц в региональных интеграционных объединениях

В литературе представлены различные точки зрения относительно правовой природы региональных интеграционных объединений. Например, В. М. Шумилов определяет интеграционное объединение как особый механизм региональной интеграции[595], а по мнению А. Я. Капустина, необходимо выделять «международные организации интеграции». Последний также замечает, что в учебниках и учебных пособиях Европейский союз и Европейские сообщества относят к особой разновидности международных межправительственных организаций — наднациональным (надгосударственным) или региональным организациям[596]. По мнению Г. Г. Шинкарецкой, региональные интеграционные объединения представляют собой специальную категорию международных организаций. Производя классификацию международных организаций по различным критериям, она утверждает, что региональные интеграционные объединения следует выделить в особый вид международных организаций[597]. А. С. Исполинов указывает, что именно передача на уровень институтов наднационального (интеграционного) объединения полномочий по принятию нормативных актов общего применения, непосредственно регулирующих правоотношения в государствах — членах объединения и применяемых

---

[594] CJEU. *End the Cage Age v Commission*. Case T-151/24. Action brought on 16 March 2024.

[595] *Шумилов В. М.* Международное экономическое право : учебно-методическое пособие. М. : ДеКа, 1999. С. 149.

[596] *Капустин А. Я.* Европейский союз: интеграция и право. С. 191.

[597] *Шинкарецкая Г. Г.* Международные организации как субъекты международного права // Международное право : учебник для вузов / отв. ред. Е. Т. Усенко, Г. Г. Шинкарецкая. М. : Юристъ, 2003. С. 231.

национальными судами при разрешении споров, является важнейшей чертой интеграционных объединений[598].

В отличие от права классических международных организаций, право интеграционного объединения образуют не только учредительные договоры и изменения к ним, включая договоры о присоединении новых членов, и традиционные для международного права решения и резолюции органов такого объединения, но и принимаемые институтами этого объединения нормативные акты общего применения, которые непосредственно действуют в национальных правопорядках государств-членов, заменяя собой национальные правовые акты в соответствующей области. Такие нормативные акты общего применения (в случае с ЕАЭС это, например, решения ЕЭК; в случае с ЕС это регламенты Совета ЕС и Европарламента) применяются всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого объединения, в том числе частными лицами, как в отношениях частных лиц с государством (по вертикали), так и в отношениях между собой (по горизонтали), а также национальными судами при разрешении споров, в том числе и между частными лицами.

Как отмечает Т. Н. Нешатаева, государства передают международному органу свои «суверенные функции, затрагивающие само ядро властных полномочий по управлению территорией, населением и взаимоотношениями с другими акторами международной жизни», они включают в компетенцию международных наднациональных организаций «правомочие устанавливать правила поведения, обязательные для физических и юридических лиц государств — членов организации; возможность для этих лиц обжаловать… нормативные акты, действия и бездействия»[599].

В этой связи абсолютно очевидно, что принимаемые в рамках региональных интеграционных объединений нормы предоставляют частным лицам права и обязанности и регулируют возникающие между ними правоотношения. На наш

---

[598] *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). С. 102–103.

[599] *Нешатаева Т.* К вопросу о создании Евразийского Союза: интеграция и наднационализм. С. 58.

взгляд, это означает, что в этих объединениях государства как основные субъекты международного права на основе международного договора о создании такого объединения сознательно идут на предоставление правосубъектности частным лицам. В этом случае правосубъектность носит локальный характер, то есть она существует не в рамках всего международного права, а только в пределах правопорядка каждого такого объединения. Иными словами, можно говорить о наличии в международном праве локальной правосубъектности частных лиц, существующей в рамках правопорядка конкретного регионального интеграционного объединения. Поэтому предлагается рассматривать локальную правосубъектность частных лиц в её следующих характеристиках: во-первых, обладание частными лицами субъективными правами и обязанностями в соответствии с правом регионального интеграционного объединения; во-вторых, признание за частными лицами международной процессуальной правосубъектности и, прежде всего, права на обращение в региональные органы международного правосудия; и, в-третьих, наличие у них способности нести ответственность за нарушение права объединения.

3.3.1. Правовое регулирование статуса частных лиц в праве Европейского союза и Евразийского экономического союза

Существование правосубъектности частных лиц в рамках Европейского союза не вызывает никаких споров среди специалистов по праву ЕС, более того, оно воспринимается уже как определённая данность. Права личности занимают центральное место в правопорядке ЕС, то есть они являются не только инструментом интеграции, но и составляют саму «этику интеграции»[600]. Признание Судом ЕС в 1963 году в его знаковом решении по делу *Van Gend en*

[600] *De Witte F.* The Liminal European: Subject to the EU Legal Order // Yearbook of European Law. Vol. 40. 2021. No. 1. P. 56–81, 60.

Loos того, что «Сообщество устанавливает новый правовой порядок в сфере международного права… субъектами которого являются не только государства, но и частные лица»[601] («the subjects of which comprise not only Member States but also their nationals»). Это стало началом конституционализации правопорядка ЕС и «прелюдией к дрейфу права ЕС от логики международного публичного права»[602]. Субъект права ЕС, по логике Суда ЕС, изложенной в решении по делу *Van Gend en Loos*, — это, с одной стороны, носитель прав и обязанностей, а с другой стороны, субъект наднационального правопорядка, то есть тот, кто «сотрудничает в функционировании» Союза[603].

В решении по делу *Van Gend en Loos* Суд ЕС указал, что именно в интересах Сообщества государства ограничили свои суверенные права (хотя и только в определённых областях), поэтому «независимо от законодательства государств-членов право Сообщества не только налагает обязательства на отдельных лиц, но и призвано наделить их правами, которые становятся частью их правового наследия. Эти права возникают не только там, где они прямо предоставлены Договором, но и в силу обязательств, которые Договор налагает чётко определённым образом на отдельных лиц, а также на государства-члены и институты Сообщества»[604].

Как справедливо отмечено в литературе, начиная с решения по делу *Van Gend en Loos,* «осуществление индивидуальных прав европейцами было существенным условием для того, чтобы интеграция “работала” как в практическом, так и в нормативном понимании»[605].

В свою очередь, рассмотрение проблемы правосубъектности частных лиц в правопорядке Евразийского экономического союза возможно через призму двух

---

601 CJEU. *NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration*. Case 26/62. Judgment of 5 February 1963. Summary. § 3.

602 *Bardutzky S.*, *Fahey E.* The Subjects and Objects of EU Law: Exploring a Research Platform // Framing the Subjects and Objects of Contemporary EU Law / ed. by S. Bardutzky, E. Fahey. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2017. P. 1–28, 3.

603 Ibid. P. 5.

604 CJEU. *NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration*. Case 26/62. Judgment of 5 February 1963. Summary. § 3.

605 *De Witte F.* Op. cit. P. 56–57.

проблем: нормативное признание правосубъектности частных лиц и создание эффективных механизмов защиты их прав. Давая оценку международной правосубъектности ЕАЭС, стоит отметить, что Союз не только имеет самостоятельные и независимые от государств-членов права и обязанности, но и обладает нормотворческой компетенцией, «формирующ[ей] новый интеграционный правопорядок в его рамках»[606].

Как уже было указано ранее, правовой основой функционирования ЕАЭС, его системообразующим и программным актом является Договор о Евразийском экономическом союзе. Главной особенностью Договора о ЕАЭС является то, что он не только учредительный акт международной организации, устанавливающий цели её деятельности, компетенцию органов и порядок принятия ими решений, международную правосубъектность Союза, но также содержит обязательства государств — членов ЕАЭС по вопросам деятельности Союза, прежде всего в области функционирования таможенного союза и единого экономического пространства. При этом специального регулирования статуса частных лиц и признания за ними правосубъектности в рамках Союза Договор не содержит. Тем не менее можно выделить ряд положений Договора о ЕАЭС, которыми регулируются вопросы статуса частных лиц в Союзе. Например, частные лица могут свободно перемещать товары между государствами-членами без таможенных пошлин и ограничений, граждане входящих в ЕАЭС государств могут оказывать услуги в других государствах-членах, граждане стран ЕАЭС имеют право работать в других государствах — членах Союза; кроме того, Договор включает положения о защите прав потребителей и упрощённые условия для миграции и трудовой деятельности граждан. Частные лица могут нести ответственность по праву ЕАЭС в виде санкций за нарушение таможенных правил Союза и норм о защите конкуренции на трансграничном рынке ЕАЭС. Например, в правопорядке ЕАЭС продолжает действие Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного

---

606 *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс. С. 61.

законодательства таможенного союза и государств — членов таможенного союза[607], в соответствии с которым понятие «лицо» включает в себя юридическое лицо; организацию, не являющуюся юридическим лицом; физическое лицо, в том числе индивидуального предпринимателя.

И наконец, что является особенно важным, частные лица[608] имеют право на доступ к постоянно действующему Суду Союза по вопросам обжалования действий (бездействий) органа ЕАЭС — Евразийской экономической комиссии, и оспаривания вынесенных Комиссией актов.

Таким образом, можно заключить, что объективные предпосылки для признания правосубъектности частных лиц в правопорядке ЕАЭС уже созданы: правосубъектность уже *de facto* существует, поскольку частные лица применяют право ЕАЭС не только в вертикальных правоотношениях с государством, но и между собой — по горизонтали; кроме того, они могут защищать свои права, вытекающие из права ЕАЭС, в национальных судах, а также (пусть и в лимитированном формате) в Суде ЕАЭС[609]. На наш взгляд, признание такой локальной правосубъектности частных лиц в правовой системе ЕАЭС не зависит от взглядов на правопорядок ЕАЭС — будь это идея о его автономности (в понимании этого термина Судом ЕС), то есть полной независимости права ЕАЭС от международного права, или позиция о том, что этот правопорядок остаётся частью международного права. В рамках обеих концепций должна быть признана реальность наличия правосубъектности частных лиц[610].

---

[607] Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств — членов таможенного союза. Подписан в г. Астане 5 июля 2010 года (ред. от 10.10.2014) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 4.

[608] Сделаем оговорку, что перечень частных лиц, имеющих доступ к Суду ЕАЭС, является определённо суженным, поскольку в Суд ЕАЭС по делам о разрешении споров могут обратиться только юридические лица и индивидуальные предприниматели, а в рамках полномочий по осуществлению консультативной юрисдикции — сотрудники и должностные лица органов Союза и Суда по вопросу разъяснения положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями.

[609] *Кадышева О.В.* К вопросу о правосубъектности частных лиц в международном праве. С. 37.

[610] Там же.

3.3.2. Отдельные аспекты статуса служащих в Евразийском экономическом союзе

Для целей настоящего исследования мы предлагаем считать служащих институтов ЕАЭС особой группой частных лиц, которые являются субъектами права ЕАЭС, но при этом имеют особое правовое регулирование.

Трудовые отношения внутри международных организаций регулируются в каждой международной организации в соответствии с её особенностями и на основании внутренних документов этой организации. Отсутствие универсальных норм, регулирующих трудовые отношения служащих международных организаций, а также их пенсионное обеспечение, приводит к разнообразию выбранных подходов и соответствующей практики международных организаций, с трудом поддающихся какой-либо унификации.

Если говорить о порядке разрешения споров между служащими международных организаций и самими международными организациями как их работодателями (в том числе по вопросам порядка начисления и размера пенсий, если это предусмотрено внутренними документами организаций), то здесь также отсутствует единообразный подход. В современной практике выделяется несколько подходов международных организаций к разрешению трудовых споров. Во-первых, международные организации, такие как Всемирная торговая организация, Всемирная организация здравоохранения, Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Международный уголовный суд, признают для этих целей юрисдикцию административных трибуналов ООН или Международной организации труда, что представляет собой своего рода аутсорсинг этой категории дел. Во-вторых, международные организации создают для этих целей собственные квазисудебные органы (административные трибуналы) — в настоящее время их уже больше 40. Собственные административные трибуналы были созданы при НАТО, Международном валютном фонде, Всемирном банке, Совете Европы, Межамериканском банке

развития. В-третьих, в ряде международных организаций предусмотрены такие мягкие процедуры урегулирования споров, как комиссии по примирению, омбудсмены, комиссии по этике. Эти органы не выносят обязательных решений и не присуждают заявителям компенсации в случае установления фактов нарушения их прав. В-четвёртых, в региональных интеграционных объединениях, в которых присутствует суд с обязательной юрисдикцией и доступом частных лиц, эти суды обладают компетенцией по рассмотрению жалоб служащих органов интеграционных объединений (например, Суд ЕС и другие созданные по его подобию региональные суды, кроме Суда ЕАЭС).

Обращает на себя внимание, что из процесса урегулирования таких трудовых споров полностью исключены национальные суды государств пребывания органов международных организаций. Это связано с наличием у всех международных организаций необходимых для их нормального функционирования привилегий и иммунитетов, куда включаются и иммунитеты от юрисдикции национальных судов страны пребывания (за исключением ЕАЭС, где Приложение № 32 к Договору о ЕАЭС[611] предусматривает иммунитеты только от судебных принудительных мер и от обращения взыскания на имущество организации, но не судебный иммунитет). В отличие от иммунитетов государства, которые регулируются нормами международного обычного права, эти иммунитеты имеют договорный характер, поскольку обычно предусматриваются в учредительных документах конкретной организации (например, в ЕС и ЕАЭС) либо в отдельном международном договоре (Конвенция о привилегиях и иммунитетах ООН от 13 февраля 1946 года).

Вытекающая из этих иммунитетов проблема недоступности для служащих международных организаций рассмотрения трудовых споров в национальных судах государства пребывания была разрешена Международным Судом ООН в 1954 году в консультативном заключении по делу *Effect of Awards*[612]. В этом заключении МС ООН заявил, что судебные иммунитеты ООН не должны

---

[611] Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе. Приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе.

[612] См.: ICJ. *Effect of Awards of Compensation Made by the United Nations Administrative Tribunal*. Advisory Opinion of 13 July 1954 // I.C.J. Reports. 1954. P. 47.

препятствовать эффективному разрешению трудовых споров сотрудников ООН. Исходя из этого Суд признал правомерным создание Административного трибунала при ООН как разумной альтернативы рассмотрению таких споров в национальных судах. По мнению МС ООН, непредоставление судебных или арбитражных средств разрешения трудовых споров служащим ООН было бы несовместимым с целями Устава ООН. Другие международные организации последовали той же логике и признали общее правило, согласно которому международные организации обязаны обеспечить своему персоналу право на разрешение трудовых споров с международной организацией, при этом выбор предлагаемых средств по разрешению споров остаётся за самой организацией.

Для целей настоящего исследования необходимо также упомянуть практику Европейского суда по правам человека применительно к трудовым спорам служащих международных организаций. Первым знаковым делом стало решение *Waite and Kennedy v. Germany*[613], в котором ЕСПЧ впервые признал иммунитет международных организаций от юрисдикции национальных судов относительным и зависящим от нескольких условий, в том числе и от наличия у заявителей доступной и эквивалентной альтернативы. Следуя этой логике, национальные суды европейских стран должны отказываться принимать во внимание нормы о судебном иммунитете международных организаций при рассмотрении трудовых споров сотрудников этих организаций, если суды не уверены, что на уровне организации есть адекватная защита прав сотрудников.

Тем не менее практика европейских судов показывает, что они склонны исходить в первую очередь из иммунитетов международных организаций, предпочитая не вмешиваться в их внутренние процедуры урегулирования трудовых споров. Единственным исключением остаются решения бельгийских судов по делу *Western European Union (WEU) v. Siedler*[614], в которых они признали внутренние процедуры организации по обеспечению прав сотрудников не

---

[613] ECtHR. *Waite and Kennedy v. Germany*. Application no. 26083/94. Judgment of 18 February 1999.
[614] Belgian Court of Cassation. *Western European Union v. Siedler*. Judgment of 21 December 2009.

гарантирующими должным образом справедливое разбирательство и на этом основании отказались признать в данном деле наличие её судебного иммунитета.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствует широкая и всеобщая практика, в соответствии с которой международные служащие имеют право на обращение либо в компетентный орган по разрешению споров — специализированный международный орган (суд, административный трибунал, комиссию по рассмотрению жалоб и т. п.) — при его наличии, либо в компетентный национальный суд в целях защиты своих трудовых и пенсионных прав, возникших в связи с прохождением службы в соответствующей международной организации. Кроме того, отсутствует и повсеместная практика обращения служащих в национальные суды, поскольку последние, как правило, исходят из необходимости уважения юрисдикционных иммунитетов международных организаций.

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе, Суд по заявлению государства-члена или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями (*далее* — разъяснение). Приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе — Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе — содержит раздел V «Трудовые отношения и социальные гарантии в органах Союза», в который включены в том числе пункты 43, 44, 46 и 47.

В Консультативном заключении Суда Евразийского экономического союза от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе Большая коллегия Суда констатирует, что «пенсионное обеспечение — это совокупность

правовых, экономических и организационных институтов и норм, имеющих целью предоставление гражданам материальной поддержки в форме выплаты пенсии»[615]. Далее Суд в своём Заключении отметил, что «вопросы пенсионного обеспечения международных служащих регулируются также пунктами 46 и 47 Приложения № 32. В пункте 46 Приложения № 32 речь идет об учете периодов работы международных служащих в Комиссии и Суде Союза в страховой или трудовой стаж в соответствии с законодательством государства-члена. Согласно пункту 47 Приложения № 32 заработок, полученный международными служащими в период исполнения ими своих полномочий, учитывается при определении размера пенсии в соответствии с законодательством государства-члена, гражданами которого они являются. Пункты 53 и 54 Приложения № 32 являются специальными по отношению к пунктам 44, 46 и 47, поскольку распространяются лишь на должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда Союза, а также только на один вид пенсии — пенсию за выслугу лет. В связи с этим Большая коллегия Суда руководствуется принципом *lex specialis derogat generali*, согласно которому при коллизии (конкуренции) норм общего (generalis) и специального (specialis) характера предпочтение при толковании и применении должно отдаваться специальным нормам.

В абзаце первом пункта 53 Приложения № 32 определены условия для получения права на пенсию за выслугу лет гражданами Российской Федерации, среди которых следует выделить а) необходимый стаж государственной гражданской службы (не менее 15 лет), б) период работы в органе Союза непосредственно перед увольнением (не менее 12 месяцев), в) освобождение от должности в органах Союза не связанное с виновными действиями, г) до работы в Комиссии и Суде Союза замещение должности федеральной государственной (государственной гражданской) службы.

---

[615] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 20 декабря 2018 года по делу № Р-5/18. С. 5. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.18/ (дата обращения: 25.12.2025).

В отношении порядка назначения пенсии пункт 53 Приложения № 32 содержит отсылку к национальному законодательству. Абзац второй пункта 53 Приложения № 32 предусматривает, что размер пенсии за выслугу лет исчисляется исходя из среднемесячной заработной платы должностного лица или сотрудника, предельный размер которой определяется применительно к должностным окладам (денежному вознаграждению), установленным по приравненным должностям государственной гражданской службы согласно перечню соответствия должностей должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда Союза должностям федеральной государственной гражданской службы в Аппарате Правительства Российской Федерации и аппарате Верховного Суда Российской Федерации, утверждаемому Правительством Российской Федерации.

Как установил Суд в консультативном заключении от 12 сентября 2017 года, нормы международного права, регулирующие правовое положение служащих международных организаций, обладают приоритетом, национальное законодательство в отношении данных лиц может применяться только при наличии прямого указания на то в праве Союза»[616].

По мнению Суда, «буквальное прочтение нормы пункта 53 Приложения № 32 позволяет сделать вывод, что в Договоре содержится материальная часть регулирования права на пенсию за выслугу лет (условия приобретения права на такую пенсию), тогда как в отношении порядка (процедуры) назначения пенсии Договор отсылает к национальному законодательству, оставляя Председателю Коллегии Комиссии и Председателю Суда Союза право представления, на основании которого руководитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере пенсионного обеспечения, принимает соответствующее решение об установлении пенсии за выслугу лет»[617].

---

[616] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 20 декабря 2018 года по делу № Р-5/18. С. 6.

[617] Там же. С. 6–7.

Применительно к российскому законодательству под трудовыми отношениями понимаются «отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором»[618]. Отношения в области социального обеспечения составляют предмет регулирования права социального обеспечения и не относятся к трудовым отношениям.

Буквальное прочтение пунктов Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе свидетельствует о том, что раздел V Положения (помимо трудовых отношений членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников) регулирует также:

— отношения в области пенсионного обеспечения членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников в части гарантий, установленных правом Союза (пункт 44 Положения);

— отношения в области социального обеспечения (социального страхования), кроме пенсионного страхования, и обеспечение пособиями по социальному страхованию членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников в части гарантий, установленных правом Союза (пункт 45 Положения);

— отношения в области иных социальных гарантий (ежегодный оплачиваемый отпуск, медицинское обслуживание, предоставление за счёт

---

[618] См. статью 15 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (*далее* — СЗ РФ). 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

бюджета Союза служебного жилого помещения членам Коллегии Комиссии и судьям Суда Союза, включение периода исполнения полномочий члена Коллегии Комиссии в стаж государственной (государственной гражданской) службы, включение периода исполнения полномочий члена Коллегии Комиссии в стаж государственной (государственной гражданской) службы, включение периода исполнения полномочий судьи Суда Союза в судейский стаж в государстве-члене) (пункт 48 Положения);

— отношения в области гарантий права на установление ежемесячной доплаты к страховой пенсии по старости (инвалидности) и предоставление денежных выплат судьям Суда, предусмотренных законодательством государства-члена для председателя верховного суда государства-члена, от которого назначен судья Суда Союза (пункт 50 Положения);

— отношения в области гарантий права на пенсию за выслугу лет (пункт 53 Положения) и ряда других гарантий.

Вопрос о принятии заявления о разъяснении к производству Суда применительно к положениям пункта 46 Статута должен решаться в каждом конкретном случае исходя из буквального толкования положений пункта 46 Статута, фактических обстоятельств и уже сформировавшейся практики Суда. В качестве критерия для установления своей юрисдикции Судом по заявлениям сотрудников органов Союза может быть использован тот факт, что раздел V Положения № 32, помимо собственно трудовых отношений, закрепляет также дополнительные гарантии, связанные с трудовыми отношениями членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников. Поскольку данные гарантии предусмотрены правом Союза, имеющим в области правового положения служащих международных организаций приоритет над национальным правом, и они могут быть приняты в качестве материального основания возникновения права, Суд вправе заявить о своей юрисдикции в части толкования норм раздела V Положения № 32, предусматривающих предоставление гарантий, связанных с трудовыми отношениями сотрудников органов Союза. Вместе с тем расширительное обобщающее включение в категорию «связанные с трудовыми

отношениями» всех отношений в области социального обеспечения может привести к неоправданному, на наш взгляд, вмешательству в сферу исключительной компетенции государств — членов Союза.

Тем не менее в Консультативном заключении Большой коллегии Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 года[619] Судом были сформулированы, в частности, следующие правовые позиции: во-первых, компетенция Суда по осуществлению разъяснения положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями, охватывает в том числе правоотношения, связанные с предоставлением социальных гарантий в области пенсионного обеспечения должностных лиц и служащих органов Союза; во-вторых, «нормы раздела V Положения “Трудовые отношения и социальные гарантии в органах Союза” предполагают… обязательство государств-членов имплементировать в национальное законодательство социальные гарантии, предусмотренные Договором, в целях их последующей реализации в отношении лиц, на которых они распространяются». Нормы национального законодательства «применяются к тем элементам правового статуса должностных лиц и сотрудников органов Союза, которые не урегулированы правом Союза и таким образом, чтобы этим не затрагивалось действие принципов независимого и эффективного выполнения международными служащими их служебных обязанностей, функций и неукоснительного уважения международного характера их полномочий, закрепленных в пунктах 2 и 3 Положения»[620]; в-третьих, право на пенсию за выслугу лет с момента его возникновения «является “приобретенным правом”, реализация которого не зависит от возможных изменений Договора и основанных на нем актов права Союза»[621]; и наконец, «в отношении бывшего международного служащего Союза не подлежит ретроактивному применению нормативное регулирование, ухудшающее его правовое положение»[622].

---

[619] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 28 марта 2024 года по делу № Р-2/24. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.24/ (дата обращения: 25.12.2025).

[620] Там же. С. 9–10.

[621] Там же. С. 11.

[622] Там же. С. 13.

3.3.3. Основные выводы по параграфу

Согласно преобладающему в доктрине общего международного права мнению, частные лица не обладают качеством международной правосубъектности. Вместе с тем общее международное право не содержит запрета на такую правосубъектность, что не исключает её признания на этом уровне в будущем. Кроме того, абсолютно очевидно, что частные лица (как физические, так и юридические) в настоящее время имеют права и обязанности в ряде отраслей современного международного права, и их отраслевая правосубъектность либо уже признана, либо активно обсуждается среди специалистов этих отраслей. Это даёт основание утверждать, что более правильным подходом было бы смещение фокуса дискуссии с правосубъектности индивида (то есть физического лица) на более общую проблему правосубъектности частных лиц в международном праве[623].

Более того, объём правосубъектности частных лиц варьируется в зависимости от отраслей международного права и в целом имеет тенденцию к расширению как в отношении её содержания, так и в процессуальном отношении. В интеграционных объединениях приоритетная и принципиальная роль государства как основного субъекта международного права ослабевает, то есть акценты смещаются в иную сторону, поскольку часть суверенных полномочий передаётся на уровень наднациональных институтов интеграционных объединений, которые наделяются правом принятия общеобязательных нормативных актов, обладающих приоритетом над национальным законодательством, что делает их регулятором отношений с участием частных лиц как во взаимодействии этих лиц с государствами, так и между собой[624].

---

[623] *Кадышева О.В.* Правосубъектность частных лиц в правопорядке Евразийского экономического союза. С. 185.

[624] *Кадышева О.В.* К вопросу о правосубъектности частных лиц в международном праве. С. 37

В пользу правосубъектности частных лиц в правопорядках региональных интеграционных объединений говорят следующие аргументы: во-первых, обладание частными лицами субъективными правами в соответствии с правом регионального интеграционного объединения; во-вторых, признание за ними международной процессуальной правосубъектности и, прежде всего, права на обращение в региональные органы международного правосудия; в-третьих, наличие способности частных лиц нести ответственность за нарушение права объединения; и в-четвертых, использование этих норм частными лицами в отношениях между собой, а не только в отношениях с государством. Если мы не хотим, чтобы развитие международного права вошло в состояние стагнации, следует наконец признать основанную на реальности идею о том, что частные лица в условиях интеграционных объединений *de facto* уже являются локальными субъектами этих правопорядков[625]. Это не означает, что частные лица становятся в один ряд с государствами, потому что признание их субъектом международного права даёт им как материальные, так и процессуальные права лишь в некоторых строго определённых случаях. В этом отношении уже не кажется крамольным предложение отказаться от критерия «нормообразующего субъекта»[626] и решать вопрос «прагматично, со ссылкой на фактический опыт и основания права, в отличие от предвзятого представления о том, кто может быть субъектом международного права»[627]. Не исключено, что в этой связи стоит в общей теории международного права взять за основу более гибкий подход, признав, что международное право эволюционировало в сторону признания других субъектов и акторов, обладающих различными возможностями, то есть различным наполнением их правосубъектности.

И наконец, применительно к региональным интеграционным объединениям в появлении локальной правосубъектности частных лиц в правопорядках этих объединений мы обнаруживаем проявление нормативного регионализма,

---

625 *Кадышева О.В.* К вопросу о правосубъектности частных лиц в международном праве. С. 37.
626 Там же.
627 *Lauterpacht H.* The Subjects of the Law of Nations // Law Quarterly Review. Vol. 63. 1947. P. 438–460, 449.

поскольку институты этих объединений принимают нормативные акты общего применения, которые непосредственно действуют в национальных правопорядках государств-членов, заменяя национальные правовые акты в соответствующей области. Такие акты применяются всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого объединения, в том числе и частными лицами как в их отношениях с государством (по вертикали), так между собой (по горизонтали), а также национальными судами как применимое право при разрешении споров, в том числе между частными лицами[628].

3.4. Парламентское нормотворчество и парламентский контроль как институциональная форма участия частных лиц в создании норм права интеграционных объединений[629]

Внутригосударственное устройство и современное общество невозможны без представительных органов государственной власти. Во всех конституциях государств мира закреплению статуса парламента отводится значительное место. Вовлечение населения в процесс принятия решений посредством участия в избрании парламентов является гарантией того, что парламенты прежде всего будут реагировать на ожидания частных лиц.

В сфере межгосударственных отношений межпарламентское сотрудничество является значимой формой международного взаимодействия, приведшей к созданию различных межпарламентских органов, включая Парламентскую ассамблею Совета Европы, Парламентскую ассамблею ОБСЕ, Межпарламентскую Ассамблею СНГ и других. Кроме того, одной из старейших международных парламентских организаций является Межпарламентский союз,

---

628 *Кадышева О. В.* Нормативный регионализм в международном праве. С. 32.

629 При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О.В.* Роль парламентского контроля в обеспечении эффективного функционирования институтов ЕС и ЕАЭС // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 2 (159). С. 4-18.

основанный в 1889 году и насчитывающий 180 государств-членов. На уровне Организации Объединённых Наций осуществляется взаимодействие национальных парламентов и Межпарламентского союза[630].

Кроме того, проблематика межпарламентского сотрудничества вызывает интерес и у представителей науки международного права. Например, профессор А. Х. Саидов предлагает в рамках отрасли международного права — права международных организаций — выделять такую самостоятельную подотрасль, как международное парламентское право[631].

Интеграционные процессы оказывают существенное воздействие на функционирование любых органов публичной власти, поскольку формирующееся в рамках этих процессов правовое регулирование зачастую предусматривает право институтов таких интеграционных объединений, как ЕС и ЕАЭС, принимать нормативные акты общего характера, которые заменяют собой национальные правовые акты, включая принятые национальными парламентами законы. Акты общего характера подлежат применению всеми органами власти государств-членов, а также частными лицами, в том числе в отношениях между собой. Именно в этой особенности правопорядков ЕС и ЕАЭС кроется основная причина возникновения проблемы парламентского контроля в таких интеграционных объединениях, которая проявляется в двух измерениях. Первое измерение — это необходимость обеспечения парламентского контроля на уровне всего интеграционного объединения, то есть необходимость осуществления контроля над принимаемыми на уровне ЕС и ЕАЭС нормативными актами и участия представительного органа в формировании исполнительных органов этих объединения. Второе измерение проблемы парламентского контроля заключается в соучастии национальных парламентов государств-членов

---

630 Этот вопрос исследуется в Глобальном парламентском докладе о вовлечении общественности в работу парламента Межпарламентского союза. Текст доклада см.: Global Parliamentary Report 2022. URL: https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2022-03/global-parliamentary-report-2022 (дата обращения: 25.12.2025).

631 *Саидов А. Х.* Формирование международного парламентского права // Московский журнал международного права. 2006. № 3. С. 17–41, 34.

в принятии нормативных актов на наднациональном уровне. Недостаточный уровень этого контроля в обоих его измерениях стал одним из основных аргументов, обосновывающих утверждения о «демократическом дефиците» в институциональной системе Европейского союза[632]. При этом если процесс поэтапного превращения Европейского парламента из практически бесправной Европейской ассамблеи в один из самых главных органов Союза уже стал предметом большого числа зарубежных и отечественных исследований[633], то вопросы второго измерения стали привлекать внимание учёных относительно недавно, после вступления в силу Лиссабонского договора 2009 года. В том, что касается обоих измерений парламентского контроля на уровне ЕАЭС, какие-либо исследования и/или дискуссии практически отсутствуют, что тем не менее не говорит об отсутствии самой проблемы.

По мере нарастания числа полномочий, передаваемых государствами институтам учреждённых ими интеграционных объединений, таких как ЕС и ЕАЭС, необходимость создания инструментов для оформления участия частных лиц в нормотворческой деятельности объединения ощущается всё более остро. Традиционно одним из таких инструментов является представительный орган на уровне всего объединения. На наш взгляд, национальные парламенты государств-членов также могут восприниматься в качестве такого инструмента.

Национальные парламенты в рамках интеграционного процесса не входят в институциональную систему объединений и не могут участвовать в нормотворческом процессе на этом уровне. Они также не могут контролировать исполнительные органы ЕС и ЕАЭС в отношении вопросов, переданных на уровень Союза, и в силу этого попадают в фактическую изоляцию в части интеграционных процессов, становясь своеобразными «жертвами интеграции».

---

632 *Follesdal A.*, *Hix S.* Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik // Journal of Common Market Studies. Vol. 44. 2006. No. 3. P. 533–562, 533.

633 См.: *Kohler M.* Op. cit.; *Rittberger B.* The Creation and Empowerment of the European Parliament // Journal of Common Market Studies. Vol. 41. 2003. No. 2. P. 203–225; *Исполинов А. С.* Договор о Европейском Союзе: новые полномочия Европарламента // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1994. № 1. С. 121–129.

Решением проблемы «демократического дефицита» может быть создание системы дополнительного (субсидиарного) контроля со стороны национальных парламентов актов органов интеграционного объединения, а также поиск баланса между гарантией независимой и эффективной нормотворческой деятельности институтов объединения и сохранением определённой степени значимого влияния национальных законодательных органов на законодательные процессы.

В Европейском союзе появившийся «демократический дефицит» был преодолён путём создания вместо Европейской ассамблеи, практически лишённой реальных полномочий, Европейского парламента, избираемого населением, и закрепления на уровне договоров ЕС процедуры совместного принятия нормативных актов. В свою очередь, сложившаяся в результате масштабной передачи полномочий на уровень ЕС отстранённость национальных парламентов от процесса принятия нормативных актов на уровне ЕС была частично нивелирована путём создания специальных процедур соучастия национальных парламентов в принятии нормативных актов на уровне Союза.

Среди институтов ЕАЭС пока отсутствует какой-либо представительный орган наподобие Межпарламентской Ассамблеи в составе органов ЕврАзЭС, равно как и какие-либо процедуры вовлечения национальных парламентов в процесс принятия нормативных актов институтами Союза. Это можно объяснить тем, что евразийская интеграция находится на начальном этапе своего формирования; однако, на наш взгляд, по мере её дальнейшего развития потребность в парламентском контроле на обоих его уровнях — Союза и национальных парламентов — будет ощущаться острее.

3.4.1. Международное право и национальные парламенты

В доктрине международного права одной из основных задач парламента традиционно является его участие в ратификации международных договоров. Это

позволяет парламентам на этой стадии выражения согласия на обязательность международного договора либо нивелировать планы правительства участвовать в этом договоре (отказ от ратификации), либо сформулировать допустимые оговорки, определяя свои условия участия в этом договоре. Именно поэтому парламенты могут повлиять лишь на позицию своего государства, но не на содержание или формулировку самой нормы международного договора.

Вместе с тем современная доктрина международного права уже не воспринимает как непреложную данность, что государство действует на международной арене как унитарный актор. Разногласия между различными ветвями власти могут оказать значительное влияние на позицию государства по отношению к той или иной норме международного права. Классический пример оппозиции парламента заключённому договору — Соглашение «Шеварднадзе-Бейкера» — Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств (*The Agreement between the United States of America and the Union of the Soviet Socialist Republics on the Maritime Boundary*) от 1 июня 1990 года. Конгресс США ратифицировал его ещё в сентябре 1991 года, но Верховный Совет СССР, а затем и российский парламент выступили против ратификации этого договора. Другой пример — отказ Конгресса США уже более 40 лет ратифицировать Конвенцию ООН 1982 года по морскому праву. Кроме того, противоречия между ветвями власти могут влиять и на исполнение норм международного права со стороны государства. Например, соглашение о создании ВТО было ратифицировано Конгрессом США лишь после получения заверений от исполнительной власти, что рекомендации третейских групп и Апелляционного органа ОРС ВТО не в пользу США не приведут к обязательству изменять законы США (выигравшая спор в ОРС ВТО сторона знает, что требовать от США внести изменения в законы чрезвычайно сложно в силу позиции Конгресса)[634].

---

[634] *Brewster R.*, *Chilton A. S.* Supplying Compliance: Why and When the United States Complies with WTO Rulings // Yale Journal of International Law. Vol. 39. 2014. No. 2. P. 201–246, 237–238.

Более близким и достаточно недавним примером является принятие Федерального закона от 11 июня 2022 года № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»[635]. Именно этим законодательным актом правительству запрещено исполнять решения Европейского суда по правам человека в отношении Российской Федерации, вступившие в силу после 16 марта 2022 года. Как мы видим, закон был принят задолго до официальной денонсации Россией Европейской конвенции о правах человека и основных свободах, которая была осуществлена на основании Федерального закона от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»[636].

Вторая половина XX века ознаменовалась возникновением и углублением интеграционных процессов в мире, которые положили начало широкой институциализации идеи международного парламентского представительства в виде создания международных парламентских ассамблей. Именно в интеграционных объединениях на первый план вышла проблема нормативных актов общего применения, принимаемых наднациональными органами региональных интеграционных объединений (Европейской комиссией в Европейском союзе и Евразийской экономической комиссией в Евразийском экономическом союзе) и регулирующих правоотношения между субъектами национального права, заменяя собой национальные нормы. Вместо надзора со стороны национальных представительных органов над законодательными процессами эти процессы в контексте деятельности региональных интеграционных объединений контролируются наднациональными институтами, и степень

---

635 Федеральный закон от 11 июня 2022 года № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3943.

636 Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

вовлечённости органов публичной власти государств-членов в процесс принятия решений на наднациональном уровне различается довольно существенно. Вместе с тем новые полномочия Европарламента по его соучастию в принятии нормативных актов на уровне ЕС не могут полностью компенсировать потерю авторитета национальными парламентами. На практике национальные парламенты в рамках интеграционного процесса чаще всего попадают в фактическую изоляцию, что приводит к «депарламентаризации», и отчасти становятся «жертвами интеграции»[637]. Итогом интеграционных процессов в виде возможности органов объединений выносить непосредственно действующие нормативные правовые акты становится полное исключение национальных парламентов из процесса принятия нормативных актов, то есть фактически их «маргинализация»[638].

В этой ситуации единственным способом решения проблемы «демократического дефицита» в этом измерении стало более эффективное (повторное) вовлечение национальных парламентов в законотворческий процесс непосредственно на уровне ЕС[639].

3.4.2. Роль Европарламента и национальных парламентов в Европейском союзе

Концепция демократического дефицита в Европейском союзе переплетается с продолжающимися дебатами о том, что такое ЕС и, что более важно, каким он должен быть. В этой дискуссии выделяют три направления:

---

637 *Cygan A.* Participation by National Parliaments in the EU Legislative Process // ERA Forum. Vol. 22. 2021. P. 421–435, 422.

638 *Cygan A.* Op. cit. P. 422.

639 *Chatzistavrou F.*, *Papanikolaou K.* Revising the Early Warning System to Reinforce the “Third Chamber” of EU Multi-Level Law-Making // Deliberative Democracy in the EU: Countering Populism with Participation and Debate / ed. S. Blockmans, S. Russack. Brussels : CEPS. P. 169–186, 171.

первое — межправительственное, где ЕС понимается как международная межправительственная организация, пусть и сложной природы и с обширным институциональным аппаратом, полномочия которой, однако, должны быть тщательно ограничены. Государства-члены должны сохранить свой суверенитет, а демократические права граждан должны защищаться прежде всего на национальном уровне. Второе направление — федеративное — исходит из того, что ЕС из межправительственного образования превращается в федерацию, где неизбежна и необходима определённая централизация власти, что предполагает признание того, что граждане ЕС должны иметь возможность напрямую взаимодействовать с институтами ЕС через демократические права и процессы на уровне Союза. Сторонники третьего — гибридного реалистического — направления говорят о том, что ЕС давно уже далеко вышел за рамки модели межправительственной организации, но пока не может интегрироваться до такой степени, чтобы превратиться в полноценную федерацию. С точки зрения этой модели Союз обладает уникальным сочетанием межгосударственных, надгосударственных и внутригосударственных элементов, применяя централизацию там, где это целесообразно, и оставляя значительную часть полномочий на национальном уровне. Поскольку ЕС оказывает существенное влияние на жизнь своих граждан, некоторые черты демократии (например, наличие Европейского парламента) не только вполне уместны, но и необходимы на уровне Союза, однако при этом ЕС и его организационные процедуры не обязательно должны содержать все демократические элементы, присущие государствам-членам и принятых в них процедурам[640].

Начало расширения парламентского контроля ЕС во втором (национальном) измерении было положено Маастрихтским договором 1992 года. В Декларации, являвшейся приложением к Маастрихтскому договору[641], указывалось

---

[640] *Sieberson S. C.* The Treaty of Lisbon and Its Impact on the European Union's Democratic Deficit // Columbia Journal of European Law. Vol. 14. 2007. No. 3. P. 445–465, 447.

[641] Declaration on the role of national parliaments in the European Union // Treaty on European Union, signed at Maastricht on 7 February 1992 // Official Journal of the European Communities. 1992. C 191. Vol. 35. P. 100.

на важность поощрения более активного участия национальных парламентов в деятельности Европейского союза, для чего необходимо активизировать обмен информацией между национальными парламентами и Европейским парламентом. Кроме того, в документе было предусмотрено, что национальные парламенты должны своевременно получать предложения Комиссии ЕС в области нормотворчества для информации или возможного рассмотрения.

Протокол к Амстердамскому договору 1997 года о роли национальных парламентов в Европейском союзе (*далее* — Протокол № 1)[642] предусматривал, что Комиссия направляет национальным парламентам государств-членов все подготовленные ею консультативные документы — зелёные и белые книги, коммюнике (пункт 2). Что касается законодательных предложений Комиссии, то в соответствии с текстом Протокола они должны передаваться заблаговременно правительствам государств-членов, которые, в свою очередь, обеспечивают их передачу национальным парламентам. При этом устанавливался шестинедельный срок между передачей соответствующего предложения и его внесением в повестку дня Совета, с тем чтобы у национальных парламентов было время для его рассмотрения и формулирования позиции (пункт 3).

Лиссабонский договор 2007 года, вступивший в силу 1 декабря 2009 года, открыл новый этап во взаимоотношениях между национальными парламентами и институтами ЕС. Его называют «договором парламентов» не только за то, что он расширил список полномочий Европейского парламента, но и за то, что он впервые в истории европейской интеграции включил национальные парламенты в конституционную систему Европейского союза[643]. Так, в соответствии со статьёй 12 Договора о Европейском союзе (в редакции Лиссабонского договора

---

642 Protocol on the role of national parliaments in the European Union // Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities and Certain Related Acts // Official Journal of the European Communities. 1997. C 340. Vol. 40. P. 113.

643 *Jančić D.* Op. cit. P. 939.

2007 года)[644] национальные парламенты активно способствуют надлежащему функционированию Союза. Это достигается путём:

a) получения информации со стороны институтов Союза и уведомлений о проектах законодательных актов Союза в соответствии с Протоколом о роли национальных парламентов в Европейском союзе;

b) контроля над соблюдением принципа субсидиарности в соответствии с процедурами, предусмотренными в Протоколе о применении принципов субсидиарности и пропорциональности;

c) в рамках пространства свободы, безопасности и правосудия участия в механизмах оценки осуществления политики Союза в отношении этого пространства в соответствии со статьёй 70 Договора о функционировании Европейского союза и привлечения к участию в политическом контроле за Европолом и к оценке деятельности Евроюста в соответствии со статьями 88 и 85 ДФЕС;

d) участия в процедурах пересмотра Договоров в соответствии со статьёй 48 Договора;

e) получения информации относительно заявок о присоединении к Союзу в соответствии со статьёй 49 Договора о ЕС;

f) участия в межпарламентском сотрудничестве между национальными парламентами и с Европейским парламентом в соответствии с Протоколом о роли национальных парламентов в Европейском союзе.

В Лиссабонском договоре были предусмотрены также разнообразные формы участия национальных парламентов в обсуждении вопросов, связанных с функционированием Европейского союза. Так, после его принятия представители национальных парламентов входят в состав Конвента, который рассматривает предложения о внесении изменений в учредительные документы

---

[644] Договор о Европейском союзе (в редакции Лиссабонского договора 2007 года) см.: Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества. Лиссабон, 13 декабря 2007 года. URL: https://eulaw.ru/treaties/lisbon/ (дата обращения: 25.12.2025).

в рамках обычной процедуры пересмотра[645]. Парламенты государств-членов могут заблокировать применение упрощённой процедуры пересмотра учредительных документов ЕС, предоставляющей Совету ЕС право принять решение об использовании квалифицированного большинства вместо принципа единогласия, обычной законодательной процедуры вместо специальной. В этом случае достаточно возражений парламента одного из государств-членов[646].

Вместе с тем анализ положений статьи 12 Договора о ЕС не позволяет прийти к выводу, что национальные парламенты получили право напрямую участвовать в процедуре принятия решений, однако можно говорить о наличии у национальных парламентов права влиять на этот процесс, что является важным для государств-членов, подчёркивает значимость и роль национальных парламентов, и наконец, служит обеспечению действия принципа субсидиарности.

Контроль над соблюдением принципа субсидиарности является наиболее важной среди целого ряда задач, возложенных на национальные парламенты. Этот принцип предполагает, что нормативные акты принимаются на уровне ЕС только в том случае, если соответствующие цели не могут быть достигнуты на национальном уровне. Принцип субсидиарности применяется в тех областях политики, которые не входят в исключительную компетенцию ЕС. Этот вопрос о действии принципа субсидиарности также не возникает, когда компетенция в определённой области политики является предметом исключительного ведения государств-членов, например национальная безопасность и поддержание правопорядка. В тех случаях, когда принцип субсидиарности действительно применим, национальным законодательным органам предлагается установить, соответствуют ли проекты актов ЕС, инициируемых, как правило, Европейской комиссией, принципу субсидиарности, то есть в данном случае речь идёт о предварительном контроле и «системе раннего предупреждения», предполагающих мониторинг возможных нарушений европейскими институтами принципа субсидиарности в ходе разработки европейского законодательства.

---

645 См. пункт «d» статьи 12, § 3 статьи 48 Договора о Европейском союзе.
646 См. § 7 статьи 48 Договора о Европейском союзе.

В литературе процедура контроля со стороны национальных парламентов над законодательным процессом в ЕС получила название «система раннего предупреждения» (*Early Warning System*)[647] или образно «игра в карты» (*game of cards*)[648]. На практике парламенты государств — членов ЕС могут даже заблокировать принятие нормативного акта на уровне ЕС. Формально такой порядок предусмотрен в Протоколе № 2 к Договору о Европейском союзе и Договору о функционировании Европейского союза о применении принципов субсидиарности и пропорциональности (*далее* — Протокол № 2)[649]. В соответствии с пунктом 1 статьи 7 этого Протокола институты ЕС (Европейский парламент, Совет, Комиссия, Суд, Европейский центральный банк или Европейский инвестиционный банк) учитывают количество мотивированных заключений, направленных национальными парламентами или палатами национальных парламентов. При этом каждый национальный парламент располагает двумя голосами, которые распределяются исходя из национальной парламентской системы. В двухпалатной национальной парламентской системе каждая из двух палат располагает одним голосом. На 27 государств-членов ЕС и 39 палат их национальных парламентов приходится 54 голоса.

Этот механизм оказывает юридическое воздействие на Комиссию только в том случае, если количество представленных национальными парламентами мотивированных заключений достигает установленного порога. Например, пунктом 2 статьи 7 Протокола № 2 предусмотрено, что в случае, если мотивированные заключения о несоблюдении проектом законодательного акта принципа субсидиарности представляют не менее одной трети всех голосов, которыми наделены национальные парламенты, законопроект подлежит повторной экспертизе. По результатам этой повторной экспертизы уполномоченный институт

---

647 *Chatzistavrou F.*, *Papanikolaou K.* Op. cit. P. 173.

648 *Jančić D.* Op. cit. P. 940.

649 Protocol on the application of the principles of subsidiarity and proportionality // Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities and Certain Related Acts // Official Journal of the European Communities. 1997. C 340. Vol. 40. P. 105–108.

ЕС может принять мотивированное решение оставить законопроект в прежнем виде, изменить или отозвать его. Это так называемая процедура «жёлтой карточки» (*yellow card procedure*). При этом ситуация с пороговыми значениями может варьироваться в зависимости от категории вопроса, в связи с которым готовится правовой акт, следующим образом: 1/4 голосов национальных парламентов необходима для нормативных актов, принимаемых по вопросам безопасности и правосудия; и 1/3 — по всем остальным вопросам. Применение «оранжевой карточки» (*orange card*) предусмотрено пунктом 3 статьи 7 Протокола № 2, в соответствии с которым в случае, если количество мотивированных заключений национальных парламентов о несоблюдении предложением законодательного акта принципа субсидиарности представляет простое большинство голосов (50 % + 1 голос), которыми наделены национальные парламенты, то предложение подлежит повторной экспертизе. По результатам этой повторной экспертизы Комиссия может принять решение оставить предложение в прежнем виде, изменить предложение или отозвать его. Если Комиссия решит оставить предложение в прежнем виде, то она должна в мотивированном заключении обосновать причину, по которой она считает это предложение соответствующим принципу субсидиарности. С юридической точки зрения данная процедура не налагает на Комиссию обязательного требования отозвать законодательное предложение[650]. Таким образом, процедура *orange card*, которая никогда не использовалась, даёт национальным парламентам право понудить Комиссию или другие институты ЕС непосредственно учитывать их мнение и решать их проблемы.

Как мы видим, в ЕС была введена система раннего предупреждения, предполагающая мониторинг возможных нарушений соответствующего принципа в ходе разработки европейского законодательства (пункт 3 статьи 5 Договора

---

[650] Однако независимо от цвета карточки Комиссия обязана отказаться от своей законодательной инициативы при вмешательстве одной из ветвей законодательной власти ЕС — Совета ЕС (против законопроекта должно проголосовать 55 % его членов) или Европарламента (такое решение принимается простым большинством голосов). См.: Protocol on the application of the principles of subsidiarity and proportionality.

о Европейском союзе, статья 3 Протокола № 1, статьи 6 и 7 Протокола № 2). Кроме того, государство — член ЕС в течение двух месяцев после опубликования законодательного акта может подавать от имени национального парламента или одной из его палат иск в Суд ЕС, если сочтёт, что этот акт не соответствует принципу субсидиарности (статья 8 Протокола № 2, статья 263 ДФЕС).

К настоящему времени процедура *yellow card* была использована национальными парламентами в трёх случаях. В первом из них в мае 2012 года по инициативе 12 национальных парламентов из 12 государств-членов, имеющих в общей сложности 19 голосов, оспаривался так называемый законопроект *Monti II* (Регламент Совета об осуществлении права на коллективные действия в свете свободы предпринимательства и свободы предоставления услуг)[651]. Во втором по инициативе 14 палат парламентов из 11 государств-членов, что в совокупности составило 18 голосов, случившемся в октябре 2013 года, обсуждался проект Регламента Совета об учреждении Европейской прокуратуры[652]. Третья *yellow card* (по инициативе 14 палат национальных парламентов из 11 государств-членов, в сумме 22 голоса), выпущенная в мае 2016 года, касалась Директивы по командированию работников в рамках предоставления услуг (*Posted Workers Directive*)[653]. Первый из этих законопроектов был снят с рассмотрения, а во втором и третьем случаях Комиссия проигнорировала мнение национальных парламентов.

Существует два основных способа интерпретации выдвижения национальными парламентами таких «карточек». Один из них ориентирован на процедуру и позволяет рассматривать «выявление» «жёлтых карточек» как коллективное достижение, признак успеха межпарламентской координации

---

[651] European Commission. Proposal for a Council Regulation on the exercise of the right to take collective action within the context of the freedom of establishment and the freedom to provide services. COM(2012) 130. 21 March 2012. 2012/0064. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0130:FIN:EN:PDF (дата обращения: 25.12.2025).

[652] European Commission. Proposal for a Council Regulation on the establishment of the European Public Prosecutor's Office. COM(2013) 534. 17 July 2013. 2013/0255. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2013:0534:FIN:en:PDF (дата обращения 25.12.2025).

[653] *Cygan A.* Op. cit. P. 430.

в достижении пороговых значений механизма раннего предупреждения и относительную победу принципа субсидиарности, в то время как другой способ заставляет выяснить причины и мотивы, стоящие за решениями Комиссии. Обе интерпретации верны, но последняя выглядит нормативно более весомой[654].

Стоит отметить, что отзыв Комиссией законопроекта *Monti II* не был прямым следствием *yellow card* со стороны национальных парламентов. В своём письме, разосланном всем национальным парламентам, Комиссия однозначно заключила, что принцип субсидиарности в этом законопроекте не был нарушен. По мнению А. Цыгана, Комиссия решила отозвать своё предложение, поскольку текст требовал единогласия в Совете, и *yellow card*, возможно, была истолкована как сигнал о том, что некоторые государства-члены в Совете могут выступить против принятия законопроекта[655]. В ситуации со второй «жёлтой карточкой» национальные парламенты не проявили единообразного подхода в объяснении причин несогласия с предложенным законопроектом, поэтому, столкнувшись с такой разрозненностью, Комиссия решила оставить предложение без изменений. Тем не менее окончательно утверждённый вариант законопроекта был существенно изменён, что позволяет предположить, что тщательная проверка предложения Комиссии национальными парламентами послужила сигналом для институтов ЕС, в результате чего они приняли значительные поправки в ходе последующей законодательной процедуры[656].

Практика *game of cards* демонстрирует, что национальные парламенты на данный момент неохотно дают комментарии по законопроектам. Система раннего предупреждения, конечно, способствует реализации права национальных парламентов выражать мнение по поводу законотворчества ЕС, но не восстанавливает их утраченное влияние на законотворческий процесс и не может значительно повлиять на тенденцию депарламентаризации европейской интеграции — на уровне ЕС традиционная роль национальных парламентов

---

654 *Jančić D.* Op. cit. P. 945–946.
655 *Cygan A.* Op. cit. P. 429.
656 *Cygan A.* Op. cit. P. 430.

заменяется по сути консультативной ролью, которую они играют на «предзаконодательной» стадии принятия решений ЕС. Надзорная функция национальных парламентов, хотя и имеет положительный эффект в контексте практики мониторинга принципа субсидиарности, не предлагает удовлетворительного решения проблемы «размывания компетенции», которая коренится в юридически закреплённой модели ЕС, позволяющей расширять сферу своих регулятивных полномочий в отсутствие демократического политического процесса[657]. Кроме того, главный недостаток существующего механизма контроля за соблюдением принципа субсидиарности заключается в том, что данный механизм существует в условиях, когда не ставится вопрос о пределах компетенции ЕС, а только о её реализации, поэтому в любом случае национальные парламенты «лишены возможности влиять на содержание закона, который создаётся от имени граждан, которых они представляют и от имени которых они санкционировали европейскую интеграцию»[658]. С другой стороны, тот факт, что процедура «жёлтой карточки» применялась трижды, доказывает, что национальные парламенты вполне готовы влиять на формирование политики на предзаконодательной стадии принятия решений органами ЕС, а не ограничиваться формальным выражением позиции по вопросам законотворчества ЕС[659].

На доктринальном уровне критика системы раннего предупреждения сводится к тому, что, по мнению отдельных исследователей, она охватывает лишь малую часть того, что национальные парламенты могут делать в рамках ЕС[660]. Это объясняется рядом следующих причин. Во-первых, несмотря на то что национальные парламенты имеют право получать документы незаконодательного характера, такие как консультационные документы (например, зелёные и белые книги, проекты, повестки дня и сообщения) и документы законодательного планирования (например, рабочие программы), их мотивированные заключения

---

657 *Jančić D.* Op. cit. P. 941–942.
658 *Jančić D.* Op. cit. P. 951–952.
659 *Chatzistavrou F.*, *Papanikolaou K.* Op. cit. P. 173.
660 *Jančić D.* Op. cit. P. 952–953.

могут касаться только законопроектов. Это не позволяет им высказываться на более высоком уровне в процессе формирования политики ЕС. Во-вторых, мотивированные заключения могут оспаривать содержание законопроектов институтов ЕС, что и происходит на практике, но только те из них, в которых говорится о нарушении принципа субсидиарности[661]. В этом учёные видят несколько недостатков системы раннего предупреждения. С одной стороны, определение истинной цели мотивированного заключения национального парламента является сложной задачей, основанной на неопределённых критериях, что затрудняет принятие решения о том, какие последствия должно иметь мотивированное заключение. При этом Комиссия вольна идентифицировать озабоченность национальных законодательных органов в соответствии со своим собственным пониманием принципа субсидиарности, которое она может корректировать в каждом конкретном случае и которое, как показала ситуация со второй *yellow card*, сильно отличается от понимания процедуры национальными парламентами. С другой стороны, система раннего предупреждения отводит национальным парламентам «негативную роль» в виде возможности блокировать принятие нормативных актов ЕС, игнорируя их более конструктивную функцию, которую они выполняют на уровне государств-членов. Наконец, как уже было отмечено выше, возможные основания для национальных парламентов выступить против принятия законопроекта институтами ЕС ограничены только принципом субсидиарности. За рамками системы раннего предупреждения остаются обсуждение вопросов, входящих в исключительную компетенцию ЕС, а также право парламентов проверить законопроект на соответствие таким основным принципам права ЕС, как принцип пропорциональности и принцип наделения полномочиями (*conferral*), которые, вероятно, являются наиболее значимыми для граждан государств — членов ЕС. Именно поэтому эти ограничения рассматриваются в доктрине, по образному выражению Д. Янчича, как «смирительная рубашка субсидиарности, которая не позволяет механизму раннего

[661] Ibid. P. 952–953.

предупреждения действовать более эффективно»[662]. По мнению А. Цыгана, несмотря на то что более активная передача документов из Комиссии в национальные парламенты может уменьшить информационную асимметрию между национальными парламентами и их правительствами и улучшить процесс проверки законопроектов ЕС национальными парламентами, возможности национальных парламентов играть более активную роль в принятии решений ЕС остаются немногочисленными. Во многом это связано с отсутствием какой-либо согласованной горизонтальной координации и консенсуса между национальными парламентами в отношении контроля за соблюдением принципа субсидиарности в процессе принятия законопроекта ЕС[663]. Фактически депутаты каждого национального парламента решают этот вопрос самостоятельно, не имея официальных возможностей провести какие-либо консультации по этому вопросу со своими коллегами из других стран — членов ЕС, не понимая, насколько непопулярным является тот или иной законопроект и не окажется ли подготовленное ими возражение одиноким «гласом вопиющего в пустыне», который останется незамеченным.

Повышение роли национальных парламентов в законотворческой деятельности ЕС связано с предложенными в последнее время инициативами по внедрению в механизм раннего предупреждения «красных» (*red*), «поздних» (*late*) и «зелёных» (*green*) карточек. Идея *red card* имеет несколько вариантов, которые различаются в зависимости от того, действуют ли национальные парламенты в одиночку (индивидуальная *red card*) или совместно друг с другом (коллективная *red card*), а также в зависимости от того, осуществляет ли национальный парламент свои действия по отношению к законопроекту, который только предстоит принять в рамках ЕС (вето), или уже принятому закону ЕС (аннулирование или отмена). Все эти варианты *red card* могут быть (но не обязательно должны) ограничены принципом субсидиарности. *Red card* должна заменить *yellow card* и *orange card* и наделить национальные парламенты правом

662 Ibid. P. 952–953.
663 *Cygan A.* Op. cit. P. 434.

налагать вето на законопроекты ЕС по достижении пороговых значений количества голосов, установленных в рамках механизма раннего предупреждения. Кроме того, существуют предложения предоставить национальным парламентам возможность отменять действующее законодательство ЕС — так называемая ретроспективная «красная карточка»[664]. *Late card*, или система окончательной проверки, позволила бы национальным парламентам повторно изучать законодательные предложения ЕС в конце законодательной процедуры ЕС до их окончательного принятия. Создание механизма позднего предупреждения с помощью соответствующей карты могло бы стать политическим дополнением к судебному контролю над соблюдением принципа субсидиарности[665]. В свою очередь, *green card* позволила бы национальным парламентам играть более конструктивную роль в процессе нормотворчества путём или предложения нового законопроекта в рамках ЕС, или призыва к пересмотру, изменению или отмене существующего закона. Идея *green card* состоит в том, чтобы, с одной стороны, компенсировать потерю национальными парламентами своих законодательных полномочий путём создания коллективного права законодательной инициативы на уровне ЕС, а с другой стороны, расширить полномочия национальных парламентов по формированию повестки законодательных инициатив[666]. В свою очередь, возможное объединение существующих *yellow card* и *orange card* может вылиться в единую процедуру «синей карточки» (*blue card*), которая позволит национальным парламентам работать в тандеме с Европарламентом, совместно с ним рассматривая законодательные инициативы (осуществляя смешанный парламентский контроль). Результаты такого контроля Комиссия и Совет будут обязаны принять во внимание[667].

В целом следует отметить, что эти новые «карточные» инициативы иллюстрируют эволюцию роли национальных парламентов в европейской

---

[664] *Jančić D.* Op. cit. P. 962.
[665] Ibid. P. 964–965.
[666] *Jančić D.* Op. cit. P. 966.
[667] *Chatzistavrou F.*, *Papanikolaou K.* Op. cit. P. 181.

интеграции, однако в той или иной форме практически все они после напряжённых дискуссий в итоге были отклонены[668].

3.4.3. Проблемы парламентского контроля в Евразийском экономическом союзе

Как уже отмечалось выше, право ЕАЭС отличается от норм остальных международных организаций тем, что в него входят не только учредительные договоры и все изменения и дополнения к ним, а также решения и распоряжения органов организации, но и, как в случае с ЕС, принимаемые этими органами нормативные акты общего характера, которые должны действовать непосредственно в национальных правопорядках государств-членов, замещая национальные правовые акты, регулирующие правоотношения в соответствующей сфере интеграции.

Межпарламентская Ассамблея Евразийского экономического сообщества, предшественника ЕАЭС, была создана в соответствии со статьями 3 и 7 Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года[669] и представляла собой орган парламентского сотрудничества в рамках Евразийского экономического сообщества. При этом, как и в случае с Европейской ассамблеей ЕС, Межпарламентская Ассамблея ЕврАзЭС формировалась путём делегирования в эту Ассамблею уже избранных депутатов национальных парламентов государств — членов ЕврАзЭС. Основными задачами Межпарламентской Ассамблеи являлись формирование единой правовой политики ЕврАзЭС, координация законотворческой деятельности национальных парламентов, обеспечивающей реализацию целей и задач ЕврАзЭС, содействие созданию организационно-правовых условий для приведения законодательств

---

668 *Jančić D.* Op. cit. P. 967.

669 Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. Подписан в г. Астане 10 октября 2000 года // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 632.

государств — членов Сообщества в соответствие с договорами, заключёнными в рамках ЕврАзЭС, а также избрание судей Суда ЕврАзЭС.

Создание парламентской ассамблеи ЕАЭС с аналогичными полномочиями предполагалось и в проекте Договора о ЕАЭС, но в ходе согласования государствами финального текста Договора соответствующие положения, к сожалению, были убраны. Аналогично на уровне ЕАЭС отсутствуют и какие-либо процедуры вовлечения национальных парламентов в процесс оценки проектов нормативных актов органов ЕАЭС. В настоящий момент только Суд ЕАЭС наделён компетенцией рассматривать заявления государств-членов и хозяйствующих субъектов о признании нормативных актов ЕЭК соответствующими праву ЕАЭС. Иными словами, Договор о ЕАЭС предусматривает только судебный контроль над нормативными актами на уровне Союза, при этом парламентский контроль над этими актами отсутствует.

Надо отметить, что в доктрине и на уровне государств — членов Союза отсутствие парламентского контроля пока не воспринимается как реальная проблема, требующая своего разрешения[670]. Возможно, это объясняется тем, что евразийская интеграция находится на начальном этапе своего формирования, в силу чего вопросы эффективного парламентского контроля на уровне ЕАЭС не рассматриваются в числе приоритетных и требующих быстрого решения. Вместе с тем можно с уверенностью предположить, что по мере дальнейшего развития евразийской интеграции потребность в парламентском контроле в обоих его измерениях — на уровне Союза и на уровне национальных парламентов — будет ощущаться острее, что может повлечь за собой внесение соответствующих изменений в Договор о ЕАЭС. Если же говорить о национальных парламентах государств — членов ЕАЭС, то их участие в интеграционных процессах в рамках ЕАЭС может принести положительные результаты в виде привлечения внимания

---

[670] Единственное известное автору исключение — это позиция П. Калиниченко и Р. Петрова о том, что «институциональная структура ЕАЭС слабее, чем у ЕС. В ЕАЭС нет института, представляющего интересы народов, аналогичного Европейскому парламенту. Отсутствие последнего серьёзно ограничивает легитимность ЕАЭС и ставит её под сомнение» (*Kalinichenko P.*, *Petrov R.* Op. cit. P. 305).

национальных парламентов к повышению эффективности права Евразийского экономического союза и его взаимодействию с национальными правопорядками государств — членов Союза.

3.4.4. Основные выводы по параграфу

Перспективы развития интеграционных процессов в значительной степени зависят от взаимодействия органов интеграционных объединений и органов государств-членов, а эффективный национальный парламентский контроль за качеством законодательной деятельности в региональных интеграционных объединениях рассматривается как возможный способ смягчить дефицит демократии и повысить легитимность этих интеграционных объединений и их нормативных актов. В Европейском союзе «демократический дефицит» был преодолён постепенным наращиванием полномочий Европейской ассамблеи (первоначально состоявшей из депутатов национальных парламентов государств — членов Сообществ), преобразованием Европейской ассамблеи в Европейский парламент, с 1974 года избираемый прямым тайным и всеобщим голосованием населения государств — членов ЕС, и закреплением на уровне договоров ЕС процедуры совместного принятия нормативных актов Совета и Европарламента. Кроме того, в ЕС решён вопрос о создании специальных процедур соучастия национальных парламентов в принятии нормативных актов на уровне ЕС, хотя эффективность предложенных механизмов и вызывает сомнения. Что же касается ЕАЭС, то Союз находится лишь в начале развития, поэтому полное отсутствие парламентских органов на его уровне, а также каких-либо форм вовлечения национальных парламентов в процесс принятия нормативных актов на уровне Союза не выглядит серьёзной проблемой. Тем не менее важным представляется отметить, что по мере нарастания интеграционных

процессов этот недостаток начтёт ощущаться сильнее, что вернёт нас к дискуссии о влиянии национальных парламентов на интеграцию.

Глава 4. ВОПРОСЫ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРАВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

4.1. Ответственность в международном праве: общие вопросы[671]

Право международной ответственности является стремительно развивающейся отраслью международного права, регулирующей исполнение субъектами отношений своих обязательств и последствий, которые наступают в случае их неисполнения. С точки зрения нормативного закрепления институт ответственности достаточно специфичен, поскольку на данный момент отсутствует (и вряд ли появится в ближайшее время) единый нормативный акт, посвящённый вопросам ответственности и имеющий обязательную силу[672]. В отсутствие какого-либо нормативного закрепления на уровне универсального международного договора право международной ответственности на современном этапе развития международных отношений представлено в основном нормами международного обычного права. С точки зрения практики право международной ответственности привлекает внимание именно благодаря деятельности международных судебных учреждений, которые играют активную роль в толковании и уточнении обычных норм об ответственности, наполняя их конкретным содержанием и служа примерами их современной реализации[673].

---

[671] При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О.В.* Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 3. С. 48-58.

[672] *Кадышева О.В.* Вопросы ответственности в праве Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11 (162). С. 30-35, 31.

[673] См.: *Кожеуров Я. С.* Вопросы права международной ответственности в решении Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 года по делу «Российская Федерация против Республики Беларусь». С. 134.

Анализ положений разработанных Комиссией международного права Статей об ответственности государств 2001 года[674] показывает, что они во многом основаны на традиционных для международного права механизмах горизонтального контроля и горизонтального принуждения нарушителя к исполнению своих обязательств, когда только потерпевшее государство вправе призвать государство-нарушителя к ответственности и потребовать возмещения понесённого вреда. Иными словами, международная ответственность государств основывается на формуле «я делаю это, потому что ты делаешь это», или альтернативном понимании принуждения «я не исполняю своё обязательство, чтобы наказать тебя за то, что ты допускаешь нарушение».

В отношении института возмещения вреда Статьи об ответственности государств отталкиваются от сформулированной Постоянной палатой международного правосудия (*далее* — ППМП) в решении по делу о *фабрике в Хожуве* (*Chorzów Factory*) парадигмы, в соответствии с которой любое нарушение обязательства влечёт необходимость возместить вред. ППМП указала, что «основной принцип, который содержится в понятии “противоправное деяние”… заключается в том, что возмещение должно, насколько это возможно, ликвидировать все последствия незаконного деяния и восстановить ситуацию, которая бы существовала, если бы это деяние не было совершено»[675]. В статье 31 указывается, что государство «обязано предоставить полное возмещение вреда, причинённого международно-противоправным деянием» (пункт 1), а «вред включает любой ущерб, материальный или моральный, нанесенный международно-противоправным деянием государства» (пункт 2). Кроме того, пункт 2 статьи 36 содержит положение о том, что «компенсация охватывает любой исчислимый в финансовом выражении ущерб, включая упущенную выгоду, насколько она установлена».

---

[674] ГА ООН. Приложение к Резолюции 56/83 от 12 декабря 2001 года. Ответственность государств за международно-противоправные деяния.

[675] Permanent Court of International Justice. *Factory at Chorzow (Germany v. Poland)*. Judgment 13 September 1928. § 125. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1928.09.13_chorzow1.htm (дата обращения: 25.12.2025).

Статьи об ответственности международных организаций 2011 года[676], также подготовленные КМП, во многом повторяют Статьи об ответственности государств 2001 года и представляют собой не столько отражающие практику обычные нормы, каких в случае ответственности международных организаций не очень много, сколько подход Комиссии в отношении желаемого развития норм международного права (*de lege ferenda*)[677] в этой сфере, в значительной степени заимствуя основные положения Статей об ответственности государств, в том числе и о возмещении вреда.

Как уже отмечалось ранее, Статьи об ответственности международных организаций подверглись серьёзной критике со стороны как академического сообщества, так и самих международных организаций, в первую очередь из-за явного нежелания Комиссии международного права принимать во внимание разнообразие и особенности международных организаций как субъектов международного права. Наиболее активную позицию в этом отношении занимал Европейский союз, заявляя, что Статьи об ответственности не учитывали уникальный характер ЕС как организации региональной экономической интеграции, и последовательно выступая против самой идеи сознания универсальных правил ответственности для всех международных организаций[678].

В Статьях об ответственности государств (статьи 28–39) и международных организаций (статьи 28–40) определено содержание международной ответственности, которое выражается в обязанности прекратить международно-противоправное деяние и обеспечить полное возмещение вреда в форме реституции, компенсации и сатисфакции. Именно с этой точки зрения предлагается

---

[676] ГА ООН. Приложение к Резолюции 66/100 от 9 декабря 2011 года. Ответственность международных организаций.

[677] Комиссия в Общем комментарии указывает, что из-за отсутствия соответствующей практики в отношении некоторых аспектов проект статей об ответственности международных организаций в определённой степени представляет собой не кодификацию, а, скорее, прогрессивное развитие права в соответствии со статьёй 13(1)(a) Устава ООН и статьёй 1(1) Положения о Комиссии международного права. См.: International Law Commission. Draft articles on the responsibility of international organizations, with commentaries, 2011. P. 46–47. Note 1. § 5. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_11_2011.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[678] См.: *Wouters J.*, *Odermatt J.* Op. cit. P. 11.

посмотреть на механизмы международной ответственности, созданные в рамках Всемирной торговой организации, Европейского союза и Евразийского экономического союза.

4.2. *Lex specialis* в праве международной ответственности (на примере практики Всемирной торговой организации)[679]

Всемирная торговая организация — классическая международная организация, деятельность которой в полной мере регулируется положениями международного права. Интегрирование правил ВТО в систему международного права предопределяет распространение на процессы её функционирования всех основных институтов международного права, включая нормы о международной ответственности. С другой стороны, особенность ВТО как межправительственной международной организации выражается в том, что у неё отсутствует возможность потребовать от государства — члена ВТО прекращения нарушения им обязательств в рамках ВТО, поскольку контроль за исполнением обязательств осуществляют сами члены ВТО[680].

Правопорядок ВТО представляет собой сложный набор правил, содержащихся в Соглашении об учреждении ВТО[681] и приложениях 1, 2 и 3 (Многосторонние торговые соглашения), которые являются неотъемлемыми частями Соглашения ВТО и обязательными для всех членов. Механизм разрешения

---

[679] При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О.В.* Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 3. С. 48-58.

[680] По отдельным вопросам деятельности ВТО см.: *Кадышева О.В.* К вопросу о прецедентном характере решений Органа по разрешению споров во Всемирной торговой организации // Евразийский юридический журнал. 2014. № 6 (73). С. 97-101; *Кадышева О.В.* Применение положений соглашений Всемирной торговой организации российскими судами: обзор арбитражной практики // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1 (80). С. 85-90.

[681] Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Заключено в г. Марракеше, 15 апреля 1994 года.

разногласий между членами ВТО, центральное место в котором занимает Орган по рассмотрению споров (*далее* — ОРС), долгое время был одним из самых эффективных инструментов разрешения международных торговых конфликтов[682]. Юрисдикция ОРС ВТО является для членов ВТО обязательной, а порядок рассмотрения дел в нём подробно регламентирован Договорённостью о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (Приложение 2 к Соглашению об учреждении ВТО; *далее* — ДРС, Договорённость, Приложение 2).

Проблема международной ответственности применительно к правилам ВТО может быть рассмотрена с нескольких точек зрения: во-первых, с точки зрения возможности применения при рассмотрении дел третейскими группами и Апелляционным органом ОРС положений Статей об ответственности государств в качестве источников права при разрешении споров между членами ВТО; во-вторых, с точки зрения определения природы ответного приостановления уступок как наказания за противоправное поведение[683]; и наконец, с точки зрения ответа на вопрос о возможности самой ВТО нарушить международно-правовое обязательство и, следовательно, понести международно-правовую ответственность за противоправное деяние.

Несмотря на идущие в доктрине споры, является ли механизм разрешения споров ВТО в части применимого права самодостаточным (*self-contained*)[684],

---

[682] О кризисе системы разрешения споров ВТО см.: *Исполинов А. С.*, *Кадышева О. В.* Кризис механизма разрешения споров Всемирной торговой организации: в поисках альтернатив // Закон. 2020. № 10. С. 136–144.

[683] В соответствии с пунктом 1 статьи 22 ДРС в случае, когда рекомендации и решения третейских групп и/или Апелляционного органа не выполняются в течение разумного периода времени, государство, в пользу которого были даны рекомендации по приведению меры, не соответствующей правилам ВТО, в соответствие с этими правилами, может на временной основе с разрешения ОРС ВТО прибегнуть к компенсации и приостановлению уступок или других обязательств.

[684] Согласно положениям Дополнения 1 к ДРС при рассмотрении споров третейские группы и Апелляционный орган прежде всего опираются на охваченные соглашения, к которым относятся многосторонние торговые соглашения, ГАТС, ТРИПС и др. О самодостаточности режима ВТО см.: *Kuyper P.* Op. cit. Однако ряд авторов высказывают другую точку зрения, согласно которой, несмотря на то что правила ВТО являются правовой основой, затрагивающей широкий круг вопросов, они не являются самодостаточным режимом. Кроме того, статья 3.2 ДРС предусматривает, что одной из целей системы разрешения споров ВТО является разъяснение существующих положений соглашений в соответствии с обычными

в отношении первой ситуации нет сомнений в том, что нормы об ответственности применяются третейскими группами и Апелляционным органом ОРС ВТО при разрешении споров между членами ВТО в качестве сложившихся (устоявшихся) принципов международного права об ответственности государств (*established international law principles of State responsibility*)[685]. Вместе с тем применение положений Статей имеет субсидиарный характер, то есть они применяются «в той степени, в которой нет противоречия или несоответствия или выражения в охваченном соглашении ВТО»[686]. Это в полной мере соответствует Статьям об ответственности государств, где в статье 55 (*lex specialis*) установлено, что «настоящие Статьи не применяются, если и в той мере, в какой условия наличия международно-противоправного деяния или содержание международной ответственности государства или ее имплементация определяются специальными нормами международного права»[687]. *Lex specialis* по смыслу статьи 55 проявляется как в обязательном характере юрисдикции ОРС ВТО, так и в её исключительном характере — в том смысле, что односторонние действия и использование других механизмов для разрешения спора, возникшего в отношении толкования и применения Соглашения ВТО и его приложений, исключены[688].

Пункт 3.7 ДРС, повторяя практику ГАТТ в части полного отсутствия возмещения вреда в случае нарушения договаривающейся стороной ГАТТ своего

правилами толкования международного публичного права, то есть правила ВТО не находятся «в клинической изоляции от международного публичного права» (*Åhman J.* Exploring Border Areas Between the Law of State Responsibility and WTO Law // Journal of World Trade. Vol. 54. 2020. No. 2. P. 219–238, 222).

685 World Trade Organization (*далее* — WTO). *Korea — Measures Affecting Government Procurement*. Panel Report. WT/DS163/R. 1 May 2000. § 6.5. См. также: *Боклан Д.*, *Боклан О.*, *Смбатян А.* Указ. соч.

686 WTO. *Korea — Measures Affecting Government Procurement*. Panel Report. WT/DS163/R. 1 May 2000. § 7.96.

687 Статья 55 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года. ГА ООН. Приложение к Резолюции 56/83 от 12 декабря 2001 года. Ответственность государств за международно-противоправные деяния.

688 Есть и другая точка зрения, согласно которой «самодостаточная» характеристика механизма разрешения споров ВТО не исключает применения положений статьи 55 Статей. Подробнее см.: *Simo R. Y.* The Law of International Responsibility: The Case of the WTO as a “Lex Specialis” or the Fallacy of a “Self-contained” Regime // African Journal of International and Comparative Law. Vol. 22. 2014. No. 2. P. 184–207.

обязательства, предусматривает, что главная цель механизма урегулирования споров, как правило, заключается в том, чтобы обеспечить отмену принятых мер, а к применению положения о компенсации следует прибегать только когда немедленная отмена принятой меры неосуществима, и лишь на временной основе, то есть до отмены неправомерной меры. В связи с этим согласимся с Я. С. Кожеуровым, полагающим, что компенсация — это своего рода «индульгенция», позволяющая государству «оттянуть» отмену несовместимой меры и компенсировать выигравшему спор государству его торговые потери[689]; однако заметим, что речь идёт о потерях, понесённых лишь в связи с задержкой отмены оспоренной меры, а не с фактом её принятия (то есть о полной компенсации речь не идёт).

Единственным исключением стало решение третейской группы по делу *Australia — Subsidies Provided to Producers and Exporters of Automotive Leather.* В этом решении группа пришла к выводу, что надлежащим исполнением её рекомендаций был бы полный возврат полученных компанией субсидий, признанных третейской группой запрещёнными[690], однако эта позиция не получила поддержки в последующих докладах третейских групп и Апелляционного органа ОРС ВТО.

Последняя возможность, которую ДРС предоставляет выигравшему спор государству — члену ВТО, это приостановление (при наличии на то разрешения ОРС ВТО) действия уступок или других обязательств по охваченным соглашениям в отношении проигравшего государства в случае неисполнения им рекомендаций третейской группы или Апелляционного органа. Главное требование к приостановлению уступок, предусмотренное пунктом 4 статьи 22 ДРС,

---

[689] См.: *Кожеуров Я. С.* Международная ответственность за нарушение «права ВТО»: соотношение с общим международным правом // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10 (35). С. 1334–1340, 1338.

[690] «Отмена субсидии не ограничивается чисто перспективными действиями, а может включать в себя возврат запрещённых субсидий» (WTO. *Australia — Subsidies Provided to Producers and Exporters of Automotive Leather.* Recourse to article 21.5 of the DSU by the United States. Panel Report. WT/DS126/RW. 21 January 2000. § 6.42). Подробнее о деталях этого спора см.: *van der Waarden N.* Dispute Settlement in the WTO: The Automotive Leather Dispute // Australian International Law Journal. 2001. P. 244–258, 252–253.

заключается в том, что уровень приостановления уступок или других обязательств, разрешённый ОРС ВТО, должен соответствовать уровню аннулирования или сокращения выгод у государства-заявителя в результате применения государством-ответчиком успешно оспоренной в ВТО меры (иными словами, размеру понесённого заявителем ущерба). Как указывает А. С. Исполинов, заявитель должен получить право на причинение такого же вреда, какой был нанесён ему мерой, успешно оспоренной в ОРС ВТО[691]. В ряде дел третейские группы и Апелляционный ОРС ВТО продемонстрировали, что при определении эквивалентности приостановления действия уступок они будут исходить из принципов, положенных в основу статьи 51 Статей об ответственности государств (пропорциональность), согласно которой «контрмеры должны быть соразмерны причинённому вреду с учётом тяжести международно-противоправного деяния и затронутых прав»[692].

Таким образом, принуждение в рамках ВТО — это предусмотренные соглашением членов ВТО ответные действия (контрмеры[693]), обусловленные процессом урегулирования споров ВТО (например, отмена США торговых уступок в ответ на отказ ЕС изменять режим импорта бананов, который был признан противоречащим правилам ВТО[694]; ответные действия США после отказа ЕС отменить запрет на импорт американской говядины, выращенной

---

691 Подробнее см.: *Исполинов А. С.* Санкции в ВТО: специфика и практика применения // Законодательство. 2014. № 10. С. 66–77.

692 См.: WTO. *United States — Tax Treatment for "Foreign Sales Corporations"*. Decision of the Arbitrator. WT/DS108/ARB. 30 August 2002. § 5.26; *United States — Definitive Safeguard Measures on Imports of Circular Welded Carbon Quality Line Pipe from Korea*. Report of the Appellate Body. WT/DS202/AB/R. 15 February 2002. § 259.

693 С точки зрения права международно-правовой ответственности, меры, о которых идёт речь, схожи с контрмерами в понимании статей 49–54 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния; контрмеры должны приниматься с целью принудить какое-либо государство устранить нарушение международного права, а сами контрмеры должны быть пропорциональны нарушению.

694 WTO. *European Communities — Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas*. WT/DS27.

с использованием гормонов роста[695], и др.[696]). Как уже указывалось, ответное приостановление уступок осуществляется с разрешения Органа по разрешению споров ВТО, имеет временный и обязательно эквивалентный характер, а главное — служит не для целей наказания, а чтобы в отсутствие опции по возмещению ущерба понудить проигравшее спор государство исполнить решение ОРС ВТО (то есть отменить оспоренную внутреннюю меру)[697].

И наконец, перейдём к вопросу об ответственности самой ВТО. С учётом названных особенностей ВТО, прежде всего того, что эта организация управляется её членами (*member-driven*), в литературе высказано предположение, что ВТО вряд ли окажется в ситуации, когда она может совершить международно-противоправное деяние, и, следовательно, исключается возможность привлечения её к международной ответственности за любое такое деяние. С другой стороны, согласно иному мнению, стоит отойти от представления о том, что ВТО зависит исключительно от её членов, а значит, не может никогда нарушить нормы международного права и поэтому не подпадёт под действие Статей об ответственности международных организаций. В этом случае ВТО, как и любая другая международная организация, будет нести международно-правовую ответственность[698].

---

695 WTO. *European Communities — Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones)*. WT/DS26, WT/DS48.

696 См.: WTO. *Russian Federation — Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union*. WT/DS475.

697 Подробнее см.: *Кадышева О.В.* Доктринальные аспекты односторонних ограничительных мер и перспективы их оспаривания в рамках ВТО // Закон. 2022. № 8. С. 71-81; *Кадышева О.В.* Неизвестная «санкционная война» и возможности международного правосудия // Международное правосудие. 2022. № 4 (44). С. 95-111; *Кадышева О. В.* Экономические санкции и правопорядок Всемирной торговой организации: может ли ВТО защитить от санкций // Экономические санкции против России: правовые вызовы и перспективы / под ред. С. В. Гландина, М. Г. Дораева. М. : Инфотропик Медиа, 2018. С. 160–171.

698 Подробнее см.: *Gal-Or N.* Responsibility of the WTO for Breach of an International Obligation under the Draft Articles on Responsibility of International Organizations. Vol. 50. 2012. P. 197–242.

4.3. Ответственность в праве Европейского союза: международно-правовой аспект[699]

С точки зрения специалистов по праву Европейского союза, автономность права ЕС подразумевает наличие собственной комплексной системы средств защиты нарушенных прав, которая в корне отличается от традиционного международного права, и, в свою очередь, является одной из характеристик «внешнего измерения» автономности правопорядка ЕС, то есть его отличия от международного права[700]. Иными словами, положения обоих документов КМП об ответственности в принципе не рассматриваются как применимые в отношениях внутри правопорядка ЕС. Для авторов, которые считают право ЕС частью международного права, нормы ЕС об ответственности являются наиболее действенной формой *lex specialis*, как в случае, если бы государства согласились заключить договор об отказе от применения в отношениях между собой всех норм общего международного права, регулирующих вопросы ответственности[701].

Традиционно считается, что основополагающими доктринами правопорядка ЕС, созданными Судом ЕС, считаются доктрины автономного правопорядка и прямого эффекта (*Van Gend en Loos*, 1963) и доктрина приоритета права ЕС (*Costa v. ENEL*, 1964)[702]. Вместе с тем именно в тот период времени, когда Суд ЕС выносил эти решения, им была сформулирована доктрина о том, что ЕС представляет собой новый правопорядок, который не только регулирует обязательства, но и

---

[699] При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О.В.* Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 3. С. 48-58.

[700] См.: *Исполинов А. С.* Принципы автономности и приоритета права Европейского союза как оружие Суда Европейского Союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Часть 1. Дело *Achmea* // Российский юридический журнал. 2021. № 2 (137). С. 56–77, 60–61.

[701] См.: *Åhman J.* Op. cit. P. 221.

[702] CJEU. *NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration*. Case 26/62. Judgment of 5 February 1963; *Flaminio Costa v E.N.E.L.* Case 6-64. Judgment of 15 July 1964.

самостоятельно устанавливает ответственность за их нарушение (решение Суда ЕС по делу *Dairy Products*[703]).

Всё это лишний раз демонстрирует упорное и полное неприятие правом ЕС любой формы самостоятельных действий (самозащиты или контрмер) со стороны европейских государств как способа обеспечения выполнения государствами-членами своих обязательств. В общем международном праве возможное использование таких действий, как «взаимность», «принуждение», «контрмеры» или «приостановление эквивалентных уступок», часто кажется абсолютно приемлемой и нередко просто неизбежной мерой для разрешения споров, особенно в ситуации длящегося правонарушения, когда все процедуры урегулирования споров на основе договора были окончательно завершены. В подобной ситуации государства — участники международного договора могут сами наложить ответные санкции, приостановив выполнение своих договорных обязательств перед государством, нарушившим договор[704].

В решении по делу *Dairy Products* Суд ЕС прямо указал, что формы принуждения, основанные на самозащите права, столь необходимые для международного права, полностью исключены для европейского правопорядка, основная концепция которого требует, чтобы государства — члены ЕС «не брали закон в свои руки»[705]. «Ничто не является более чуждым праву Сообщества, чем идея о мерах принуждения или взаимности, присущих классическому международному публичному праву», — заявил в 1995 году генеральный адвокат Суда ЕС Филипп Леже[706].

---

703 CJEU. *Commission of the European Economic Communities v Grand Duchy of Luxembourg and Kingdom of Belgium*. Joined cases 90/63 and 91/63. Judgment of 13 November 1964.

704 См.: *Phelan W.* The Revolutionary Doctrines of European Law and the Legal Philosophy of Robert Lecourt // The European Journal of International Law. Vol. 28. 2017. No. 3. P. 935–957, 938–939.

705 Ibid. P. 939.

706 CJEU. *The Queen v Ministry of Agriculture, Fisheries and Food, ex parte Hedley Lomas (Ireland) Ltd*. Case C-5/94. Opinion of Advocate General Léger of 20 June 1995. § 27.

Компенсация причинённого вреда является одним из принципов права ЕС (решение Суда ЕС по объединённым делам *Brasserie du Pêcheur* и *Factortame*[707]), а правовая основа для подачи иска о возмещении ущерба против ЕС содержится в статье 340 Договора о функционировании Европейского союза, которая предусматривает, что договорная ответственность Союза регулируется правом, подлежащим применению к соответствующему договору, а в области внедоговорной ответственности Союз, в соответствии с общими принципами, являющимися общими для правовых систем всех государств-членов, должен возмещать убытки, причинённые его институтами или сотрудниками при осуществлении своих функций.

Стоит отметить, что формулировки ДФЕС кратки и расплывчаты, кроме того, отсылают к «общим принципам, общим для законов государств-членов», как источнику норм внедоговорной ответственности ЕС. Поскольку законодательство государств — членов ЕС о внедоговорной ответственности существенно различается, Суд ЕС посчитал, что он может развивать институт внедоговорной ответственности ЕС в своих решениях.

Хартией ЕС об основных правах право на возмещение ущерба отнесено к основным правам человека в рамках ЕС. В соответствии с пунктом 3 статьи 41 Хартии каждое лицо имеет право на возмещение Союзом убытков, причинённых ему институтами Союза или их служащими при осуществлении своих обязанностей, в соответствии с общими принципами, свойственными правовым системам всех государств-членов.

Что касается физических и юридических лиц, то существует единое мнение, что любое физическое лицо или юридическое лицо, учреждённое в ЕС или нет, в соответствии с публичным и частным правом может предъявить иск о возмещении ущерба, причинённого действием или бездействием институтов ЕС. Аналогичным образом нет сомнений в том, что институт ЕС не может предъявить

---

[707] CJEU. *Brasserie du Pêcheur SA v Bundesrepublik Deutschland* and *The Queen v Secretary of State for Transport, ex parte: Factortame Ltd and others*. Joined cases C-46/93 and C-48/93. Judgment of 5 March 1996.

иск о возмещении ущерба к другому институту ЕС, поскольку с юридической точки зрения ответчиком является Европейский союз как таковой. Нормы, регулирующие ответственность ЕС за нарушение внедоговорных обязательств, составляют то, что в рамках ЕС называется «европейским правом ответственности» (*EU public liability law*)[708].

Условия возмещения вреда, по мнению Суда ЕС, сводятся к трём элементам: нарушение должно быть направлено против предоставления прав отдельным лицам; нарушение должно быть достаточно серьёзным; должна существовать прямая причинно-следственная связь между нарушением обязательства, возлагаемого на государство, и ущербом, понесённым потерпевшими сторонами[709]. Таким образом, подтверждение факта наличия или отсутствия вины не требуется при рассмотрении спора о возмещении вреда. Согласно разъяснению Суда ЕС, чтобы установить, является ли нарушение достаточно серьёзным, следует принимать во внимание ряд факторов: степень ясности и чёткости нарушенной правовой нормы (если положение сформулировано нечётко, то нарушение не будет считаться достаточно серьёзным; *The Queen v H. M. Treasury, ex parte British Telecommunications plc.*[710]); «умышленность» и «преднамеренность» нарушения, а также факт причинения вреда (умышленная вина не является существенным обстоятельством; *Dillenkofer v Germany*)[711]; степень свободы, предоставленной государству соответствующим положением (если свобода действий ограничена или отсутствует вообще, сам факт нарушения

---

[708] *Fink M.* The Action for Damages as a Fundamental Rights Remedy: Holding Frontex Liable // German Law Journal. Vol. 21. 2020. No. 3. P. 532–548, 534.

[709] CJEU. *Brasserie du Pêcheur SA v Bundesrepublik Deutschland* and *The Queen v Secretary of State for Transport, ex parte: Factortame Ltd and others*. Joined cases C-46/93 and C-48/93. Judgment of 5 March 1996. § 51; *Laboratoires pharmaceutiques Bergaderm SA and Jean-Jacques Goupil v Commission of the European Communities*. Case C-352/98 P. Judgment of 4 July 2000. § 42; *Commission of the European Communities v Fresh Marine Company A/S.* Case C-472/00 P. Judgment of 10 July 2003. § 25.

[710] CJEU. *The Queen v H. M. Treasury, ex parte British Telecommunications plc*. Case C-392/93. Judgment of 26 March 1996.

[711] CJEU. *Erich Dillenkofer, Christian Erdmann, Hans-Jürgen Schulte, Anke Heuer, Werner, Ursula* and *Trosten Knor v Bundesrepublik Deutschland*. Joined cases C-178/94, C-179/94, C-188/94, C-189/94 and C-190/94. Judgment of 8 October 1996.

нормативного акта может служить достаточным основанием для признания нарушения «достаточно серьёзным»; *The Queen v Ministry of Agriculture, Fisheries and Food, ex parte: Hedley Lomas (Ireland) Ltd.*)[712].

Поэтому, обращаясь к практике Суда Европейского союза, можно заметить, что Суд рассматривает в пределах установленной Статутом Суда ЕС юрисдикции требования, вытекающие из внедоговорной ответственности институтов ЕС, требования из трудовых отношений служащих институтов ЕС, требования о возмещении ущерба, вызванного действиями (бездействием) институтов ЕС. Кроме того, с недавних пор Суд ЕС заявил о своём праве в рамках «процедуры преследования государства за нарушение» (*infringement procedure*) рассматривать требования Европейской комиссии о возмещении материального ущерба, понесённого ЕС в целом в результате неисполнения государством — членом ЕС своих обязательств по праву ЕС[713].

В свою очередь, требования частных лиц к государствам — членам ЕС о возмещении ущерба вследствие неисполнения ими обязательств по праву ЕС (доктрина *Francovich*[714]) рассматриваются в национальных судах. Право на получение компенсации возникает только при определённых условиях: нарушенное право было предусмотрено директивой; смысл права является однозначным; есть причинно-следственная связь между действиями государства и нанесённым ущербом.

---

712 CJEU. *The Queen v Ministry of Agriculture, Fisheries and Food, ex parte: Hedley Lomas (Ireland) Ltd*. Case C-5/94. Judgment of 23 May 1996.

713 CJEU. *European Commission v United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*. Case C-391/17. Judgment of 31 October 2019; *European Commission v Kingdom of the Netherlands*. Case C-395/17. Action brought on 30 June 2017.

714 CJEU. *Andrea Francovich* and *Danila Bonifaci and others v Italian Republic*. Joined cases C-6/90 and C-9/90. Judgment of 19 November 1991.

4.4. Вопросы ответственности в праве Евразийского экономического союза[715]

Отсутствие в праве ЕАЭС специальных норм, регламентирующих международно-правовую ответственность, ставит вопрос о возможном применении в праве ЕАЭС положений Статей об ответственности государств и Статей об ответственности международных организаций, если мы исходим из того, что право ЕАЭС является частью международного права.

Взгляд через призму международно-правовой ответственности на право ЕАЭС показывает, что в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года специального правового регулирования ответственности не содержится. Применительно к праву международной ответственности можно выделить лишь отдельные положения Договора о ЕАЭС. Например, в соответствии с пунктом 61 Статута Суда ЕАЭС, «Суд оставляет без рассмотрения требования о возмещении убытков или иные требования имущественного характера». Что скрывается за этим запретом? Означает ли это принципиальное отсутствие института ответственности в праве ЕАЭС и полное исключение Суда ЕАЭС из процесса имплементации международно-правовой ответственности?

По нашему мнению, прежде всего речь идёт об установленном государствами ограничении юрисдикции Суда, представляющем собой явно выраженный запрет Суду принимать к рассмотрению требования о возмещении ущерба. При этом полномочие по установлению факта нарушения международно-правового обязательства и, как следствие, возникновения у нарушителя обязанности прекратить международно-противоправное деяние, у Суда ЕАЭС сохранено[716]. С другой стороны, формулировку пункта 61 Статута нельзя толковать как

---

[715] При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О.В.* Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 3. С. 48-58.

[716] См.: Суд ЕАЭС. Решение Большой коллегии от 21 февраля 2017 года по делу № С-2/16. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/ (дата обращения: 25.12.2025).

полностью исключающую в принципе какую-либо имущественную ответственность в рамках правопорядка ЕАЭС за нарушения, допущенные органами Союза или государствами — членами Союза. Иными словами, анализ положений пункта 61 Статута позволяет заключить, что в правопорядке ЕАЭС требования о возмещении ущерба возможны, однако они не могут быть заявлены в Суде ЕАЭС. Остаётся открытым вопрос, где такие требования могут быть рассмотрены, так как для эффективного функционирования правопорядка ЕАЭС крайне важно, чтобы нарушенные права восстанавливались в полном объёме, включая возмещение ущерба. В противном случае субъекты правопорядка ЕАЭС (а это, на наш взгляд, не только государства — члены Союза, но и частные лица) будут вынуждены использовать для эффективной защиты своих прав доступные им механизмы других международных правопорядков, что грозит появлением различного и/или противоречивого толкования норм права ЕАЭС. Возможно, для рассмотрения таких требований необходимо использовать иные механизмы правопорядка ЕАЭС или его государств-членов.

Для определения доступных механизмов реализации ответственности в праве ЕАЭС нужно о установить: а) допустимый круг требований, в рамках которых возможно возмещение ущерба; б) наличие в правопорядке ЕАЭС норм, регламентирующих вопросы ответственности; в) непосредственную процедуру (конкретные способы) реализации ответственности. Требования о применении мер ответственности можно классифицировать в зависимости от субъекта, к которому предъявляется соответствующее требование. Это может быть один из органов ЕАЭС либо государство — член ЕАЭС. Из допустимых требований к органам ЕАЭС можно выделить: а) требования, возникающие из трудовых правоотношений сотрудников органов ЕАЭС; б) требования, вытекающие из деликтной ответственности органов Союза (ДТП и др.); в) требования, связанные с обеспечением деятельности органов ЕАЭС и использованием ими имущества; г) требования к органам ЕАЭС (в первую очередь к ЕЭК) в отношении ущерба, возникшего вследствие их действий (бездействия), противоречащих праву Союза. В свою очередь, требования к государствам —

членам ЕАЭС можно разделить на: а) имущественные требования по межгосударственным спорам в рамках ЕАЭС; б) требования частных лиц о возмещении ущерба, понесённого вследствие нарушения государствами — членами ЕАЭС своих обязательств по праву ЕАЭС. Однако, как показывает анализ нормативных документов ЕАЭС, эффективные механизмы реализации ответственности в правопорядке ЕАЭС отсутствуют — они просто не были предусмотрены государствами при создании ЕАЭС. С точки зрения защиты прав таких субъектов правопорядка ЕАЭС, как частные лица, эту ситуацию категорически нельзя признать удовлетворительной. Например, имущественные требования сотрудников органов ЕАЭС, вытекающие из трудовых отношений, в соответствии с пунктом 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (Приложение № 32 к Договору о ЕАЭС) регулируются законодательством государства пребывания. Это означает, что вопросы трудовых отношений сотрудников и должностных лиц органов ЕАЭС будут урегулированы нормами национальных правопорядков, а местом рассмотрения соответствующих споров будут национальные суды с очевидными рисками появления различных толкований. Это в определённой степени создаст коллизию между положениями международного права, которые устанавливают иммунитет международных организаций от юрисдикции национальных судов, и необходимостью обеспечить права международных служащих путём создания механизмов для их эффективной защиты. Европейский суд по правам человека и европейские национальные суды исходят из оценки того, была ли предоставлена возможность заявителям обратиться не только в национальный суд, но и к иным механизмам, предоставляющим защиту, как минимум адекватную той, которая предусмотрена статьёй 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Если такие механизмы на уровне международной организации отсутствуют, то европейские национальные суды принимают жалобы к рассмотрению, отказываясь в данном деле признавать иммунитет международных организаций от юрисдикции национальных судов.

Учитывая такую практику, российские суды также стали принимать подобные жалобы служащих ЕАЭС к рассмотрению[717].

Кроме того, Договор о ЕАЭС не содержит категорического запрета на использование государствами — членами Союза контрмер для обеспечения выполнения другими государствами — членами ЕАЭС своих обязательств. В этой ситуации решающее слово остаётся за Судом ЕАЭС, который должен недвусмысленно дать понять, что для целей создания единого внутреннего рынка недопустимо прибегать к таким ответным мерам, как сокращение или приостановление своих договорных обязательств перед государством, нарушившим договор, так как это грозит фрагментацией и даже распадом единого экономического пространства.

Остаётся открытым принципиально важный вопрос о компенсации вреда, причинённого действиями (бездействием) органов ЕАЭС. Как уже указывалось, отсутствие у Суда ЕАЭС компетенции рассматривать такие требования не означает, что таких требований не может быть в принципе. В этом отношении не стоит забывать и про альтернативные Суду ЕАЭС способы разрешения инвестиционных споров, предусмотренные Протоколом о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о ЕАЭС). В данном случае споры между государством-реципиентом и инвестором из другого государства — члена Союза, возникающие в связи с инвестициями данного инвестора на территории принимающего государства, включая споры, касающиеся размера и условий выплаты сумм компенсации, разрешаются либо в национальных судах принимающего государства, либо в рамках международных арбитражных механизмов[718]. Таким образом, отсутствие

---

[717] Подробнее см.: *Попова А. Н.* Рассмотрение споров с международными служащими в Евразийском экономическом союзе: реальность и перспективы // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6 (121). С. 15–18.

[718] Речь идёт либо о международном коммерческом арбитраже при торговой палате любого государства, согласованного участниками спора; либо об арбитражном суде *ad hoc*, который, если стороны спора не согласятся на иное, должен быть создан и действовать согласно Арбитражному регламенту Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ); либо о Международном центре по урегулированию инвестиционных споров, созданном

в праве ЕАЭС чётких правил вменения и разделения ответственности между государствами — членами ЕАЭС и самим Союзом, ответственность за действия органов ЕАЭС может нести государство — член Союза, в том числе и в виде выплаты компенсации. Именно такое присвоение поведения уже прошло «обкатку» и закрепилось в практике ОРС ВТО, где ответственность за решения ЕЭК вменяется любому государству — члену ЕАЭС по выбору заявителя[719].

4.5. Смешанные соглашения Евразийского экономического союза с третьими странами и вопросы ответственности[720]

В настоящее время сотрудничество Евразийского экономического союза с третьими странами, как правило, осуществляется в рамках подписанных соглашений о свободной торговле или соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве. По своей правовой природе соглашения ЕАЭС с третьими странами являются «смешанными» договорами, одной стороной которого выступает не только сам Союз, но и все его государства-члены. Это порождает проблемы доктринального и практического свойства в силу того, что государства — члены ЕАЭС, принимая те или иные меры на национальном уровне, зачастую действуют во исполнение своих обязательств по праву интеграционного

в соответствии с Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 года.

[719] Подробнее см.: *Кадышева О. В.* К вопросу об ответственности Российской Федерации за решения, принятые Евразийской экономической комиссией // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения. II Московский юридический форум (Кутафинские чтения) (2–4 апреля 2015 г., Москва): пленарные доклады и материалы конференций. М. : Проспект, 2015. С. 188–193; WTO. *Russia — Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy*. WT/DS479; *Russia — Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products* WT/DS485; *Kazakhstan — Anti-dumping Measures on Steel Pipes*. WT/DS530; *Armenia — Anti-Dumping Measures on Steel Pipes*. WT/DS569; *Kyrgyz Republic — Anti-Dumping Measures on Steel Pipes*. WT/DS570.

[720] При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О.В.* Смешанные соглашения ЕАЭС с третьими странами: вопросы международной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 4. С. 41-66.

объединения, не имея при этом никакой дискреции. Именно поэтому на первый план исследования выходят нормы, регулирующие ответственность за нарушение сторонами своих обязательств, вытекающих из смешанных соглашений. Современная практика государств, международных организаций и международных судов в части присвоения поведения по смешанным обязательствам интеграционных объединений далека от какого-либо единообразия и не всегда согласуется с положениями Статей об ответственности международных организаций 2011 года. Действия органов ЕАЭС присваиваются всем государствам — членам Союза независимо от их фактической вовлечённости в оспоренные действия, что означает реализацию обсуждаемой в доктрине концепции солидарных обязательств и солидарной ответственности международной организации и её государств-членов применительно к смешанным соглашениям, в соответствии с которой пострадавшая сторона имеет право направить своё требование любому солидарному соответчику по собственному выбору.

4.5.1. Порядок заключения, прекращения и приостановления действия международных договоров Евразийского экономического союза

В соответствии с Договором о ЕАЭС Союз имеет право осуществлять в пределах своей компетенции международную деятельность, направленную на решение задач, стоящих перед Союзом (пункт 1 статьи 7 Договора о ЕАЭС). В рамках этой деятельности Союз осуществляет международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и заключает международные договоры по вопросам, отнесённым к его компетенции. При этом порядок заключения международных договоров Союза с третьей стороной определяется специальным Соглашением о международных договорах Евразийского экономического союза

с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями[721].

Договор о ЕАЭС (пункт 1 статьи 7) предусматривает, что Союз может заключать международные договоры как самостоятельно, так и совместно с государствами-членами. Совместное участие Союза и государств-членов в заключении международных договоров представляется необходимым условием их подписания в тех сферах, в которых решения органов ЕАЭС являются обязательными для государств-членов — а это в первую очередь внешняя торговля товарами. Такое требование приводит к тому, что в рамках ЕАЭС заключение торговых соглашений Союза с третьими странами возможно только в формате так называемых смешанных соглашений, при котором они заключаются Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и третьими государствами — с другой. Как отмечается в доктрине по поводу таких смешанных соглашений, заключаемых Европейским союзом и его государствами-членами, подобная «смешанность» означает, что в этом случае организация региональной интеграции и её государства-члены несут одни и те же обязательства по одному и тому же международному договору [722]. Наличие совместных обязательств в рамках подобных соглашений не может не порождать вопросов о распределении международной ответственности между ЕАЭС и его государствами-членами в случае нарушения с их стороны обязательств перед третьим государством — стороной такого соглашения.

Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями 2018 года (*далее* — Соглашение) определяет порядок заключения, прекращения и приостановления действия международных договоров Союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными

---

[721] Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями. Заключено в г. Сочи, 14 мая 2018 года // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1418.

[722] *Nedeski N.* Op. cit. P. 141–142.

объединениями, в отношении предмета регулирования которых Союз наделён необходимой компетенцией в соответствии с Договором и международными договорами в рамках Союза.

Порядок взаимодействия государств-членов и Евразийской экономической комиссии при заключении Союзом международных договоров определяется Советом Комиссии.

Статья 2 Соглашения предусматривает, что предложение о заключении международного договора может вноситься государством-членом, членом Совета Комиссии или третьей стороной. Коллегия Комиссии может в установленном порядке обратиться к членам Совета Комиссии с просьбой об инициировании вопроса о заключении международного договора. Председатель Коллегии Комиссии информирует правительства государств-членов о поступлении такого предложения в срок, определённый в порядке взаимодействия. Государства-члены изучают предложение о заключении международного договора, проводят в случае необходимости консультации и информируют в письменной форме Комиссию о своих позициях также в срок, определённый в порядке взаимодействия.

В случае согласия всех государств-членов с целесообразностью дальнейшего рассмотрения предложения о заключении международного договора Комиссия обеспечивает рассмотрение указанного вопроса в рамках соответствующих консультативных органов при Коллегии Комиссии и проводит предварительный анализ экономической целесообразности заключения международного договора с учётом позиций государств-членов. При отсутствии согласия одного или нескольких государств-членов с целесообразностью дальнейшего рассмотрения предложения о заключении международного договора, поступившего от третьей стороны, Комиссия информирует о позиции Союза третью сторону путём направления соответствующего ответа, предварительно согласованного с государствами-членами (пункты 1 и 2 статьи 3 Соглашения).

Коллегия Комиссии обеспечивает подготовку материалов, включающих в себя в том числе аналитическую справку о целесообразности заключения международного договора, для рассмотрения Советом Комиссии. В материалы

включается также (при наличии) текст международного договора либо проект международного договора (с переводом на рабочий язык органов Союза) или его концептуальные положения. Концептуальные положения проекта международного договора, как правило, включают в себя положения, касающиеся основных целей и задач заключения международного договора, основных вопросов, подлежащих урегулированию в международном договоре (пункты 3 и 4 статьи 3 Соглашения). Подготовка концептуальных положений проекта международного договора осуществляется Комиссией совместно с государствами-членами, в том числе на основании итогов консультаций с третьей стороной (при их проведении).

Абзацем 3 пункта 4 статьи 3 Соглашения предусмотрено одно исключение из общего порядка подготовки к заключению международного договора с третьей стороной применительно к рассмотрению вопроса заключения международного договора в понимании пункта 8 статьи XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года[723]. В этом случае концептуальные положения проекта международного договора готовятся в рамках совместной исследовательской группы по изучению целесообразности заключения международного договора и представляются для рассмотрения Советом Комиссии путём подготовки итогового доклада.

Совет Комиссии по итогам рассмотрения вопроса о заключении международного договора принимает одно из следующих решений: о создании совместной исследовательской группы; о вынесении вопроса о начале переговоров на рассмотрение Высшего Евразийского экономического совета; и об одобрении концептуальных положений проекта международного договора (пункт 1 статьи 4 Соглашения).

Целый раздел Соглашения (раздел III) посвящён работе совместной исследовательской группы, которая формируется из представителей государств-членов и Комиссии при необходимости дополнительного изучения предложения

---

[723] В пункте 8 статьи XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года речь идёт о таможенных союзах и зонах свободной торговли.

о заключении международного договора. При рассмотрении предложения о заключении международного договора в понимании пункта 8 статьи XXIV ГАТТ совместная исследовательская группа формируется в обязательном порядке. В работе совместной исследовательской группы принимают участие представители третьей стороны. Сроки и формат проведения заседаний и экспертных консультаций совместной исследовательской группы согласовываются Комиссией с государствами-членами и третьей стороной (статья 5 Соглашения).

В соответствии со статьёй 6 Соглашения совместная исследовательская группа в рамках своей работы изучает следующие вопросы:

а) структуру торговли товарами с третьей стороной;

б) основные проблемы, подлежащие урегулированию в международном договоре;

в) возможные экономические последствия заключения международного договора, включая преимущества и риски для отраслей экономики каждого из государств-членов;

г) результаты экономико-математического моделирования последствий заключения международного договора (в том числе с учётом необходимости привлечения экспертов, не входящих в совместную исследовательскую группу, для проведения соответствующего анализа);

д) другие вопросы, влияющие на принятие решения о целесообразности заключения международного договора.

При наличии заинтересованности государств-членов и третьей стороны также могут быть изучены:

а) структура торгового оборота в части торговли услугами с третьей стороной;

б) возможные направления сотрудничества в инвестиционной сфере;

в) возможные дополнительные задачи в сфере торгово-экономического сотрудничества, которые могут быть решены в условиях либерализации торгового режима.

В рамках работы совместной исследовательской группы подготавливаются концептуальные положения проекта международного договора. До завершения работы совместной исследовательской группы проект итогового доклада, составленный на рабочем языке совместной исследовательской группы и переведённый на рабочий язык органов Союза, направляется на рассмотрение государствам-членам. Срок рассмотрения проекта итогового доклада государствами-членами определяется порядком взаимодействия. Завершением работы совместной исследовательской группы считается согласование итогового доклада с государствами-членами и третьей стороной. Итоговый доклад представляется для рассмотрения Советом Комиссии в целях принятия решения о вынесении предложения о заключении международного договора уже на рассмотрение Высшего совета.

Отдельно в статьях 7–9 Соглашение регламентирует вопросы переговорной деятельности, которая осуществляется на основании решения Высшего совета. Переговоры проводятся делегацией, в состав которой включаются представители государств-членов и Комиссии, в соответствии с директивами, утверждаемыми Советом Комиссии. Проект директив на проведение переговоров разрабатывается с учётом концептуальных положений проекта международного договора совместно Комиссией и государствами-членами на основании решения Высшего совета о начале переговоров, и рассматривается в рамках соответствующего консультативного органа при Коллегии Комиссии. Совет Комиссии назначает руководителя переговорной делегации, ответственного за ведение переговоров от имени Союза, а также утверждает состав делегации для участия в переговорах либо определяет порядок её формирования. Каждое из государств-членов определяет руководителя соответствующей национальной части переговорной делегации. Согласование проектов документов осуществляется государствами-членами в срок, определённый в порядке взаимодействия. Материалы, получаемые Комиссией от третьей стороны, направляются в государства-члены в срок, также определённый в порядке взаимодействия. В случае необходимости дополнительное согласование (в целях выработки переговорной позиции)

может проводиться в рамках консультаций между государствами-членами, организуемых на площадке Комиссии, а также в рамках заседаний соответствующих консультативных органов при Коллегии Комиссии. Выработка позиции переговорной делегации осуществляется в соответствии с порядком взаимодействия. В случае невозможности согласования переговорной позиции переговорной делегацией в рамках указанных консультаций, соответствующий вопрос выносится на рассмотрение Совета Комиссии. В ходе раундов переговоров переговорная делегация действует исключительно в рамках директив и согласованной государствами-членами переговорной позиции переговорной делегации.

Подготовленный по итогам переговоров проект международного договора на языке (языках), на котором (которых) он был согласован с третьей стороной, с приложением перевода на рабочий язык органов Союза направляется Комиссией в государства-члены для проведения внутригосударственного согласования. По итогам внутригосударственного согласования проект международного договора дорабатывается, согласовывается с третьей стороной и с приложением перевода на рабочий язык органов Союза направляется государствам-членам для проведения внутригосударственных процедур, необходимых для его подписания и последующего представления на рассмотрение Высшим советом.

Подписание международного договора от имени Союза осуществляется на основании решения Высшего совета после выполнения государствами-членами в отношении проекта международного договора соответствующих внутригосударственных процедур. Подписание международного договора осуществляется государствами-членами и Союзом, за исключением случая принятия Высшим советом решения об ином формате подписания международного договора. При принятии решения о подписании международного договора Высший совет определяет лицо со стороны органа Союза, уполномоченное на подписание международного договора от имени Союза в части, отнесённой к компетенции Союза. В одобренный Высшим советом для подписания проект международного

договора лицом от органа Союза, уполномоченным на подписание международного договора от имени Союза, не могут вноситься изменения, за исключением изменений технического характера (статья 10 Соглашения).

В соответствии с положениями статьи 11 Соглашения решение о выражении согласия Союза на обязательность для него международного договора или о намерении не становиться участником подписанного международного договора принимается Высшим советом после выполнения всеми государствами-членами необходимых внутригосударственных процедур.

Международные договоры, в отношении которых Союзом выражено согласие на их обязательность, информация о вступлении в силу, прекращении международного договора, выходе Союза из международного договора или приостановлении его действия подлежат опубликованию на официальном сайте Союза (статья 14).

Позиция Союза по толкованию положений международного договора формируется совместно всеми государствами-членами при содействии Комиссии. В случае возникновения разногласий между государствами-членами при формировании позиции Союза по толкованию положений международного договора разрешение разногласий осуществляется через консультации и переговоры (статья 15).

Общие положения об ответственности содержатся в статье 17 Соглашения, в соответствии с которой, в случае нарушения третьей стороной обязательств по международному договору, Коллегией Комиссии или государствами-членами могут представляться для рассмотрения Советом Комиссии предложения о принятии мер в соответствии с положениями международного договора и международным правом. Однако надо особо отметить, что Соглашение 2018 года не касается вопросов распределения ответственности между ЕАЭС и государствами — членами Союза в случае нарушения обязательств с их стороны. Это означает, что в таких случаях должны применяться общие нормы международного права, регулирующие эти вопросы.

Как мы видим, порядок заключения, прекращения и приостановления действия международных договоров ЕАЭС с третьими лицами предполагает активную роль государств-членов наряду с органами Союза в формулировании основных положений заключаемых соглашений, что в свою очередь в контексте рассматриваемых ниже проблем имеет существенное значение в случае применения к государствам-членам мер ответственности в связи с нарушением данных соглашений.

4.5.2. Правовая природа Соглашений ЕАЭС с третьими странами

В настоящее время сотрудничество ЕАЭС с третьими странами, как правило, осуществляется в рамках подписанных соглашений о свободной торговле или соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве. Согласно информации, размещённой на сайте Евразийской экономической комиссии, такие соглашения заключены со следующими пятью странами: с Китайской Народной Республикой (Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, от 17 мая 2018 года); с Исламской Республикой Иран (Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны, от 17 мая 2018 года); с Республикой Вьетнам (Соглашение о свободной торговле с Республикой Вьетнам от 29 мая 2015 года); с Республикой Сингапур (Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны, от 1 октября 2019 года); с Республикой Сербия (Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия,

с другой стороны, от 25 октября 2019 года)[724]. В целях настоящей статьи предлагается именовать данные соглашения соглашениями ЕАЭС с третьими странами.

Как уже было указано выше, по своей правовой природе соглашения ЕАЭС с третьими странами являются «смешанными» договорами, где на одной стороне выступает не только сам ЕАЭС, но и все его государства-члены, которые берут на себя не отдельные от Союза обязательства, а общие с ним. Более того, государства-члены принимают активное участие в формулировании ключевых положений и разработке текстов этих соглашений, самостоятельно осуществляя внутригосударственные процедуры по выражению согласия на обязательность этих соглашений, и могут нести ответственность в связи с неисполнением их условий.

Стоит заметить, что смешанные соглашения не регулируются правом международных договоров в том виде, в каком оно закрепляется в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов, поскольку согласно статье 6 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года[725] каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры, что лишний раз подчёркивает ничем не обусловленную способность суверенных государств заключать международные договоры. При этом в силу статьи 6 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 года[726] правоспособность международной организации заключать договоры регулируется правилами этой организации, что, свою очередь, подчёркивает ограниченность правоспособности международной организации как субъекта международного права. Как мы видим,

---

[724] Тексты договоров см.: Сотрудничество с третьими странами // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/deptexreg/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/napravleniya-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva/sotrudnichestvo-s-tretimi-stranami.php (дата обращения: 25.12.2025); Республика Сингапур // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/singapore.php (дата обращения: 25.12.2025).

[725] Венская конвенция о праве международных договоров. Заключена в Вене 23 мая 1969 года // Сборник международных договоров СССР. 1988. Вып. XLII.

[726] Конвенция в силу не вступила, текст доступен в справочно-правовой системе «Гарант».

обе Венские конвенции не содержат положений, которые могли бы быть применимы к «смешанным соглашениям», когда международная организация и её государства-члены, с одной стороны, и третье образование, с другой стороны, связывают себя международным договором.

Вместе с тем нельзя сказать, что в современном праве международных договоров полностью исключена возможность заключения таких соглашений. Они в принципе возможны тогда, когда они допускаются правилами организации, как в случае с ЕАЭС. Это порождает проблемы доктринального и практического свойства в силу того, что государства — члены ЕАЭС, принимая те или иные меры на национальном уровне, действуют зачастую во исполнение своих обязательств по праву интеграционного объединения, не имея при этом никакой дискреции. Ещё более очевидным примером имплементации международно-правовых обязательств государств — членов интеграционных объединений является ситуация, когда национальные исполнительные и судебные органы государств — членов ЕАЭС применяют нормативный акт, принятый институтами Союза (например, Евразийской экономической комиссией), который действует в национальных правопорядках напрямую, без какой-либо имплементации, полностью заменяя собой национальные нормы, и этот нормативный акт оказывается противоречащим тексту соглашения ЕАЭС с третьим государством.

4.5.3. Практика заключения смешанных соглашений в Европейском союзе

Смешанные соглашения (*mixed agreements*) широко применяются в практике ЕС, хотя и вызывают доктринальные споры в отношении их соответствия международному праву[727]. Со стороны ЕС такие соглашения заключаются как самим ЕС, так и его государствами-членами, действующими совместно.

[727] *Kaspiarovich Y.*, *Levrat N.* Op. cit. P. 131.

Отношения между государствами-членами и Союзом в отношении смешанных соглашений представляют собой один из самых трудных и сложных вопросов права Европейского союза[728].

Ранее уже указывалось, что основополагающими доктринами правопорядка ЕС, созданными Судом ЕС, считаются доктрины автономного правопорядка и прямого эффекта (*Van Gend en Loos*), доктрина приоритета права ЕС (*Costa v ENEL*)[729] и доктрина о том, что ЕС представляет собой новый правопорядок, который не только регулирует обязательства, но и самостоятельно устанавливает ответственность за их нарушение (*Dairy Products*)[730]. Европейский суд отклонил любое использование государствами-членами обычных механизмов горизонтального принуждения, предусмотренных общим международным правом («государства-члены не должны брать закон в свои руки»). Что касается способности ЕС заключать международные договоры, то Суд ЕС в решении по делу *ERTA* заявил, что «внешняя компетенция» ЕЭС (способность заключать договоры) не зависит от компетенций, формально предоставленных ЕЭС Договорами, но может быть результатом осуществления компетенций ЕЭС по разработке внутренней политики[731].

В соответствии со статьёй 5 Договора о Европейском союзе (в редакции Лиссабонского договора 2007 года) в рамках Союза действует принцип наделения компетенцией (*principle of conferral*), который и регулирует границы компетенции между ЕС и его государствам-членами. Согласно этому принципу Союз действует только в пределах компетенции, которую ему предоставили государства-члены для достижения целей, установленных учредительными договорами. Любая компетенция, не предоставленная Союзу в рамках данных договоров, остаётся

---

[728] CJEU. *Istanbul Convention*. Case Avis 1/19. Opinion of Advocate General Hogan delivered on 11 March 2021. § 1.

[729] CJEU. *NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration*. Case 26/62. Judgment of 5 February 1963; *Flaminio Costa v E.N.E.L*. Case 6-64. Judgment of 15 July 1964.

[730] CJEU. *Commission of the European Economic Commission v Grand Duchy of Luxembourg and Kingdom of Belgium*. Joined cases 90/63 and 91/63. Judgment of 13 November 1964.

[731] CJEU. *Commission of the European Communities v Council of the European Communities*. Case 22/70. Judgment of 31 March 1971.

за государствами — членами ЕС. Если Союзу предоставлена исключительная компетенция в определённой сфере, то только Союз может принимать юридически обязательные акты; государства-члены не могут сами осуществлять подобные действия, кроме как в случае, если они уполномочены на это Союзом, или в целях претворения в жизнь актов Союза (пункт 1 статьи 2 Договора о функционировании ЕС (в редакции Лиссабонского договора 2007 года). В этом случае ЕС является единственным участником заключаемых в этих сферах международных договоров, а государства-члены могут действовать только в тех случаях, когда ЕС делегировал им полномочия, или в целях реализации таких соглашений. Второй тип компетенции предусмотрен статьёй 6 Договора о функционировании ЕС — это полномочия по «поддержке, координации или дополнению» (вспомогательная компетенция) действий государств-членов (охрана и улучшение здоровья людей; промышленность; культура; туризм; образование, профессиональное обучение, молодёжь и спорт; гражданская оборона; административное сотрудничество). Тогда ЕС и государства-члены могут действовать параллельно, не мешая друг другу, а действия ЕС будут преследовать не регулятивные цели, а финансовую поддержку государств-членов и содействие их сотрудничеству. Наконец, последний тип компетенции известен как совместная компетенция. Статья 4 Договора о функционировании ЕС относит к совместной компетенции: внутренний рынок; социальную политику; экономическое, социальное и территориальное сплочение; сельское хозяйство и рыболовство, за исключением сохранения морских биологических ресурсов; окружающую среду; защиту потребителей; транспорт; трансъевропейские сети; энергию; пространство свободы, безопасности и правосудия; общие проблемы безопасности в сфере здравоохранения.

Как отмечается в литературе, государства — члены Европейского экономического сообщества достаточно рано осознали, что они не обладают полной исключительной компетенцией для заключения сложных международных соглашений в тех областях, которые относятся к совместной компетенции. В свою очередь, Европейские сообщества (а потом — Европейский союз) не обладали общей компетенцией представлять государства-члены

в международных отношениях, их внешняя компетенция оставалась только отраслевой и таким образом шла параллельно с компетенцией его государств-членов. Это обусловило появление практики совместного заключения смешанных соглашений, в которых Европейское экономическое сообщество и его государства-члены были одной стороной, а другой являлись одно или несколько третьих государств[732].

При этом стоит отметить, что учредительные договоры ЕС не содержат упоминания о данном типе соглашений, за исключением малоизвестного параграфа в Договоре об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии 1957 года (консолидированный текст 2012 года)[733].

Отсутствие прямого указания в учредительных договорах на эту категорию соглашений не помешало ЕС и его государствам-членам заключить значительное количество соглашений с третьими государствами. ЕС и государства-члены прибегают к смешанному подходу, когда ни одно из них не может или не хочет заключить международное соглашение «в одиночку». Первое смешанное соглашение ЕЭС было заключено с Грецией в 1961 году с целью установления политического и экономического диалога со страной, находящейся в непосредственной близости от государств — членов ЕЭС[734]. При этом с юридической точки зрения ответ на вопрос о том, будет ли соглашение считаться «смешанным», зависит главным образом от объёма компетенции, которую оно затрагивает. Если ЕС передан не весь спектр полномочий, необходимых для заключения того или иного международного соглашения, а лишь его часть, то,

---

732 *Kaspiarovich Y.*, *Levrat N.* Op. cit. P. 127–128.

733 В статье 102 указывается, что заключённые с третьей страной, международной организацией или гражданином третьей страны соглашения или контракты, в которых, кроме Комиссии, участвуют одно или несколько государств-членов, не могут вступить в силу до тех пор, пока все участвующие государства-члены не известят Комиссию о том, что стало возможным применять эти соглашения или контракты в соответствии с положениями их национального права. См.: Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии 1957 года (консолидированный текст с учётом Ниццких изменений). URL: https://eulaw.ru/treaties/teuratom/ (дата обращения: 25.12.2025).

734 Council Decision 61/106/EEC of 25 September 1961 on the Conclusion of the Agreement Establishing an Association between the European Economic Community and Greece. Цит по: *Kaspiarovich Y.*, *Levrat N.* Op. cit. P. 128.

скорее всего, такое соглашение будет смешанным[735]. Существует два основных типа смешанных соглашений: факультативные и обязательные. Факультативные смешанные соглашения заключаются по вопросам, отнесённым к совместной компетенции. Суд ЕС подтвердил, что в сферах совместной компетенции участие государств-членов в международных соглашениях («смешанность») не является юридической обязанностью, а представляет собой лишь возможный вариант. Окончательное решение — заключать соглашение с участием государств-членов или без них — остаётся на усмотрение Совета. Если Совет принимает решение реализовать совместную компетенцию на уровне Союза, соглашение заключается исключительно Европейским союзом (так называемое соглашение «только для ЕС»). Если же Совет решает не использовать совместную компетенцию полностью или частично, соответствующие полномочия сохраняются за государствами-членами, которые в этом случае становятся сторонами смешанного соглашения. Обязательная «смешанность» имеет место лишь тогда, когда соглашение одновременно затрагивает исключительную компетенцию Союза и исключительную компетенцию государств-членов. В последнем случае «смешанность» требуется «в силу закона», поскольку ЕС не обладает необходимыми полномочиями для заключения соглашения. Заключение Европейским союзом обязательного смешанного соглашения без участия государств-членов противоречило бы принципам передачи полномочий и добросовестного сотрудничества и могло бы быть квалифицировано как действие *ultra vires* в международно-правовом смысле[736].

Вследствие разграничения суверенных полномочий между ЕС и его государствами-членами заключение смешанных соглашений стало «преобладающей формой участия ЕС в основных международных договорах»[737], например, в числе таких договоров, как Соглашение о создании Всемирной торговой организации (Марракеш, 1994 год), Киотский протокол к Рамочной

---

[735] Ibid. P. 129.

[736] *Kübek G.* Facing and Embracing the Consequences of Mixity: Opinion 1/19, *Istanbul Convention* // Common Market Law Review. Vol. 59. 2022. No. 5. P. 1465–1500, 1469–1470.

[737] *Nedeski N.* Op. cit. P. 142.

конвенции ООН об изменении климата (11 декабря 1997 года), Конвенция о правах инвалидов (13 декабря 2006 года) и другие. Таким образом, «смешанность» — это своего рода способ решения уникальной правовой проблемы, позволяющий ЕС и государствам-членам объединить свои полномочия для заключения соглашения, которое в противном случае ЕС не мог бы заключить.

В договорах ЕС прямо указано, что международные соглашения, заключённые ЕС, связывают не только институты ЕС, но и государства-члены. Однако смешанные соглашения идут дальше, чем соглашения, заключённые исключительно от имени ЕС, поскольку в этом случае как сам ЕС, так и каждое государство-член становятся непосредственными и индивидуальными (но при этом совместными в силу взятых общих обязательств) участниками одного и того же международного соглашения[738]. Суд ЕС также склонен считать ЕС и его государства-члены совместно связанными положениями смешанного соглашения[739]. При этом Суд твёрдо придерживается мнения, что вопрос о характере и объёме соответствующих обязательств ЕС и его государств-членов в смешанных соглашениях должен решаться в соответствии с правом ЕС, а не с международным правом[740].

Таким образом, смешанные соглашения обычно приводят к возникновению аналогичных по своему характеру и объёму международных обязательств для ЕС и его государств-членов, за исключением случаев, когда разделение компетенции между ними было чётко доведено до сведения третьей стороны, либо одно или несколько обязательств, предусмотренных данным соглашением, относятся исключительно к компетенции ЕС или его государств-членов[741]. Как отмечается в доктрине, подобная практика заключения смешанных соглашений может

---

738 *Nedeski N.* Op. cit. P. 142.

739 CJEU. *Hermès International (a partnership limited by shares) v FHT Marketing Choice BV*. Case C-53/96. Judgment of 16 June 1998; *Parfums Christian Dior SA v TUK Consultancy BV and Assco Gerüste GmbH and Rob van Dijk v Wilhelm Layher GmbH & Co. KG and Layher BV*. Joined cases C-300/98 and C-392/98. Judgment of 14 December 2000; *Commission of the European Communities v Ireland*. Case C-13/00. Judgment of 19 March 2002; *Commission of the European Communities v Ireland*. Case C-459/03. Judgment of 30 May 2006.

740 *Kaspiarovich Y.*, *Levrat N.* Op. cit. P. 131.

741 *Nedeski N.* Op. cit. P. 151.

привести к появлению ситуаций, когда ЕС и его государства-члены оказываются связанными перед третьим государством обязательствами, вытекающими из одного и того же комплекса фактических обстоятельств[742]. В свою очередь, это ставит третье государство — сторону смешанного соглашения в случае нарушения его прав перед необходимостью определения надлежащего ответчика и определения порядка возмещения понесённого этим государством ущерба.

Если смешанные соглашения соответствуют правовому порядку ЕС, то в том, что касается общего международного права, они представляют собой, несомненно, своеобразную новаторскую практику. Такие соглашения не вписываются ни в одну из существующих категорий права международных договоров, и, соответственно, юридическая квалификация обязательств ЕС и его государств-членов по смешанным соглашениям может показаться проблематичной с точки зрения современного международного права[743]. Как уже было отмечено, первое смешанное соглашение было заключено ЕЭС в 1961 году, когда Комиссией международного права ООН обсуждался вопрос о включении в проект конвенции о праве международных договоров положения о способности членов федерации заключать международные договоры. Тогда эту способность связывали исключительно с внутренним правом федеративного государства, однако «федеративный принцип» (*federal principle*) или «федеративная оговорка» (*federal clause*) не были восприняты Комиссией[744], и в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года в итоге появилась следующая формулировка статьи 6: «Каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры». Отчасти практика федеративных государств вполне соответствует современной практике ЕС, поэтому смешанные соглашения получили бы гораздо больше правовых оснований, если бы соответствующие

---

742 *Nedeski N.* Op. cit. P. 156.

743 *Kaspiarovich Y.*, *Levrat N.* Op. cit. P. 121.

744 Report of the International Law Commission covering the work of its Fourteenth Session, 24 April — 29 June 1962 // Official Records of the General Assembly. Seventeenth Session. Supplement No. 9 (A/5209). P. 164. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_cn4_148.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

положения всё же были закреплены в Венской конвенции о праве международных договоров.

4.5.4. Разрешение споров в рамках смешанных соглашений Евразийского экономического союза и вопросы ответственности

Особенностью рассмотрения споров в рамках Соглашений ЕАЭС с третьими странами является воспроизведение в текстах соглашений правил рассмотрения споров Всемирной торговой организации или отсылка к процедуре, принятой в Органе по разрешению споров ВТО. К числу же существенных вопросов возникшей конфликтной ситуации в первую очередь следует отнести проблему определения надлежащего ответчика при предъявлении иска государством, являющимся контрагентом ЕАЭС по такому смешанному соглашению.

Вопрос о надлежащем ответчике был в какой-то степени решён в каждом из рассматриваемых в настоящем исследовании соглашений, где есть квазисудебный механизм разрешения споров. Например, в статье 2 Приложения 5 к Соглашению с Сербией[745] указано, что «государства — члены Евразийского экономического союза и Евразийский экономический союз могут выступать в качестве Стороны спора совместно или индивидуально. В последнем случае, если мера принята государством — членом Евразийского экономического союза, то Стороной спора должно быть такое государство — член Евразийского экономического союза, а если мера принята Евразийским экономическим союзом, то он должен быть Стороной спора». Это же положение без каких-либо изменений

[745] Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны. Подписано 25 октября 2019 года и вступило в силу 10 июля 2021 года. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/702/EAEU-Serbia-FTA-_rus_1_.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

было повторено в статье 14.2 Соглашения с Вьетнамом[746] и в статье 8.2 Соглашения с Ираном[747]. Однако в статье 14.1 Соглашения с Сингапуром[748] была использована немного другая формулировка, согласно которой стороной спора считается ЕАЭС в сфере своей компетенции, вытекающей из Договора о ЕАЭС, и государства — члены ЕАЭС, действующие в сферах своей компетенции.

Очевидно, что в этих статьях речь идёт именно о том, кто будет надлежащим ответчиком в случае обжалования мер, принятых в ЕАЭС, при этом данный вопрос решается либо в зависимости от того, кто принял оспариваемую меру — ЕАЭС в лице его институтов или государство — член ЕАЭС, либо в зависимости от того, к чьей компетенции относится оспариваемая мера. Здесь гораздо менее удобным для заявителя представляется «сингапурский вариант», так как он а) предполагает детальное знакомство третьего государства с разграничением компетенции между ЕАЭС и его государствами-членами, которое к тому же может носить очень динамичный характер, и б) оказывается практически неэффективным в случаях, когда соглашение заключается по вопросам, относящимся к совместной компетенции ЕАЭС и его государств-членов.

С учётом уже описанных в литературе сложностей, связанных с присвоением поведения в смешанных соглашениях с участием ЕС[749], и различных подходов

---

[746] Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны. Подписано 29 мая 2015 года и вступило в силу 5 октября 2016 года. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/0e6/EAEU_VN-FTA_rus.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[747] Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. Подписано 17 мая 2018 года и вступило в силу 27 октября 2019 года. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/250/EAEU_Iran_rus.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[748] Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Republic of Singapore, of the Other Part. Signed on October 1st, 2019. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4d0/EAEU_Singapore-FTA_Main-Agreement.pdf (дата обращения: 25.12.2025). В государствах — членах ЕАЭС ведётся работа по проведению внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу указанных соглашений.

[749] *Björklund M.* Responsibility in the EC of Mixed Agreements — Should Non-Member States Care? // Nordic Journal of International Law. Vol. 70. 2001. No. 3. P. 373–402, 399–400.

к этому вопросу со стороны международных судов[750], нам представляется, что для потенциальных заявителей всё же предпочтительнее окажется опция, при которой иск будет заявлен как к ЕАЭС, так и к государству — члену Союза. Принимая во внимание, что приведённые в настоящей главе соглашения ЕАЭС никак не регулируют вопросы ответственности в таких случаях, отметим, что арбитражные группы в подобных исках окажутся перед практической необходимостью применять общие нормы международного права об ответственности.

4.5.5. Общие нормы об ответственности, применимые к смешанным соглашениям

Вопрос о применимых нормах, регулирующих ответственность за нарушение сторонами своих обязательств, вытекающих из смешанных соглашений, заключаемых ЕАЭС, является сложным с доктринальной точки зрения. Вместе с тем значительная часть международно-правовой литературы, посвящённой феномену «смешанности» международных соглашений, сосредоточена прежде всего на рассмотрении именно этих аспектов[751].

---

[750] П. Пальчетти отмечает, что в рамках ВТО существование специального правила присвоения поведения находит определённую поддержку в докладах третейских групп, которые при оценке того, должно ли определённое поведение быть присвоено ЕС или государству-члену, придерживаются подхода, основанного на принципе распределения компетенции. В то же время практика Европейского суда по правам человека исходит из того, что в случае с актами ЕС, обязывающими государство-член, поведение органа государства-члена должно в любом случае быть присвоено этому государству. Подход, принятый ЕСПЧ, отражён в проекте соглашения о присоединении ЕС к Европейской конвенции о правах человека и основных свобод, согласно которой «для целей Конвенции, протоколов к ней и настоящего Соглашения действие, мера или бездействие органов государства — члена Европейского союза или лиц, действующих от его имени, приписывается этому государству, даже если такое действие, мера или бездействие имеет место, когда государство осуществляет право Европейского союза, включая решения, принятые в соответствии с Договором о Европейском союзе и Договором о функционировании Европейского союза» (пункт 4 статьи 1 Проекта соглашения). Подробнее см.: *Palchetti P.* Op. cit. P. 189.

[751] См.: *Talmon S.* Responsibility of International Organizations: Does the European Community Require Special Treatment? // International Responsibility Today: Essays in Memory of Oscar Schachter / ed. by M. Ragazzi. Leiden ; Boston : Brill, 2005. P. 405–421.

В случае со смешанными соглашениями, заключаемыми ЕАЭС, речь идёт о применении в этой ситуации общих норм о международно-правовой ответственности, в первую очередь положений подготовленных Комиссией международного права ООН Статей об ответственности международных организаций 2011 года, поскольку в данном случае речь идёт о ЕАЭС как о международной организации и о государствах — членах Союза.

Отмеченное выше воспроизведение в Соглашениях ЕАЭС механизма рассмотрения споров в ВТО находит своё выражение и в порядке несения ответственности за нарушение этих соглашений. Как и в случае с ВТО, ограничение компетенции арбитражных (третейских) групп только установлением факта нарушения норм этих соглашений и подготовкой рекомендаций (требований) по устранению такого нарушения в разумные сроки исключают привлечение государства-ответчика к ответственности в виде материального возмещения ущерба, нанесённого принятием оспоренного акта (как того требуют общие нормы об ответственности государств). Как отмечают исследователи, механизм рассмотрения споров ВТО «отбрасывает» классический бинарный подход к содержанию международной ответственности, не требуя от государства-нарушителя ни прекращения международно-противоправного деяния, ни возмещения ущерба[752]. В силу специфики ответственности на уровне ВТО применение положений Статей об ответственности в этом случае имеет субсидиарный характер, то есть они применяются в той степени, в которой их положения не противоречат нормам соглашений ВТО[753]. Такая возможность прямо предусмотрена статьёй 55 Статей об ответственности государств 2001 года и статьёй 64 Статей об ответственности международных организаций 2011 года, которыми установлено, что общие положения Статей не применяются, «если и в той мере, в какой условия наличия международно-противоправного деяния или

---

[752] *Allen B. E.* The Use of Non-pecuniary Remedies in WTO Dispute Settlement: Lessons for Arbitral Practitioners // Performance as a Remedy: Non-Monetary Relief in International Arbitration / ed. by M. E. Schneider, J. Knoll. New York : JurisNet, 2011. P. 281–310, 288.

[753] *Кадышева О. В.* Правовое регулирование ответственности в ВТО и ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 2. С. 25–48, 32.

содержание международной ответственности государства или ее имплементация определяются специальными нормами международного права» (*lex specialis*). Рассматривая с этой точки зрения соглашения ЕАЭС с третьими странами, нужно отметить, что каждое такое соглашение содержит специальные нормы привлечения к ответственности за их нарушение, а это означает, что положения обоих документов, подготовленных КМП, применяются только в тех случаях, когда вопросы, относящиеся к привлечению к ответственности, не нашли своего должного отражения в соглашениях ЕАЭС.

Именно к таким нерешённым в соглашениях вопросам относится проблема присвоения поведения в виде нарушения норм этих соглашений со стороны ЕАЭС и его государств-членов, особенно в тех случаях, когда иск предъявляется совместно к ЕАЭС и государству — члену Союза. Для третьих сторон, пострадавших от нарушения неделимого общего обязательства, это означает, что полное возмещение может быть потребовано от любого из носителей этого обязательства, поскольку нарушение неделимых обязательств неизбежно приводит к общей ответственности за одно и то же противоправное деяние. Такой результат в плане возмещения ущерба напоминает понятие солидарной ответственности, знакомое многим национальным правовым системам, которое аналогичным образом подразумевает, что полное возмещение может быть потребовано от любого из субъектов, которые внесли свой вклад в причинение одного и того же ущерба[754].

В этой связи интересно отметить, что в ходе работы над проектом статей об ответственности международных организаций КМП отказалась принимать доводы Европейского союза о специфике отношений в ЕС в части международной ответственности ЕС и его государств-членов. В ходе обсуждения проекта статей 2011 года ЕС настаивал, что в сфере своей исключительной компетенции только Союз должен нести международно-правовую ответственность перед третьими государствами за нарушения международных обязательств, независимо от того,

---

[754] *Nedeski N.* Op. cit. P. 175.

являются ли эти обязательства смешанными со стороны ЕС, или от того, кто совершил эти нарушения — сам ЕС или государство — член Союза[755]. Такое заявление отражало давно устоявшуюся позицию ЕС о том, что распределение международной ответственности между Союзом и его государствами-членами должно проводиться на основе принципа распределения компетенции[756].

В литературе отмечается, что такая позиция ЕС не получила поддержки со стороны Комиссии международного права. Специальный докладчик Дж. Гайя ещё в 2004 году отмечал, что не видит необходимости разработки специального правила присвоения поведения для ситуации, когда государство — член организации исполняет решения этой организации в сфере её исключительной компетенции[757]. Статья 6 финального варианта проекта статей 2011 года содержала общее правило присвоения поведения, согласно которому международная организация несёт ответственность за действия своих органов, и полностью исключала вариант, при котором поведение государства — члена этой организации могло быть полностью присвоено этой организации с освобождением этого государства от ответственности[758].

В Статьях об ответственности международных организаций, которые, как подчёркивается в доктрине, отражают современное состояние кодификации международного публичного права, исходным является положение о том, что государство — член международной организации не несёт ответственности за неисполнение международного соглашения, заключённого данной организацией. С точки зрения международного права такое соглашение связывает исключительно саму международную организацию как самостоятельного субъекта международного права, тогда как возможная ответственность

---

[755] *Palchetti P.* Op. cit. P. 186.
[756] *Palchetti P.* Op. cit. P. 186.
[757] Second report on responsibility of international organizations, by Mr. Giorgio Gaja, Special Rapporteur. UN Document A/CN.4/541. 2 April 2004. P. 5–6. § 11.
[758] *Palchetti P.* Op. cit. P. 188.

государства-члена допускается лишь в исключительных случаях и носит субсидиарный характер[759].

Тем не менее современная практика государств, международных организаций и международных судов в части присвоения поведения по смешанным обязательствам интеграционных объединений далека от какого-либо однообразия и не всегда согласуется с положениями Статей об ответственности международных организаций 2011 года. Говоря о соглашениях ЕАЭС с третьими странами, можно отметить, что продвигаемый ЕС вариант присвоения поведения в зависимости от компетенции был использован в Соглашении ЕАЭС с Сингапуром, а подход КМП нашёл своё отражение в Соглашениях с Вьетнамом, Ираном и Сербией. Это придаёт дополнительный вес высказанной в литературе точке зрения, согласно которой Статьи КМП 2011 года представляют собой не столько отражающие практику обычные нормы международного права, каких в случае Статей об ответственности государств 2001 года, сколько подход Комиссии в отношении желаемого развития норм международного права (*de lege ferenda*) в этой сфере.

4.5.6. Практика Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации по вопросу присвоения поведения за действия Евразийского экономического союза

На уровне ВТО наблюдается примечательное расхождение в подходах к присвоению поведения за действия ЕС и ЕАЭС. В случае с ЕС, который является первоначальным членом ВТО, государства-члены ВТО, третейские группы и Апелляционный орган ОРС ВТО исходят из того, что Союз несёт ответственность не только за свои действия, но и за действия государств-членов, совершённые в процессе применения ими нормативных актов, принятых ЕС в рамках своей

[759] *Kaspiarovich Y.*, *Levrat N.* Op. cit. P. 135–136.

исключительной компетенции[760]. Так, в докладе третейской группы по делу *European Communities — Selected Customs Matters* группа пришла к выводу, что таможенные органы государств — членов ЕС в данном деле действовали как *de facto* органы ЕС, а это означает ответственность только ЕС по праву ВТО и по общему международному праву в силу того, что вопросы функционирования таможенного союза, включая администрирование таможенных вопросов, находятся в исключительной компетенции Союза[761]. Апелляционный орган ВТО в целом поддержал этот подход, установив, что действия таможенных органов государств-членов присваиваются ЕС[762].

В случае с ЕАЭС третейскими группами был выбран абсолютно другой подход, который инструментально решал проблему невозможности подачи жалобы на ЕАЭС в ВТО, поскольку ЕАЭС не является членом ВТО. Третейские группы восприняли предложение ЕС вменить России как государству — члену ЕАЭС ответственность за решения, принятые Евразийской экономической комиссией в рамках её исключительной компетенции[763]. Как отмечает Д. Г. Колос, подход третейских групп заключался в том, что акты, принимаемые органом интеграционной организации, членом которой является соответствующее государство, рассматриваются как меры, принятые и исполняемые этим государством[764]. На практике это означает, что все действия органов ЕАЭС, даже принятые в рамках исключительной компетенции ЕАЭС, присваиваются сразу всем государствам — членам Союза, независимо от их фактической вовлечённости в оспоренные действия[765]. На наш взгляд, это как раз и означает реализацию на уровне ВТО обсуждаемой в доктрине концепции солидарных обязательств

---

760 *Palchetti P.* Op. cit. P. 191.

761 WTO. *European Communities — Selected Customs Matters*. Panel Report. WT/DS315/R. 16 June 2006. § 2.2.

762 Report of the Appellate Body. WT/DS315/AB/R. 13 November 2006. § 122–137.

763 WTO. *Russia — Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products*. WT/DS485; *Russia — Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy*. WT/DS479; *Russia — Measures Affecting the Importation of Railway Equipment and Parts thereof*. WT/DS499.

764 *Колос Д. Г.* Конкуренция юрисдикции органов по разрешению споров ВТО и региональных торговых соглашений: уроки и перспективы для ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 3. С. 21–41, 27.

765 *Боклан Д. С.* Указ. соч. С. 230.

и солидарной ответственности международной организации и её государств-членов применительно к смешанным соглашениям, в соответствии с которой пострадавшая сторона имеет право направить своё требование любому солидарному соответчику по собственному выбору[766]. Выбор же в пользу предъявления требования только к конкретному субъекту, несущему солидарную ответственность, может быть обусловлен различными прагматическими соображениями, включая предположение, что именно этот ответчик является предпочтительным в силу того, что благодаря своему влиянию он сможет прекратить противоправное поведение нескольких субъектов[767]. Однако на практике такая возможность выбора ответчика уже привела к тому, что жалобы на действия ЕАЭС вполне осознанно адресуются заявителями тем государствам — членам ЕАЭС, которые не располагают ни необходимым количеством квалифицированных специалистов по праву ВТО, ни опытом участия в рассмотрении споров на уровне ВТО. В качестве примеров можно привести споры, инициированные Украиной против соответственно Армении, Казахстана и Киргизии относительно применяемых этими государствами антидемпинговых пошлин на импорт некоторых видов украинских стальных труб[768]. На данный момент по этим спорам идут консультации.

4.6. Основные выводы по главе[769]

Право международной ответственности не может рассматриваться исключительно с точки зрения содержания разработанных КМП Статей

---

766 *Nedeski N.* Op. cit. P.172.

767 *Nedeski N.* Op. cit. P. 173.

768 WTO. *Kazakhstan — Anti-dumping Measures on Steel Pipes*. WT/DS530; *Kyrgyz Republic — Anti-Dumping Measures on Steel Pipes*. WT/DS570; *Armenia — Anti-Dumping Measures on Steel Pipes*. WT/DS569.

769 При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О.В.* Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС //

об ответственности либо авторитетных комментариев к ним. Применение норм о международной ответственности на практике зависит в том числе и от особенностей конкретного субъекта международного права, задействованного в имплементации международно-правовой ответственности.

В рамках правопорядка ВТО создан механизм *lex specialis* в области международной ответственности, то есть общие правила об ответственности носят вспомогательный характер и применяются только в той степени, в какой они не противоречат правилам ВТО или в случаях, которые не урегулированы нормами ВТО. Представляется, что государства при создании ВТО вполне сознательно сделали ставку на традиционные для международного права механизмы горизонтального контроля и горизонтального принуждения нарушителя к исполнению им своих обязательств. При этом государства исходили в первую очередь из принципа взаимности («я делаю это потому, что ты делаешь то») и возможности применения принуждения к нарушителю только в виде сокращения уступок, то есть отказа потерпевшего государства соблюдать нормы ВТО по отношению к государству-нарушителю. При этом ещё со времён Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года сознательно исключена какая-либо возможность заявлять требования о возмещении понесённого в результате действий нарушителя ущерба.

Правопорядки интеграционных объединений, таких как ЕС и ЕАЭС, подразумевают наличие собственных средств защиты нарушенных прав, которые в корне отличаются от традиционного международного права, что либо исключает применение к институту ответственности в таких правовых системах норм общего международного права, включая положения Статей об ответственности, либо означает, что эти положения применяются только в той степени, в какой они не противоречат нормам регионального права, или в случаях, которые им не урегулированы.

Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 3. С. 48-58.

Автономность права ЕС подразумевает наличие собственной комплексной системы средств защиты нарушенных прав, которая в корне отличается от традиционного международного права, что исключает применение к институту ответственности в праве ЕС норм общего международного права, включая положения обоих проектов статей. Нормы, регулирующие ответственность ЕС за нарушение внедоговорных обязательств, составляют то, что в рамках ЕС называется «европейское право ответственности» (*EU public liability law*)[770].

В ЕАЭС эффективные механизмы реализации международной ответственности, особенно в отношении частных лиц, отсутствуют. Если говорить о необходимости дальнейшего развития и углубления евразийской интеграции, то в рамках ЕАЭС должны быть созданы эффективные механизмы устранения допущенных нарушений прав субъектов права ЕАЭС (которыми являются не только государства — члены ЕАЭС и сам Союз с его органами, но и частные лица), включая механизм возмещения понесённого ими ущерба в результате таких нарушений. Для этого, безусловно, необходимы подготовка и внесение изменений в действующую правовую базу Евразийского экономического союза, что позволит сформировать *lex specialis* в правопорядке ЕАЭС в отношении международной ответственности.

Договоры ЕАЭС с третьими странами помогают Союзу и государствам-членам в реализации внутренних целей и поиску путей дальнейшего развития. Вместе с тем смешанный характер этих соглашений, проявляющийся в том, что их сторонами являются и государства-члены, и Союз, порождает ряд теоретических и практических проблем, одной из которых является проблема ответственности и связанное с ней присвоение поведения в случае нарушения обязательств, вытекающих из соглашений.

Если говорить о возможных сценариях присвоения поведения за нарушения Соглашений, заключаемых ЕАЭС и его государствами-членами с третьими странами, то, как уже было показано выше, эти Соглашения регулируют лишь

---

[770] *Fink M.* Op. cit. P. 534.

вопросы надлежащего ответчика (и то лишь частично, разрешая при этом подать иск по усмотрению заявителя одновременно к ЕАЭС и к государству — члену Союза). В отсутствие чётких договорных правил присвоения поведения арбитражные группы окажутся перед необходимостью решать этот вопрос самостоятельно, используя для этого либо Статьи об ответственности международных организаций 2011 года, либо названную выше практику ВТО в отношении ЕАЭС. Учитывая уже отмеченную тенденцию использования на региональном уровне аналога механизма разрешения споров ВТО, можно предположить, что второй вариант является более вероятным. В этом случае речь пойдёт о солидарных обязательствах и о солидарной ответственности ЕАЭС и его государств-членов за нарушение заключённых ими Соглашений с третьими странами.

С другой стороны, Соглашения ЕАЭС с третьими странами решают целый ряд очень важных для интеграции задач: они позволяют избежать конфликтов, связанных с распределением компетенций между Союзом и государствами — членами ЕАЭС, восполняя определённые пробелы в регулировании соответствующих отношений, а также создают дополнительные гарантии для третьих лиц надлежащего исполнения государствами — участниками соглашений своих обязательств.

Глава 5. СУД ЕАЭС — ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Суд Евразийского экономического союза учреждён на основании Договора о создании Евразийского экономического союза от 29 мая 2014 года. Цель его деятельности заключается в обеспечении в соответствии с положениями Статута (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС) единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза (пункт 2 Статута). Суд Евразийского экономического союза относится к международным судебным учреждениям второго поколения, юрисдикция которых носит обязательный характер, и, кроме того, допускает к правосудию, пусть и с некоторыми ограничениями, частных лиц. Правовые позиции Суда ЕАЭС оказывают существенное влияние на евразийский правопорядок в целом и активно обсуждаются юридическим академическим сообществом.

Суд ЕАЭС действует уже одиннадцать лет, что в три раза дольше, чем его предшественник Суд Евразийского экономического сообщества, существовавший в период с 2012 по 2014 год. По состоянию на 18 июля 2025 года Суд ЕАЭС рассмотрел 140 дел, из которых чуть больше половины составляют споры по заявлениям хозяйствующих субъектов, оспаривающих решения или бездействия Евразийской экономической комиссии, а остальная часть представлена консультативными заключениями, подготовленными в основном по запросам ЕЭК[771]. Оправдались основанные на практике других международных

[771] См.: Статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза по состоянию на 18 июля 2025 года. URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/57d/z3hhpicxeigfc4w6zs9mbrhxl0xle1qx/Стастистика%20по%20состоянию%20на%2018%20июля%202025%20года.pdf (дата обращения: 25.12.2025). По отдельным вопросам деятельности Суда ЕАЭС см.: *Исполинов А.С., Кадышева О.В.* Практика применения досудебного порядка

судов прогнозы, что межгосударственные споры Суд ЕАЭС либо не будет рассматривать вообще, либо их будет крайне мало (за всё время своего существования Суд ЕАЭС рассмотрел всего один такой спор — по иску России к Республике Беларусь).

5.1. Консультативная юрисдикция Суда Евразийского экономического союза и право Союза[772]

Консультативная юрисдикция является важным инструментом международного правосудия и играет существенную роль в развитии международного права. В той или иной форме консультативная юрисдикция присуща ряду международных судов. Подходы к консультативной юрисдикции менялись, суды становились более активными в предоставлении консультативных заключений, тем самым способствуя более высокому уровню правовой определённости и стабильности в международных отношениях. Накопленный за последнее время опыт использования консультативной юрисдикции в международном правосудии как даёт богатый материал для доктринальных обобщений, так и может быть спроецирован на соответствующую практику Суда Евразийского экономического союза, суда относительно «молодого», но стремительно набирающего обороты в правоприменительной практике. Отметивший в 2025 году свой десятилетний юбилей, Суд, обращаясь

рассмотрения споров в судах евразийской интеграции // Закон. 2016. № 10. С. 119-125; *Исполинов А.С., Кадышева О.В.* «Старые» и новые проблемы в деятельности и в практике Суда ЕАЭС на примере решения Суда Евразийского экономического союза по делу ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 21-27; *Исполинов А.С., Кадышева О.В.* Яблоко раздора: досудебная процедура в международном правосудии и в практике суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2021. № 2 (38). С. 93-110.

[772] При подготовке параграфа использованы материалы статей: *Кадышева О.В.* Пределы судебной защиты в рамках консультативной юрисдикции Суда Евразийского экономического союза // Закон. 2025. № 4. С. 66-80; *Кадышева О.В.* Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 208-231.

к консультативным заключениям, демонстрирует активное стремление к разъяснению правовых вопросов и обеспечению единообразного применения права Союза. Тем не менее его деятельность при осуществлении консультативной юрисдикции подсвечивает имеющиеся проблемы и противоречия как в области компетенций *ratione personae* и *ratione materiae* в области консультативной юрисдикции, так и по ряду других сопутствующих вопросов, что в целом и определяет пределы судебной защиты для лиц, права и законные интересы которых защищает Суд Евразийского экономического союза.

5.1.1. Консультативная юрисдикция в международном правосудии: общая характеристика

Под консультативной юрисдикцией понимаются полномочия органов международного правосудия по подготовке заключений по вопросам толкования и применения международно-правовых норм по запросам государств, международных организаций и их органов. Консультативная юрисдикция имеется или имелась у многих международных судов: Международного Суда ООН и предшествовавшей ему Постоянной палаты международного правосудия, у всех региональных судов по правам человека (Европейского суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека, Африканского суда по правам человека и народов), всех судов евразийской интеграции (Экономического суда СНГ, Суда ЕврАзЭС и Суда ЕАЭС), а также у Камеры Международного трибунала ООН по морскому праву по спорам, касающимся морского дна. Суд Европейского союза выдаёт заключения только по вопросам соответствия праву ЕС того или иного проекта международного договора с участием ЕС. Толкование норм, образующих право ЕС, Суд ЕС даёт в рамках преюдициальной процедуры в ответ на запрос национальных судов, рассматривающих конкретное дело, связанное с применением норм права ЕС.

Несмотря на своё название (*advisory opinions*), консультативные заключения Суда EACT также являются по факту преюдициальными заключениями, аналогичными заключениям Суда ЕС[773]. Все африканские суды региональной интеграции, несмотря на то что они, как правило, созданы по модели Суда ЕС, обладают консультативной юрисдикцией (за исключением Суда ECOWAS)[774]. Не имеют консультативной юрисдикции Орган по разрешению споров ВТО, Трибунал Андского сообщества, Международный уголовный суд, а также существовавшие до недавнего времени международные уголовные трибуналы по Руанде и Югославии.

При этом практика консультативных заключений международных судов является ярким подтверждением отмеченных А. С. Исполиновым децентрализации и бессистемности процесса создания государствами международных судов и определения их юрисдикции[775]. В отсутствие мирового законодателя и, как следствие, международного аналога национальных законов об организации судебной системы, наличие в том или ином международном суде консультативной юрисдикции и её объёмы будут мало предсказуемым результатом предпочтений государств, создающих этот суд, а не применения ими общих универсальных правил. Именно этим объясняется тот факт, что консультативная юрисдикция имеется у региональных судов евразийской интеграции и отсутствует в европейских интеграционных судах, несмотря на схожий функционал у этих двух групп судов — контроль над нормативными актами общего применения, издаваемых институтами интеграционных объединений. Этим также можно объяснить приведённые ниже существенные различия в консультативной юрисдикции региональных судов по правам человека, хотя все они обладают соответствующей компетенцией.

---

[773] *Baudenbacher C.* The EFTA Court: An Actor in the European Judicial Dialogue // Fordham International Law Journal. Vol. 28. 2004. No. 2. P. 353–391, 358–360.

[774] *Osiemo O.* Lost in Translation: The Role of African Regional Courts in Regional Integration in Africa // Legal Issues of Economic Integration. Vol. 41. 2014. No. 1. P. 87–121, 97.

[775] *Исполинов А. С.* Эволюция и пути развития современного международного правосудия. С. 81.

Наличие компетенции того или иного международного суда выносить консультативные заключения, а также её особенности (состав субъектов, имеющих право обращаться с соответствующим запросом в суд, а также нормы права, которые могут быть истолкованы судом), как правило, определяются государствами в международном договоре о создании того или иного суда. Заметным исключением в этом отношении является лишь Трибунал по морскому праву, чьё право выносить консультативные заключения закреплено в его Правилах процедуры, а не в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (в отличие от Камеры по спорам, касающимся морского дна, соответствующая компетенция которой предусмотрена статьёй 191 Конвенции ООН по морскому праву).

Значительный разброс существует в отношении перечня лиц (*ratione personae*), имеющих право запрашивать консультативное заключение у того или иного суда. С запросом в Международный Суд ООН по любому юридическому вопросу могут обратиться Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности ООН, а также иные органы и специализированные учреждения ООН — с разрешения Генеральной Ассамблеи и в рамках своей компетенции. Считается, что это отчасти компенсирует отсутствие у самой ООН и её специализированных учреждений права обращаться с иском в МС ООН (это право имеется только у государств, которые, в свою очередь, лишены права запрашивать у МС ООН консультативные заключения). В соответствии с Протоколом № 2 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[776] правом обращаться в ЕСПЧ с запросом на консультативные заключения обладал только Комитет министров Совета Европы. Протокол № 16 к Конвенции[777] предоставил такое право высшим национальным судам тех стран, которые ратифицировали этот протокол. В свою очередь, в межамериканской системе защиты прав человека право обращения

[776] Протокол № 2 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод о наделении Европейского суда по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения. Страсбург, 6 мая 1963 года. URL: https://rm.coe.int/168006b7f5 (дата обращения: 25.12.2025).

[777] Протокол № 16 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Страсбург, 2 октября 2013 года. URL: https://rm.coe.int/1680a6ead4 (дата обращения: 25.12.2025).

с соответствующим запросом в Межамериканский суд по правам человека (*далее* — МАСПЧ) предоставлено не только органам Организации американских государств, но и государствам-членам, причём это право не зависит от факта участия государства в Американской конвенции прав человека 1969 года. В том, что касается африканской системы защиты прав человека, Статут Африканского суда по правам человека и народов содержит, наверное, на сегодня наиболее широкий круг возможных инициаторов соответствующего запроса. В этот перечень входят не только государства — члены Африканского союза, сам Союз и его органы, но и «любые африканские организации, признанные Союзом». Африканский суд по правам человека и народов в своём заключении по делу *SERAP* установил, что термин «организация» означает как межправительственные, так и неправительственные организации, главное, чтобы они были признаны Африканским союзом[778].

Такое же разнообразие отмечается и в отношении вариантов предметной компетенции международных судов выносить консультативные заключения (*ratione materiae*), то есть тех норм, толкование которых может запрашиваться. Здесь самой широкой компетенцией обладает Международный Суд ООН, который имеет право давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу (статья 65 Статута МС ООН). Среди региональных судов по правам человека своей предметной компетенцией выделяется МАСПЧ, который имеет право осуществлять разъяснение не только положений Американской конвенции прав человека, но и иных договоров по защите прав человека, участниками которых являются государства — члены ОАГ, а также по вопросам соответствия внутреннего законодательства государств — членов ОАГ данным международным договорам. В свою очередь, Африканский суд по правам человека и народов уполномочен давать консультативные заключения по вопросам Африканской хартии прав человека и народов или «любых иных соответствующих

---

[778] African Court on Human and Peoples' Rights. *Request for Advisory Opinion by the Socio-Economic Rights and Accountability Project (SERAP)*. No. 001/2013. Advisory Opinion of 26 May 2017. P. 13–14. § 46.

документов». Предметная компетенция ЕСПЧ в части консультативных заключений зависит от инициатора соответствующего запроса. Комитет министров Совета Европы вправе запрашивать разъяснение ЕСПЧ только по вопросам, не касающимся толкования прав и свобод, содержащихся в Конвенции. Высшие национальные суды тех стран Совета Европы, которые ратифицировали Протокол № 16, получили право обращаться за заключением ЕСПЧ по вопросам о принципах, касающихся интерпретации или применения прав и свобод, гарантированных Конвенцией.

Таким образом, можно согласиться с представленным в доктрине мнением о том, что из всех региональных судов по правам человека самой широкой предметной компетенцией обладает МАСПЧ, за ним следует Африканский суд по правам человека и народов, и замыкает тройку ЕСПЧ[779].

5.1.2. Правовой эффект (юридическая сила) консультативных заключений органов международного правосудия

В том, что касается правового эффекта консультативных заключений, документы о создании международных судов либо вообще не регулируют вопрос об обязательной силе консультативных заключений (как в случае со Статутом МС ООН), либо явным образом устанавливают отсутствие у них такой силы (например, статья 5 Протокола № 16 к ЕКПЧ). Сами же суды постоянно напоминают, что их заключения не имеют обязательной силы[780] и не создают новых норм права. Вместе с тем в доктрине уже сложилось общее понимание, что консультативные

---

[779] *Ruys T.*, *Soete A.* "Creeping" Advisory Jurisdiction of International Courts and Tribunals? The Case of the International Tribunal for the Law of the Sea // Leiden Journal of International Law. Vol. 29. 2016. No. 1. P. 155–176, 164.

[780] Как отметил МС ООН в одном из своих заключений, ответ Суда на вопросы органов ООН «носит лишь консультативный характер: как таковой он не имеет обязательной силы». См.: ICJ. *Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary, and Romania*. Advisory opinion of 30 March 1950 // I.C.J. Reports. 1950. P. 71.

заключения являются одной из форм «мягкого права» ввиду отсутствия у них обязательной силы, не имеют характера *res judicata* и не порождают правовых обязательств ни для инициатора запроса, ни для отдельного государства, ни для всего международного сообщества принять выводы того или иного суда[781]. Никто из исследователей не отрицает, что консультативные заключения однозначно влияют как на развитие международного права в целом, если речь идёт о заключениях МС ООН, так и на эффективность соответствующего правопорядка (как, например, заключения МАСПЧ или Экономического Суда СНГ). Кроме того, как показывает практика МС ООН и МАСПЧ (а именно эти два суда, как отмечается в иностранной литературе, наиболее эффективно используют свою консультативную юрисдикцию[782]), консультативные заключения могут оказывать воздействие на поведение субъектов международного права, причём не только на инициатора запроса, но и на всех субъектов соответствующего правопорядка, приобретая характер *erga omnes*. Например, МАСПЧ ещё в 1997 году заявил, что его консультативные заключения имеют «неоспоримый правовой эффект» (*undeniable legal effects*), а инициаторы запроса, будь то государство или международный орган, — не единственные, кто имеет в связи с этим законный интерес (*legitimate interest*)[783]. Начиная с 2014 года МАСПЧ в каждом своём заключении говорит о том, что его заключения имеют правовое значение (*legal relevance*) для всех стран — членов ОАГ, даже если они не являются участниками Американской конвенции по правам человека[784]. В свою очередь, Трибунал ООН по морскому праву в 2021 году в одном из своих решений заявил, что правовые позиции, сформулированные МС ООН в его консультативных заключениях, не могут быть проигнорированы только потому, что консультативное заключение не

---

781 *Mayr T. F.*, *Mayr-Singer J.* Op. cit. P. 429.

782 *Romano C. P. R.* The Shift from the Consensual to the Compulsory Paradigm in International Adjudication: Elements for a Theory of Consent // New York University Journal of International Law and Politics. Vol. 39. 2007. No. 4. P. 791–872, 824.

783 IACtHR. Advisory Opinion OC-15/97 of 14 November 1997. § 26. URL: https://hrlibrary.umn.edu/iachr/b_11_4o.html (дата обращения: 25.12.2025).

784 IACtHR. *Rights and Guarantees of Children in the Context of Migration and/or in Need of International Protection*. Advisory opinion OC-21/14 of 19 August 2014. P. 13. § 32.

имеет обязательной силы, и что они «действительно имеют правовой эффект» (*do have legal effect*)[785].

Консультативные заключения обладают рядом преимуществ по сравнению с судебными решениями, выносимыми органами международного правосудия при рассмотрении споров. Как отмечают исследователи, консультативные заключения по своей природе являются значительно менее конфронтационными, чем решения по конкретным спорам, они не связаны жёсткими рамками фактических обстоятельств дела и делают более ясными основные доктрины международного права, внося большой вклад в его развитие[786]. Это же обстоятельство позволяет государствам более активно принимать во внимание подходы судов, изложенные в их заключениях, чем в решениях по спорам, где всегда есть выигравшая и проигравшая стороны. Консультативные заключения суда могут быть даже более влиятельными, чем его решения по конкретному спору, так как они представляют собой толкование для всех государств соответствующего правопорядка, а не только для сторон в споре[787], приобретая вес далеко превосходящий их формальный правовой статус[788]. Исследователи отмечают, что некоторые из наиболее значительных решений МС ООН в части развития международного права были вынесены именно в форме консультативных заключений, а не в форме решений по спорам[789]. То же самое можно сказать и про деятельность МАСПЧ[790].

В отечественной литературе встречаются более решительные рассуждения о юридической силе консультативных заключений. Например, А. С. Смбатян утверждает, что, хотя консультативные заключения обладают прецедентным характером, при том что де-юре они не обладают обязательной силой, их

---

785 International Tribunal for the Law of the Sea (*далее* — ITLOS). *Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary Between Mauritius and Maldives in the Indian Ocean (Mauritius/ Maldives)*. Case No. 28. Preliminary objections. Judgment of 28 January 2021. P. 78. § 205.

786 *Pasqualucci J. M.* Op. cit. P. 242.

787 Ibid.

788 *Aust A.* Op. cit. P. 150.

789 *Mayr T. F.*, *Mayr-Singer J.* Op. cit. P. 427.

790 *Кожеуров Я. С.* Консультативная юрисдикция международного суда: опыт Межамериканского суда по правам человека. С. 103.

«практическое значение не уступает значению судебных решений»[791]. Н. С. Симонова, соглашаясь с позицией А. С. Смбатян, говорит о том, что консультативные заключения Международного Суда ООН следует признавать *auctoritas rei judicatae* (прецедентом судебного решения)[792].

Комментируя такой разброс мнений, нужно отметить, что все авторы отмечают особую роль консультативных заключений международных судов и их вклад в развитие современного международного права (в первую очередь, конечно, речь идёт о консультативных заключениях Международного Суда ООН)[793]. Некоторые консультативные заключения Международного Суда ООН действительно оказали определяющее влияние на развитие современного международного права, как, например, консультативное заключение по делу о *возмещении ущерба на службе ООН* (*Reparation case*), в котором Суд положил конец длительной доктринальной и практической неопределённости, поставив вопрос о международной правосубъектности международных организаций[794]. При этом МС ООН далеко вышел за рамки поставленного Генеральной Ассамблеей вопроса о праве ООН предъявлять требования другим государствам о возмещении ущерба, причинённого ими служащим ООН, заявив, что ООН не является «супергосударством»[795]. Международный Суд признал, что ООН обладает международной правосубъектностью, тем самым впервые в истории выйдя за рамки представления о том, что государства являются единственными субъектами международного права[796]. Ещё более весомым оказался вклад консультативного заключения МС ООН в развитие института оговорок к многосторонним международным договорам. В заключении по делу об *оговорках*

---

791 *Смбатян А. С.* Указ. соч. С. 100.

792 Там же. С. 104.

793 *Oellers-Frahm K.* Lawmaking Through Advisory Opinions? // German law Journal. Vol. 12. 2011. No. 5. P. 1033–1056, 1040.

794 ICJ. *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations*. Advisory Opinion of 11 April 1949 // I.C.J. Reports. 1949. P. 174.

795 Ibid. P. 179.

796 *Lachs M.* Some Reflections on the Contribution of the International Court of Justice to the Development of International Law // Syracuse Journal of International Law and Commerce. Vol. 10. 1983. No. 2. P. 239–278, 252.

(*Reservation case*)[797] МС ООН не столько истолковал существующий режим единогласного принятия сделанных оговорок, сколько, по мнению ряда судей МС ООН, вывел новое правило[798]. Эта норма затем появилась в тексте Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

Тем не менее утверждение о том, что консультативные заключения не имеют обязательной юридической силы, требует уточнения. Во-первых, в своих заключениях суды толкуют уже существующие договорные и/или обычные нормы международного права, обязательные для государств. Во-вторых, рекомендательная (необязательная) юридическая сила такого толкования на практике в дальнейшем трансформируется в устойчивые (обязательные) правовые позиции, которые не только постоянно применяются международными судами, но и создают соответствующие правовые ожидания у сторон. И наконец, в-третьих, можно говорить только о разной степени убедительности и влиятельности заключений того или иного суда, зависящих в первую очередь от его авторитета, от использованных им аргументов и от меры судейского активизма, проявленного при принятии заключения, а не о едином правовом эффекте или юридической силе любых заключений всех международных судов.

В том, что касается возможной нормотворческой роли консультативных заключений, то в реальности провести чёткую грань между созданием новой нормы, её толкованием и — в конечном счёте — развитием права (что, собственно, ожидается от консультативного заключения суда) достаточно затруднительно, если вообще возможно, особенно в случае с толкованием обычной нормы международного права или динамическим (эволюционным) толкованием норм международного договора. По мнению ряда авторов, из-за отсутствия чёткого подобного разграничения, отрицание *prima facie* нормотворческой роли консультативной юрисдикции в сочетании с признанием за ней функции

---

[797] ICJ. *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*. Advisory Opinion of 28 May 1951 // I.C.J. Reports. 1951. P. 15.

[798] *Исполинов А. С.* Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу об оговорках 1951 г.: взгляд спустя 70 лет // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 2. С. 79–94, 88.

по развитию права является искусственным и показывает слепое следование семантике, а не реальности[799].

Применительно к консультативным заключениям МС ООН достаточно противоречивые отклики вызвало решение Специальной палаты Международного трибунала по морскому праву от 28 января 2021 года по спору о *делимитации морской границы между Маврикием и Мальдивскими островами в Индийском океане*[800]. В этом решении Палата впервые в истории международного правосудия признала, что консультативное заключение МС ООН может иметь своим эффектом фактическое разрешение спора, приобретая тем самым характер *res judicata*[801]. Для целей разрешения спора Палата сослалась на консультативное заключение МС ООН от 25 февраля 2019 года по делу о *правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году*[802], заявив для начала, что она проводит различие между необязательной силой заключений МС ООН и их авторитетным характером[803]. По мнению Палаты, выводы МС ООН в его консультативных заключениях обладают не меньшим весом и авторитетом, чем выводы, сделанные в решениях по спорам, поскольку они выносятся с той же строгостью и проверяются «главным судебным органом» Организации Объединённых Наций[804]. В силу этого выводы, сделанные МС ООН в консультативном заключении от 25 февраля 2019 года, не могут быть проигнорированы просто на основании того, что оно не имеет обязательной силы[805]. Следуя этим рассуждениям, Палата заявила, что выводы МС ООН имеют правовой эффект и явные последствия для правового

---

799 *Mayr T. F.*, *Mayr-Singer J.* Op. cit. P. 433–434.

800 ITLOS. *Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary Between Mauritius and Maldives in the Indian Ocean (Mauritius/Maldives)*. Judgment of 28 January 2021.

801 *Lanzoni N.* The Authority of ICJ Advisory Opinions as Precedents: The *Mauritius/Maldives* Case // The Italian Review of International and Comparative Law. Vol. 2. 2022. No. 2. P. 296–322, 298.

802 ICJ. *Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965*. Advisory Opinion of 25 February 2019 // I.C.J. Reports. 2019. P. 95.

803 ITLOS. *Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary Between Mauritius and Maldives in the Indian Ocean (Mauritius/Maldives)*. Judgment of 28 January 2021. P. 77. § 203.

804 Ibid.

805 Ibid. P. 78. § 205.

статуса архипелага, выраженные в консультативном заключении[806]. Поэтому сохраняющиеся притязания Великобритании на суверенитет над архипелагом Чагос являются простыми утверждениями, которые не могут перерасти в спор (в силу того, что статус архипелага уже определён Судом)[807]. Этот смелый подход Палаты к правовому эффекту заключений МС ООН вызвал достаточно бурное обсуждение и критику в доктрине как недостаточно обоснованный[808], а также, по мнению ряда авторов, создающий систему прецедентов в международном праве и признающий квазизаконодательные полномочия МС ООН[809].

5.1.3. Инструментальная роль консультативных заключений

По сравнению с отмеченным выше вкладом консультативных заключений в развитие международного права гораздо менее заметной является ситуация, когда консультативные заключения выступают инструментом решения организационных проблем международных организаций[810]. Из 30 консультативных заключений, вынесенных МС ООН за всё время своего существования, 22 носят именно такой характер (такая функция заключений в литературе получила название *housekeeping*)[811]. Среди них такие заключения, как, например: об *условиях приёма новых членов в ООН*, о *распределении расходов ООН на миротворческие операции*, о *решениях Административного трибунала ООН*, об *обязательной силе арбитражной оговорки в соглашении о штаб-квартире ООН*, о *привилегиях и иммунитетах докладчиков по правам человека*. Такими же

806 Ibid. P. 88. § 246.
807 Ibid.
808 *Lanzoni N.* Op. cit. P. 317.
809 *Thin S.* The Curious Case of the “Legal Effect” of ICJ Advisory Opinions in the Mauritius/Maldives Maritime Boundary Dispute // EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law. 2021. 5 February. URL: https://www.ejiltalk.org/the-curious-case-of-the-legal-effect-of-icj-advisory-opinions-in-the-mauritius-maldives-maritime-boundary-dispute/ (дата обращения: 25.12.2025).
810 См.: *Lenefsky D.* Op. cit.
811 *Aust A.* Op. cit. P. 131.

являются два консультативных заключения ЕСПЧ по запросам Комитета министров в рамках процедуры, установленной Протоколом № 2, которые прояснили процедуру избрания судей ЕСПЧ[812], а также многие консультативные заключения МАСПЧ.

В международном правосудии также известны другие варианты инструментального подхода к консультативным заключениям. Некоторые исследователи полагают, что заключения используются для обхода и нивелирования недостатков юрисдикции того или иного международного суда, например в случаях, когда невозможность МС ООН рассматривать споры международных организаций преодолевается за счёт включения в договор с их участием возможности обращения в МС ООН за консультативным заключением и придания таким заключениям обязательного характера. Такие положения есть в договорах о размещении штаб-квартиры международных организаций[813], в Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений

---

[812] ECtHR. Advisory Opinion on certain legal questions concerning the lists of candidates submitted with a view to the election of judges to the European Court of Human Rights. 12 February 2008; Advisory Opinion on certain legal questions concerning the lists of candidates submitted with a view to the election of judges to the European Court of Human Rights (No. 2). 22 January 2010.

[813] Так, например, в Соглашении между Организацией Объединённых Наций и правительством Соединённых Штатов Америки относительно месторасположения центральных учреждений Объединённых Наций в части порядка рассмотрения споров в пункте «b» раздела 21 предусмотрено, что «Генеральный Секретарь или правительство Соединенных Штатов могут просить Генеральную Ассамблею обратиться к Международному Суду с запросом о консультативном заключении по любому юридическому вопросу, возникающему в ходе арбитража. Впредь до получения заключения Международного Суда, временное решение третейского суда выполняется обеими сторонами. Вслед за этим третейский суд выносит окончательное решение, приняв во внимание заключение Международного Суда» (Соглашение между Организацией Объединенных Наций и правительством Соединенных Штатов Америки относительно месторасположения Центральных учреждений Объединенных Наций. Принято Резолюцией 169 (II) Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 1947 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/headquar.shtml (дата обращения: 25.12.2025)).

1947 года[814] и в ряде других международных договоров[815]. В этом случае происходит своего рода легитимация на уровне договорных положений использования консультативных заключений для решения спора как своего рода «судебного решения в форме заключения»[816].

Использование консультативных заключений для разрешения споров в своё время было характерно и для Постоянной палаты международного правосудия, которая была уполномочена давать заключения, «по всем спорам и по всем вопросам, которые будут внесены в неё Советом или Ассамблеей»[817]. Как отмечают исследователи, такой подход Палаты, фактически предполагающий ассимиляцию консультативной юрисдикции Палаты и юрисдикции по разрешению межгосударственных споров, привела к тому, что Палата стала заниматься разрешением таких споров через консультативные заключения[818]. Эта практика не осталась незамеченной государствами, и среди немногих изменений, внесённых в Статут МС ООН, оказалось существенное сужение его консультативной юрисдикции до «юридических вопросов», сделанное как раз для того, чтобы разграничить разрешение споров и подготовку консультативных заключений.

---

[814] Согласно статье 32 Конвенции «в случае возникновения разногласия между каким-либо специализированным учреждением, с одной стороны, и государством-членом, с другой, запрашивается консультативное заключение по любому связанному с данным разногласием юридическому вопросу, согласно статье 96 Устава и статье 65 Статута Суда и соответствующим положениям соглашений, заключенных между Организацией Объединенных Наций и соответствующими специализированными учреждениями. Заключение Суда признается сторонами решающим» (Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений. Принята Резолюцией 179 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/specagencies_privileges.shtml (дата обращения: 25.12.2025)).

[815] Такое положение содержится, например, в Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года. См.: Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями. Документ ООН A/CONF.129/15. 20 марта 1986 года. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n86/554/11/img/n8655411.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[816] *Contesse J.* The Rule of Advice in International Human Rights Law // American Journal of International Law. Vol. 115. 2021. No. 3. P. 367–408, 371.

[817] См. статья 14 Устава Лиги Наций.

[818] *Contesse J.* Op. cit. P. 372.

Ещё одним вариантом использования консультативной юрисдикции является её использование как решений квазиапелляционной инстанции. В соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 957 (X) от 8 ноября 1955 года[819] в Статут Административного трибунала ООН была включена статья 11, согласно которой государство — член ООН, Генеральный секретарь или лицо, в отношении которого Трибуналом было вынесено решение, считавшие, что при вынесении решения Трибунал превысил свою юрисдикцию или компетенцию или что Трибунал не осуществил присвоенной ему юрисдикции или допустил ошибку по какому-либо вопросу права, могли обратиться в специально созданный комитет с просьбой о том, чтобы он запросил консультативное заключение МС ООН по данному вопросу. Генеральный секретарь должен был или привести заключение Суда в исполнение, или просить Трибунал собраться специально, чтобы подтвердить своё первоначальное решение или постановить новое решение, в соответствии с заключением Суда. Если Трибунал не просили специально собраться, то на своей следующей сессии он должен был подтвердить своё решение или привести его в соответствие с заключением Суда[820]. За время существования данной процедуры было вынесено три консультативных заключения[821].

Если вышеназванные инструментальные варианты использования консультативной юрисдикции получили поддержку академического сообщества,

---

819 ГА ООН. Резолюция 957 (X) от 8 ноября 1955 года. Порядок пересмотра решений Административного трибунала Организации Объединенных Наций: поправки к Статуту Административного трибунала. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/106/15/pdf/nr010615.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

820 Резолюцией № 50/54 от 11 декабря 1995 года Генеральная Ассамблея упразднила данный механизм, отметив, что «процедура, предусмотренная в статье 11 статута Административного трибунала Организации Объединенных Наций, не является конструктивным или полезным элементом в разбирательстве споров персонала в рамках Организации». См.: ГА ООН. Резолюция 50/54 от 11 декабря 1995 года. Пересмотр процедуры, предусмотренной статьей 11 статута Административного трибунала Организации Объединенных Наций. Документ ООН A/RES/50/54. 29 января 1996 года. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n96/762/51/pdf/n9676251.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

821 ICJ. *Application for Review of Judgment No. 158 of the United Nations Administrative Tribunal*. Advisory Opinion of 12 July 1973 // I.C.J. Reports. 1973. P. 166; *Application for Review of Judgment No. 273 of the United Nations Administrative Tribunal*. Advisory Opinion of 20 July 1982 // I.C.J. Reports. 1982. P. 325; *Application for Review of Judgment No. 333 of the United Nations Administrative Tribunal*. Advisory Opinion of 27 May 1987 // I.C.J. Reports. 1987. P. 18.

то в ряде случаев практика вынесения международными судами консультативных заключений вызывает резкую критику и даже неприятие в сочетании с ответными действиями со стороны государств. В первую очередь речь идёт о случаях, когда консультативная юрисдикция используется международными судами для того, чтобы обойти отсутствие согласия государств на рассмотрение спора в том или ином суде с его участием, либо чтобы вовлечь суд в решение политических споров. В этой связи исследователи отмечают разворот позиции МС ООН, который сначала весьма серьёзно воспринял отмеченное выше резкое сужение государствами его консультативной юрисдикции, но по прошествии времени стал всё более широко её толковать, постепенно сближаясь с позицией Постоянной палаты международного правосудия и никогда не рассматривая отсутствие согласия и возражения со стороны государств в качестве барьера для использования консультативной юрисдикции для решения споров[822].

Именно к таким случаям относится заключение МС ООН о *законности строительства Израилем стены на оккупированных им территориях* (дело *Wall*)[823], в котором де-факто ответчиком оказался Израиль, несмотря на отзыв им в 1985 году своей декларации о признании юрисдикции МС ООН и активные возражения с его стороны в отношении права МС ООН рассматривать полученный запрос Генеральной Ассамблеи. В случае с МАСПЧ подобную критику вызвали заключения МАСПЧ по делам о *праве на консульскую помощь*[824] и о *правовом положении мигрантов без документов*[825], где в обоих случаях квазиответчиком оказались США, никогда не признававшие юрисдикцию МАСПЧ и не являющиеся стороной Американской конвенции о правах человека. Во всех этих случаях

---

[822] *Schmid J. C.* Op. cit. P. 420.

[823] ICJ. *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*. Advisory Opinion of 9 July 2004 // I.C.J. Reports. 2004. P. 136.

[824] IACtHR. *The Right to Information on Consular Assistance in the Framework of the Guarantees of the Due Process of Law*. Advisory Opinion OC-16/99 of 1 October 1999.

[825] IACtHR. *Juridical Condition and Rights of the Undocumented Migrants*. Advisory Opinion OC-18/03 of 17 September 2003.

вовлечение судов в решение этих вопросов было охарактеризовано как минимум как проблематичное и подрывающее их авторитет[826].

Граница между заключениями международных судов по абстрактным вопросам права и их же решениями по спорам размывается ещё больше в тех случаях, когда в заключении суд использует терминологию, более подходящую для судебного решения, налагающего обязательства на стороны спора[827]. Например, в заключении по делу *Wall* МС ООН не только признал строительство Израилем стены незаконным с точки зрения международного права, но и установил, что Израиль должен немедленно прекратить строительство, демонтировать уже построенные участки и выплатить компенсацию всем палестинцам, понёсшим ущерб в результате строительства[828]. Сходным образом в заключении по *архипелагу Чагос* МС ООН обязал Великобританию завершить процесс деколонизации архипелага «как можно быстрее»[829]. В свою очередь, МАСПЧ в заключении от 17 ноября 2017 года не только стал первым международным судом, поддержавшим однополые браки, но и потребовал от всех государств — участников Американской конвенции прав человека внести соответствующие изменения в своё законодательство[830].

Неудивительно, что такой подход судов к своим консультативным заключениям натолкнулся на резкое неприятие со стороны ряда государств. Так, заключение МС ООН по делу *Wall с* его обязательствами в адрес Израиля было фактически дезавуировано Верховным судом Израиля в решении по делу *Mara'abe v. The Prime Minister of Israel*[831]. Отметив, с одной стороны, что заключениям МС ООН нужно полностью придавать надлежащий вес (*full*

---

826 *Aust A.* Op. cit. P. 123; *Romano C. P. R.* Op. cit. P. 825–826.

827 *Schmid J. C.* Op. cit. P. 431.

828 ICJ. *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*. Advisory Opinion of 9 July 2004. P. 197–198. § 151–153.

829 ICJ. *Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965*. Advisory Opinion of 25 February 2019 // I. C. J. Reports. 2019. P. 139. § 178.

830 IACtHR. *Gender Identity, and Equality and Non-Discrimination of Same-Sex Couples*. Advisory opinion OC-24/17 of 24 November 2017.

831 Supreme Court of Israel. *Mara'abe v. The Prime Minister of Israel*. H.C.J. 7957/04. Decision of 15 September 2005.

appropriate weight), с другой стороны, Верховный суд Израиля заявил, что МС ООН основывал свои выводы на неполной информации, перейдя после этого к оценке законности строительства стены по внутреннему законодательству. В отличие от МС ООН, который признал её строительство полностью не соответствующим международному праву, Верховный суд Израиля пришёл к выводу, что само строительство было оправдано военной необходимостью, и его надо анализировать на предмет нарушения принципа пропорциональности. В этом отношении заключение МС ООН по делу *Wall* было расценено исследователями как «Пиррова победа»[832]. В принципе, то же самое можно сказать и про упомянутое выше заключение МАСПЧ по поводу однополых браков. Высоко расценённое правозащитными организациями, оно вызвало серьёзный кризис в истории Суда, и целая группа государств начала активные консультации с целью ограничить его юрисдикцию[833].

Ещё в одном заключении о правовых последствиях, вытекающих из политики и действий Израиля на оккупированной Палестинской территории, включая Восточный Иерусалим (19 июля 2024 года), Международный Суд ООН, используя почти те же глаголы, что и в деле *Wall*, признал факт наличия оккупации (без военного присутствия) и впервые в практике международного правосудия признал право на самоопределение народов в качестве императивной нормы международного права[834], хотя существенно вышел за пределы понимания природы консультативной юрисдикции.

К консультативному заключению МС ООН от 19 июля 2024 года было подготовлено 14 (!) особых мнений, из которых наибольший интерес представляет особое мнение судьи Дж. Себутинде[835], поскольку в нём, помимо прочего, судьёй

---

832 *Schmid J. C.* Op. cit.

833 *Contesse J.* Op. cit. P. 400–402.

834 ICJ. *Legal Consequences Arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, Including East Jerusalem*. Advisory Opinion of 19 July 2024. P. 65. § 233. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-adv-01-00-en.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

835 ICJ. *Legal Consequences Arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, Including East Jerusalem*. Advisory Opinion of 19 July 2024. Dissenting opinion of Vice-

был поднят важный и имеющий непосредственное отношение к практике Суда ЕАЭС вопрос о том, может ли международный суд в принципе отказаться от выдачи консультативного заключения при наличии возражения государства против юрисдикции суда либо даже в его отсутствие, но по усмотрению суда. По мнению судьи Себутинде, МС ООН должен был воздержаться от вынесения запрошенного консультативного заключения, и в этой ситуации «заключение равносильно одностороннему “судебному аудиту” соблюдения или несоблюдения Израилем норм международного права, который не отражает всестороннего, сбалансированного, беспристрастного и глубокого изучения соответствующих правовых и фактических вопросов»[836]. Надо отметить, что МС ООН никогда не отказывал в выдаче консультативного заключения на основании того, что полученный им запрос касается правовых вопросов спора, на передачу которого в МС ООН стороны не согласны. Однако при этом сам Суд не исключает, что отсутствие такого согласия может стать убедительной причиной для отказа Суда отвечать на полученный запрос. Например, в консультативном заключении от 16 октября 1975 года по *Западной Сахаре* МС ООН отметил, что «отсутствие согласия может стать основанием для отказа дать запрашиваемое заключение, если в обстоятельствах конкретного дела соображения судебной этики обяжут суд отказать в заключении», и что «согласие заинтересованного государства по-прежнему имеет значение, но не для компетенции Суда, а для оценки уместности вынесения заключения», поэтому «в определённых обстоятельствах отсутствие согласия заинтересованного государства может сделать вынесение консультативного заключения несовместимым с судебным характером суда»[837].

Наконец, среди критических аргументов в отношении консультативной юрисдикции не последнее место занимает осознание того, что, консультативные

President Sebutinde. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-adv-01-02-encc.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

836 ICJ. *Legal Consequences Arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, Including East Jerusalem*. Advisory Opinion of 19 July 2024. Dissenting opinion of Vice-President Sebutinde. P. 3. § 2.

837 ICJ. *Western Sahara*. Advisory Opinion of 16 October 1975 // I.C.J. Reports. 1975. P. 24–25. § 32–33.

заключения, несмотря на их необязательный характер, в силу своей влиятельности могут также вносить лепту во фрагментацию международного права. Так же как и при принятии судебных решений по спорам, такие риски возникают в силу, как уже было отмечено выше, децентрализованного характера международного правосудия и отсутствия универсальных правил подведомственности и подсудности. Международные суды могут оказаться (и, как показывает практика, уже оказываются) в ситуации, когда они в своих заключениях толкуют одну и ту же норму международного права, рискуя прийти к разным выводам. Так было с заключением МАСПЧ по *поводу консульской помощи на основании Конвенции о консульских сношениях 1963 года*[838], вынесенным в то время, когда МС ООН уже рассматривал спор, в основе которого лежали эти же нормы[839]. Такой же риск несёт в себе признание региональными международными судами в своих заключениях за той или иной нормой международного права статуса нормы *jus cogens*. Как отмечают исследователи, если исходить из смысла Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, императивные нормы являются общепризнанными универсальными нормами, а значит, такое расширительное толкование МАСПЧ доктрины императивных норм должно напрямую затрагивать интересы как государств, так и других международных судов[840]. Однако данные выводы МАСПЧ не получили дальнейшего развития вне регионального контекста. В результате соответствующие правовые позиции были фактически восприняты как обладающие исключительно региональным значением, а вопрос о полномочиях региональных международных судов по определению за той или иной нормой статуса *jus cogens* так и остался нерешённым[841].

---

[838] IACtHR. *The Right to Information on Consular Assistance in the Framework of the Guarantees of the Due Process of Law*. Advisory Opinion of OC-16/99 of 1 October 1999.

[839] ICJ. *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*. Judgment of 31 March 2004 // I.C.J. Reports. 2004. P. 12.

[840] *Исполинов А. С.* Эволюция и пути развития современного международного правосудия. С. 70.

[841] *Schmid J. C.* Op. cit. P. 451.

5.1.4. Консультативная юрисдикция Суда Евразийского экономического союза

Компетенция по вопросам консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС предусмотрена в пункте 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося Приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, согласно которому Суд Евразийского экономического союза в форме консультативного заключения осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Такие заключения выдаются Судом по запросам государств-членов или органа Союза. Кроме того, с запросами о даче разъяснения в Суд ЕАЭС могут обратиться сотрудники и должностные лица органов Союза и Суда ЕАЭС, но только в части разъяснений положений права ЕАЭС, связанных с трудовыми правоотношениями.

5.1.4.1. *Ratione personae* Суда ЕАЭС в области консультативной юрисдикции

Согласно положениям пункта 46 Статута Суда ЕАЭС право на обращение с запросом в Суд о разъяснении имеют государства-члены и органы Союза по любым вопросам толкования и применения положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, в то время как сотрудники и должностные лица органов Союза могут использовать консультативную юрисдикцию Суда ЕАЭС лишь по вопросам токования и применения норм, связанных с трудовыми правоотношениями. Разъяснение Судом ЕАЭС международного договора Союза с третьей стороной, который согласно пункту 1 статье 6 Договора о ЕАЭС также является составной частью права ЕАЭС, возможно только при условии, если это прямо предусмотрено таким международным договором (пункт 48 Статута).

Говоря о *ratione personae* консультативной юрисдикции Суда, надо отметить, что Суд достаточно строго контролирует формальную составляющую права на обращение к нему за разъяснением. Как будет показано ниже, Суд не принимает к рассмотрению запросы лиц, не названных в пункте 46 Статута[842]. Кроме того, в одном из последних консультативных заключений Суд ЕАЭС подчеркнул, что заявление о разъяснении не может не иметь «предмета», поэтому лица, обращающиеся с запросом на получение разъяснения, должны подтвердить материально-правовые условия своего права, а их отсутствие является основанием для Суда не делать разъяснение по запросу этих лиц[843]. Иными словами, запрос не может носить чисто умозрительный характер и должен быть связан с определённой ситуацией, возникшей у заявителя. Нельзя не отметить, что Суд ЕАЭС с пониманием относится к тому, что его юрисдикция в ряде вопросов ограничена, и изменение компетенции *ratione personae* не относится к его полномочиям. В консультативном заключении от 12 февраля 2025 года[844] Суд указал, что «отнесение к компетенции Суда разрешения споров с участием заявителей, не наделённых в Договоре правом на обращение в Суд, составляет прерогативу государств — членов Союза согласно общепризнанному международно-правовому подходу о том, что наделение международного суда компетенцией основывается на согласии государств, что вытекает из пункта 40 Статута Суда»[845], поэтому Суд приходит к выводу, что «субъектная компетенция Суда по рассмотрению таких требований в случае их предъявления физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями, нормами права Союза не предусмотрена»[846], «наделение Суда компетенцией по рассмотрению дел

---

[842] «Указанный в пункте 46 Статута перечень субъектов, наделенных правом обращения с заявлением о разъяснении для рассмотрения на Большой коллегии Суда, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит» (Суд ЕАЭС. Постановление Большой коллегии от 8 декабря 2020 года по делу № Р-4/20. С. 2. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.20/ (дата обращения: 25.12.2025)).

[843] См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 28 марта 2024 года по делу № Р-2/24.

[844] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 12 февраля 2025 года по делу № Р-6/24. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (дата обращения: 25.12.2025).

[845] Там же. С. 7.

[846] Там же.

с участием физических лиц не может быть реализовано им самостоятельно»[847] и «изменение компетенции Суда может быть осуществлено государствами — членами Союза посредством внесения соответствующих поправок в Статут Суда на основании статьи 115 Договора»[848].

Пункт 49 Статута Суда ЕАЭС устанавливает, что от имени государства с запросом в Суд обращаются только уполномоченные органы и организации, перечень которых определяется самостоятельно каждым государством — членом Союза. Такая формулировка допускает, что этот перечень может состоять только из одного ведомства (как в случае с Россией, где это право сначала было закреплено за Министерством юстиции, а теперь перешло к Генеральной прокуратуре) либо из нескольких ведомств и даже неправительственных организаций (как в случае с Казахстаном, где это право предоставлено, помимо ряда ведомств, ещё и Национальной палате предпринимателей «Атамекен»). Согласно статистике Суда ЕАЭС преобладающее число запросов на консультативные заключения на практике составляют обращения со стороны Евразийской экономической комиссии. Безусловно, это демонстрирует заинтересованность ЕЭК в заключениях Суда ЕАЭС для устранения пробелов в Договоре о ЕАЭС. В таких ситуациях ЕЭК берёт на себя функцию поиска и выявления проблемы и корректного преподнесения её Суду. В свою очередь, Суд на основе уже подготовленной Комиссией базы выносит консультативное заключение.

Насчёт правоспособности государств и ЕЭК как инициаторов запросов на консультативные заключения вопросов не возникает. Однако возможность использования консультативной юрисдикции должностными лицами органов Союза вызывает некоторые сомнения в правильности данного пути, что отчасти связано с общим недостатком юрисдикции Суда ЕАЭС с точки зрения допуска частных лиц к его правосудию. Статья 2 Договора о ЕАЭС указывает на категории служащих ЕАЭС, относя к ним сотрудников и должностных лиц.

---

[847] Там же. С. 8.
[848] Там же.

Сотрудники — это граждане государств — членов ЕАЭС, работающие в органах Союза на основе заключаемых с ними трудовых договоров (контрактов), не являющиеся должностными лицами; а должностные лица — это граждане государств-членов, назначенные на должности директоров департаментов Евразийской экономической комиссии и заместителей директоров департаментов Комиссии, а также руководителя Секретариата Суда Союза, заместителей руководителя Секретариата Суда Союза и советников судей Суда Союза. И сотрудники, и должностные лица являются международными служащими.

Стоит отметить, что, за исключением Суда ЕАЭС, все остальные постоянно действующие суды интеграционных объединений наделены правом рассматривать трудовые споры с участием служащих институтов этих объединений. Если же постоянно действующий суд интеграционного объединения не был создан, такие споры передаются на рассмотрение в административные трибуналы Международной организации труда или ООН. В любом случае национальные суды отстранены от рассмотрения подобного рода дел. Вместе с тем Статут Суда Союза не предусматривает юрисдикции Суда по трудовым спорам. В Договоре о ЕАЭС (пункт 2 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе; Приложение № 32 к Договору о ЕАЭС; *далее* — Положение) указано, что сотрудники институтов Союза обладают статусом международных служащих; кроме того, пункт 43 Положения, как уже отмечалось выше, содержит не лишённую дискуссионности фразу о том, что трудовые отношения служащих институтов Союза регулируются законодательством государства пребывания с учётом норм Договора о ЕАЭС. Судя по всему, это означает, что все трудовые споры с участием служащих будут или рассматриваться национальными судами, или не будут рассматриваться судами вообще, что в значительной степени нивелирует гарантии беспрепятственного осуществления международными служащими своей деятельности. Сам же Суд ЕАЭС, как уже ранее указывалось, вправе лишь давать необязательные консультативные заключения по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза по вопросам их трудовых отношений.

На практике консультативные заключения по запросам служащих и должностных лиц институтов Союза выполняют двоякую роль. С одной стороны, они используются для решения таких внутриорганизационных проблем ЕАЭС, как принятие сотрудников по конкурсу, их увольнение, перевод, аттестация. С другой стороны, предоставление служащим и должностным лицам институтов Союза возможности запрашивать заключения Суда ЕАЭС по трудовым правоотношениям можно объяснить желанием разработчиков Статута Суда хоть каким-то образом компенсировать отсутствие у этих лиц права передать трудовой спор на его рассмотрение. В этом отношении консультативные заключения могут представлять собой альтернативу судебному рассмотрению трудовых споров служащих ЕАЭС, поскольку Суд толкует нормы права ЕАЭС не абстрактно, а в их применении к обстоятельствам конкретного дела с участием конкретного служащего.

В этой связи несомненный интерес представляет консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 года[849] по запросу бывших (Т. И. Брыновой) и действующих (П. П. Мысливского, А. А. Панова) сотрудников Суда. Заявители, в частности, просили разъяснить применение пункта 53 Положения к ситуации, при которой должностное лицо или сотрудник органа ЕАЭС был уволен из этого органа в период действия редакции нормы, предусматривавшей наличие стажа работы в органе Союза продолжительностью 12 месяцев, а представление руководителя органа ЕАЭС о назначении пенсии за выслугу лет направлено в уполномоченный орган государства-члена после вступления в силу Протокола от 24 марта 2022 года (*далее* — Протокол), увеличившего требование к стажу работы до трёх лет. Суд указал, что вопросы, касающиеся трудовых отношений должностных лиц и служащих органов Союза, относятся к его компетенции, поскольку правоотношения, связанные с предоставлением социальных гарантий в области пенсионного обеспечения, возникают только на основе трудовых отношений этих лиц с органами Союза,

[849] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 28 марта 2024 года по делу № Р-2/24.

и такие гарантии являются неотъемлемым элементом статуса должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда как международных служащих. По мнению Суда, норма пункта 53 Положения создаёт основание для возникновения права на пенсию за выслугу лет при условии наличия стажа государственной гражданской службы продолжительностью 15 лет и работы в Комиссии и Суде непосредственно перед увольнением в течение не менее 12 месяцев (впоследствии данный срок был скорректирован в сторону увеличения Протоколом). Учитывая подход, сложившийся в практике международных судебных органов, а также недопустимость ретроактивного применения регулирования, ухудшающего правовое положение лиц, Суд пришёл к выводу, что действие новой редакции пункта 53 Положения не распространяется на международных служащих органов Союза, чьё право на пенсию за выслугу лет возникло до вступления в силу соответствующих изменений. Таким образом, должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда, которые приобрели право на пенсию за выслугу лет в соответствии с пунктом 53 Положения в редакции, действовавшей до 24 января 2023 года (дата вступления в силу Протокола), и были освобождены от должностей, замещаемых в Комиссии или Суде (за исключением случаев освобождения, связанных с виновными действиями), сохраняют своё право на пенсию за выслугу лет на прежних условиях[850].

При оценке выводов данного консультативного заключения немаловажную роль играет предшествующий ему отказ Тверского районного суда города Москвы в удовлетворении иска Т. И. Брыновой к Министерству труда и социальной защиты РФ о признании незаконным отказа в назначении пенсии и признании права на назначение пенсии за выслугу лет[851]. При рассмотрении данного спора суд первой инстанции сослался на положения Договора о ЕАЭС и учёл изменения, внесённые Протоколом в пункт 53 Положения. Однако, анализируя

---

[850] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 28 марта 2024 года по делу № Р-2/24. С. 15. Пункт 21.1.

[851] Решение Тверского районного суда города Москвы от 31 октября 2023 года по делу № 02-4594/2023. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/aca91471-4b21-11ee-a9a3-352c3040d4b4 (дата обращения: 25.12.2025).

положения статьи 106.1 Договора о ЕАЭС в редакции Протокола, национальный суд пришёл к выводу, что каких-либо исключений относительно применения требования пункта 53 Положения в новой редакции в части непрерывности замещения должности в Суде Союза (не менее 3 лет перед увольнением) статья не содержит. Таким образом была дана интерпретация положений Договора, расходящаяся с последующей правовой позицией Суда Союза, органа, призванного обеспечивать единообразное применение права ЕАЭС.

23 ноября 2023 года заявительница обжаловала решение суда первой инстанции в апелляционном порядке и почти в это же время обратилась с запросом в Суд ЕАЭС о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения, очевидно, желая получить разъяснение Суда с целью его использования в национальном процессе. Суд ЕАЭС вынес упомянутое выше консультативное заключение 28 марта 2024 года, указав, что «в отношении бывшего международного служащего Союза не подлежит ретроактивному применению нормативное регулирование, ухудшающее его правовое положение»[852]. Однако Московский городской суд в апелляционном определении от 16 июля 2024 года[853] не согласился с выводами Суда ЕАЭС и, сославшись на рекомендательный характер консультативного заключения, в удовлетворении апелляционной жалобы отказал. В кассационном порядке судебные акты нижестоящих судов были обжалованы уже не только истицей, но также и. о. прокурора города Москвы. Судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции, не ссылаясь на консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 года, судебные акты первой и апелляционной инстанций отменила и направила дело на новое рассмотрение, установив, что судами при разрешении данного спора было допущено неправильное толкование и применение норм материального права

---

[852] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 28 марта 2024 года по делу № Р-2/24. С. 13.

[853] Решение Московского городского суда от 16 июля 2024 года по делу № 33-24245/2024. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/2d18c5c0-1777-11ef-abcb-0f4db69112a8 (дата обращения: 25.12.2025).

в нарушение принципа действия закона во времени[854]. Решением Тверского районного суда от 3 апреля 2025 года требования заявительницы были удовлетворены[855].

5.1.4.2. *Ratione materiae* Суда ЕАЭС в области консультативной юрисдикции

Как уже отмечалось ранее, к предметной компетенции международных судов выносить консультативные заключения (*ratione materiae*) относятся их полномочия в области разъяснения (толкования) конкретных норм. В пункте 46 Статута Суда ЕАЭС указывается, что Суд осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. В практике Суда выработана соответствующая правовая позиция, согласно которой Суд, основываясь на системном толковании положений пункта 2 статьи 8, пункта 2 статьи 19 Договора о ЕАЭС, главы IV «Компетенция Суда» Статута, статей 10 и 73 Регламента[856], наделён полномочиями разъяснять исключительно положения права Союза, которые отнесены к его компетенции Договором и международными договорами в рамках Союза[857], но речь идёт только о действующих нормах права Союза[858]. Кроме того, по мнению Суда, «предметом

---

[854] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2024 года по делу № 8Г-31567/2024 [88-28239/2024].

[855] Решение Тверского районного суда города Москвы от 3 апреля 2025 года по делу № 02-0972/2025. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/aaed8a50-b21b-11ef-a996-335a79407c45 (дата обращения: 25.12.2025).

[856] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза».

[857] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 13 ноября 2024 года по делу № Р-3/24. С. 2. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.24/ (дата обращения: 25.12.2025).

[858] В постановлении Большой коллегии от 28 февраля 2022 года по делу № Р-1/22 Суд указал, что разъяснение положений не вступившего в силу технического регламента не входит в предметную компетенцию Суда по рассмотрению заявления о разъяснении права Союза. См.: Суд ЕАЭС. Постановление Большой коллегии от 28 февраля 2022 года по делу № Р-1/22.

разъяснения является не только абстрактное толкование… норм Договора, то есть установление их общего содержания, но и уяснение значения правовых норм применительно к конкретным обстоятельствам, то есть толкование *in concreto*»[859].

Стоит отметить, что *ratione materiae* не всегда очевидна, что может привести к определённым разногласиям внутри Суда. В этой связи представляет интерес постановление Большой коллегии Суда ЕАЭС от 23 января 2025 года об отказе в принятии к производству заявления Кыргызской Республики в лице Министерства экономики и коммерции Кыргызской Республики о разъяснении отдельных положений Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 года[860], в котором Коллегия посчитала, что «указанные в заявлении Министерства экономики и коммерции Кыргызской Республики вопросы относятся к правоотношениям, регулируемым национальным законодательством в сфере налогового администрирования, поставленные вопросы не требуют разъяснения в связи с неточностью либо нечёткостью норм права Союза, а содержащиеся в заявлении вопросы о разъяснении не относятся к предметной компетенции Суда в силу пункта 46 Статута»[861]. В качестве аргументов, послуживших основанием для отказа в принятии заявления о разъяснении, Большая коллегия Суда отметила, что, во-первых, в заявлении о разъяснении не указано, какие конкретно положения Договора являются неопределёнными либо неточными, допускают противоречивое толкование и требуют разъяснения; а во-вторых, вопросы установления плательщиков НДС (в том числе и филиалов) при реализации товара внутри государства-члена и квалификация отношений по реализации товара (в отличие от экспорта/импорта товара), оформления налоговой документации

URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/npp-atameken-o-razyasnenii-polozheniy-tr-eaes-o-bezopasnosti-khimicheskoy-produktsii/ (дата обращения: 25.12.2025).

859 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 11 декабря 2017 года по делу № Р-5.17. С. 3. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.17/ (дата обращения: 25.12.2025).

860 Суд ЕАЭС. Постановление Большой коллегии от 23 января 2025 года по делу № Р-1/25. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-1-25-ministerstvo-ekonomiki-i-kommertsii-kyrgyzskoy-respubliki-o-razyasnenii-polozheniy-dogovora-o/ (дата обращения: 25.12.2025).

861 Там же. С. 3.

и зачёта НДС регулируются национальным правом в сфере налогового администрирования и не входят в компетенцию Суда.

Четыре судьи из десяти не согласились с выводами Большой коллегии и представили особые мнения[862]. Согласно совместному особому мнению судей М. Т. Кайыпова, А. Б. Кишкембаева и Н. В. Павловой заявитель, «во-первых, указал нормы, требующие разъяснения, во-вторых, описал ситуацию, в контексте которой возникла неопределённость в толковании и применении норм (с учётом возникновения ситуации двойной уплаты НДС и подачи компанией в Кыргызской Республике и её филиалом в Российской Федерации уточнённых деклараций), в-третьих, обосновал трансграничный характер отношений и международно-правовой характер норм, регламентирующих отношения и нуждающихся в разъяснении»[863]. Судьи также подчеркнули, что «материально-правовые основания правомерности/неправомерности уплаты НДС при импорте во взаимной торговле государств — членов ЕАЭС, а также возврата необоснованно уплаченного НДС при импорте в случае признания его таковым регламентируются нормами международного права, относящимися к праву Союза (разъяснять которые уполномочен Суд ЕАЭС. — *О. К.*)»[864]. Кроме того, судьи в коллективном особом мнении указали, что решение о том, относится ли вопрос к предметной компетенции Суда, не может быть решён на стадии принятия заявления к производству, поскольку, являясь результатом рассмотрения существа дела, носит не процессуальный характер, а затрагивает материальную сторону правоотношения. По мнению судьи А. М. Ажибраимовой[865], комментируемое постановление Большой коллегии Суда «свидетельствует о создании практики, принципиально противоположной уже имеющейся практике Суда ЕАЭС», что

---

[862] Институт особых мнений в международном правосудии выступает индикатором противоречий внутри суда и отчасти подсвечивает проблемы суда. Подробнее см.: *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). С. 57–72.

[863] Суд ЕАЭС. Особое мнение судей Кайыпова М. Т., Кишкембаева А. Б., Павловой Н. В. *от* 23 января 2025 года по делу № Р-1/25.

[864] Там же. С. 3.

[865] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Ажибраимовой А. М. от 23 января 2025 года по делу № Р-1/25.

противоречит таким целям деятельности Суда, как «обеспечение в соответствии с положениями Статута Суда единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза»[866]. В данном случае речь идёт о консультативном заключении Большой коллегии Суда, вынесенном по заявлению Министерства экономики и коммерции Кыргызской Республики о разъяснении пункта 6 статьи 72 Договора от 12 октября 2022 года[867], которое, по мнению судей, выразивших особые мнения, лишь частично охватило вопросы, изложенные в заявлении.

5.1.4.3. Влияние консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС на право ЕАЭС

По замыслу государств — учредителей ЕАЭС, Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью и имеющей наднациональные институты (ЕЭК и Суд ЕАЭС). Как уже указывалось выше, в ЕАЭС сформирован собственный правопорядок и осуществляется наднациональное регулирование. В соответствии со статьёй 6 Договора о ЕАЭС его право составляют Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках ЕАЭС, международные договоры ЕАЭС с третьей стороной, решения и распоряжения органов ЕАЭС. Договор о ЕАЭС — это ядро правопорядка ЕАЭС, правовая основа Союза и его правовой системы. Особенностью Договора о ЕАЭС является то, что он представляет собой не только учредительный акт международной организации, но и содержит положения, регулирующие основные принципы функционирования, цели и компетенции Союза, правила функционирования таможенного союза в рамках

---

[866] Там же. С. 5.

[867] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 12 октября 2022 года по делу № Р-2/22. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P.2-22/ (дата обращения: 25.12.2025).

ЕАЭС и внутреннего рынка. Подходы к наднациональному регулированию и к особенностям правопорядка в Договоре о Евразийском экономическом союзе не определены и выработаны в практике Суда ЕАЭС именно посредством консультативных заключений. Во-первых, Суд Союза в праве Союза видит «единую систему»[868], во-вторых, право Союза обладает свойствами «прямого действия и непосредственного применения» (в терминологии Суда)[869], и наконец, право Союза имеет верховенство (приоритет) над правом государств-членов[870]. Кроме того, в практике Суда ЕАЭС мы также обнаруживаем ссылки на принципы права Союза, что позволяет говорить о формировании группы собственных общих принципов права ЕАЭС как особой черты правопорядка ЕАЭС (это описывается в главе 2 настоящей диссертации).

5.1.1.4. Иные функции консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС

Практика консультативных заключений Суда ЕАЭС также демонстрирует многообразие функций консультативной юрисдикции Суда при её использовании заявителями. Примерами традиционных черт консультативной юрисдикции с целью решения внутриорганизационных проблем ЕАЭС являются консультативные заключения от 16 октября 2019 года о *разъяснении положений*

---

[868] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 10 июля 2018 года по делу № Р-1/18.

[869] См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 4 апреля 2017 года по делу № Р-1/17; Консультативное заключение Большой коллегии от 10 июля 2018 года по делу № Р-1/18; Консультативное заключение Большой коллегии от 7 декабря 2018 года по делу № Р-3/18; Консультативное заключение Большой коллегии от 18 июня 2019 года по делу № Р-1/19; Консультативное заключение Большой коллегии от 31 октября 2019 года по делу № Р-3/19; Консультативное заключение Большой коллегии от 11 июля 2023 года по делу № Р-2/23.

[870] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 12 сентября 2017 года по делу № Р-2/17; Консультативное заключение Большой коллегии от 7 декабря 2018 года по делу № Р-3/18; Консультативное заключение Большой коллегии от 18 июня 2019 года по делу № Р-1/19.

Договора и Положения о ЕЭК в части отмены или внесения изменений в решения Коллегии ЕЭК; от 20 декабря 2018 года о *пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов ЕАЭС*; от 28 марта 2016 года об *аттестации сотрудников ЕЭК*.

Подготовленное по запросу ЕЭК консультативное заключение от 7 декабря 2018 года о *профессиональных спортсменах*[871] позволяет предположить, что отсутствие в Статуте Суда ЕАЭС преюдициальной юрисдикции может быть частично преодолено через запросы ЕЭК, направляемые в Суд после анализа соответствующей правоприменительной практики судов государств — членов Союза. Если это предположение является справедливым, то консультативным заключениям Суда будет постепенно придаваться всё больший вес и авторитет, некая особая интерпретационная значимость (*res interpretata*)[872].

В полном соответствии с приведённой выше практикой международных судов ещё одна функция консультативных заключений Суда ЕАЭС состоит в предотвращении и разрешении конфликтов (споров) как между государствами — членами ЕАЭС, так и между государствами — членами Союза и его институтами. Такая альтернатива судебному разрешению конфликтов имеет свои, также отмеченные выше, преимущества и может показаться очень привлекательной сторонам спора. Например, консультативное заключение Суда ЕАЭС от 10 июля 2020 года по делу о *лизинге* по заявлению Минюста России было впервые использовано для разрешения спорной ситуации между ЕЭК и Российской Федерацией[873].

Ещё одним очень перспективным направлением консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС может стать функция преодоления конфликтов

---

[871] См.: Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 7 декабря 2018 года по делу № Р-3/18.

[872] *Чайка К. Л.* Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 147–166, 154.

[873] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 10 июля 2020 года по делу № Р-1/20. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.20/ (дата обращения: 25.12.2025). См. также: Кадышева О.В. Заключение Суда ЕАЭС по делу о лизинге: новые аспекты консультативной юрисдикции // Российский юридический журнал. 2021. № 5 (140). С. 71-81.

толкований, по факту уже возникающих при разрешении споров двумя коллегиями Суда ЕАЭС, которые действуют как самостоятельные мини-суды. В этом отношении показательна история с делом *ЗАО «Транс Логистик Консалт»*[874], где как раз и возникла такая ситуация, которую пыталась преодолеть Апелляционная палата Суда ЕАЭС, направив запрос в Большую коллегию Суда о соответствующем заключении[875]. Запрос Апелляционной палаты Суда ЕАЭС был отклонён, поскольку перечень субъектов, наделённых правом обращения с заявлением о разъяснении для рассмотрения Большой коллегией Суда, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит (в соответствии с постановлением Большой коллегии Суда ЕАЭС от 8 декабря 2020 года[876]). На наш взгляд, наиболее разумным, правомерным и эффективным выходом из таких ситуаций было бы обращение ЕЭК в Суд ЕАЭС с соответствующим запросом.

5.1.4.5. Юридическая сила консультативных заключений Суда ЕАЭС

В соответствии с пунктом 98 Статута Суда ЕАЭС консультативное заключение по заявлению о разъяснении носит рекомендательный характер. Однако нельзя сказать, что консультативные заключения Суда ЕАЭС не влекут никаких правовых последствий и не имеют никакого юридического значения. Несмотря на отсутствие у заключений Суда ЕАЭС обязательной силы, им постепенно начинает придаваться всё больший вес и авторитет, некая особая интерпретационная значимость (*res interpretata*). К тому же, в отличие от решений по спорам, которые, строго говоря, обязательны только для сторон этого спора,

---

[874] См.: Суд ЕАЭС. Карточка дела № С-2/19. URL: https://courteurasian.org/court_cases/C-2.19/ (дата обращения: 25.12.2025).

[875] Суд ЕАЭС. Постановление Апелляционной палаты от 7 октября 2020 года по делу № С-2/19.

[876] Суд ЕАЭС. Постановление Большой коллегии от 8 декабря 2020 года по делу № Р-4/20. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.20/ (дата обращения: 25.12.2025).

правовые позиции, положенные в основу консультативных заключений, с самого начала обладают характером *erga omnes*. И наконец, консультативные заключения Суда ЕАЭС позволяют решить целый ряд инструментальных задач и в целом компенсировать ограничение государствами-членами юрисдикции Суда.

Консультативные заключения Суда ЕАЭС содержат интерпретацию (толкование) общих вопросов, касающихся всех государств — членов ЕАЭС, воплощённую в правовые позиции Суда ЕАЭС. Последние позволяют обеспечивать единообразное применение положений права ЕАЭС. Поэтому они должны обладать высоким авторитетом, что позволит активно использовать позиции Суда для установления содержания функционирующих в Союзе норм как при урегулировании разногласий, так и для уточнения ранее высказанных позиций самого Суда. Можно предположить, что уже сейчас консультативные заключения Суда, содержащие интерпретацию общих вопросов, представляют собой нечто большее, чем толкование норм права в рамках конкретной ситуации, описываемой в запросе, поскольку такие заключения часто выходят за рамки чистого толкования норм права, а правовые позиции, положенные в их основу, отражают более широкие правовые аспекты: во-первых, они служат основой для будущих правовых позиций, влияя на развитие права ЕАЭС в целом; и, во-вторых, содержат интерпретацию основ права Союза и помогают установить и распространить стандарты поведения на участников правоотношений.

5.1.5. Основные выводы по параграфу

Приведённая выше практика консультативных заключений органов международного правосудия ставит под сомнение представление о том, что консультативная юрисдикция является дополнительной по отношению к юрисдикции по рассмотрению споров. Этот вид юрисдикции международных судов имеет огромный потенциал, однако её эффективное использование зависит

как от её модификации, так и от желания и умения всех заинтересованных сторон к ней обращаться. Наличие консультативной юрисдикции в учредительных документах того или иного суда само по себе не гарантирует её широкое применение данным судом[877].

В том, что касается правового эффекта или юридической силы консультативных заключений, не имеющих, по общему правилу, обязательной силы, то, на наш взгляд, можно говорить лишь об убедительности заключений и о том, что государства принимают их во внимание. При этом консультативные заключения не всех международных судов, обладающих соответствующей компетенцией, являются убедительными. Степень убедительности варьируется от суда к суду в зависимости от их авторитета и репутации, от того, оказывают ли они влияние, как Международный Суд ООН, на всё международное право, или являются влиятельными лишь в рамках секторальных или региональных правопорядков. Такие консультативные заключения может ждать разная судьба: от полного забвения и игнорирования до повсеместного признания государствами и доктриной кардинально изменившими ту или иную отрасль международного права или тот или иной правопорядок[878].

Статистика первых десяти лет деятельности Суда ЕАЭС убедительно показывает, что вопреки ожиданиям представителей доктрины консультативная юрисдикция не только успешно конкурирует с юрисдикцией по разрешению споров с точки зрения количества рассмотренных Судом Союза в их рамках дел, но и с точки зрения качественного влияния на формирование правопорядка ЕАЭС и на эффективную работу его институтов. Особое значение имеют заключения, в которых Суд посредством своих правовых позиций формулирует доктрины права Союза, такие как приоритет (верховенство) права Союза и непосредственное действие (прямой эффект) права ЕАЭС, выполняя тем самым свою основную миссию по выстраиванию целостного, устойчивого и

---

[877] *Кадышева О.В.* Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС. С.227.

[878] Там же. С. 227-228.

эффективного правопорядка ЕАЭС. Суд ЕАЭС последовательно формирует свои правовые позиции и доводит их до широкого круга лиц, преимущественно в виде консультативных заключений по конкретным делам. Это представляет колоссальный интерес для практикующих юристов и создаёт разумные ожидания для сторон спора, обеспечивая тем самым судебную защиту нарушенных и/или оспоренных прав[879].

Несмотря на отсутствие у заключений Суда ЕАЭС обязательной силы, им постепенно начинает придаваться всё больший вес и авторитет, некая особая интерпретационная значимость (*res interpretata*). К тому же, в отличие от решений по спорам, которые, строго говоря, обязательны только для сторон этого спора, правовые позиции, положенные в основу консультативных заключений, с самого начала обладают характером *erga omnes*. И наконец, консультативные заключения Суда ЕАЭС позволяют решить целый ряд инструментальных задач и в целом компенсировать ограничение государствами-членами юрисдикции Суда.

Консультативные заключения Суда ЕАЭС содержат интерпретацию (толкование) общих вопросов, касающихся всех членов ЕАЭС, воплощённую в правовые позиции Суда ЕАЭС. Последние позволяют обеспечивать единообразное применение положений права ЕАЭС. Поэтому они должны обладать высоким авторитетом, что позволит активно использовать позиции Суда для установления содержания функционирующих в Союзе норм как при урегулировании разногласий, так и для уточнения ранее высказанных мнений самим же Судом. Можно предположить, что уже сейчас консультативные заключения Суда, содержащие интерпретацию общих вопросов, представляют собой нечто большее, чем толкование норм права в рамках конкретной ситуации, описываемой в запросе, поскольку такие заключения часто выходят за рамки чистого толкования норм права, а правовые позиции, положенные в их основу, отражают более широкие правовые аспекты: во-первых, они служат основой для будущих правовых позиций, влияя на развитие права ЕАЭС в целом; и, во-вторых,

---

[879] Там же. С. 228.

содержат интерпретацию основ права Союза и помогают установить и распространить стандарты поведения на участников правоотношений[880].

5.2. Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза[881]

Рост количества международных судов и выносимых ими решений перевёл вопросы исполнения решений этих судов из разряда умозрительных в практическую плоскость. Распространённый легалистский подход к этим вопросам, согласно которому исполнение решений государствами просто презюмируется в силу принципа *pacta sunt servanda*, оказался неподходящим, чтобы объяснить, что все без исключения международные суды в той или иной степени сталкиваются с проблемой исполнения выносимых ими решений. Анализ и обобщение уже накопленного эмпирического материала (чему поспособствовали открытость и публичность международного правосудия) привели к появлению многочисленных исследований как общих вопросов исполнения решений международных судов, так и специфики исполнимости решений отдельных международных судов (Международного Суда ООН, Суда Европейского союза, Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации). Не стал исключением и Суд Евразийского экономического союза, также накопивший за первые девять лет своей деятельности опыт в этом отношении. Статут Суда устанавливает право Евразийской экономической комиссии самостоятельно избирать форму и способ исполнения решения Суда ЕАЭС, но дискреция Комиссии при исполнении решений остаётся достаточно широкой. Практика Суда ЕАЭС демонстрирует желание Суда изменить существующий

---

[880] *Кадышева О.В.* Пределы судебной защиты в рамках консультативной юрисдикции Суда Евразийского экономического союза. С. 79

[881] При подготовке параграфа использованы материалы статьи: *Кадышева О.В.* Проблемные вопросы исполнения решений Суда Евразийского экономического союза: *experientia docet* // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 1 (49). С. 56-74.

(предусмотренный Статутом Суда) порядок исполнения его решений, что свидетельствует об определённом судейском активизме. Этот неоднозначный, на наш взгляд, подход Суда ЕАЭС к вопросам правовых последствий и исполнения решений отчасти вошёл в противоречие с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, о которой пойдёт речь ниже, что также требует соответствующего анализа и осмысления.

5.2.1. Исполнение решений органов международного правосудия: общие вопросы

Принято считать, что вопросы исполнения решений международных судов являются частью более глобальной проблемы соблюдения (*compliance*) государствами норм международного права[882]. Обязательства государств исполняются в соответствии с принципами *pacta sunt servanda* и *bona fides*, которые являются частью основы и надлежащего функционирования международных отношений и сотрудничества между государствами. Неисполнение решений постоянно действующих органов правосудия может создать угрозу целостности институциональных систем, их авторитету и жизнеспособности. Исполнение решения происходит, когда государство или другой субъект, подчиняющийся суду, выполняет действия, требуемые судебным актом (или воздерживается от действий, им запрещённых), при этом в рамки исполнения не входит совершение действий, не требуемых решением, а также действия, предпринятые в ответ на решение, но им не предписанные[883].

В международном праве исполнение вынесенного международным судом решения всегда зависит от согласия государств. В некоторых случаях

---

[882] *Исполинов А.* Исполнение решений международных судов: теория и практика. С. 46.

[883] *Huneeus A.* Compliance with International Court Judgments and Decisions. University of Wisconsin Law School Legal Studies Research Paper No. 1219. 2013. P. 6. URL: https://ssrn.com/abstract=2198595 (дата обращения: 25.12.2025).

государства могут в силу разных причин отказаться исполнять решение международного суда, что затрудняет исполнение решений, поскольку органы международного правосудия не снабжены инструментами принуждения к исполнению их решений по образу и подобию национальных правовых систем. Именно поэтому исполнение решений международных судов напрямую зависит от государств, которые выступают сторонами спора. Когда суд выносит решение по существу спора, одна или другая сторона, или обе стороны по факту находятся в положении необходимости совершить какое-либо ретроактивное или перспективное действие, или уклониться от совершения действий, которые будут представлять собой исполнение решения суда или неисполнение решения суда, поэтому исполнение решения — это не действия суда, это действия государств[884].

Необходимый фундамент для анализа исполнения решений Суда Евразийского экономического союза, позволяющий комплексно подойти к рассмотрению проблем правовых последствий и надлежащего исполнения его решений, составляют некоторые эмпирические постулаты. Во-первых, в современном международном правосудии отсутствует какой-либо шаблонного порядка действий по исполнению выносимых международными судами решений. Произвольный и некоординированный характер процесса создания международных судов приводит на практике к тому, что учредительные документы международных судов, определяющие такие вопросы, как компетенция суда, правовые последствия выносимых этим судом решений, порядок их исполнения и контроль над таким исполнением, имеют сугубо индивидуальный характер для каждого отдельного международного суда и зависят от подхода создавших этот суд государств и их предпочтений. Неслучайно в литературе отмечается, что «государства, создавая международные суды, сами решают, как и в какой степени будут исполняться судебные решения

---

[884] Суд «не может заниматься выбором между различными практическими шагами, которые государство может предпринять для исполнения решения». См.: ICJ. *Northern Cameroons (Cameroon v. United Kingdom).* Judgment of 2 December 1963 // I.C.J. Reports. 1963. P. 37.

и что будет в том случае, если государство откажется исполнять вынесенное против него решение»[885]. При этом подходы, используемые государствами при создании того или иного суда, достаточно разнообразны, что лишний раз подтверждает особенности международных судов, отличающие их от национальных. Например, как будет показано ниже, механизм разрешения споров Всемирной торговой организации позволяет, пусть и не на постоянной основе, а избирательно, государству-ответчику продолжить применять за определённую сумму компенсации оспоренную и признанную не соответствующей правилам ВТО меру. Во-вторых, суды региональных интеграционных объединений (Европейский союз, Евразийский экономический союз) имеют свои ярко выраженные особенности, поскольку в рамках этих объединений функционируют специальные наднациональные органы (Европейская комиссия — в ЕС, Евразийская экономическая комиссия — в ЕАЭС), которые наделены правом принимать общеобязательные нормативные акты, полностью замещающие соответствующие национальные нормы и подлежащие применению всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого объединения и их национальными судами[886]. Именно в рамках региональных интеграционных объединений государства создают постоянно действующие суды не только для разрешения межгосударственных споров, но в первую очередь для осуществления контроля над правомерностью принимаемых уполномоченными органами актов.

Реализация права контроля за легитимностью актов наднациональных органов возможна не только со стороны государств, но и со стороны частных лиц, если данные акты затрагивают их права и законные интересы. Отсутствие у частных лиц доступа в международный суд может стать основанием для обращения в национальные конституционные суды, а это, в свою очередь, может привести к разному пониманию правовых последствий и порядка исполнения решений судов интеграционных объединений. Особенно велик риск

---

[885] *Исполинов А.* Исполнение решений международных судов: теория и практика. С. 63–64.

[886] Подробнее см.: *Исполинов А. С.* Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? С. 110–111.

возникновения таких конфликтных ситуаций в том случае, если эти вопросы нечётко решены в учредительных документах суда регионального интеграционного объединения.

5.2.2. Правовое регулирование исполнения и правовых последствий решений Суда Евразийского экономического союза

Целью деятельности Суда Евразийского экономического союза является обеспечение единообразного применения государствами — членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза (пункт 2 Статута Суда ЕАЭС). Одним из главных отличий Суда ЕАЭС от Суда Европейского союза является то, что Суд ЕАЭС осуществляет контроль над актами наднационального органа — Евразийской экономической комиссии — не в рамках процедуры аннулирования, когда оспоренный акт признаётся недействительным *ab initio*, а в порядке признания несоответствия таких актов праву ЕАЭС. Соответствующая процедура регулируется несколькими пунктами Статута Суда ЕАЭС. В соответствии с пунктом 100 Статута по результатам рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов (подпункт 2 пункта 39 Статута) Суд выносит решение о соответствии или несоответствии акта Евразийской экономической комиссии праву ЕАЭС, которое является обязательным для исполнения Комиссией. В силу пункта 111 Статута решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с правом Союза. При этом в Статуте особо отмечается, что действие оспоренного решения Комиссии продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией

данного решения Суда. Пунктом 103 предусмотрено, что стороны спора без ущерба положениям пунктов 111–113 Статута самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Таким образом, роль Суда ЕАЭС в процессе исполнения решений сведена к достаточно ограниченному кругу действий. Во-первых, Суд вправе самостоятельно установить срок для исполнения своего решения (абзац третий пункта 111 Статута Суда). Во-вторых, Суд может приостановить действие оспоренного решения Комиссии при наличии соответствующего ходатайства стороны спора (пункт 112 Статута Суда). Например, решением Коллегии Суда ЕАЭС от 8 декабря 2022 года по делу № С-6/22 впервые (и пока единственный раз в практике Суда) было приостановлено оспоренное ООО «Польские машины» решение ЕЭК[887]. В-третьих, Суд может обратиться в Высший Евразийский экономический совет (*далее* — Высший совет) для принятия мер по исполнению решения Суда при наличии соответствующего ходатайства хозяйствующего субъекта (пункт 115 Статута Суда); и, наконец, может проинформировать Высший совет об исполнении принятого Судом решения в ежегодном отчёте о деятельности Суда (пункт 120 Статута Суда).

Важно отметить, что в соответствии с пунктом 114 Статута Суда ЕАЭС в случае неисполнения решения Суда государством — членом Союза, выигравшее спор государство вправе напрямую обратиться в Высший совет с целью принятия необходимых мер, связанных с его исполнением, в то время как выигравший спор с ЕЭК хозяйствующий субъект, как было указано выше, может только обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. В свою очередь, Суд на основании этого ходатайства обращается в Высший совет для принятия им решения по данному вопросу (пункт 115 Статута).

Комментируя эти положения Статута, можно отметить, что, с одной стороны, в них чётко прослеживается деление всех заявителей

---

[887] Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 8 декабря 2022 года по делу № С-6/22.

на привилегированных (государства) и непривилегированных (хозяйствующие субъекты). Статут Суда ЕАЭС устанавливает более жёсткие требования для доступа непривилегированных заявителей в Суд ЕАЭС (только юридические лица и индивидуальные предприниматели; уплата пошлины) и, как мы видим, предоставляет заявителям разные возможности по контролю над исполнением решений Суда ЕАЭС. С другой стороны, анализ контекста принятия соответствующих положений Статута показывает, что при его разработке государства вполне сознательно выбрали формат, при котором оспоренные решения Комиссии не отменяются и автоматически не приостанавливаются, а продолжают действовать и применяться до внесения соответствующих изменений со стороны ЕЭК. Осмысленность выбора, сделанного государствами, видна при сравнении этих положений Статута с нормами, которые регулировали правовые последствия решений Суда Евразийского экономического сообщества, своего рода предшественника Суда ЕАЭС. В соответствии с пунктом 2 статьи 11 Договора об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним 2010 года[888] действие акта Комиссии Таможенного союза или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими международным договорам, заключённым в рамках Таможенного союза, должно приостанавливаться с даты вступления в силу решения Суда, и уже после этого оспоренный акт или его отдельные положения приводятся Комиссией Таможенного союза в соответствие с международными договорами, заключёнными в рамках Таможенного союза. Кроме того, в силу пункта 1 статьи 25 Статута Суда ЕврАзЭС Суд мог не только принимать решения, но и

[888] Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 9 декабря 2010 года № 534 «О Договоре об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним» (с изменениями от 10.10.2014) (вместе с «Договором об обращении в Суд Евразийского экономического сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним». Подписан в г. Москве 9 декабря 2010 года // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. 2013. № 2.

предписывать в них меры по их исполнению (за исключением предусмотренных Статутом случаев).

В доктрине уже были высказаны предположения, что на выбор государствами формулировок в отношении правовых последствий оспаривания в Суде ЕАЭС решений ЕЭК во многом повлияла радикальная позиция Суда ЕврАзЭС, сформулированная им в решении по делу *ООО «Южный Кузбасс»*[889]. В Постановлении Большой коллегии Суда ЕврАзЭС от 8 апреля 2013 года[890] Суд пришёл к выводу, что решение Суда о признании не соответствующим международным договорам, заключённым в рамках Таможенного союза, оспариваемого правового акта (отдельных его положений) влечёт за собой его ничтожность (недействительность) с даты его принятия и в отношении неопределённого круга лиц на всей территории Таможенного союза, если иное не установлено Судом. Иными словами, правовые последствия решения Суда ЕврАзЭС применительно к оспоренному решению Комиссии были аналогичны последствиям отмены этого акта при процедуре аннулирования, не предусмотренной учредительными документами Суда. Как отмечает А. С. Исполинов, «речь шла не об устранении Судом лакуны или об уточнении неясного положения, а о полной замене нормы договора нормой, созданной судом», и «факт создания Суда на основе договора априори предопределяет обязанность государств принимать нормотворчество Суда»[891].

Именно поэтому, на наш взгляд, нормы Статута Суда ЕАЭС в части правовых последствий решений Суда ЕАЭС по оспариванию актов ЕЭК не только не дают оснований считать процедуру оспаривания актов ЕЭК процедурой аннулирования (подобной используемой Судом ЕС процедуры), но и иллюстрируют намерение государств видеть в ней именно проверку акта ЕЭК на соответствие праву Союза,

---

889 *Исполинов А. С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств — членов Евразийского экономического союза. С. 161.

890 Суд ЕврАзЭС. Постановление Большой коллегии от 8 апреля 2013 года по делу № 1-7/1-2013. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eurazes/1-7.1-2013/ (дата обращения: 25.12.2025).

891 *Исполинов А. С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств — членов Евразийского экономического союза. С. 161.

но не более того. Предложенная в Статуте правовая конструкция правовых последствий вынесенного решения Суда ЕАЭС по оспариванию актов ЕЭК, равно как и механизмы контроля над последующим исполнением такого решений Суда в виде обращения в Высший Евразийский экономический совет, представляет собой интересное сочетание соответствующих положений правил и практики механизма разрешения споров ВТО и отчасти Международного Суда ООН. Из практики ОРС ВТО взята позиция, согласно которой третейские группы и Апелляционный орган ОРС ВТО в своих докладах устанавливают только факт соответствия оспоренной меры правилам ВТО и дают рекомендации привести её в соответствие с этими правилами в разумные сроки. При таком подходе исключается привлечение государства-ответчика к ответственности в виде возмещения ущерба, нанесённого принятием оспоренного акта. В свою очередь, из статьи 94 Устава ООН позаимствована конструкция, при которой в случае неисполнения решения Международного Суда ООН проигравшей стороной другая сторона спора вправе обратиться в Совет Безопасности ООН, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или принять меры для приведения решения МС ООН в исполнение.

5.2.3. Сравнительный анализ статьи 94 Устава Организации Объединённых Наций и положений Статута Суда ЕАЭС

В научной литературе отмечается, что, несмотря на то что случаи открытого отказа государств-ответчиков исполнить решение Международного Суда ООН являются относительно редкими, Суд продолжает испытывать проблемы с исполнением своих решений[892]. При этом монополия на контроль

[892] *Llamzon A. P.* Jurisdiction and Compliance in Recent Decisions of the International Court of Justice // European Journal of International Law. Vol. 18. 2007. No. 5. P. 815–852, 820.

за исполнением решений Международного Суда ООН принадлежит Совету Безопасности ООН. В соответствии со статьёй 94 Устава ООН каждое государство — член Организации обязуется выполнить решение Международного Суда по тому делу, в котором оно является стороной. В случае, если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенные на неё решением Суда, другая сторона вправе обратиться в Совет Безопасности, который «*может, если признает это необходимым*, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение»[893] (выделено мной. — *О. К.*).

Как мы видим, в учредительных документах ООН отсутствует указание на то, что положения статьи 94 Устава ООН сами по себе могут служить основанием для действий Совета Безопасности или что необходима какая-либо инициализация этих действий в соответствии с главами VI или VII Устава. Кроме того, указание в пункте 2 статьи 94 Устава на то, что Совет Безопасности «может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение» не порождает прямой обязанности Совета Безопасности предпринимать меры по исполнению решения Международного Суда.

Во время обсуждения проекта статьи 94 возникли серьёзные дискуссии представителей государств в части обязанности Совета Безопасности ООН предпринимать какие-либо действия в случае неисполнения решений Суда (в сравнении с Уставом Лиги Наций, в статье 13(4) которого говорилось, что «в случае невыполнения решения или постановления Совет предлагает меры, которые должны обеспечить их проведение»[894]). В итоге была принята формулировка, предоставляющая Совету Безопасности ООН широкое поле усмотрения как по поводу принципиальной необходимости вообще принимать какое-либо решение по этому вопросу, так и в выборе конкретных шагов по обеспечению исполнения решения МС ООН. В литературе было высказано мнение, что разработчики Устава ООН тем самым сделали Суд полностью

---

[893] Статья 94(2) Устава ООН.
[894] Статья 13(4) Устава Лиги Наций.

зависимым от логики политических переговоров между сторонами спора и членами Совета Безопасности ООН при принятии мер по исполнению решения Суда[895]. В свою очередь, А. П. Лламзон отмечает, что было бы неверным полностью обвинять Суд в том, что его решения иногда не исполняются, так как Устав ООН налагает именно на Совет Безопасности основную ответственность за обеспечение исполнения принятых Судом решений[896].

Трудности в исполнении решений МС ООН будут практически неизбежными в тех случаях, когда политическая оценка, данная спорной ситуации Советом Безопасности, разойдётся с позицией, принятой Судом по строго юридическим основаниям. Ситуация может ещё больше осложниться, если на рассмотрении Совета Безопасности будет находиться факт неисполнения решения Суда, принятого не в пользу государства — постоянного члена СБ ООН, которое к тому же открыто выступает против исполнения такого решения. В этом случае право вето, имеющееся у постоянных членов СБ ООН, делает эту процедуру полностью неэффективной[897].

Можно предположить, что именно высокая политизированность обсуждения в Совете Безопасности вопроса исполнения решения МС ООН стала основной причиной того, что процедура, предусмотренная пунктом 2 статьи 94 Устава ООН, практически не используется государствами. Например, за всё время существования МС ООН государства — участники спора всего лишь трижды обращались в СБ ООН с таким запросом: Великобритания в 1951 году в споре с Ираном, Никарагуа в 1986 году в споре с США и Босния-Герцеговина в споре с Югославией в 1993 году[898].

В одном из самых знаковых дел *Nicaragua v. USA*[899], рассмотренных МС ООН, выигравшее спор государство (Никарагуа) обратилось в Совет Безопасности

---

895 *Tanzi A.* Op. cit. P. 541.
896 *Llamzon A. P.* Op. cit. P. 822.
897 Подробнее см.: *Tanzi A.* Op. cit. P. 542–544.
898 Ibid. P. 540.
899 ICJ. *Case of Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America*). Judgment of 27 June 1986 // I.C.J. Reports 1986. P. 14.

ООН с просьбой принять меры в отношении проигравшего государства (США), которое отказалось исполнять решение МС ООН. Подготовленный проект резолюции Совета Безопасности с призывом к полному и немедленному исполнению решения Суда был ветирован США, и больше Совет Безопасности к этому вопросу не возвращался[900]. Интересно отметить, что в ходе обсуждения этого вопроса в СБ ООН США утверждали, что решение Суда ошибочно как в отношении юрисдикции Суда, так и по существу, имплицитно настаивая на политическом пересмотре в СБ ООН принятого Судом решения.

Кроме этого, процедура, предусмотренная статьёй 94 Устава ООН, была также задействована в деле *Anglo-Iranian Oil Co.*[901], но только в отношении неисполнения вынесенного Международным Судом ООН определения об обеспечительных мерах. Дискуссия между сторонами возникла в связи с тем, что определение об обеспечительных мерах, об исполнении которого просила Великобритания, не было окончательным решением по данному делу. Это дало основание представителям Ирана заявить, что Иран будет обязан выполнить решение Суда только в том случае, если решение будет окончательным и обязательным, а природа временных мер как мер, вынесенных «в ожидании решения суда», лишает акт, на основании которых они приняты, обязательности[902]. После длительных прений по проекту резолюции Совет Безопасности ООН принял решение отложить слушания до вынесения Международным Судом решения о юрисдикции в данном споре[903]. В итоге МС ООН не признал свою юрисдикцию[904], поэтому вопрос о неисполнении определения МС ООН об обеспечительных мерах был автоматически снят с повестки дня СБ ООН.

---

[900] См.: UN Security Council. Congo, Ghana, Madagascar, Trinidad and Tobago and United Arab Emirates: draft resolution. UN Document S/18428. 28 October 1986. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_18428.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[901] ICJ. *Anglo-Iranian Oil Co. (United Kingdom v. Iran*). Judgment of 22 July 1952 // I.C.J. Reports 1952. P. 93. Великобритания обратилась к Совету Безопасности ООН с просьбой призвать Иран действовать в соответствии с принятыми временными мерами.

[902] Article 94. P. 26. § 15. URL: https://legal.un.org/repertory/art94/english/rep_orig_vol5_art94.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

[903] Ibid. P. 29. § 24.

[904] ICJ. *Anglo-Iranian Oil Co.* (*United Kingdom v. Iran*). Judgment of 22 July 1952.

Сравнительно-правовой анализ положений Устава ООН и приведённых выше пунктов 114 и 115 Статута Суда ЕАЭС, в которых говорится о праве государства — члена ЕАЭС или Суда ЕАЭС обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия мер, связанных с исполнением решения Суда, позволяет прийти к выводу о том, что формулировки Статута порождают те же самые вопросы, которые возникли в отношении пункта 2 статьи 94 Устава ООН. Во-первых, это вопрос о том, вытекает ли из такого обращения обязанность Высшего совета принимать какое-либо решение по такому обращению, или у Высшего совета есть определённая дискреция в этом вопросе. Во-вторых, под вопрос ставится эффективность существующего порядка принятия решений в Высшем совете консенсусом, что в случае отказа какого-либо государства — члена Союза исполнить решение Суда ЕАЭС сделает практически неизбежным повторение на уровне ЕАЭС истории с обращением Никарагуа в Совет Безопасности ООН. Кроме того, в случае неисполнения ЕЭК решения Суда основными препятствиями при рассмотрении этого вопроса в Высшем совете будет его политизированность, а также неизбежная необходимость для Высшего совета погружаться в детали принятого Судом решения, что, по сути, означает его пересмотр Высшим советом, не предусмотренный явным образом Статутом Суда.

Возможно, именно поэтому положения Статута Суда ЕАЭС в части обращения в Высший совет при неисполнении решения Суда пока остаются во многом «спящей» нормой. Государства — члены ЕАЭС ни разу не воспользовались этим правом в силу отсутствия неисполненных решений Суда ЕАЭС по заявлениям государств. В том, что касается обращений хозяйствующих субъектов по поводу ненадлежащего исполнения ЕЭК решений Суда ЕАЭС, Суд также ни разу не прибегнул к своему праву передать вопрос на рассмотрение Высшего совета, несмотря на то что уже получил ходатайства такого рода от хозяйствующих субъектов.

Кроме того, анализ положений Статута и Регламента Суда ЕАЭС свидетельствует о том, что правом Союза оказалась не урегулирована процедура разрешения Судом ходатайства хозяйствующего субъекта о неисполнении

Комиссией решения Суда. По мнению Суда ЕАЭС, ходатайство хозяйствующего субъекта о неисполнении Комиссией решения Суда не является основанием для возбуждения самостоятельного (нового) дела. Так, учитывая, что подобное ходатайство неразрывно связано с ранее вынесенным решением, Суд при рассмотрении обращения ООО «Ойл Марин Групп» (которое стало первым случаем обращения в Суд хозяйствующего субъекта в связи с неисполнением судебного решения) решил, что такое ходатайство подлежит разрешению в рамках того дела о рассмотрении спора, по результатам которого вынесено неисполненное решение[905]. В этом случае рассмотрение ходатайства в соответствии с частью 2 статьи 48 Регламента завершается вынесением постановления Суда.

Подход Суда, изложенный в Постановлении Коллегии от 12 июня 2019 года[906] о разрешении ходатайства ООО «Ойл Марин Групп», сводится к тому, что заявитель должен привести убедительные доказательства того, что Комиссия не учитывает правовую позицию, изложенную в решении Суда, об обеспечении исполнения которого ходатайствовал заявитель. Тем самым Суд имплицитно установил очень высокий (если не запретительный) порог, при преодолении которого он будет готов передать вопрос о неисполнении решения Суда на рассмотрение Высшего совета.

В Постановлении Коллегии Суда ЕАЭС от 2 июня 2020 года по заявлению ООО «Шиптрейд», которое дважды обращалось в Суд ЕАЭС с ходатайствами об исполнении, Коллегия Суда, отказав в удовлетворении ходатайства об исполнении решения Суда, пришла к выводу, что истец не привёл достаточных аргументов и фактов, свидетельствующих о невыполнении Комиссией решения Суда от 18 июня 2019 года[907]. В этой связи интерес представляет особое мнение судьи К. Л. Чайки[908], в котором было указано, что Комиссия при исполнении

---

[905] Суд ЕАЭС. Карточка дела № С-1/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.18/ (дата обращения: 25.12.2025).

[906] Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 12 июня 2019 года по делу № С-1/18.

[907] Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 2 июня 2020 года по делу № С-1/19. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.19/ (дата обращения: 25.12.2025).

[908] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Чайки К. Л. от 2 июня 2020 года по делу № С-1/19.

решения должна «воздержаться от введения мер идентичных тем, которые Суд посчитал противоречащими праву интеграционного объединения», «решение Суда о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза возлагает на Комиссию обязанность устранить выявленное противоречие и обеспечить соблюдение права Союза», и «факт неисполнения Комиссией решения Суда является безусловным основанием для обращения Суда в Высший Евразийский экономический совет». Именно поэтому, по мнению судьи К. Л. Чайки, Коллегия Суда ЕАЭС, «отказав в удовлетворении ходатайства… о принятии мер по исполнению решения Суда, ограничила право общества на доступ к суду и тем самым не обеспечила соблюдение его прав и свобод на уровне не ниже, чем он гарантирован государствами-членами»[909].

В деле по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС» заявитель безуспешно трижды обращался в Суд ЕАЭС по поводу исполнения решения Суда ЕАЭС: два раза с ходатайствами о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года и один раз с заявлением о разъяснении решения[910]. В обоснование ходатайств был положен в том числе довод о том, что ЕЭК «приняла акт и совершила действия, направленные на сохранение в праве Союза положения, признанного Судом не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС»[911]. Суд ЕАЭС отказал в удовлетворении всех заявленных ходатайств, фактически поддержав позицию Комиссии в вопросе выбора способа исполнения решения Суда ЕАЭС.

Можно предположить, что Суд ЕАЭС считает обращение в Высший совет по заявлению хозяйствующего субъекта исключительной мерой, к которой можно прибегать лишь в особых обстоятельствах, и толкует нормы Статута о том, что Суд на основании ходатайства хозяйствующего субъекта «обращается в Высший Евразийский экономический совет», не как обязанность, а как право это сделать в том случае, если он сочтёт это необходимым. Кроме того, по нашему мнению,

---

[909] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Чайки К. Л. от 2 июня 2020 года по делу № С-1/19. С. 7.

[910] Суд ЕАЭС. Карточка дела № С-1/21. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.21/ (дата обращения: 25.12.2025).

[911] Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 29 ноября 2021 года по делу № С-1/21. С. 3.

Суд учитывает отмеченную выше политизированность рассмотрения вопроса о неисполнении решений Суда на уровне Высшего совета и не хочет своими руками создавать невыгодный для себя прецедент с неясными для своих репутации и авторитета последствиями.

5.2.4. Вопросы надлежащего исполнения решений Суда Евразийского экономического союза

Несмотря на относительно небольшое количество решений, в которых Суд ЕАЭС удовлетворил требования хозяйствующих субъектов к ЕЭК, их оказалось достаточно, чтобы высветить те неясности, которые характерны для положений Статута Суда ЕАЭС, связанных с исполнением решений Суда. Как справедливо отмечает К. Л. Чайка, одной из форм реализации принципа добросовестного сотрудничества в праве ЕАЭС служит надлежащее исполнение Комиссией решения Суда, который возлагает на неё обязанность устранить выявленное Судом противоречие в её решении, действии или бездействии и тем самым обеспечить соблюдение права Союза[912].

В этой связи можно отметить мнение П. П. Мысливского, который полагает, что предложенная Статутом Суда ЕАС конструкция об исполнении решений Суда ЕАЭС по оспариванию актов в ЕЭК не слишком удачна по своей сути и сопряжена с рядом рисков, которые уже дают о себе знать на практике (среди таких рисков отмечаются отсутствие указаний на сроки вступления в силу решения ЕЭК, которое вносит коррективы в акт, признанный Судом не соответствующим праву Союза, а также отсутствие как ясности в вопросе о последствиях, которые влечёт решение Суда для правоотношений, урегулированных успешно оспоренным

---

[912] *Чайка К. Л.* Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза как условие эффективности судопроизводства. С. 94–95.

нормативным правовым актом ЕЭК, так и единого стандарта оценки практики Суда национальными судами при разрешении ими конкретных дел)[913].

В Постановлении от 4 октября 2021 года об отказе в удовлетворении ходатайств акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о принятии мер по исполнению решения Суда была сформулирована очень важная правовая позиция, положенная в основу последующих судебных актов, о том, что «приведение Комиссией признанного Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза решения ЕЭК или его отдельных положений в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза означает обязанность Комиссии исключить из правовой системы Союза решение или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза. При этом, исходя из пункта 100 Статута Суда об обязательности исполнения ЕЭК решения Суда, не допускается замена Комиссией признанного Судом полностью или в части не соответствующим Договору и иным договорам в рамках Союза решения на новое решение аналогичного содержания. Принятие Комиссией актов или совершение действий (бездействия), направленных на сохранение в праве Союза положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, недопустимо»[914].

В решении от 18 октября 2021 года по делу по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» также было подтверждено, что признание Судом решения Комиссии не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза «не допускает замену этого решения на новое решение аналогичного содержания». Наконец, в деле *ООО «Польские машины» против ЕЭК* Апелляционная палата Суда ЕАЭС пришла к выводу, что исполнение решения Суда Комиссией, обладающей дискрецией в вопросе выбора формы и способа такого исполнения, должно осуществляться «без ущерба» для правовой позиции

---

[913] *Мысливский П. П.* Исполнение актов Суда Евразийского экономического союза: обзор первых проблем и путей их решения // Журнал ВШЭ по международному праву. Т. 1. 2023. № 2. С. 42–53, 46.

[914] Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 4 октября 2021 года по делу№ С-1/21.

Суда, что не допускает замену оспоренного решения на новое решение аналогичного содержания и сохранение в праве Союза нормы, признанной Судом не соответствующей ему. Апелляционная палата установила, что принятие Комиссией нового решения аналогичного содержания означает неисполнение решения Суда, равно как и отказ Комиссии при принятии нового решения вместо оспоренного учитывать принятые ранее Судом правовые позиции по другим делам[915].

Показательная дискуссия разгорелась по поводу ретроактивного действия решения Суда ЕАЭС о признании актов ЕЭС не соответствующими праву Союза. В этой связи можно отметить предложение судьи Д. Г. Колоса, выраженное в особом мнении по делу *АО «СУЭК-КУЗБАСС»*, где им не только был поставлен вопрос об обоснованности ходатайства заявителя об исполнении, но и сделан вывод о недостаточной эффективности регулирующих данные отношения норм права Союза и их применения, а также о необходимости их совершенствования. В качестве *de lege ferenda* Д. Г. Колос предложил рассмотреть возможность закрепления в праве Союза автоматической утраты силы решения Комиссии, признанного Судом не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, по истечении установленного срока на исполнение решения Суда[916]. Ещё дальше идёт П. П. Мысливский, предлагая считать, что, если противоречие акта ЕЭК установлено Судом ЕАЭС, такое «решение Комиссии теряет регулирующее воздействие с момента его издания, поскольку именно с этого момента, а не с момента провозглашения противоречия Судом, это решение начинает вступать в противоречие с актами более высокого уровня»[917].

Совершенно иная позиция была высказана судьёй А. А. Федорцовым в особых мнениях по делам *ООО «Польские машины»*[918], *ООО «Транспортейшн*

---

[915] Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 14 марта 2023 года по делу № С-6/22.
[916] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Колоса Д. Г. от 3 декабря 2021 года по делу № С-1/21. С. 10.
[917] *Мысливский П. П.* Указ. соч. С. 50.
[918] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Федорцова А. А. от 8 декабря 2022 года по делу № С-6/22.

Рус» и *ООО «Шиптрейд»*[919].В частности, в деле *ООО «Польские машины»* он указывает, что «у Комиссии имеется дискреция относительно порядка исполнения решения Суда, а у хозяйствующего субъекта — право ходатайствовать о принятии мер по исполнению решения Суда» и «такие утверждения… прямо противоречат пунктам 102, 103 и 111 Статута Суда, поскольку в соответствии с частью первой пункта 111 Статута Суда действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда»[920]. Иными словами, он предлагает ориентироваться на волю государств, выраженную в соответствующих положениях Статута Суда, согласно которой процедура проверки актов ЕЭК на их соответствие праву Союза не означает процедуру их аннулирования. Эту позицию можно понять, так как утверждение, что оспоренный акт не подлежит применению с момента вступления решения Суда в силу, лишает какого-либо смысла предусмотренное государствами в Статуте Суда право Суда приостанавливать оспоренные решения ЕЭК, и явным образом расходится с намерениями государств. В этой связи в отсутствие изменений положений Статута Суда подход последователей его буквального толкования видится более обоснованным.

---

[919] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Федорцова А. А. от 2 октября 2023 года по делу № С-1/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.23/ (дата обращения: 25.12.2025).

[920] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Федорцова А. А. от 8 декабря 2022 года по делу № С-6/22. С. 2.

5.2.5. Сравнительный анализ правил ВТО и положений Статута Суда ЕАЭС об исполнении принятых при разрешении споров решений

Как уже отмечалось выше, в части порождаемых правовых последствий и исполнения решений Суда ЕАЭС нормы Статута Суда Союза созвучны правилам ВТО. С формальной точки зрения третейские группы и Апелляционный орган ОРС ВТО составляют доклады, не являющиеся юридически обязательными, в которых устанавливается соответствие или несоответствие оспариваемой меры правилам ВТО и — в случае, если установлено несоответствие — делается рекомендация привести в разумные сроки оспариваемую меру в соответствие с этими правилами. В дополнение к своим рекомендациям третейские группы или Апелляционный орган могут предложить заинтересованному государству — члену ВТО способы выполнения этих рекомендаций.

Такая рекомендация по конкретному спору участвующим в рассмотрении дела лицам, согласно Договорённости о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, «безусловно, признаётся сторонами»[921]. Исполнение рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа (на современном этапе только добровольное) может быть основано исключительно на понимании принципа *pacta sunt servanda* и следовании ему, а также на общих положениях, закреплённых в Марракешском соглашении об учреждении ВТО 1994 года. Возможны следующие варианты добровольного поведения государств: исполнение рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа в виде отмены принятых мер, если устанавливается, что они несовместимы с положениями какого-либо из охваченных соглашений (так государства поступают в подавляющем большинстве случае), и (в исключительных случаях) достижение соглашения между спорящими сторонами о выплате компенсации в предусмотренном ДРС порядке. Компенсация является добровольной и —

[921] Пункт 14 статьи 17 ДРС.

в случае, когда она предоставляется — должна соответствовать соглашениям ВТО. При этом к применению положения о компенсации следует прибегать только на временной основе в случае, если отмена оспоренной меры в разумные сроки неосуществима. На практике компенсация фактически заменяет исполнение, но при этом оспоренная мера продолжает действовать. Так, в деле *United States — Section 110(5) of US Copyright Act*[922] США после проигранного ими спора с ЕС в отношении статьи 105(5) Закона США об авторских правах единовременно выплатили в пользу ЕС 3,3 млн долларов США компенсации, продолжив применять оспоренную в рамках процедуры разрешения споров ВТО меру. Похожая ситуация была и в споре между США и Бразилией в деле *United States — Subsidies on Upland Cotton*[923], размер компенсации в пользу Бразилии по результатам рассмотрения которого составил 147,3 млн долларов США ежегодно[924], при этом оспоренная мера, применяемая США, осталась в силе.

Представляется, что отсутствие в ДРС указания на обязательность следования одному из вышеназванных способов исполнения решения объясняется согласованной позицией государств не быть связанными обязательствами в данной области — в противном случае это положение было бы прямо отражено в ДРС. Приоритетом механизма урегулирования споров в ВТО является позитивное разрешение спора в виде решения, взаимоприемлемого для сторон спора и при этом совместимого с соглашениями ВТО. При отсутствии взаимоприемлемого для сторон спора решения первая цель механизма урегулирования споров, как правило, состоит в том, чтобы обеспечить отмену принятых мер, если устанавливается, что они несовместимы с положениями какого-либо из соглашений.

---

922 WTO. *United States — Section 110(5) of US Copyright Act*. WT/DS160.

923 WTO. *United States — Subsidies on Upland Cotton*. WT/DS267.

924 U.S., Brazil Agree on Memorandum of Understanding as Part of Path Forward Toward Resolution of Cotton Dispute // Office of the United States Trade Representative. 2010. 20 April. URL: https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2010/april/us-brazil-agree-memorandum-understanding-part-path-f (дата обращения: 25.12.2025).

Впрочем, государство, признанное нарушителем, может вообще отказаться отменять оспоренные на уровне ВТО меры, однако в этом случае оно должно понимать, что будут реализованы процедуры, предусмотренные статьёй 22(2) ДРС, согласно которым сторона, в пользу которой были даны рекомендации третейской группы или Апелляционного органа, может попросить ОРС дать разрешение на приостановление применения к члену, которого это касается, уступок или других обязательств по охваченным соглашениям.

Стоит отметить, что на практике встречаются ситуации, когда рекомендации третейских групп и Апелляционного органа выполняются не в полном объёме, либо (что случается гораздо чаще) когда осуществлённые государством-ответчиком изменения могут показаться государству-заявителю явно недостаточными и, по сути, повторяющими смысл уже оспоренных мер. В этом случае статья 21(5) ДРС предусматривает, что стороны обязаны передать спор об исполнении рекомендаций на рассмотрение ранее учреждённой третейской группы (*compliance panel*), которая и определит, являются ли принятые государством-ответчиком меры достаточными, и насколько они соответствуют ранее данным рекомендациям, причём любая из сторон может обжаловать в апелляционном порядке сделанные выводы группы.

Процедуры по статье 21(5) ДРС проходят быстрее, чем процедуры по статье 6, предусматривающей рассмотрение спора после неудавшихся консультаций путём учреждения третейской группы. У первой третейской группы есть шесть месяцев для подготовки доклада; у группы, сформированной в соответствии со статьёй 21(5), — только 90 дней. Конечно, группа по оценке исполнения рекомендации уже оказывается знакомой с фактами и правовыми вопросами дела, поэтому процедура, предусмотренная статьёй 21(5), способствует оперативному разрешению споров. Это избавляет подавшее жалобу государство от необходимости инициировать новые процедуры урегулирования спора, если ответчик не выполнил ранее принятые решения и рекомендации. Третейская группа, созданная в соответствии со статьёй 21(5), должна определить, во-первых, существуют ли какие-либо меры, принятые для выполнения рекомендаций

в рамках механизма разрешения споров ВТО; и, во-вторых, если предположить, что такие меры существуют, соответствуют ли они соглашениям ВТО. В-третьих, группа должна объективно установить, соответствуют ли рассматриваемые меры не только соглашениям ВТО, но и первоначальным рекомендациям третейской группы. По состоянию на 31 декабря 2024 года группа по исполнению принятых ранее решений была создана в 51 споре (то есть в 18 % споров, по которым был подготовлен первоначальный доклад группы). В 33 из этих споров (то есть в 62 % случаев, когда была создана третейская группа проверки исполнения) отчёт группы был обжалован в апелляционном порядке[925]. Приведённая статистика подтверждает, что в подавляющем большинстве случаев были выявлены не соответствующие правилам ВТО действия, что говорит о том, что заявители обычно обращаются к помощи третейских групп в порядке, установленном статьёй 21(5), только тогда, когда у них есть веские основания для этого, а регулярность обращения государств к процедуре статьи 21(5) свидетельствует, что государства-члены считают её эффективным способом контроля над исполнением рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа ОРС ВТО. Это мнение разделяют и представители доктрины, полагая, что процедура *compliance panel* избавляет государство, подающее жалобу, от необходимости инициировать новые процедуры урегулирования споров в случаях, когда государство-ответчик не выполнило ранее данные рекомендации[926]. Как мы видим, порядок исполнения принятых при рассмотрении споров рекомендаций полностью вписывается в логику процессов в ВТО, направленных на будущие результаты деятельности в виде достижения баланса прав и обязанностей членов ВТО, а не на возмещение ущерба, нанесённого государством-ответчиком в результате принятия оспоренной на уровне ВТО меры.

Очевидные параллели между приведёнными правилами ВТО и положениями Статута Суда ЕАЭС обнаруживаются в следующем. Во-первых, в Статуте

---

[925] WTO. Dispute settlement activity — some figures. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispustats_e.htm (дата обращения: 25.12.2025).

[926] *Turner K.* Op. cit. P. 174.

указывается, что по результатам рассмотрения дела о соответствии решения Комиссии по праву Союза, Коллегия Суда выносит решение не об отмене оспоренного решения ЕЭК, а о его признании не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза. Во-вторых, так же как и в ВТО, оспоренное решение, как правило, продолжает действовать, но при этом ответчик должен внести соответствующие изменения в разумные сроки. В-третьих, при таком подходе неизбежны разногласия между сторонами спора по поводу достаточности и корректности внесённых во исполнение решения Суда изменений в нормативный акт. Суд уже отметил в своих решениях, что принятие Комиссией нового акта аналогичного содержания означает неисполнение решения Суда. Однако без ответа остаётся вопрос о том, кто и в рамках какого процесса будет устанавливать печальный факт того, что Комиссия, выполняя решение Суда, приняла акт аналогичного содержания, и как быть в случае, если принятый акт оказывается лишь частично аналогичен оспоренному решению. По мнению П. П. Мысливского, «на настоящий момент ЕЭК активно пользуется дискрецией при определении варианта исполнения решений Суда ЕАЭС. Комиссия избирает варианты исполнения, которыми скорее пытается подчеркнуть свою правоту и поддержать собственную правоприменительную практику, но не добросовестно внести изменения в правовое регулирование»[927].

Очевидно, что Суд ЕАЭС не готов оставить решение этих вопросов только за заявителями. Как мы видим, в ВТО такие разногласия по исполнению рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа решаются за счёт передачи спора по исполнению на рассмотрение *compliance panel*. Вполне возможно, что примерно то же самое придётся сделать и Суду ЕАЭС. Кстати, это может быть ещё одной причиной, по которой Суд ЕАЭС установил фактически запретительный барьер для рассмотрения им ходатайств хозяйствующих субъектов обращаться в Высший совет по поводу неисполнения решения. Наилучшим вариантом разрешения конфликта по исполнению в этом случае Суд

[927] *Мысливский П. П.* Указ. соч. С. 48.

видит новое обращение субъекта в Суд ЕАЭС, но уже с заявлением об оспаривании нового акта ЕЭК, пусть и принятого во исполнение решения Суда ЕАЭС.

5.2.6. Основные выводы по параграфу

Одной из основных проблем в области мирного разрешения международно-правовых споров является проблема своевременного и полного исполнения решений органов международного правосудия. Особую актуальность и щекотливость приобретают вопросы правовых последствий и порядка исполнения решений, принятых судами региональной интеграции, которые не только наделены полномочиями в области разрешения споров между государствами, входящими в региональные интеграционные объединения, но и определяют соответствие праву объединения актов его институтов, действующих в правопорядках государств непосредственно и имеющих приоритет над национальными актами. При этом суды интеграционных объединений и высшие национальные суды могут по-разному понимать правовые последствия и порядок исполнения решений судов интеграционных объединений при контроле над правомерностью актов органов интеграционных объединений. Особенно велик риск возникновения таких конфликтных ситуаций в случае, если эти вопросы нечётко решены в учредительных документах суда регионального интеграционного объединения[928].

Несмотря на то что в Уставе ООН зафиксирован механизм исполнения решений Международного Суда ООН, позволяющий прибегнуть к полномочиям Совета Безопасности ООН, способы и процедуры реализации данных полномочий отсутствуют. В рамках ВТО система исполнения решений Органа по разрешению

---

[928] *Кадышева О.В.* Проблемные вопросы исполнения решений Суда Евразийского экономического союза: *experientia docet*. С. 71-72.

споров ВТО успешно функционирует, что лишний раз подтверждает уникальность данного механизма. Исполнение рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа ОРС ВТО, равно как и предоставление средств правовой защиты в случае их неисполнения, воспринимается как естественное продолжение функций механизма разрешения споров.

Пока небольшой опыт Суда Евразийского экономического союза свидетельствует о том, что Статут Суда устанавливает право ЕЭК самостоятельно избирать форму и способ исполнения решения Суда ЕАЭС. При этом дискреция ЕЭК в том, как именно исполнять решение Суда, остаётся достаточно широкой, что лишний раз подтверждает, что государства при создании Суда ЕАЭС не планировали включить стадию исполнения в общий процесс по рассмотрению спора в Суде ЕАЭС, оставив Суду ЕАЭС лишь функцию по контролю над исполнением в виде возможности обращения в Высший Евразийский экономический совет. Практика Суда ЕАЭС демонстрирует желание Суда изменить существующий, предусмотренный Статутом Суда, порядок исполнения его решений, что свидетельствует об определённом судейском активизме. Совершенствование исполнения решений Суда ЕАЭС нуждается в комплексном подходе и осмыслении на тактическом (спорящими сторонами — хозяйствующими субъектами) и стратегическом (государствами — членами Союза) уровнях: путём изменения поведения хозяйствующих субъектов при участии в процессах в национальных судах и Суде ЕАЭС, а также путём совершенствования нормативного регулирования как на национальном уровне, так и на уровне Союза[929].

[929] Там же. С.72

5.3. Взаимодействие Суда Евразийского экономического союза с конституционными судами государств — членов Союза (на примере Конституционного Суда РФ)[930]

Проблема взаимодействия Суда Евразийского экономического союза и Конституционного Суда Российской Федерации является частью более общей проблемы взаимоотношений между международными судами, созданными в рамках региональных интеграционных объединений, и конституционными судами государств — членов этих объединений. В свою очередь, проблемность этих взаимоотношений связана главным образом с тем, что органы интеграционных объединений принимают нормативные акты общего применения, действующие напрямую в национальных правопорядках и замещающие национальные нормы. Как уже неоднократно указывалось выше, такие нормативные акты применяются непосредственно субъектами национальных правопорядков (в том числе и в отношениях между собой), а также национальными судами государств — членов интеграционных объединений. Это создаёт группу нормативных актов, количество которых постоянно увеличивается, и эти акты не только принимаются вне традиционных парламентских процедур государств — членов интеграционных объединений, но и находятся за пределами контроля, осуществляемого конституционными судами этих государств.

---

[930] Данный параграф подготовлен на основе следующей публикации автора настоящей диссертации: *Кадышева О.В.* Взаимодействие Суда Евразийского экономического союза и Конституционного Суда Российской Федерации: границы возможного // Журнал Конституционного правосудия. 2025. № 3. С. 19-26.

5.3.1. Взаимодействие судов интеграционных объединений с национальными конституционными судами: общие вопросы

Первыми с проблемой взаимодействия с судом интеграционного объединения столкнулись конституционные суды государств — членов Европейского союза, почти все из которых с течением времени заявили о своём праве в исключительных случаях и при определённых обстоятельствах (*ultra vires,* то есть при превышении полномочий при принятии решений институтами ЕС, а также в случае нарушения ими конституционной идентичности конкретного государства — члена ЕС) рассмотреть вопрос о неприменении актов институтов ЕС (включая решения Суда ЕС) в национальных правопорядках[931]. Такие шаги конституционных судов государств — членов ЕС были предприняты в качестве определённого противовеса разработанной Судом ЕС доктрине абсолютного приоритета права ЕС над нормами национального законодательства государств — членов ЕС (включая нормы национальных конституций)[932]. В понимании Суда ЕС национальные суды отвечали за децентрализованное применение норм права ЕС, при этом задача по толкованию этих норм возлагалась исключительно на Суд ЕС, чьё мнение становилось обязательным для всех судов государств — членов ЕС, включая конституционные суды. Национальные конституционные суды стран — членов ЕС предложили свои доктрины условного приоритета норм ЕС над национальными нормами (то есть при сохранении верховенства национальных

---

[931] *Исполинов А.* Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств — членов ЕС. С. 57.

[932] Суд ЕС в целой серии своих решений, начиная с дела *Costa v Enel*, сформулировал доктрину абсолютного приоритета права ЕС, в соответствии с которой любая норма права ЕС, даже техническая норма вторичного права, имеет безусловный приоритет над любой нормой права национального, независимо от того, когда была принята эта внутренняя норма, и от её характера. См.: CJEU. *Flaminio Costa v E.N.E.L.* Case 6-64. Judgment of 15 July 1964; *Flynn T.* Constitutional Pluralism and Loyal Opposition // International Journal of Constitutional Law. Vol. 19. 2021. No. 1. P. 241–268, 245.

конституций)[933]. Как отмечается в литературе, конституционные суды уже давно отрицают идею безусловного (без каких-либо исключений) приоритета права ЕС над национальным правом[934] и разработали собственную реальность, подкреплённую судебной практикой, которая порой прямо противоречит практике Суда ЕС[935]. Это сделало неизбежным появление конституционных конфликтов разной степени остроты, когда Суд ЕС при оценке им либо нормы права ЕС, либо норм национального законодательства на предмет его соответствия праву ЕС, приходил к выводам, которые радикально отличались от оценок, данных по этим же вопросам конституционными судами государств — членов ЕС. Длительное время возможность появления таких конфликтов расценивалась как умозрительная[936], однако в 2012 году Конституционный суд Чехии в деле *Slovak Pensions*[937] впервые в истории ЕС не признал решение Суда ЕС по делу *Landtová*[938] решением *ultra vires* и поэтому постановил, что оно не подлежит исполнению. В декабре 2016 года Верховный суд Дании в решении по делу *Ajos*[939] отказался следовать указаниям Суда, сформулированным в преюдициальном заключении по делу *Dansk Industri v Rasmussen*[940], указав, что в противном случае он выйдет за пределы, установленные национальной Конституцией. Эти решения касались достаточно узких вопросов и были восприняты скорее как аномалия. Однако на рубеже десятилетий в конфликт с Судом ЕС вступили конституционные

---

933 Конституционный суд Италии, например, уже давно утверждает, что он имеет право отдавать предпочтение Конституции Италии перед законодательством ЕС в тех случаях, когда, по его мнению, законодательство ЕС нарушает основополагающие конституционные принципы. См.: *Flynn T.* Op. cit. P. 247.

934 *Nagy C. I.* The Rebellion of Constitutional Courts and the Normative Character of European Union law // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 73. 2024. No. 1. P. 65–101, 65.

935 *Bobić A.* Constructive Versus Destructive Conflict: Taking Stock of the Recent Constitutional Jurisprudence in the EU // Cambridge Yearbook of European Legal Studies. Vol. 22. 2020. P. 60–84, 65.

936 *Nagy C. I.* Op. cit. P. 66.

937 Czech Republic Constitutional Court. *Slovak Pensions*. Pl. ÚS 5/12. Decision of 31 January 2012. В этом решении Конституционный суд Чехии заявил, что Суд ЕС превысил полномочия, переданные на уровень ЕС в соответствии с Конституцией Чехии.

938 CJEU. *Marie Landtová v Česká správa socialního zabezpečení*. Case C-399/09. Judgment of 22 June 2011.

939 Danish Supreme Court. No. 15/2014. Decision of 6 December 2016.

940 CJEU. *Dansk Industri (Ajos) v Rasmussen*. Case C-441/14. Judgment of 19 April 2016.

суды Польши[941], Румынии[942] и ФРГ[943], что заставило некоторых авторов даже заявить о «мятеже» со стороны конституционных судов государств — членов ЕС[944]. Во всех случаях причиной таких конфликтов стали решения Суда ЕС, в которых он толковал право ЕС таким образом, что это толкование, по мнению конституционных судов, выходило за рамки предусмотренных учредительными договорами положений[945].

При этом наибольшее внимание исследователей привлёк конфликт Федерального конституционного суда ФРГ (*далее* — ФКС ФРГ) и Суда ЕС в силу авторитетности ФКС ФРГ и макроэкономической важности вопросов, лежащих в основе разногласий двух судов. Обстоятельства этого многогранного конфликта, а также использованные судами аргументы заслуживают отдельного анализа, но в рамках данного исследования можно ограничиться упоминанием нескольких ключевых моментов.

В 2015 году Европейский центральный банк запустил Программу выкупа государственных облигаций, выпущенных государствами — членами ЕС *(Public Sector Asset Purchase Program)*[946], и уже в 2017 году эта Программа стала предметом конституционной жалобы в ФКС ФРГ, который второй раз за свою историю обратился в Суд ЕС за преюдициальным заключением. Суд ЕС посчитал эту Программу полностью соответствующей праву ЕС[947].

Судя по всему, такой ответ, а также проведённый Судом ЕС анализ совершенно не впечатлили ФКС ФРГ, который в своём решении от 5 мая 2020 года описал аргументацию Суда ЕС как «непонятную и поэтому объективно

---

941 Polish Constitutional Tribunal. Decision 7/20 of 14 July 2021.
942 Romanian Constitutional Court. Decision 390/2021 of 8 June 2021.
943 Bundesverfassungsgericht (*далее* — BVerfG). 2 BvR 859/15, 2 BvR 1651/15, 2 BvR 2006/15, 2 BvR 980/16. Leitsätze zum Urteil des Zweiten Senats vom 5. Mai 2020.
944 *Nagy C. I.* Op. cit. P. 66.
945 Ibid.
946 Decision (EU) 2015/774 of the European Central Bank of 4 March 2015 on a secondary markets public sector asset purchase programs (ECB/2015/10) // Official Journal of the European Union. 2015. L 121. P. 20–24.
947 CJEU. *Proceedings brought by Heinrich Weiss and Others*. Case C-493/17. Judgment of 11 December 2018.

произвольную»[948]. По мнению ФКС ФРГ, Суд ЕС полностью проигнорировал риски, которые несёт в себе применение этой Программы и которые могут вылиться в «структурно значимый сдвиг» в распределении компетенций в ущерб для государств-членов»[949]. Исходя из этого Федеральный конституционный суд ФРГ признал как решение Суда ЕС, так и саму Программу *ultra vires*, то есть принятыми с превышением полномочий не только с точки зрения Основного закона ФРГ, но и с точки зрения права ЕС, и поэтому не подлежащими применению на территории Германии[950].

Таким образом, в своей аргументации ФКС ФРГ исходил из нового для конституционных судов государств — членов ЕС подхода, согласно которому полномочия в области судебного контроля над нормативными актами ЕС с точки зрения их соответствия договорам ЕС не принадлежат исключительно Суду ЕС, а являются общими, поэтому, если правовой акт ЕС выходит за рамки компетенции ЕС, он не может применяться в Германии[951]. ФКС ФРГ отошёл от уже привычного распределения ролей, согласно которому Суд ЕС проверяет акты институтов ЕС на предмет их соответствия договорам ЕС, а конституционные суды осуществляют контроль над соответствием этих актов национальным конституциям[952]. Таким образом ФКС ФРГ ясно дал понять, что его категорически не устраивает каноническое представление о том, что Суд ЕС является единственным судом, обладающим юрисдикцией для оценки того, обладает ли ЕС соответствующей компетенцией в определённом вопросе и распространяется ли она на конкретный правовой акт ЕС[953]. По всей видимости, ещё меньше его устраивает сложившееся представление об абсолютном и безусловном приоритете права ЕС и «догма о непогрешимости божественных откровений Суда ЕС»[954].

---

948 BVerfG. 2 BvR 859/15, 2 BvR 1651/15, 2 BvR 2006/15, 2 BvR 980/16. Leitsätze zum Urteil des Zweiten Senats vom 5. Mai 2020. § 118.
949 Ibid. § 157.
950 Ibid. § 118–119, 127, 153.
951 *Grimm D.* A Long Time Coming // German Law Journal. Vol. 21. 2020. No. 5. P. 944–949, 945.
952 *Petrić D.* Reasoning Interpretation, Authority, Pluralism, and the *Weiss/PSPP* Saga // European Papers. Vol. 6. 2021. No. 2. P. 1123–1150, 1126, 1129.
953 *Petrić D.* Op. cit. P. 1129.
954 Ibid. P. 1126.

5.3.2. Приоритет права ЕАЭС как основа взаимодействия с конституционными судами государств — членов ЕАЭС

Заметная аналогия между ЕС и Евразийским экономическим союзом в контексте особенностей принятия институтами интеграционных объединений нормативных актов общего применения и действия этих актов в национальных правопорядках заставляют по-другому посмотреть на основу и перспективы взаимодействия Суда ЕАЭС и конституционных судов государств — членов ЕАЭС, в первую очередь Конституционного Суда Российской Федерации.

Евразийская экономическая комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов. Эти решения входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов[955]. Суд Евразийского экономического союза контролирует соответствие этих нормативных актов праву ЕАЭС, его главная задача — их единообразное толкование и применение в правопорядках государств-членов. Для её реализации Суд ЕАЭС разработал доктрину приоритета права ЕАЭС над национальным правом государств-членов. В решении по единственному на настоящий момент рассмотренному Судом ЕАЭС межгосударственному спору — Российской Федерации с Республикой Беларусь от 21 февраля 2017 года[956] — Суд сформулировал правовую позицию о том, что нормы Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов от 21 мая 2010 года «подлежат непосредственному применению и в связи с его специальным характером имеют приоритетное значение при проведении таможенного контроля»[957]. Вместе с тем остались без ответа вопросы о том, будут ли в случае возникновения нормативного

---

[955] Статья 6 Договора о ЕАЭС и пункт 13 Положения о Евразийской экономической комиссии. Приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе.

[956] Суд ЕАЭС. Решение Большой коллегии от 21 февраля 2017 года по делу № С-2/16. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/ (дата обращения: 25.12.2025).

[957] Там же. С. 9–10.

конфликта иметь значение статус национальной нормы, а также время её принятия. В этом отношении примечательно особое мнение судьи от России К. Л. Чайки[958], который заявил, что «учредив на неограниченный срок Евразийский экономический союз, который является международной организацией региональной экономической интеграции, наделённой, в соответствии с пунктом 2 статьи 1 Договора о Союзе, международной правосубъектностью и собственной системой институтов, государства — члены Союза наделили их реальными полномочиями, ограничив тем самым в строго определённых областях свои суверенные права и создав автономную совокупность правовых норм, являющихся обязательными для всех государств-членов»[959]. Проводя аналогию с практикой Суда Европейских сообществ (решения по делам *Costa v Enel*[960], *Amministrazione delle finanze dello Stato v Simmenthal*[961]), К. Л. Чайка настаивает на абсолютном приоритете правопорядка ЕАЭС над любыми национальными нормами, независимо от того, приняты они до создания Союза или позже, не уточняя, идёт ли речь лишь о законах и подзаконных актах или также о конституциях государств — членов Союза[962].

Применяя эту доктрину на практике, Суд ЕАЭС в Консультативном заключении Большой коллегии от 12 сентября 2017 года указал, что национальные нормы применимы к трудовым отношениям с участием органов Союза в пределах, установленных правом Союза, и в этой связи Суд исходит из приоритета норм Договора[963]. В Консультативном заключении о *профессиональных спортсменах* от 7 декабря 2018 года Суд Союза отметил, что «при противоречии права Союза и актов национального законодательства, в том числе по вопросу применения ограничений трудовой деятельности

---

[958] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Чайки К. Л. от 25 февраля 2017 года по делу № С-2/16.
[959] Там же. С. 5.
[960] CJEU. *Flaminio Costa v E.N.E.L*. Case 6-64. Judgment of 15 July 1964.
[961] CJEU. *Amministrazione delle Finanze dello Stato v Simmenthal SpA*. Case 106/77. Judgment of 9 March 1978.
[962] Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Чайки К. Л. от 25 февраля 2017 года по делу № С-2/16. С. 6.
[963] Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 12 сентября 2017 года по делу № Р-2/17. С. 13.

профессиональных спортсменов, не соответствующих пункту 2 статьи 97 Договора, следует руководствоваться положениями права Союза»[964]. И наконец, в Консультативном заключении Большой коллегии от 18 июня 2019 года Суд указал, что «любые действия уполномоченных органов государств-членов в сфере конкуренции должны быть совместимы с правом Союза, а противоречия между положениями права Союза и национальными нормами в сфере конкуренции разрешаются с учётом приоритета права Союза»[965].

5.3.3. Практика Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам взаимодействия с органами международного правосудия

Нельзя не отметить, что основой для действия норм международного права (включая решения органов международных организаций) в российской правовой системе в целом и применения этих норм российскими судами в частности являются положения части 4 статьи 15 Конституции РФ и нормы Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[966], согласно которым положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. По вопросам применения положений международных договоров в правовой системе России длительное время ключевую роль играли разъяснения Верховного Суда РФ, например Постановление Пленума Верховного Суда от 10 октября 2003 года № 5

---

964 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 7 декабря 2018 года по делу № Р-3/18. С. 12.

965 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 18 июня 2019 года по делу № Р-1/19. С. 5.

966 Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

«О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[967]. Следуя логике Верховного Суда РФ, международный договор для того, чтобы быть применимым российскими судами, должен выдержать определённую проверку, своего рода тест — РФ должна быть участником этого договора, он должен быть опубликован, порождать права и обязанности для субъектов национального права и не содержать требований об издании внутригосударственного акта. Приоритет же над национальными российскими законами имеет лишь тот отвечающий вышеназванным признакам международный договор, согласие на обязательность которого выражено в форме федерального закона, то есть тот международный договор, который прошёл ратификацию.

Как мы видим, все вышеназванные акты касаются применения в российской правовой системе международных договоров. Вопрос о применении обязательных резолюций международных организаций, включая акты наднациональных институтов ЕАЭС — Евразийской экономической комиссии, Конституция РФ и российские законодательные акты обходят молчанием.

Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации (*далее также* — КС РФ) в отношении международных договоров и актов межгосударственных органов определены, в частности, в статье 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[968], в соответствии с которой КС РФ разрешает дела о соответствии Конституции РФ не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации. Кроме того, после внесённых в 2020 году поправок в Конституцию, КС РФ разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений

---

[967] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.

[968] Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также разрешает вопрос о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации.

Практика Конституционного Суда Российской Федерации в отношении актов, принимаемых Судом Евразийского экономического союза[969], в настоящее время сформировалась в двух основных направлениях: проверка на соответствие Конституции РФ актов, принимаемых Евразийской экономической комиссией, и возможность пересмотра решений российских арбитражных судов по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с признанием Судом ЕАЭС акта Комиссии, положенного в основу решений российских арбитражных судов, не соответствующим праву Союза.

Впервые Конституционный Суд Российской Федерации установил возможность конституционной проверки актов институтов ЕврАзЭС (предшественник ЕАЭС) в Определении от 3 марта 2015 года № 417-О[970]. Признав запрос Арбитражного суда Центрального округа не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, КС РФ тем не менее сформулировал ряд важных правовых позиций, которые легли в основу конституционного судопроизводства не только в вопросе о допустимости конституционной проверки отдельных нормативных актов институтов ЕАЭС, но и в части соотношения решений КС РФ с актами, которые принимает Суд ЕАЭС. Во-первых, КС РФ указал, что Российская Федерация, обладая государственным

---

[969] Будет справедливым отметить, что первые шаги в части формирования своей позиции по этому вопросу были сделаны КС РФ ещё применительно к Таможенному кодексу Таможенного Союза, созданного в рамках ЕврАзЭС, и актам Комиссии Таможенного союза, которые обладали такой же спецификой, что и нормативные акты ЕЭК. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 года № 417-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 3.

[970] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 года № 417-О.

суверенитетом и одновременно осознавая себя частью мирового сообщества, может участвовать в международных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечёт ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Во-вторых, международно-правовое участие Российской Федерации в Таможенном союзе не образует каких-либо предпосылок для отступления от принципов верховенства Конституции Российской Федерации и равенства всех перед законом и судом, и не освобождает её как правовое государство от исполнения своей конституционной обязанности признавать, соблюдать и защищать права человека и гражданина. В-третьих, Конституционный Суд указал, что всем действующим от имени Российской Федерации государственным органам и должностным лицам надлежит — исходя из смысла правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации, — «руководствоваться тем, что международное сотрудничество, в том числе в рамках участия России в создаваемых в соответствии с международными договорами межгосударственных объединениях, должно основываться на получивших конституционное и международное признание и подтверждение универсальных принципах. В противном случае, по мнению Конституционного Суда РФ, основанная на признании всеобщего принципа *pacta sunt servanda* конституционная обязанность Российской Федерации рассматривать заключённые ею международные договоры в качестве составной части своей правовой системы, имеющей коллизионный приоритет перед российскими законами, и продиктованное данной обязанностью безоговорочное стремление непременно исполнить принятые на себя международные обязательства в отношениях с другими государствами могут приводить к нарушению прав и свобод человека и гражданина.

В отношении актов Суда ЕврАзЭС (предшественник Суда ЕАЭС) КС РФ указал, что «правовые позиции Суда Евразийского экономического сообщества сохраняют свою силу и подлежат учёту при применении пункта 4 Порядка

применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза. Вместе с тем, лишь подтверждая соответствие оспариваемых нормативных положений международным договорам, заключённым государствами — участниками Таможенного союза, и не затрагивая вопрос об их конституционности, сами по себе эти правовые позиции не могут служить основанием для отступления от содержащегося в Конституции Российской Федерации требования признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина».

Определение Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 года № 417-О продемонстрировало, что нормы институтов регионального интеграционного объединения не обладают приоритетом в правовой системе Российской Федерации, их применение в российском национальном правопорядке, включая толкование, содержащееся в решениях суда интеграционного объединения, не должно приводить к игнорированию конституционных гарантий основных прав и свобод человека и гражданина или противоречить основам конституционного строя Российской Федерации. Таким образом, основаниями для конституционного контроля решений ЕЭК являются: а) необходимость защиты прав человека, на абсолютный характер которой указывает прямая обязанность КС РФ осуществлять эту защиту, несмотря на участие Российской Федерации в ЕАЭС, и б) возможное противоречие этих актов основам конституционного строя Российской Федерации.

В двух последующих определениях по жалобам по аналогичному вопросу[971] КС РФ воспроизвёл свою аргументацию из Определения от 3 марта 2015 года № 417-О. В качестве общего комментария стоит отметить, что приведённые акты КС РФ были вынесены задолго до того, как в Конституцию РФ

[971] Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 года № 583-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 4; Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 года № 1903-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision209714.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

и Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» были внесены изменения о том, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации (статья 79 Конституции РФ), и что Конституционный Суд Российской Федерации разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа, принятого на основании положений международного договора Российской Федерации в их истолковании межгосударственным органом, с точки зрения соответствия такого истолкования положениям Конституции Российской Федерации (статья 104.3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Таким образом, КС РФ, так же как и конституционные суды государств — членов ЕС, исходит из условного приоритета норм права ЕАЭС, при котором национальная конституция обладает верховенством перед нормами права ЕАЭС, а приоритет норм ЕАЭС в отношении других норм российского законодательства ограничен требованиями соблюдения нормами права ЕАЭС конституционных гарантий основных прав и свобод человека и гражданина (в понимании КС РФ) и отсутствия противоречия основам конституционного строя Российской Федерации.

При этом надо отметить, что позиция Верховного Суда Российской Федерации (*далее* — ВС РФ) по отношению к праву ЕАЭС и решениям Суда ЕАЭС представляется более либеральной (что в целом соответствует отмеченной в доктрине разнице подходов конституционных и верховных судов государств — членов ЕС к праву ЕС, а также к Суду ЕС и его решениям). По мнению ВС РФ, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза[972], а также иные международные договоры, составляющие право Союза, входят в правовую систему РФ. При

[972] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019). Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза.

толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, российским национальным судам следует учитывать акты Суда Евразийского экономического союза, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесённым к его компетенции[973]. Применительно к правовому регулированию таможенных отношений в Российской Федерации указывается, что это регулирование осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, входящими согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации в её правовую систему, и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании. К числу указанных международных договоров, в частности, относятся Договор о ЕАЭС и Таможенный кодекс ЕАЭС. Что касается решений постоянно действующего регулирующего органа Союза — Евразийской экономической комиссии, принятых в рамках её полномочий, то эти акты признаются регулирующими таможенные правоотношения в Российской Федерации как государстве — участнике Союза с признанием приоритета норм Договора о ЕАЭС и Таможенного кодекса. И наконец, при толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, российским национальным судам следует учитывать акты Суда Евразийского экономического союза, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесённым к его компетенции.

Другим пунктом заочных разногласий Суда ЕАЭС и КС РФ стал вопрос о том, могут ли решения Суда ЕАЭС быть основанием для пересмотра

---

[973] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 года № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 1.

национальных судебных решений. Проблема пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии со статьёй 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ[974] в связи с принятием Судом ЕАЭС решения о признании акта (действия/бездействия) ЕЭК не соответствующим праву Союза требует нескольких предварительных комментариев.

Во-первых, пересмотр дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам является экстраординарной процедурой, применение которой в целях обеспечения принципа стабильности судебных решений допустимо только в исключительных случаях в целях защиты прав лица, ссылающегося на такие обстоятельства, и не должно нарушать баланс интересов сторон. Во-вторых, возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов, будучи исключительной по своему характеру, предполагает установление таких процедур и условий их пересмотра, которые отвечали бы требованиям правовой определённости, обеспечиваемой признанием законной силы решений суда, их неопровержимости, что применительно к решениям, принятым в ординарных судебных процедурах, может быть преодолено, лишь если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причинённого ущерба[975]. И наконец, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 19 марта 2010 года № 7-П[976], закрепление в законе экстраординарных, чрезвычайных по своему характеру способов обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений требует установления

---

974 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

975 Постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2009 года № 5-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 2; Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 года № 30-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1; Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июля 2018 года № 29-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 6.

976 Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 года № 7-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 3.

специальной процедуры открытия соответствующего производства, ограниченного перечня оснований для отмены таких судебных постановлений, а также закрепления особых процессуальных гарантий для защиты как частных, так и публичных интересов от их необоснованной отмены.

Кроме того, немаловажным является то, что в редакции статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2021 года в качестве нового обстоятельства, являвшегося основанием для пересмотра судебных актов, было указано установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский суд по правам человека.

В контексте возможности пересмотра вступившего в законную силу судебного акта российского арбитражного суда по новым и вновь открывшимся обстоятельствам в связи с признанием Судом ЕАЭС решения ЕЭК не соответствующим праву Союза представляет интерес вынесенное Конституционным Судом РФ Определение от 10 февраля 2022 года[977], в котором Суд рассматривал вопрос о конституционности части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2003 года. В заявлении Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области в интересах ООО «Ремдизель» указывалось на неконституционность отсутствия в этом перечне решений Суда ЕАЭС. ООО «Ремдизель» ранее обращалось в арбитражный суд с заявлением о пересмотре вынесенного не в его пользу решения по новым обстоятельствам, ссылаясь на факт принятия по заявлению ООО «Шиптрейд» Судом ЕАЭС решения от 18 июня 2019 года (оставленного без изменения решением Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 31 октября 2019 года), которым акт Коллегии ЕЭК был признан не

---

[977] Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2022 года № 191-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision591099.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

соответствующим Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках ЕАЭС. При этом ООО «Ремдизель» исходило из того, что принятое Судом Евразийского экономического союза решение свидетельствовало о нарушении прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности из-за необоснованности правовой позиции российских таможенных органов и судов об отнесении спорных двигателей к данной субпозиции Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС, предусматривающей ставку ввозной таможенной пошлины в размере 9 %. По мнению заявителя, часть 3 статьи 311 АПК РФ противоречила Конституции Российской Федерации, а именно её части 1 статьи 46, поскольку не допускала пересмотр по новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов в связи с определением либо изменением решением Суда Евразийского экономического союза практики применения правовой нормы, чем препятствовала хозяйствующим субъектам в восстановлении нарушенных прав и законных интересов, несмотря на то что факт их нарушения был подтверждён национальным судом.

Конституционный Суд РФ в своём Определении отметил, что из положений Конституции совершенно не следует, что в случае участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях, предполагающих создание межгосударственного судебного органа, её национальное законодательство в обязательном порядке (безотносительно к содержанию соответствующего международного договора) должно предусматривать пересмотр решений внутригосударственных судов на основе вынесенных этим международным судом решений.

Указывая на существенные различия в статусе тех или иных межгосударственных образований, а также в полномочиях создаваемых ими международных судов, Конституционный Суд полагает, что не может быть никакого автоматизма в распространении его ранее сформулированного мнения на решения любых межгосударственных судебных органов. Иными словами,

Конституционный Суд РФ готов рассматривать такие вопросы только индивидуально применительно к каждому международному суду, оценивая его полномочия и статус вынесенных этим судом решений.

Далее, Конституционный Суд отметил, что из анализа норм Статута Суда ЕАЭС следует, что акты Суда не только не обладают ретроактивным значением, но и сами по себе непосредственно не влекут за собой отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений. При таких обстоятельствах Конституционный Суд РФ отказался признать за решениями Суда ЕАЭС статус новых обстоятельств, дающих право на пересмотр уже вынесенных российскими арбитражными судами решений, вступивших в законную силу.

Как можно увидеть, налицо определённый конфликтный потенциал в вопросе о ретроактивном действии решений Суда ЕАЭС в рамках признания актов ЕЭК не соответствующими праву ЕАЭС, а также рост интереса со стороны высших национальных судов к корректному и обоснованному разрешению этого потенциального конфликта.

Необходимо отметить, что в Определении Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 года № 1972-О была поддержана позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в Определении от 10 февраля 2022 года № 191-О.

5.3.4. Основные выводы по параграфу

Подводя итоги рассмотрения проблематики взаимодействия Суда ЕАЭС и Конституционного Суда РФ, можно в качестве некоторых общих выводов отметить следующее. Во-первых, специфика принятия нормативных актов общего применения институтами ЕАЭС, а также особенности действия и применения этих нормативных актов в национальных правовых системах государств — членов ЕАЭС обуславливают неизбежность различных подходов к этим актам со стороны Суда ЕАЭС и конституционных судов государств — членов Союза.

Если для Суда ЕАЭС, который проверяет эти акты на предмет их соответствия праву Союза, главным является единообразие толкования и применения этих актов, то для конституционных судов, которые исходят из верховенства национальных конституций и необходимости соответствия этих актов именно им, вопросы единообразия неизбежно отходят на второй план.

Во-вторых, разработанная Судом ЕАЭС доктрина приоритета права ЕАЭС уже столкнулась (правда, пока в формате заочного диалога) с позицией КС РФ, который исходит из верховенства Конституции РФ, а приоритет права ЕАЭС над остальными нормами национального права признаёт при условии а) соответствия норм ЕАЭС конституционным гарантиям основных прав и свобод человека и гражданина (скорее всего, в понимании КС РФ) и б) непротиворечия этих актов основам конституционного строя Российской Федерации.

В-третьих, масштаб и интенсивность конфликтов, которые могут возникнуть между Судом ЕАЭС и конституционными судами государств — членов ЕАЭС, напрямую связаны с двумя факторами. В первую очередь это углубление процессов интеграции, в условиях которой происходит постепенное распространение действия актов ЕАЭС на всё более широкий круг субъектов национального права. Во вторую очередь — тот факт, что существующие на сегодняшний день особенности юрисдикции Суда ЕАЭС разительно отличают Суд ЕАЭС от того же Суда ЕС и объективно препятствуют возникновению конфликтов, при этом предоставляя конституционным судам заведомое преимущество. Отсутствие у Суда ЕАЭС преюдициальной юрисдикции по образу и подобию юрисдикции Суда ЕС, к которому могут обратиться суды любого уровня государств — членов ЕС, исключает прямой диалог между национальными судами и Судом ЕАЭС в ущерб позиции КС РФ.

В-четвёртых, особенности решений Суда ЕАЭС, на которые КС РФ обращает такое пристальное внимание, и невозможность их использования для пересмотра принятых национальными судами актов, пока объективно «играют на руку» КС РФ и также служат сдерживающим фактором на пути появления конституционных конфликтов. С одной стороны, такая ситуация пока не даёт Суду ЕАЭС

достаточных оснований буквально требовать от национальных судов лояльности своим решениям (что уже делает Суд ЕС), а с другой стороны, и не создаёт для национальных судов достаточно убедительного стимула проявить подобную лояльность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое диссертационное исследование убедительно демонстрирует, что в современных условиях регионализм вышел за рамки его первоначального понимания исследователями как явления, тесно связанного с конкретным географическим пространством и преимущественно западноевропейскими интеграционными процессами. Территориальный критерий утратил ключевое значение, и термин «регионализм» стал применяться ко всем формам устойчивого взаимодействия групп государств, имеющих общие интересы и цели и использующих для их достижения особые правила ограниченного круга применения. При этом регионализм больше не ассоциируется исключительно с опытом Европейского союза — формируется «новый» регионализм, исходящий из множества модальностей регионального сотрудничества при сохранении его основных характеристик: ограниченного круга государств-участников и наличия собственных норм, регулирующих их отношения. Распространение процессов регионализации по всему миру обусловило появление таких категорий, как «сравнительный регионализм», «глобальный регионализм» и «мир регионов», что органично вписывается в логику становления многополярного мирового порядка.

В рамках международного права особое значение приобретает концепция нормативного регионализма. В позитивном аспекте эта концепция предполагает наличие особых норм и принципов (*lex specialis*), обязательных только для государств — членов региональных интеграционных объединений. В негативном аспекте нормативный регионализм проявляется в требованиях определённой группы государств о неприменении к ним универсальных норм или принципов международного права. В этой связи диссертационное исследование показывает неизбежность возникновения вопроса как

о возможности существования региональных императивных норм и региональных общих принципов права, так и о путях разрешения возникающих в этом случае нормативных конфликтов.

Концепция нормативного регионализма позволяет по-новому объяснить разнообразие и особенности правопорядков региональных интеграционных объединений. Особенно показателен здесь пример права ЕАЭС, который, не будучи автономным по модели ЕС, тем не менее обладает схожими нормативными характеристиками.

Идея *jus cogens*, которая создаёт общий «каркас» императивных обязательств для всех государств, в силу чего она традиционно связана именно с универсализмом и предназначена для предотвращения фрагментации международного права, на первый взгляд кажется несовместимой с идеей о региональных императивных нормах. Аргумент же об универсальности императивных норм обычно используется для отрицания возможности существования региональных *jus cogens*, поскольку универсальные императивные нормы предполагают согласие всего международного сообщества государств. Однако практика региональных правопорядков, прежде всего в сфере прав человека, региональных интеграционных объединений, включая региональное международное правосудие, демонстрирует появление региональных норм, полностью отвечающих критериям статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, содержащей определение императивных норм общего международного права, и принимаемых в качестве ключевых ценностных ориентиров, не подлежащих изменению даже по соглашению государств — участников регионального объединения. Это позволяет утверждать, что в рамках отдельных региональных систем могут фактически существовать нормы, обладающие императивным характером для конкретного круга государств, пусть и именуемые иначе, чем *jus cogens*.

Результаты диссертационного исследования показали, что признание универсальности международного сообщества не исключает существования групп государств, которые вправе вырабатывать собственные обязательные

стандарты, отражающие их региональные ценности. С этой точки зрения концепция региональных императивных норм не представляется внутренне противоречащей общей структуре международного права, а может рассматриваться как один из инструментов нормативного плюрализма. На этом фоне особое значение приобретает вопрос о взаимодействии универсальных и региональных *jus cogens*, а также о возможной конкуренции между ними, при которой в качестве потенциальных ориентиров взаимодействия выступают либо приоритет универсальных императивных норм, исключающий их применение, либо действие принципа *lex specialis derogat generali* применительно к региональным императивным нормам.

Статья 38 Статута Международного Суда ООН не исключает существования общих принципов права с ограниченной территориальной сферой применения, что позволяет включать региональные общие принципы в систему источников права отдельных региональных правопорядков. Подход Комиссии международного права ООН к этой категории отличается осторожностью и ориентирован на сохранение универсалистской структуры международного права: последние работы Комиссии не исключают существования общих принципов права с ограниченной сферой применения, а просто выводят их за рамки основной методологии выявления универсальных общих принципов. Это открывает пространство для признания региональных общих принципов права, формируемых на основе региональных соглашений, практики интеграционных организаций, включая и практику соответствующих региональных судов.

Общие принципы права в правопорядке региональных интеграционных объединений могут быть отнесены к категории общих принципов права регионального применения по смыслу проекта вывода 12 Комиссии международного права. Эти принципы в количественном и качественном отношении играют существенно бóльшую роль, чем общие принципы права в универсальном международном праве. К совпадающим функциям этих двух групп общих принципов права можно отнести их использование с целью толкования, устранения пробелов и признание источником права. Однако их

существенное отличие друг от друга состоит в том, что в праве региональных интеграционных объединений общие принципы права служат самостоятельным основанием для судебного контроля правомерности актов институтов этих объединений и даже для привлечения государств-членов к ответственности, когда общие принципы права в универсальном международном праве для этого не используются. Кроме того, в правопорядке региональных интеграционных объединений общие принципы права занимают особое место в иерархии источников права: они рассматриваются либо как часть первичного права таких объединений (в том случае, если эти принципы закреплены в учредительных договорах), либо как особая категория норм, располагающихся ниже учредительных договоров, но выше актов вторичного права и международных соглашений, заключаемых региональными интеграционными объединениями с третьими сторонами.

В исследовании обосновано формирование в практике Суда ЕАЭС доктрины собственных общих принципов права Евразийского экономического союза. На современном этапе они являются для Суда ЕАЭС инструментом толкования норм ЕАЭС и служат самостоятельным основанием для судебного контроля актов институтов Союза. Суд ЕАЭС в целом воздерживается от использования доктрины общих принципов права для заполнения пробелов, что может быть связано с осторожным отношением государств — членов Союза к судебному нормотворчеству и подчёркивает их стремление удерживать интеграционный суд в рамках строго определённых полномочий. Вопрос о месте общих принципов права в иерархии норм права ЕАЭС и о разрешении коллизий между универсальными общими принципами и общими принципами права Союза остаётся открытым, и ответ на него будет сформирован в практике Суда.

В праве региональных интеграционных объединений особое место занимают нормы, формирующие категорию публичного порядка, который используется как в узком значении в качестве основания для государства-члена ограничить свободы внутреннего рынка, включая сферу взаимного признания судебных решений, так и в широком значении как совокупность определённых

фундаментальных норм, составляющих публичный порядок региональных интеграционных объединений. При этом государства сохраняют возможность определять требования публичного порядка в соответствии со своими национальными интересами, однако эта возможность ограничивается необходимостью узкого толкования таких интересов и судебного контроля со стороны судов региональных интеграционных объединений. На уровне ЕАЭС, несмотря на отсутствие прямого упоминания публичного порядка в Договоре о Союзе, сохраняется возможность его концептуализации через нормы о допустимых ограничениях функционирования внутреннего рынка, прежде всего, в рамках судебной практики, что подчёркивает важную роль региональных судов в наполнении категории публичного порядка конкретным содержанием.

Нормативный регионализм проявляется также в появлении в рамках правовых систем региональных интеграционных объединений локальной правосубъектности частных лиц. Локальная правосубъектность возникает в силу того, что принимаемые институтами этого объединения нормативные акты общего применения, которые непосредственно действуют в национальных правопорядках государств-членов, заменяя национальные правовые акты в соответствующей области. Такие акты будут применяться всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого объединения, в том числе и частными лицами как в их отношениях с государством (по вертикали), так между собой (по горизонтали), а также национальными судами как применимое право при разрешении споров, в том числе между частными лицами.

Исследование международной ответственности в условиях регионализма показало, что её традиционная модель, закреплённая в Статьях об ответственности государств, разработанных Комиссией международного права ООН, дополняется и модифицируется в региональных и специальных правопорядках, что также можно отнести к проявлению нормативного регионализма. В частности, в рамках ВТО создан механизм *lex specialis*, в рамках которого общие нормы об ответственности применяются субсидиарно, а ключевой акцент сделан на горизонтальных механизмах принуждения и взаимности, без предоставления потерпевшему

государству права на компенсацию ущерба в традиционном виде. В праве региональных интеграционных объединений, в первую очередь в праве ЕС, действует автономная система ответственности Союза за внедоговорные нарушения, именуемая «европейским правом ответственности», что исключает механическое применение к ЕС общих норм международной ответственности. В правопорядке ЕАЭС эффективные механизмы имплементации ответственности, в особенности в интересах частных лиц, находятся в стадии формирования, а необходимость их развития оказывается напрямую связана с дальнейшим углублением интеграционных процессов. В исследовании отмечается, что применительно к смешанным соглашениям ЕАЭС и его государств-членов с третьими сторонами вопросы распределения ответственности за нарушение обязательств и присвоения поведения остаются открытыми; в отсутствие специальных договорных норм их разрешение возможно с использованием подходов, разработанных в рамках ВТО либо в рамках общих положений об ответственности международных организаций.

Рассмотренная практика международных судов, включая Суд ЕАЭС, применительно к консультативной юрисдикции показывает, что в современных условиях консультативная юрисдикция судов не сводится к вспомогательной функции по отношению к юрисдикции по разрешению споров и обладает самостоятельным потенциалом и может влиять на развитие правопорядка. Правовой эффект консультативных заключений определяется, прежде всего, их убедительностью, авторитетом соответствующего суда и тем, как на его заключения реагируют государства и иные субъекты. В этом контексте консультативные заключения могут приобретать особый интерпретационный статус (*res interpretata*), выходящий за пределы конкретного запроса.

Приведённая в исследовании статистика первых десяти лет деятельности Суда Евразийского экономического союза свидетельствует о значительной роли консультативных заключений не только с точки зрения их количества, но и в качественном аспекте влияния на формирование правопорядка Союза. В консультативных заключениях Суд формулирует ключевые доктрины права

ЕАЭС, такие как приоритет права Союза, обеспечивая единообразие их применения и создавая ориентиры для участников правоотношений. Правовые позиции Суда ЕАЭС, воплощенные в консультативные заключения, имеют характер *erga omnes*, и их интерпретационная значимость постепенно усиливается. При этом они выполняют и инструментальную функцию, поскольку компенсируют ограничения спорной юрисдикции Суда, задают рамки судебной защиты и существенно влияют на практику национальных судов и органов Союза.

Любое международное судебное учреждение не может быть эффективным без адекватной системы исполнения принимаемых ими судебных актов. Статут Суда ЕАЭС предоставил Евразийской экономической комиссии широкую дискрецию в выборе форм и способов исполнения решений Суда, что подтверждается отсутствием у государств — членов ЕАЭС, возложивших на Суд лишь функцию контроля в виде обращения в Высший Евразийский экономический совет, планов по включению стадии исполнения в структуру самого судебного процесса. Практика Суда ЕАЭС свидетельствует о его стремлении усилить свой вклад в обеспечение эффективности исполнения решений, однако в рамках действующей модели сохраняется значительная роль политических органов Союза и национальных властей в этом отношении.

Взаимодействие Суда ЕАЭС с Конституционным Судом РФ характеризуется различием подходов к вопросам приоритета права Союза и верховенства Конституции РФ. Суд ЕАЭС исходит из доктрины приоритета права Союза в сферах переданных интеграционных полномочий, тогда как Конституционный Суд РФ последовательно подтверждает верховенство Конституции Российской Федерации, допуская приоритет норм ЕАЭС над иными нормами национального права, если при этом соблюдаются конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина, и эти нормы не противоречат основам конституционного строя РФ. Конфликтный потенциал между двумя судами сдерживается как особенностями юрисдикции Суда ЕАЭС (включая отсутствие полноценной преюдициальной процедуры по аналогии с принятой в Суде ЕС процедурой), так и тем, что решения Суда ЕАЭС не

используются в качестве основания для пересмотра актов национальных судов, что объективно ограничивает возможность возникновения прямых коллизий толкования права ЕАЭС.

В совокупности рассмотренные в диссертации аспекты регионализма, нормативного регионализма, региональных *jus cogens*, региональных общих принципов права, правосубъектности частных лиц, доктрины публичного порядка, международной ответственности и консультативной юрисдикции международных и региональных судов, а также взаимодействия Суда ЕАЭС с конституционными судами позволяют заключить, что современное международное право представляет собой сложную многоуровневую систему. В этой системе универсальные нормы сосуществуют с региональными правопорядками, а взаимодействие универсальных и региональных уровней правового регулирования приобретает всё более выраженный характер нормативного и институционального плюрализма.

Список сокращений

ECI — European Citizens' Initiative;

ECOWAS — Экономическое сообщество стран Западной Африки, от англ. *Economic Community of West African States*;

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации;

АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, от англ. *Association of Southeast Asian Nations, ASEAN*;

БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, от англ. *Brazil, Russia, India, China, South Africa, BRICS*;

Брюссельская конвенция — Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров 1968 года;

Венская конвенция 1969 года — Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года;

ВС РФ — Верховный Суд Российской Федерации;

ВТО — Всемирная торговая организация, *также* WTO — World Trade Organization;

Высший совет — Высший Евразийский экономический совет Евразийского экономического союза;

ГА ООН — Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций;

ГАТС — Генеральное соглашение по торговле услугами 1994 года, от англ. *General Agreement on Trade in Services, GATS*;

ГАТТ — Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года, от англ. *General Agreement on Tariffs and Trade, GATT*;

Доклад о фрагментации — Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права», подготовленный в 2006 году;

ДРС — Договорённость о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров. Приложение 2 к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации 1994 года;

ДТП — дорожно-транспортное происшествие;

ДФЕС — Договор о функционировании Европейского союза;

ЕАСТ — Европейская ассоциация свободной торговли;

ЕАЭС — Евразийский экономический союз;

ЕврАзЭС — Евразийское экономическое сообщество;

Еврокомиссия — Европейская комиссия;

Европарламент — Европейский парламент;

ЕКПЧ — Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года;

ЕОУС — Европейское объединение угля и стали;

ЕС — Европейский союз;

ЕСПЧ — Европейский суд по правам человека, *также* ECtHR — *European Court on Human Rights*;

ЕЭК — Евразийская экономическая комиссия Евразийского экономического союза;

ЕЭС — Европейское экономическое сообщество;

КАРИКОМ — Карибское сообщество, от англ. *Caribbean Community, CARICOM*;

КМП, Комиссия — Комиссия международного права Организации Объединённых Наций;

КС РФ — Конституционный Суд Российской Федерации;

ЛАГ — Лига арабских государств;

МАСПЧ — Межамериканский суд по правам человека, *также* IACtHR — Inter-American Court of Human Rights;

МС ООН — Международный Суд Организации Объединённых Наций, *также* ICJ — International Court of Justice;

МЕРКОСУР — Южноамериканский общий рынок, от исп. *Mercado Común del Sur*;

НАТО — Организация Североатлантического договора, от англ. *North Atlantic Treaty Organization, NATO*;

НАФТА — Североамериканское соглашение о свободной торговле, от англ. *North American Free Trade Agreement, NAFTA*;

Нью-Йоркская конвенция — Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года;

ОАГ — Организация американских государств;

ОАЕ — Организация африканского единства;

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе;

ООН — Организация Объединённых Наций;

ОРС ВТО — Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации;

Палата — Специальная палата Международного трибунала по морскому праву;

ПАФТА — Панарабская зона свободной торговли, от англ. *Pan-Arab Free Trade Area, PAFTA*;

ППМП — Постоянная палата международного правосудия;

Протокол № 1 — Протокол к Амстердамскому договору 1997 года о роли национальных парламентов в Европейском союзе;

Протокол № 2 — Протокол к Договору о Европейском союзе и Договору о функционировании Европейского союза о применении принципов субсидиарности и пропорциональности;

разъяснение — разъяснение Судом ЕАЭС по заявлению государства-члена или органа Союза положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями;

РМПО — региональная межправительственная организация;

САДК — Сообщество развития Юга Африки, от англ. *Southern African Development Community, SADC*;

СБ ООН — Совет Безопасности Организации Объединённых Наций;

СЕАТО — Организация Договора Юго-Восточной Азии, от англ. *South-East Asia Treaty Organization, SEATO*;

СЕНТО — Организация Центрального Договора, от англ. *Central Treaty Organization, CENTO*;

СНГ — Содружество Независимых Государств;

Статьи об ответственности государств — Приложение к Резолюции 56/83 от 12 декабря 2001 года. Ответственность государств за международно-противоправные деяния;

Статьи об ответственности международных организаций — Приложение к Резолюции 66/100 от 9 декабря 2011 года. Ответственность международных организаций;

Суд ЕАЭС — Суд Евразийского экономического союза;

Суд ЕС — Суд Европейского союза, *также* CJEU — *Court of Justice of the European Union* (в сносках этим наименованием обозначены в том числе и решения Суда, принятые тогда, когда он имел название *European Court of Justice* (ECJ));

СЭВ — Совет экономической взаимопомощи;

ТНК — транснациональная корпорация;

Трибунал — Административный трибунал Организации Объединённых Наций;

ТРИПС — Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 года, от англ. *Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, TRIPS*;

ФКС ФРГ — Федеральный конституционный суд Федеративной Республики Германия;

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества;

ЭКОСОС — Экономический и Социальный Совет Организации Объединённых Наций.

Список использованной литературы и документов

Литература на русском языке

1. *Абашидзе А. Х.* Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19–30.
2. *Абашидзе А. Х.*, *Клишас А. А.*, *Солнцев А. М.* К вопросу об эффективности деятельности Комиссии международного права ООН // Современное право. 2013. № 5. С. 103–109.
3. *Абашидзе А. Х.*, *Солнцев А. М.* Камо грядеши… К 60-летию деятельности Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 133–145.
4. *Алексидзе Л. А.* Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы. Jus cogens. Тбилиси : Издательство Тбилисского университета, 1982. 406 с.
5. *Ануфриева Л. П.* БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 123–133.
6. *Ануфриева Л. П.* ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 48–62.
7. *Ануфриева Л. П.* Международные организации и параорганизации, интеграционные объединения: автономные правовые режимы (понятийный аспект международно-правовой науки) // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1 / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : РАН ИНИОН, 2022. С. 356–360.

8. *Ануфриева Л. П.* Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания) // Московский журнал международного права. 2021. № 1. С. 6–27.
9. *Ануфриева Л. П.* Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только… // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 6–34.
10. *Ануфриева Л. П.* Расширение БРИКС в свете принципов международного права // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 155–174.
11. *Байков А. А.* Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М. : Аспект Пресс, 2012. 256 с.
12. *Бекяшев К. А.* ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11 (78). С. 14–16.
13. *Бирюков М. М.* Современное развитие Европейского Союза: международно-правовой подход : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004.
14. *Боклан Д. С.* Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 223–236.
15. *Боклан Д.*, *Боклан О.*, *Смбатян А.* Значение Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния для защиты интересов сторон при разрешении споров в рамках ВТО // Международное правосудие. 2016. № 4 (20). С. 99–113.
16. *Брун М. И.* Публичный порядок в международном частном праве. Петроград : Сенатская типография, 1916.
17. *Верещетин В. С.* О работе Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 21–34.
18. *Верещетин В. С.* О работе 46-й сессии Комиссии международного права ООН //Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 35–51.

19. *Власов Д. С.* Императивные нормы *jus cogens* и правовые позиции Международного Суда ООН // Российский юридический журнал. 2006. № 1 (49). С. 128–132.
20. *Войников В. В.*, *Энтина Е. Г.*, *Энтин М. Л.* Перспективы, потребности и подводные камни конституционализации ЕС и ЕАЭС // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 89–103.
21. *Волкова А. А.* Региональные механизмы разрешения международных торговых споров : дис. … канд. юрид. наук. М., 2025.
22. *Глотова С. В.* Общепризнанные принципы и нормы международного права, их соотношение с иными категориями и вопросы применения в правовой системе России // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 12А. С. 170-182
23. *Даниленко Г. М.* Обычай в современном международном праве. М. : Наука, 1988. 192 с.
24. *Дурденевский В. Н.* Пять принципов // Международная жизнь. 1956. № 3. С. 45–53.
25. *Дьяченко Е. Б.* Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2023.
26. *Дьяченко Е. Б.*, *Энтин К. В.* Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 123–133.
27. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2026. 528 с.
28. *Ефремова Н. А.* Международно-правовые механизмы регулирования экономической интеграции и суверенитет государства : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010.
29. *Захарова Н. В.* Индивид — субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 112–118.

30. *Игнатенко Г. В.*, *Лихачев М. А.* Размышления о современной концепции международной правосубъектности индивида // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 4 (291). С. 200–212.
31. Интеграционное право : учебник / отв. ред. С. Ю. Кашкин. М. : Проспект, 2017. 717 с.
32. *Исполинов А.* Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 45–67.
33. *Исполинов А.* Несколько жизней доктрины императивных норм (*jus cogens*) в международном праве // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 70–97.
34. *Исполинов А.* Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств — членов ЕС // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 47–68.
35. *Исполинов А.* Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза // Международное правосудие. 2016. № 1 (17). С. 81–94.
36. *Исполинов А. С.* Договор о Европейском Союзе: новые полномочия Европарламента // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1994. № 1. С. 121–129.
37. *Исполинов А. С.* Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу об оговорках 1951 г.: взгляд спустя 70 лет // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 2. С. 79–94.
38. *Исполинов А. С.* Локальные (партикулярные) обычаи, Международный суд ООН и проблема согласия государств // Закон. 2024. № 8. С. 122–132.
39. *Исполинов А. С.* Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 7–14.
40. *Исполинов А. С.* Нормы международного права о применении силы и специальная военная операция России // Закон. 2022. № 8. С. 30–41.

41. *Исполинов А. С.* Принцип автономности права Евросоюза, его внешнее измерение и роль в процессе конституционализации ЕС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 251–277.
42. *Исполинов А. С.* Принципы автономности и приоритета права Европейского союза как оружие Суда Европейского Союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Часть 1. Дело *Achmea* // Российский юридический журнал. 2021. № 2 (137). С. 56–77.
43. *Исполинов А. С.* Санкции в ВТО: специфика и практика применения // Законодательство. 2014. № 10. С. 66–77.
44. *Исполинов А. С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств — членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 152–166.
45. *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС) : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018.
46. *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС) : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 312 с.
47. *Исполинов А. С.* Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 105–120.
48. *Исполинов А. С.* Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex russica. 2017. № 10 (131). С. 58–87.
49. *Исполинов А. С.* Эволюция правового статуса оговорок: от «правила единогласия» Лиги Наций до Руководства Комиссии международного права по оговоркам 2011 года // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 134–161.
50. *Исполинов А. С.* Эволюция практики Суда Европейского Союза в сфере прав человека (1952–2009) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 4. С. 80–97.

51. *Исполинов А. С.*, *Кадышева О. В.* Кризис механизма разрешения споров Всемирной торговой организации: в поисках альтернатив // Закон. 2020. № 10. С. 136–144.
52. *Исполинов А.С., Кадышева О.В.* Практика применения досудебного порядка рассмотрения споров в судах евразийской интеграции // Закон. 2016. № 10. С. 119-125.
53. *Исполинов А.С., Кадышева О.В.* «Старые» и новые проблемы в деятельности и в практике Суда ЕАЭС на примере решения Суда Евразийского экономического союза по делу ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 21-27.
54. *Исполинов А.С., Кадышева О.В.* Яблоко раздора: досудебная процедура в международном правосудии и в практике суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2021. № 2 (38). С. 93-110.
55. *Кадышева О.В.* Взаимодействие Суда Евразийского экономического союза и Конституционного Суда Российской Федерации: границы возможного // Журнал Конституционного правосудия. 2025. № 3. С. 19-26.
56. *Кадышева О.В.* Влияние оговорки о публичном порядке на функционирование внутреннего рынка //Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 70-75.
57. *Кадышева О.В.* Вопросы ответственности в праве Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11 (162). С. 30-35.
58. *Кадышева О.В.* Доктринальные аспекты односторонних ограничительных мер и перспективы их оспаривания в рамках ВТО // Закон. 2022. № 8. С. 71-81.
59. *Кадышева О.В.* Заключение Суда ЕАЭС по делу о лизинге: новые аспекты консультативной юрисдикции // Российский юридический журнал. 2021. № 5 (140). С. 71-81.

60. *Кадышева О.В.* К вопросу о правосубъектности частных лиц в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 33-37.
61. *Кадышева О. В.* К вопросу об ответственности Российской Федерации за решения, принятые Евразийской экономической комиссией // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения. II Московский юридический форум (Кутафинские чтения) (2–4 апреля 2015 г., Москва): пленарные доклады и материалы конференций. М. : Проспект, 2015. С. 188–193.
62. *Кадышева О.В.* К вопросу о прецедентном характере решений Органа по разрешению споров во Всемирной торговой организации // Евразийский юридический журнал. 2014. № 6 (73). С. 97-101.
63. *Кадышева О.В.* Комиссия международного права ООН о региональных общих принципах права: попытка примирить универсализм и реальность // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 3 (55). С. 23-39.
64. *Кадышева О.В.* Концепция публичного порядка в судах региональной экономической интеграции // Международное правосудие. 2023. № 2 (46). С. 17-32.
65. *Кадышева О.В.* Неизвестная «санкционная война» и возможности международного правосудия // Международное правосудие. 2022. № 4 (44). С. 95-111.
66. *Кадышева О. В.* Нормативный регионализм в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2025. № 11. С. 26–33.
67. *Кадышева О.В.* Общие принципы права Европейского союза и принципы права Евразийского экономического союза через призму международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. № 6. С. 81-93.
68. *Кадышева О. В.* Правовое регулирование ответственности в ВТО и ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 2. С. 25–48.

69. *Кадышева О.В.* Правосубъектность частных лиц в правопорядке Евразийского экономического союза // Вестник Московского университета. Серия 11: Право, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2025, том 66, № 3, с. 168-190.
70. *Кадышева О.В.* Пределы судебной защиты в рамках консультативной юрисдикции Суда Евразийского экономического союза // Закон. 2025. № 4. С. 66-80.
71. *Кадышева О.В.* Применение положений соглашений Всемирной торговой организации российскими судами: обзор арбитражной практики // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1 (80). С. 85-90.
72. *Кадышева О.В.* Проблемные вопросы исполнения решений Суда Евразийского экономического союза: experientia docet // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 1 (49). С. 56-74.
73. *Кадышева О.В.* Регионализм в международном праве: в поисках баланса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, издательство Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Москва), 2025, № 12, с. 45-54.
74. *Кадышева О.В.* Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 98-116.
75. *Кадышева О.В.* Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 208-231.
76. *Кадышева О.В.* Роль парламентского контроля в обеспечении эффективного функционирования институтов ЕС и ЕАЭС // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 2 (159). С. 4-18.
77. *Кадышева О.В.* Смешанные соглашения ЕАЭС с третьими странами: вопросы международной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 4. С. 41-66.

78. *Кадышева О.В.* Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 3. С. 48-58.
79. *Кадышева О. В.* Экономические санкции и правопорядок Всемирной торговой организации: может ли ВТО защитить от санкций // Экономические санкции против России: правовые вызовы и перспективы / под ред. С. В. Гландина, М. Г. Дораева. М. : Инфотропик Медиа, 2018. С. 160–171.
80. *Калиниченко П. А.* Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011.
81. *Капустин А. Я.* Европейский союз: интеграция и право : монография. М. : Издательство РУДН, 2000. 436 с.
82. *Капустин А. Я.* Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001.
83. *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 59–69.
84. *Капустин А. Я.*, *Боброва Ю. В.* Международное право: между глобализмом и регионализмом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 5. С. 45–56.
85. *Карташкин В. А.* Государство и личность в международных правоотношениях // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 2–9.
86. *Кешнер М. В.* Институт реализации международной ответственности государств : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2023.
87. *Ковалев В. С.* Механизмы реализации международной правосубъектности ЕС и ЕАЭС : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022.
88. *Кожевников Ф. И.*, *Кривчикова Э. С.* Комиссия международного права ООН: функции и деятельность. М. : Международные отношения, 1977. 102 с.
89. *Кожеуров Я. С.* Вопросы права международной ответственности в решении Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 года по делу «Российская Федерация против Республики Беларусь» // Lex russica. 2017. № 12. С. 133–146.

90. *Кожеуров Я. С.* Консультативная юрисдикция международного суда: опыт Межамериканского суда по правам человека // Российский юридический журнал. 2012. № 4 (85). С. 95–107.
91. *Кожеуров Я. С.* Международная ответственность за нарушение «права ВТО»: соотношение с общим международным правом // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10 (35). С. 1334–1340.
92. *Кожеуров Я. С.* О международной правосубъектности индивида // Lex russica. 2004. Т. 63. № 2. С. 489–513.
93. *Колос Д. Г.* Компетенция Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза: сравнительно-правовой анализ : дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2020.
94. *Колос Д. Г.* Конкуренция юрисдикции органов по разрешению споров ВТО и региональных торговых соглашений: уроки и перспективы для ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 3. С. 21–41.
95. *Корецкий В. М.* «Общие принципы права» в международном праве / отв. ред. С. Б. Крылов. Киев : Издательство АН УССР, 1957. 52 с.
96. *Кремнев П. П.* Общепризнанные принципы и нормы jus cogens и обязательства erga omnes: юридическая природа и иерархия в российской правовой системе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 783–802.
97. Курс международного права : в 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. М. : Наука, 1989.
98. *Лагутина М. Л.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. 2015. № 2 (19). С. 16–21.
99. *Лагутина М. Л.*, *Михайленко Е. Б.* Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 261–278.

100. *Липкина Н. Н.* Некоторые проблемы правовой природы норм jus cogens в современном международном праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2 (78). С. 146–150.
101. *Липкина Н. Н.* Особенности квалификации международно-правовых норм о правах человека в качестве jus cogens // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 51–55.
102. *Лифшиц И. М.* Международное финансовое право и право Европейского союза: взаимодействие и взаимовлияние : монография. М. : Юстицинформ, 2020.
103. *Лифшиц И. М.* Ускользающая красота общих принципов права, признанных цивилизованными нациями // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2025. Т. 3. № 3. С. 49–90.
104. *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть : учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 432 с.
105. *Малый А. Ф.*, *Кондрашова О. Ю.* Принципы права Евразийского экономического союза как основа его правовой системы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Т. 7. № 2 (26). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/malyi_af_kondrashova_oyu_2019_2_11.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
106. *Малышев Д. В.* Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 81–104.
107. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. Т. 1. СПб.: Типография Министерства путей сообщений (А. Бенке), 1882. 418 с.
108. *Мещерякова О. М.* Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010.

109. *Мысливский П. П.* Исполнение актов Суда Евразийского экономического союза: обзор первых проблем и путей их решения // Журнал ВШЭ по международному праву. Т. 1. 2023. № 2. С. 42–53.
110. *Нефедов Б.* Являются ли основные принципы уголовной ответственности индивидов общими принципами права? Часть 1: Принцип nullum crimen sine lege («нет преступления без указания на него в законе») // Международное правосудие. 2025. № 3 (55). С. 66-77.
111. *Нефедов Б.* Являются ли основные принципы уголовной ответственности индивидов общими принципами права? Часть 2: Принцип non bis in idem («не дважды за одно и то же») // Международное правосудие. 2025. № 4 (56). С. 65–79.
112. *Нефедов Б.И.* Принципы в международном праве: терминология // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 6–17.
113. *Нефедов Б. И.* Регулирует ли международное право отношения с участием лиц? (часть 1) // Московский журнал международного права. 2017. № 1(105). С. 3-19.
114. *Нефедов Б. И.* Регулирует ли международное право отношения с участием лиц? (Часть 2) // Московский журнал международного права. 2017. № 2(106). С. 3-17.
115. *Нешатаева Т.* К вопросу о создании Евразийского Союза: интеграция и наднационализм // Международное правосудие. 2014. № 2 (10). С. 57–70.
116. *Нешатаева Т. Н.* Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 113–125.
117. *Павлова Н. В.* Оговорка о публичном порядке как судебный эксклюзив и предел вежливости конкретной нации. Комментарий к Обзору практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 162–173.

118. *Пименова О. И.* Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 76–93.
119. *Пименова С. Д.* Особенности применения международных обычаев в практике инвестиционного арбитража // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 2. С. 159–168.
120. *Попова А. Н.* Рассмотрение споров с международными служащими в Евразийском экономическом союзе: реальность и перспективы // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6 (121). С. 15–18.
121. *Рахимов К. Х.* Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как международная межправительственная организация // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1 (116). С. 46–51.
122. *Рахимов К. Х.*, *Курылев К. П.*, *Химич Г. А.* Взаимодействие Шанхайской организации сотрудничества с международными и региональными организациями по поддержанию международного мира и коллективной безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 9 (66). С. 2322–2338.
123. Региональные аспекты интеграции: Европейский союз и Евразийское пространство = Regional aspects of integration: European Union and Eurasian space : монография / отв. ред. Р. Ш. Давлетгильдеев : М. : Статут, 2019. 239 с.
124. *Ромашев Ю. С.* Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С.148–174.
125. *Ромашев Ю. С.*, *Постникова Е. В.* Принципы в международном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 192–220.
126. *Сазонова К. Л.* Обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72–79.
127. *Саидов А. Х.* Формирование международного парламентского права // Московский журнал международного права. 2006. № 3. С. 17–41.

128. *Самович Ю. В.* К вопросу о международной правосубъектности индивидов // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 5. С. 181–185.
129. *Сейтимова В. Х.* Судебная защита прав международных гражданских служащих : дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2022.
130. *Симонова Н. С.* Консультативные заключения Международного Суда ООН в механизме обеспечения выполнения международных договорных обязательств // Московский журнал международного права. 2015. № 3. С. 94–108.
131. *Синякин И. И.*, *Скуратова А. Ю.* Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 41. С. 526–545.
132. *Смбатян А. С.* Консультативная юрисдикция Международного Суда ООН // Современное право. 2009. № 2. С. 98–101.
133. *Соколова Н. А.* Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // Lex russica. 2017. № 11. С. 47–57.
134. *Толстых В. Л.* Курс международного права : учебник. М. : Международные отношения, 2022.
135. *Тункин Г. И.* Теория международного права. М. : Международные отношения, 1970. 511 с.
136. *Тюрина Н. Е.* Право ВТО в международных договорах ЕАЭС // Российский юридический журнал. 2025. № 1 (160). С. 18–30.
137. *Тюрина Н. Е.* Правовая система ЕАЭС: суверенитет государств-членов и «наднациональное» право // Государство и право. 2025. № 7. С. 140–148.
138. Универсализм и регионализм в системе международного права и международных отношений : монография / под ред. Л. Х. Мингазова, Г. Р. Шайхутдиновой, Т. Д. Гибадуллиной. М. : Проспект, 2025. 152 с.
139. Феномен регионализма в условиях современных вызовов / отв. ред. А. Я. Капустин. М. : Институт законодательства и сравнительного

правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Норма ; ИНФРА-М, 2024. 240 с.

140. *Хачатрян Э. А.* Роль решений Суда ЕАЭС и Суда ЕС в укреплении региональных правопорядков: Сравнительно-правовой анализ : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022.
141. *Чайка К.* Конституционализация интеграционных правопорядков как феномен международного права? // Международное правосудие. 2020. № 1 (33). С. 67–78.
142. *Чайка К. Л.* Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза как условие эффективности судопроизводства // Государство и право. 2020. № 9. С. 92–101.
143. *Чайка К. Л.* Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 147–166.
144. *Чайка К. Л.* Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022.
145. *Черниченко С. В.* Взаимосвязь императивных норм международного права и обязательств erga omnes // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 3–17.
146. *Черниченко С. В.* Еще раз о международной правосубъектности индивидов // Московский журнал международного права. 2005. № 4. С. 11–26.
147. *Шайхутдинова Г. Р.* Продвинутое сотрудничество государств в европейском праве : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2007.
148. *Шестаков Л. Н.* Императивные нормы в системе современного международного права. М. : Издательство Московского университета, 1981. 120 с.
149. *Шибаева Е. А.* Правовой статус межправительственных организаций. М. : Юридическая литература, 1972. 176 с.
150. *Шибаева Е. А.* Право международных организаций: Вопросы теории. М. : Международные отношения, 1986. 158 с.

151. *Шибаева Е. А.* К вопросу о наднациональности межправительственных организаций универсального характера // Московский журнал международного права. 1992. № 4. С. 81–91.
152. *Шибаева Е. А.*, *Поточный М.* Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. М. : Издательство МГУ, 1988. 188 с.
153. *Шинкарецкая Г. Г.* Международные организации как субъекты международного права // Международное право : учебник для вузов / отв. ред. Е. Т. Усенко, Г. Г. Шинкарецкая. М. : Юристъ, 2003. С. 231.
154. *Шулаков А. А.* Публичный порядок в международном частном праве — правило или исключение? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 149–159.
155. *Шумилов В. М.* Международное экономическое право : учебно-методическое пособие. М. : ДеКа, 1999.
156. *Энтин К.* Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу №Р-6/24 о доступе физических лиц к правосудию: развёрнутый комментарий // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 2 (54). С. 3–17.
157. *Энтин К.* Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2022. № 2 (42). С. 64–83.
158. *Ярышев С. Н.* Международно-правовые вопросы формирования и функционирования Единого экономического пространства : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012.

Литература на иностранных языках

159. *Åhman J.* Exploring Border Areas Between the Law of State Responsibility and WTO Law // Journal of World Trade. Vol. 54. 2020. No. 2. P. 219–238.

160. *Alemanno A.* When Failure Succeeds and Success Fails: A Reality Check on the European Citizens' Initiative // Verfassungsblog. 2025. 19 June. URL: https://verfassungsblog.de/european-citizens-initiative (дата обращения: 25.12.2025).
161. *Allen B. E.* The Use of Non-pecuniary Remedies in WTO Dispute Settlement: Lessons for Arbitral Practitioners // Performance as a Remedy: Non-Monetary Relief in International Arbitration / ed. by M. E. Schneider, J. Knoll. New York : JurisNet, 2011. P. 281–310.
162. *Aust A.* Advisory Opinions // Journal of International Dispute Settlement. Vol. 1. 2010. No. 1. P. 123–151.
163. *Azaria D.* "Codification by Interpretation": The International Law Commission as an Interpreter of International Law // European Journal of International Law. Vol. 31. 2020. No. 1. P. 171–200.
164. *Azaria D.* The International Law Commission's Return to the Law of Sources of International Law // FIU Law Review. Vol. 13. 2019. No. 6. P. 989–1006.
165. *Bardutzky S.*, *Fahey E.* The Subjects and Objects of EU Law: Exploring a Research Platform // Framing the Subjects and Objects of Contemporary EU Law / ed. by S. Bardutzky, E. Fahey. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2017. P. 1–28.
166. *Barkholdt J.* Is the International Law Commission Taking Regionalism Seriously (Enough)? // Goettingen Journal of International Law. Vol. 12. 2022. No. 1. P. 153–187.
167. *Baudenbacher C.* The EFTA Court: An Actor in the European Judicial Dialogue // Fordham International Law Journal. Vol. 28. 2004. No. 2. P. 353–391.
168. *Bermann G. A.* Navigating EU Law and the Law of International Arbitration // Arbitration International. Vol. 28. 2012. No. 3. P. 397–445.
169. *Bermann G. A.* Reconciling European Union Law Demands with the Demands of International Arbitration // Fordham International Law Journal. Vol. 34. 2011. No. 5. P. 1193–1216.

170. *Besson S.* General Principles and Customary Law in the EU Legal Order // General Principles of Law: European and Comparative Perspectives / ed. by S. Vogenauer, S. Weatherill. Oxford : Hart Publishing, 2017. P. 105–129.

171. *Bjorge E.* General Principles of Law Formed Within the International Legal System // International & Comparative Law Quarterly. Vol. 72. 2023. No. 4. P. 845–867.

172. *Björklund M.* Responsibility in the EC of Mixed Agreements — Should Non-Member States Care? // Nordic Journal of International Law. Vol. 70. 2001. No. 3. P. 373–402.

173. *Bobić A.* Constructive Versus Destructive Conflict: Taking Stock of the Recent Constitutional Jurisprudence in the EU // Cambridge Yearbook of European Legal Studies. Vol. 22. 2020. P. 60–84.

174. *Braun T. R.* Globalization-Driven Innovation: The Investor as a Partial Subject in Public International Law: An Inquiry into the Nature and Limits of Investor Rights. Jean Monnet Working Paper 04/13. New York University School of Law, 2013. URL: https://ssrn.com/abstract=2286607 (дата обращения: 25.12.2025).

175. *Brewster R.*, *Chilton A. S.* Supplying Compliance: Why and When the United States Complies with WTO Rulings // Yale Journal of International Law. Vol. 39. 2014. No. 2. P. 201–246.

176. *Brölmann C. M.* Regional Organizations in International Law: Exploring the Function-Territory Divide // International Organizations Law Review. Vol. 21. 2024. No. 1. P. 132–146.

177. *Brownlie I.* Principles of Public International Law. 7th ed. New York : Oxford University Press, 2008.

178. *Buchan R.*, *Tsagourias N.* Regulating the Use of Force in International Law. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2021.

179. *Carvalho F. F.* Regional International Organizations and Regionalism in the Theory of International Law // International Organizations Law Review. Vol. 21. 2024. No. 1. P. 115–131.

180. *Castellarin E.* General Principles of EU Law and General International Law // General Principles of Law and the Coherence of International Law / ed. by M. Andenas, M. Fitzmaurice, A. Tanzi, J. Wouters. Leiden ; Boston : Brill, 2019. P. 131–148.

181. *Chatzistavrou F.*, *Papanikolaou K.* Revising the Early Warning System to Reinforce the "Third Chamber" of EU Multi-Level Law-Making // Deliberative Democracy in the EU: Countering Populism with Participation and Debate / ed. S. Blockmans, S. Russack. Brussels : CEPS. P. 169–186.

182. *Christopoulou A. E.* Towards a Golden Age of the European Citizens' Initiative? // European Law Blog. 2024. 30 January. URL: https://www.europeanlawblog.eu/pub/oqrjrv7h/release/1 (дата обращения: 25.12.2025).

183. *Contesse J.* The Rule of Advice in International Human Rights Law // American Journal of International Law. Vol. 115. 2021. No. 3. P. 367–408.

184. *Craig P.* General Principles of Law: Treaty, Historical and Normative Foundations // Research Handbook on General Principles of EU Law: Constructing Legal Orders in Europe / ed. by K. S. Ziegler, P. J. Neuvonen, V. Moreno-Lax. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 25–39.

185. *Crawford J.* The Creation of States in International Law. 2nd ed. New York : Oxford University Press, 2006.

186. *Crawford J.* Universalism and Regionalism from the Perspective of the Work of the International Law Commission // International Law on the Eve of the Twenty-first Century. Views from the International Law Commission. New York : United Nations, 1997. P. 99–121.

187. *Cuyvers A.* General Principles of EU Law // East African Community Law: Institutional, Substantive and Comparative EU Aspects / ed. by E. Ugirashebuja, J. E. Ruhangisa, T. R. Ottervanger, A. Cuyvers. Leiden ; Boston : Brill Nijhoff, 2017. P. 217–228.

188. *Cygan A.* Participation by National Parliaments in the EU Legislative Process // ERA Forum. Vol. 22. 2021. P. 421–435.

189. *Dal Ri Júnior A.*, *Bastos Calazans E. L.* Transnational Corporations Subjectivity Based on the Criteria of the Bernadotte Case and the Traditional International Law Doctrine // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. Vol. XVIII. 2018. P. 155–189.

190. *De Andrade M. C.* Regional Principles of Law in the Works of the International Law Commission // Questions of International Law. Vol. 86. 2021. P. 23–46.

191. *De Lange R.* The European Public Order, Constitutional Principles and Fundamental Rights // Erasmus Law Review. Vol. 1. 2007. No. 1. P. 3–24.

192. *De Witte F.* The Liminal European: Subject to the EU Legal Order // Yearbook of European Law. Vol. 40. 2021. No. 1. P. 56–81.

193. *De Wet E.* The Emergence of International and Regional Value Systems as a Manifestation of the Emerging International Constitutional Order // Leiden Journal of International Law. Vol. 19. 2006. No. 3. P. 611–632.

194. *Derler R. O. F.* The Existence of Regional General Principles of Law. 2025. URL: https://ssrn.com/abstract=5335932 (дата обращения: 25.12.2025).

195. *Dopplinger L.* Legal Persons as Bearers of Rights Under the ECHR // University of Vienna Law Review. Vol. 5. 2021. No. 1. P. 1–46.

196. *Eggett C.* General Principles and the Interpretation of CIL // Customary International Law and Its Interpretation by International Courts: Theories, Methods and Interactions / ed. by M. Fortuna, K. Gorobets, P. Merkouris, A. Føllesdal, G. Ulfstein, P. Westerman. Cambridge : Cambridge University Press, 2024. P. 239–262.

197. *Engel U.* Regionalism and Regional Organizations // Spatial Formats under the Global Condition / ed. by M. Middell, S. Marung. Berlin ; Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2019. P. 310–333.

198. *Fauchald O. K.*, *Stigen J.* Corporate Responsibility before International Institutions // George Washington International Review. Vol. 40. 2009. No. 4. P. 1025–1100.

199. *Fawcett L.* Regionalism from an Historical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order / ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1995. P. 21–37.

200. *Fawcett L.* The History and Concept of Regionalism. European Society of International Law. Conference Paper No. 4/2012. 5th Biennial Conference, Valencia (Spain), 13–15 September 2012. URL: https://ssrn.com/abstract=2193746 (дата обращения: 25.12.2025).

201. *Ferretti F.* EU Internal Market Law and the Law of International Commercial Arbitration: Have the EU Chickens Come Home to Roost? // Cambridge Yearbook of European Legal Studies. Vol. 22. 2020. P. 133–155.

202. *Fink M.* The Action for Damages as a Fundamental Rights Remedy: Holding Frontex Liable // German Law Journal. Vol. 21. 2020. No. 3. P. 532–548.

203. *Flynn T.* Constitutional Pluralism and Loyal Opposition // International Journal of Constitutional Law. Vol. 19. 2021. No. 1. P. 241–268.

204. *Follesdal A.*, *Hix S.* Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik // Journal of Common Market Studies. Vol. 44. 2006. No. 3. P. 533–562.

205. *Forteau M.* Comparative International Law Within, Not Against, International Law: Lessons from the International Law Commission // American Journal of International Law. Vol. 109. 2015. No. 3. P. 498–513.

206. *Forteau M.* Regional International Law // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. September 2006. URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1463 (дата обращения: 25.12.2025).

207. *Freudenschuß H.* Between Unilateralism and Collective Security: Authorizations of the Use of Force by the UN Security Council // European Journal of International Law. Vol. 5. 1994. No. 4. P. 492–531.

208. *Gaja G.* Jus Cogens beyond the Vienna Convention // The Hague Academy Collected Courses Online. Vol. 172. 1981. P. 279–289.

209. *Gal-Or N.* Responsibility of the WTO for Breach of an International Obligation under the Draft Articles on Responsibility of International Organizations. Vol. 50. 2012. P. 197–242.

210. *Ghantous M. Ordre Public* Protection as Legitimate Aim for Freedom of Expression Restriction in the International Legal Order // Revue québécoise de droit international. Vol. 31. 2018. No. 1. P. 243–266.

211. *Ghodoosi F.* The Concept of Public Policy in Law: Revisiting the Role of the Public Policy Doctrine in the Enforcement of Private Legal Arrangements // Nebraska Law Review. Vol. 94. 2015. No. 3. P. 685–736.

212. *Giorgetti C.* Rethinking the Individual in International Law // Lewis & Clark Law Review. Vol. 22. 2019. No. 4. P. 1085–1149.

213. *Gray C.* International Law and the Use of Force. 4th ed. New York : Oxford University Press, 2018.

214. *Grimm D.* A Long Time Coming // German Law Journal. Vol. 21. 2020. No. 5. P. 944–949.

215. *Groussot X.* General Principles of Community Law. Groningen : Europa Law Publishing, 2006. 480 p.

216. *Gutiérrez-Fons J. A.*, *Lenaerts K.* The Constitutional Allocation of Powers and General Principles of EU Law // Common Market Law Review. Vol. 47. 2010. No. 6. P. 1629–1669.

217. *Hasmath R.* The Utility of Regional Peremptory Norms in International Affairs. Paper presented at American Political Science Association Annual Meeting, 30 August — 2 September 2012, New Orleans. URL: https://ssrn.com/abstract=1366803 (дата обращения: 25.12.2025).

218. *Hettne B.*, *Söderbaum F.* The UN and Regional Organizations in Global Security: Competing or Complementary Logics? // Global Governance. Vol. 12. 2006. No. 3. P. 227–232.

219. *Hoško T.* Public Policy as an Exception to Free Movement within the Internal Market and the European Judicial Area: A Comparison // Croatian Yearbook of European Law and Policy. Vol. 10. 2014. No. 1. P. 189–213.

220. *Huneeus A.* Compliance with International Court Judgments and Decisions. University of Wisconsin Law School Legal Studies Research Paper No. 1219. 2013. URL: https://ssrn.com/abstract=2198595 (дата обращения: 25.12.2025).

221. *Huneeus A.* Compliance with Judgments and Decisions // The Oxford Handbook of International Adjudication / ed. by C. P. R. Romano, K. J. Alter, Y hany. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 437–463.

222. *Jančić D.* The Game of Cards: National Parliaments in the EU and the Future of the Early Warning Mechanism and the Political Dialogue //Common Market Law Review. Vol. 52. 2015. No. 4. P. 939–975.

223. *Jarvis S.* Failure through Consensus Building: Rethinking the Normative Status of the Responsibility to Protect in a Pluralist Global Order // Journal of Global Security Studies. Vol. 10. 2025. No. 3. P. 2.

224. *Jetschke A.*, *Münch S.* Regional Organisations: A Multidimensional Approach to Policy Scope // Handbook of Regional Cooperation and Integration / ed. by P. De Lombaerde. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2024. P. 442–459.

225. *Jetschke A.*, *Münch S.* The Existence of Courts and Parliaments in Regional Organizations: A Case of Democratic Control? // Polit Vierteljahresschr. Vol. 61. 2020. No. 2. P. 309–333.

226. *Kalinichenko P.*, *Petrov R.* On Similarities and Differences of the European Union and Eurasian Economic Union Legal Orders: Is There the “Eurasian Economic Union *Acquis*”? // Legal Issues of Economic Integration. Vol. 43. 2016. No. 3. P. 295–307.

227. *Kamiyama M. I. B.* Obligations *Erga Omnes* and International Public Order after the Decision in the *Belgium v. Senegal* Case // Revista dos Estudantes de Direito da Universidade de Brasília. Vol. 11. 2013. No. 1. P. 43–62.

228. *Karatzia A.* The European Citizens’ Initiative and the EU Institutional Balance: On Realism and the Possibilities of Affecting EU Lawmaking // Common Market Law Review. Vol. 54. 2017. No. 1. P. 177–208.

229. *Kaspiarovich Y.*, *Levrat N.* European Union Mixed Agreements in International Law under the Stress of Brexit // European Journal of Legal Studies. Vol. 13. 2021. No. 2. P. 121–150.

230. *Keresteš T.* Public Policy in Brussels Regulation I: Yesterday, Today and Tomorrow // LeXonomica. Vol. 8. 2016. No. 2. P. 77–91.

231. *Kessedjian C.* Public Order in European Law // Erasmus Law Review. Vol. 1. 2007. No. 1. P. 25–36.

232. *Knight W. S. W.* Public Policy in English Law // Law Quarterly Review. Vol. 38. 1922. P. 207–222.

233. *Kohler M.* European Governance and the European Parliament: From Talking Shop to Legislative Powerhouse // Journal of Common Market Studies. Vol. 52. 2014. No. 3. P. 600–615.

234. *Kolb R.* Peremptory Norms as a Legal Technique Rather than Substantive Super-Norms // Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens) Disquisitions and Disputations / ed. by D. Tladi. Leiden : Brill, 2021. P. 21–43.

235. *Kübek G.* Facing and Embracing the Consequences of Mixity: Opinion 1/19, *Istanbul Convention* // Common Market Law Review. Vol. 59. 2022. No. 5. P. 1465–1500.

236. *Kuyper P. J.* The Law of GATT as a Special field of International Law: Ignorance, Further Refinement or Self-Contained System of International Law? // Netherlands Yearbook of International Law. Vol. 25. 1994. P. 227–257.

237. *Lachs M.* Some Reflections on the Contribution of the International Court of Justice to the Development of International Law // Syracuse Journal of International Law and Commerce. Vol. 10. 1983. No. 2. P. 239–278.

238. *Lanzoni N.* The Authority of ICJ Advisory Opinions as Precedents: The *Mauritius/Maldives* Case // The Italian Review of International and Comparative Law. Vol. 2. 2022. No. 2. P. 296–322.

239. *Lauterpacht H.* The Subjects of the Law of Nations // Law Quarterly Review. Vol. 63. 1947. P. 438–460.

240. *Lekkas S.*-I. The Uses of the Outputs of the International Law Commission in International Adjudication: Subsidiary Means or Artefacts of Rules? // Netherlands International Law Review. Vol. 69. 2022. No. 2. P. 327–359.

241. *Lenefsky D.* Advisory Opinions as a Problem Solving Process // Villanova Law Review. Vol. 11. 1966. No. 3. P. 525–545.

242. *Lima L. C.*, *Marotti L.* An Unlikely Duo? Regionalism and Jus Cogens in International Law // Goettingen Journal of International Law. Vol. 12. 2022. No. 1. P. 219–239.

243. *Linderfalk U.* The Effect of *Jus Cogens* Norms: Whoever Opened Pandora's Box, Did You Ever Think About the Consequences? // European Journal of International Law. Vol. 18. 2008. No. 5. P. 853−871.

244. *Linderfalk U.* Understanding the *Jus Cogens* Debate: The Pervasive Influence of Legal Positivism and Legal Idealism // Netherlands Yearbook of International Law / ed. by M. Heijer, H. van der Wilt. The Hague : T.M.C. Asser Press, 2015. P. 51–84.

245. *Llamzon A. P.* Jurisdiction and Compliance in Recent Decisions of the International Court of Justice // European Journal of International Law. Vol. 18. 2007. No. 5. P. 815–852.

246. *Longo E.* The European Citizens' Initiative: Too Much Democracy for EU Polity? // German Law Journal. Vol. 20. 2019. No. 2. P. 181–200.

247. *Majone G.* Europe's "Democratic Deficit": The Question of Standards // European Law Journal. Vol. 4. 1998. No. 1. P. 5–28.

248. *Malamud A.*, *Gardini G.* Has Regionalism Peaked? The Latin American Quagmire and its Lessons // International Spectator. Vol. 47. 2012. No. 1. P. 116–133.

249. *Mayr T. F.*, Mayr-*Singer J.* Keep the Wheels Spinning: The Contributions of Advisory Opinions of the International Court of Justice to the Development of International Law // Heidelberg Journal of International Law. Vol. 76. 2016. No. 2. P. 425–449.

250. *Mégret F.* The Subjects of International Criminal Law // International Criminal Law in Context / ed. by P. Kastner. Abingdon ; New York : Routledge, 2018. P. 28–45.

251. *Mikhaliova T. N.* International Law Commission's efforts in identifying general principles of law: regional perspectives // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2023. No. 2. P. 47–54.

252. *Mitchell A. D.* Proportionality and Remedies in WTO Disputes // European Journal of International law. Vol. 17. 2006. No. 5. P. 985–1008.

253. *Müller A. T.* Kate Parlett, The Individual in the International Legal System. Continuity and Change in International Law // European Journal of International Law. Vol. 23. 2012. No. 1. P. 294–299.

254. *Nagy C. I.* The Rebellion of Constitutional Courts and the Normative Character of European Union law // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 73. 2024. No. 1. P. 65–101.

255. *Nedeski N.* Shared Obligations and the Responsibility of an International Organization and Its Member States: the Case of EU Mixed Agreements // International Organizations Law Review. Vol. 18. 2021. No. 2. P. 139–178.

256. *Neuvonen P. J.*, *Ziegler K. S.* General Principles in the EU Legal Order: Past, Present, and Future Directions // Research Handbook on General Principles of EU Law: Constructing Legal Orders in Europe / ed. by K. S. Ziegler, P. J. Neuvonen, V. Moreno-Lax. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 7–24.

257. *Oellers-Frahm K.* Lawmaking Through Advisory Opinions? // German law Journal. Vol. 12. 2011. No. 5. P. 1033–1056.

258. *Oppenheim L.* International Law: A Treatise. Vol. 1: Peace. 3rd ed. London : Longmans, Green and Co., 1920.

259. *Orakhelashvili A.* Peremptory Norms in International Law. Oxford : Oxford University Press, 2008.

260. *Orakhelashvili A.* The Position of the Individual in International Law // California Western International Law Journal. Vol. 31. 2001. No. 2. P. 241–276.

261. *Osiemo O.* Lost in Translation: The Role of African Regional Courts in Regional Integration in Africa // Legal Issues of Economic Integration. Vol. 41. 2014. No. 1. P. 87–121.

262. *Palchetti P.* The Allocation of International Responsibility in the Context of Investor-State Dispute Settlement Mechanisms Established by EU International Agreements // European Business Law Review. Vol. 28. 2017. No. 2. P. 185–195.

263. *Panke D.*, *Starkmann A.* Trajectories of Regional Cooperation: A Comparative Analysis // Comparative European Politics. Vol. 19. 2021. No. 1. P. 1–25.

264. *Papanicolopulu I.* The Law of the Sea Convention: No Place for Persons? // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2012. Vol. 27. P. 867–874.

265. *Pasqualucci J. M.* The Advisory Practice of the Inter-American Court of Human Rights: Contributing to the Evolution of International Human Rights Law // Stanford Journal of International Law. Vol. 38. 2002. No. 2. P. 241–288.

266. *Petrić D.* Reasoning Interpretation, Authority, Pluralism, and the *Weiss/PSPP* Saga // European Papers. Vol. 6. 2021. No. 2. P. 1123–1150.

267. *Phelan W.* The Revolutionary Doctrines of European Law and the Legal Philosophy of Robert Lecourt // The European Journal of International Law. Vol. 28. 2017. No. 3. P. 935–957.

268. *Rittberger B.* The Creation and Empowerment of the European Parliament // Journal of Common Market Studies. Vol. 41. 2003. No. 2. P. 203–225.

269. *Romano C. P. R.* The Shift from the Consensual to the Compulsory Paradigm in International Adjudication: Elements for a Theory of Consent // New York University Journal of International Law and Politics. Vol. 39. 2007. No. 4. P. 791–872.

270. *Rozakis C. L.* The Concept of Jus Cogens in the Law of Treaties. Amsterdam ; New York ; Oxford : North-Holland, 1976.

271. *Ruys T.*, *Soete A.* “Creeping” Advisory Jurisdiction of International Courts and Tribunals? The Case of the International Tribunal for the Law of the Sea // Leiden Journal of International Law. Vol. 29. 2016. No. 1. P. 155–176.

272. *Scheffer D. J.* United Nations Peace Operations and Prospects for a Standby Force // Cornell International Law Journal. Vol. 28. 1995. No. 3. P. 649–660.

273. *Schmid J. C.* Advisory Opinions on Human Rights: Moving Beyond a Pyrrhic Victory // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 16. 2006. No. 2. P. 415–456.

274. *Schreuer C.* Regionalism v. Universalism // European Journal of International Law. Vol. 6. 1995. No. 3. P. 477–499.

275. *Shao X.* What We Talk about When We Talk about General Principles of Law // Chinese Journal of International Law. Vol. 20. 2021. No. 2. P. 219–255.

276. *Sieberson S. C.* The Treaty of Lisbon and Its Impact on the European Union's Democratic Deficit // Columbia Journal of European Law. Vol. 14. 2007. No. 3. P. 445–465.

277. *Simma B.*, *Pulkowski D.* Of Planets and the Universe: Self-contained Regimes in International Law // European Journal of International Law. Vol. 17. 2006. No. 3. P. 483–529.

278. *Simo R. Y.* The Law of International Responsibility: The Case of the WTO as a "Lex Specialis" or the Fallacy of a "Self-contained" Regime // African Journal of International and Comparative Law. Vol. 22. 2014. No. 2. P. 184–207.

279. *Söderbaum F.* Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field. KFG (Kolleg-Forschergruppe) Working Paper Series No. 64. October 2015. URL: https://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transformeurope/publications/working_paper/wp/wp64/WP-64-Soederbaum.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

280. *Söderbaum F.* Introduction: Theories of New Regionalism // Theories of New Regionalism / ed. by F. Söderbaum, T. M. Shaw. London : Palgrave Macmillan, 2003. P. 1–21.

281. *Šturma P.* The International Law Commission Between Codification, Progressive Development, or a Search for a New Role // FIU Law Review. Vol. 13. 2019. No. 6. P. 1125–1135.

282. *Šturma P.* Is There Any Regional Jus Cogens in Europe? The Case of the European Convention on Human Rights // Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens) Disquisitions and Disputations / ed. by D. Tladi. Leiden : Brill, 2021. P. 302–318.

283. *Talmon S.* Responsibility of International Organizations: Does the European Community Require Special Treatment? // International Responsibility Today: Essays in Memory of Oscar Schachter / ed. by M. Ragazzi. Leiden ; Boston : Brill, 2005. P. 405–421.

284. *Tanzi A.* Problems of Enforcement of Decisions of the International Court of Justice and the Law of the United Nations// European Journal of International Law. Vol. 6. 1995. No. 4. P. 539–572.

285. *Telò M.* Regional Organizations and Inter-Regional Relations: Competitive Models or a Bottom-Up Change of Multilateral Global Governance? // Belgeo. 2020. No. 4. URL: https://journals.openedition.org/belgeo/43943 (дата обращения: 25.12.2025).

286. Theories of New Regionalism / ed. by F. Söderbaum, T. M. Shaw. London : Palgrave Macmillan, 2003. 255 p.

287. *Thin S.* The Curious Case of the “Legal Effect” of ICJ Advisory Opinions in the Mauritius/Maldives Maritime Boundary Dispute // EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law. 2021. 5 February. URL: https://www.ejiltalk.org/the-curious-case-of-the-legal-effect-of-icj-advisory-opinions-in-the-mauritius-maldives-maritime-boundary-dispute/ (дата обращения: 25.12.2025).

288. *Tladi D.* Codification, Progressive Development, New Law, Doctrine, and the Work of the International Law Commission on Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens): Personal Reflections of the Special Rapporteur // FIU Law Review. Vol. 13. 2019. No. 6. P. 1137–1150.

289. *Tladi D.* The ILC’s Draft Conclusions on Peremptory Norms of General International Law: Personal Reflections of the Special Rapporteur // Austrian

Review of International and European Law Online. Vol. 24. 2021. No. 1. P. 121–140.

290. *Tridimas T.* The General Principles of EU Law. 2nd ed. New York : Oxford University Press, 2006.
291. *Tunkin G.* Jus Cogens in Contemporary International Law // University of Toledo Law Review. Vol. 3. 1971. No. 1. P. 107–118.
292. *Turner K.* The Scope of Compliance Proceedings under the WTO Dispute Settlement Understanding: What Are “Measures Taken to Comply”? //Asper Review of International Business and Trade Law. Vol. 12. 2012. P. 170–204.
293. *Van der Waarden N.* Dispute Settlement in the WTO: The Automotive Leather Dispute // Australian International Law Journal. 2001. P. 244–258.
294. *Virally M.* Réflexions sur le “jus cogens” // Annuaire Français de Droit International. Vol. 12. 1966. P. 5–29.
295. *Von Verdross A.* Jus Dispositivum and Jus Cogens in International Law // American Journal of International Law. Vol. 60. 1966. No. 1. P. 55–63.
296. *Wood M.* Customary International Law and the General Principles of Law Recognized by Civilized Nations // International Community Law Review. Vol. 21. 2019. No. 3–4. P. 307–324.
297. *Wouters J.*, *Odermatt J.* Are All International Organizations Created Equal? // International Organizations Law Review. Vol. 9. 2012. No. 1. P. 7–14.
298. *Wyse C.* The African Union’s Right of Humanitarian Intervention as Collective Self-Defense // Chicago Journal of International Law. Vol. 19. 2018. No. 1. P. 295–332.
299. *Ziller J.* Hierarchy of Norms: Hierarchy of Sources and General Principles in European Union Law // Verfassung und Verwaltung in Europa: Festschrift für Jürgen Schwarze zum 70. Geburtstag / hrsg. von U. Becker, A. Hatje, M. Potacs, N. Wunderlich. Baden-Baden : Nomos, 2014. P. 334–352.
300. *Zouapet A. K.* To Be or Not to Be Imperative: *Jus Cogens* Between Universal Vocation and Regional Claims // Questions of International Law. Vol. 86. 2021. P. 47–70.

Документы

Международные договоры

301. Устав ООН. Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 года. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/ (дата обращения: 25.12.2025).
302. Соглашение между Организацией Объединенных Наций и правительством Соединенных Штатов Америки относительно месторасположения Центральных учреждений Объединенных Наций. Принято Резолюцией 169 (II) Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 1947 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/headquar.shtml (дата обращения: 25.12.2025).
303. Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений. Принята Резолюцией 179 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/specagencies_privileges.shtml (дата обращения: 25.12.2025).
304. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Заключена в городе Нью-Йорке 10 июня 1958 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 46.
305. Протокол № 2 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод о наделении Европейского суда по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения. Страсбург, 6 мая 1963 года. URL: https://rm.coe.int/168006b7f5 (дата обращения: 25.12.2025).
306. Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров. Принята 27 сентября 1968 года.

307. Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 года) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.
308. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 года (с изм. от 23.07.1994) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1.
309. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями. Принята 20 марта 1986 года. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n86/554/11/img/n8655411.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
310. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Заключено в г. Марракеше, 15 апреля 1994 года.
311. General Agreement on Tariffs and Trade. 1994. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm (дата обращения: 25.12.2025).
312. Протокол № 16 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Страсбург, 2 октября 2013 года. URL: https://rm.coe.int/1680a6ead4 (дата обращения: 25.12.2025).
313. African Charter on Human and Peoples' Rights. Concluded at Nairobi on 27 June 1981 // United Nations — Treaty Series. Vol. 1520. 1988. No. 26363. P. 217–292.
314. Declaration on the role of national parliaments in the European Union // Treaty on European Union, signed at Maastricht on 7 February 1992 // Official Journal of the European Communities. 1992. C 191. Vol. 35. P. 100.
315. General Agreement on Tariffs and Trade. 1994. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm (дата обращения: 25.12.2025).
316. Protocol on the application of the principles of subsidiarity and proportionality // Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities and Certain Related Acts // Official Journal of the European Communities. 1997. C 340. Vol. 40. P. 105–108.
317. Protocol on the role of national parliaments in the European Union // Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the

European Communities and Certain Related Acts // Official Journal of the European Communities. 1997. C 340. Vol. 40. P. 113.

318. UN Security Council. Congo, Ghana, Madagascar, Trinidad and Tobago and United Arab Emirates: draft resolution. UN Document S/18428. 28 October 1986. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_18428.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
319. Minorities treaty between the principal allied and associated powers (the British Empire, France, Italy, Japan and the United States) and Poland, signed at Versailles (28 June 1919). URL: http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/19190628-3.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

Правовые акты и документы международных организаций

320. Положение о Комиссии Международного права. Документ ООН A/CN.4/4/Rev.2. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1982. URL: https://docs.un.org/ru/a/cn.4/4/rev.2 (дата обращения: 25.12.2025).
321. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.12.2025).
322. Статьи о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров. Документ ООН A/66/10.
323. Декларация об установлении нового международного экономического порядка. Принята Резолюцией 3201 (S-VI) Генеральной Ассамблеи ООН от 1 мая 1974 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml (дата обращения: 25.12.2025).
324. ГА ООН. Резолюция 957 (X) от 8 ноября 1955 года. Порядок пересмотра решений Административного трибунала Организации Объединенных Наций:

поправки к Статуту Административного трибунала. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/106/15/pdf/nr010615.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

325. ГА ООН. Резолюция 1991 (XVIII) от 17 декабря 1963 года. Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и в Экономическом и Социальном Совете. Документ ООН A/RES/1991(XVIII). URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/1991(XVIII) (дата обращения: 25.12.2025).
326. ГА ООН. Резолюция 2847 (XXVI) от 20 декабря 1971 года. Расширение Экономического и Социального Совета. URL: https://www.un.org/ru/ga/about/garules/r26-2847.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
327. ГА ООН. Резолюция 33/138 от 19 декабря 1978 года. Вопрос о составе соответствующих органов Организации Объединенных Наций: поправки к правилам 31 и 38 правил процедуры Генеральной Ассамблеи. Документ ООН A/RES/33/138. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/33/138 (дата обращения: 25.12.2025).
328. ГА ООН. Резолюция 36/39 от 18 ноября 1981 года. Расширение состава Комиссии международного права: поправки к статьям 2 и 9 Положения о Комиссии. Документ ООН A/RES/36/39. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/36/39 (дата обращения: 25.12.2025).
329. ГА ООН. Резолюция 50/54 от 11 декабря 1995 года. Пересмотр процедуры, предусмотренной статьей 11 статута Административного трибунала Организации Объединенных Наций. Документ ООН A/RES/50/54. 29 января 1996 года. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n96/762/51/pdf/n9676251.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
330. ГА ООН. Приложение к Резолюции 56/83 от 12 декабря 2002 года. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Документ ООН: A/RES/56/83. 28 января 2002 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/56/83 (дата обращения: 25.12.2025).

331. ГА ООН. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Документ ООН. A/60/L.1. 20 сентября 2005 года. URL: https://docs.un.org/ru/a/60/l.1 (дата обращения: 25.12.2025).
332. ГА ООН. Приложение к Резолюции 66/100 от 9 декабря 2011 года. Ответственность международных организаций. Документ ООН A/RES/66/100. 27 февраля 2012 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/66/100 (дата обращения: 25.12.2025).
333. ГА ООН. Семьдесят вторая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 24-м заседании. Документ ООН A/C.6/72/SR.24. 20 марта 2018 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/72/SR.24 (дата обращения: 25.12.2025).
334. ГА ООН. Семьдесят третья сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 26-м заседании. Документ ООН A/C.6/73/SR.26. 23 ноября 2018 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/73/SR.26 (дата обращения: 25.12.2025).
335. ГА ООН. Семьдесят третья сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 27-м заседании. Документ ООН A/C.6/73/SR.27. 28 ноября 2018 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/73/SR.27 (дата обращения: 25.12.2025).
336. ГА ООН. Семьдесят третья сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 29-м заседании. Документ ООН A/C.6/73/SR.29. 10 декабря 2018 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/73/SR.29 (дата обращения: 25.12.2025).
337. ГА ООН. Семьдесят четвертая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 32-м заседании. Документ ООН A/C.6/74/SR.32. 27 ноября 2019 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/74/SR.32 (дата обращения: 25.12.2025).
338. ГА ООН. Семьдесят четвертая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 31-м заседании. Документ ООН A/C.6/74/SR.31. 5 декабря 2019 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/74/SR.31 (дата обращения: 25.12.2025).
339. ГА ООН. Семьдесят четвертая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 33-м заседании. Документ ООН: A/C.6/74/SR.33. 3 февраля 2020 года.
340. ГА ООН. Семьдесят восьмая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 23-м заседании. Документ ООН A/C.6/78/SR.23. 11 декабря 2023 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/78/SR.23 (дата обращения: 25.12.2025).

341. Доклад Комиссии международного права. Шестьдесят третья сессия (26 апреля — 3 июня и 4 июля — 12 августа 2011 года). Документ ООН A/66/10. URL: https://docs.un.org/ru/a/66/10 (дата обращения: 25.12.2025).
342. Доклад Комиссии международного права. Шестьдесят третья сессия (26 апреля — 3 июня и 4 июля — 12 августа 2011 года). Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам. Документ ООН A/66/10/Add.1. URL: https://docs.un.org/ru/A/66/10/Add.1 (дата обращения: 25.12.2025).
343. Доклад Комиссии международного права. Шестьдесят девятая сессия (1 мая — 2 июня и 3 июля — 4 августа 2017 года). Документ ООН A/72/10. URL: https://docs.un.org/ru/a/72/10 (дата обращения: 25.12.2025).
344. Доклад Комиссии международного права. Семидесятая сессия (30 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2018 года). Документ ООН A/73/10. URL: https://docs.un.org/ru/a/73/10 (дата обращения: 25.12.2025).
345. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля — 7 июня и 8 июля — 9 августа 2019 года). Документ ООН A/74/10. URL: https://docs.un.org/ru/a/74/10 (дата обращения: 25.12.2025).
346. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят третья сессия (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года). Документ ООН A/77/10. URL: https://docs.un.org/ru/A/77/10 (дата обращения: 25.12.2025).
347. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят четвертая сессия (24 апреля — 2 июня и 3 июля — 4 августа 2023 года). Документ ООН A/78/10. URL: https://docs.un.org/ru/A/78/10 (дата обращения: 25.12.2025).
348. Комиссия международного права ООН. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права: Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права. Окончательно подготовлен Мартти Коскенниеми. Документ ООН A/CN.4/L.68213. 13 апреля 2006 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/L.682 (дата обращения: 25.12.2025).

349. Комиссия международного права ООН. Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания, полученные от международных организаций. Документ ООН A/CN.4/637. 14 февраля 2011 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/637 (дата обращения: 25.12.2025).
350. Комиссия международного права ООН. Первый доклад о *jus cogens*, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/693. 8 марта 2016 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/693 (дата обращения: 25.12.2025).
351. Комиссия международного права ООН. Второй доклад о *jus cogens*, подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/706. 16 марта 2017 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/706 (дата обращения: 25.12.2025).
352. Комиссия международного права ООН. Третий доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/714. 12 февраля 2018 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/714 (дата обращения: 25.12.2025).
353. Комиссия международного права ООН. Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/727. 31 января 2019 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/727 (дата обращения: 25.12.2025).
354. Комиссия международного права ООН. Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. Документ ООН A/CN.4/732. 5 апреля 2019 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/732 (дата обращения: 25.12.2025).
355. Комиссия международного права ООН. Второй доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. Документ ООН A/CN.4/741. 9 апреля 2020 года. URL: https://docs.un.org/ru/a/cn.4/741 (дата обращения: 25.12.2025).

356. Комиссия международного права ООН. Пятый доклад об императивных нормах общего международного права (jus cogens), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. Документ ООН A/CN.4/747. 17 января 2022 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/747 (дата обращения: 25.12.2025).
357. Комиссия международного права ООН. Третий доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. Документ ООН A/CN.4/753. 18 апреля 2022 года. URL: https://docs.un.org/ru/a/cn.4/753 (дата обращения: 25.12.2025).
358. Комиссия международного права ООН. Общие принципы права. Замечания и соображения, полученные от правительств. Документ ООН A/CN.4/779. 28 января 2025 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/779 (дата обращения: 25.12.2025).
359. Комиссия международного права ООН. Четвертый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. Документ ООН A/CN.4/785. 18 февраля 2025 года. URL: https://docs.un.org/ru/a/cn.4/785 (дата обращения: 25.12.2025).
360. Комиссия международного права ООН. Общие принципы права. Тексты и заголовки проектов выводов, принятые Редакционным комитетом во втором чтении. Документ ООН A/CN.4/L.1018. 20 мая 2025 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/CN.4/L.1018 (дата обращения: 25.12.2025).
361. Комиссия международного права ООН. Дополнительные замечания и соображения, полученные от правительств. Документ ООН A/CN.4/779/Add.1. 5 июня 2025 года. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g25/087/37/pdf/g2508737.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
362. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1631 (2005), принятая 17 октября 2005 года. Документ ООН S/RES/1631(2005). 17 октября 2005 года. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1631(2005) (дата обращения: 25.12.2025).
363. International Law Commission. Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries, 1966. Adopted by the ILC at its eighteenth session in 1966. URL:

https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

364. International Law Commission. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts // Report of the International Law Commission on the work of its fifty-third session, 23 April — 1 June and 2 July — 10 August 2001. UN Document A/56/10. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
365. International Law Commission. Draft articles on the responsibility of international organizations, with commentaries, 2011. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_11_2011.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
366. International Law Commission. Provisional summary record of the 3712th meeting. UN Document A/CN.4/SR.3712. 7 July 2025. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr3712.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
367. International Law Commission. Seventy-sixth session. Provisional summary record of the 3711th meeting, 9 May 2025. UN Document A/CN.4/SR.3711. 11 June 2025. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr3711.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
368. 72nd session of the International Law Commission (2021). Information submitted by Australia, Belarus, the Netherlands and the Russian Federation. URL: https://legal.un.org/ilc/guide/1_15.shtml (дата обращения: 25.12.2025).
369. Documents of the United Nation’s Conference on International Organization. San Francisco, 1945. Vol. III: Dumbarton Oaks Proposals. Comments and Proposed Amendments. English Text. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1300969/files/ (дата обращения: 25.12.2025).
370. Global Parliamentary Report 2022. URL: https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2022-03/global-parliamentary-report-2022 (дата обращения: 25.12.2025).

371. Practice of the Russian Federation relating to General Principles of Law. URL: https://legal.un.org/ilc/sessions/72/pdfs/english/gpl_russia.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
372. Report of the International Law Commission covering the work of its Fourteenth Session, 24 April — Official Records of the General Assembly. Seventeenth Session. Supplement No. 9 (A/5209). URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_cn4_148.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
373. Second report on responsibility of international organizations, by Mr. Giorgio Gaja, Special Rapporteur. UN Document A/CN.4/541. 2 April 2004.

Акты Международного Суда ООН

374. ICJ. *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations*. Advisory Opinion of 11 April 1949 // I.C.J. Reports. 1949. P. 174.
375. ICJ. *Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary, and Romania*. Advisory opinion of 30 March 1950 // I.C.J. Reports. 1950. P. 71.
376. ICJ. *Colombian-Peruvian asylum case*. Judgment of 20 November 1950 // I.C.J. Reports. 1950. P. 266
377. ICJ. *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*. Advisory Opinion of 28 May 1951 // I.C.J. Reports. 1951. P. 15.
378. ICJ. *Anglo-Iranian Oil Co.* (*United Kingdom v. Iran*). Judgment of 22 July 1952.
379. ICJ. *Effect of Awards of Compensation Made by the United Nations Administrative Tribunal*. Advisory Opinion of 13 July 1954 // I.C.J. Reports. 1954. P. 47.
380. ICJ. *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Merits. Judgment of 12 April 1960 // I.C.J Reports. 1960. P. 6.
381. ICJ. *Northern Cameroons (Cameroon v. United Kingdom).* Judgment of 2 December 1963 // I.C.J. Reports. 1963.

382. ICJ. *Application for Review of Judgment No. 158 of the United Nations Administrative Tribunal*. Advisory Opinion of 12 July 1973 // I.C.J. Reports. 1973. P. 166.

383. ICJ. *Western Sahara*. Advisory Opinion of 16 October 1975 // I.C.J. Reports. 1975. P. 24–25.

384. ICJ. *Application for Review of Judgment No. 273 of the United Nations Administrative Tribunal*. Advisory Opinion of 20 July 1982 // I.C.J. Reports. 1982. P. 325.

385. ICJ. *Case of Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America*). Judgment of 27 June 1986 // I.C.J. Reports 1986. P. 14.

386. ICJ. *Application for Review of Judgment No. 333 of the United Nations Administrative Tribunal*. Advisory Opinion of 27 May 1987 // I.C.J. Reports. 1987. P. 18.

387. ICJ. *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*. Judgment of 31 March 2004 // I.C.J. Reports. 2004. P. 12.

388. ICJ. *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*. Advisory Opinion of 9 July 2004 // I.C.J. Reports. 2004. P. 136.

389. ICJ. *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*. Jurisdiction of the Court and Admissibility of the Application. Judgment of 3 February 2006 // I.C.J. Reports. 2006.

390. ICJ. *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*. Judgment of 4 June 2008 // I.C.J. Reports. 2008. P. 177.

391. ICJ. *Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965*. Advisory Opinion of 25 February 2019 // I.C.J. Reports. 2019. P. 95.

392. ICJ. *Legal Consequences Arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, Including East Jerusalem*. Advisory Opinion of

19 July 2024. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-adv-01-00-en.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

393. ICJ. *Legal Consequences Arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, Including East Jerusalem*. Advisory Opinion of 19 July 2024. Dissenting opinion of Vice-President Sebutinde. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-adv-01-02-encc.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

Акты Европейского суда по правам человека

394. ECtHR. *Autronic AG v. Switzerland*. Application no. 12726/87. Judgment of 22 May 1990.

395. ECtHR. *Loizidou v. Turkey (Preliminary Objections)* [Grand Chamber]. Application no. 15318/89. Judgment of 23 March 1995.

396. ECtHR. *Waite and Kennedy v. Germany*. Application no. 26083/94. Judgment of 18 February 1999.

397. ECtHR. Advisory Opinion on certain legal questions concerning the lists of candidates submitted with a view to the election of judges to the European Court of Human Rights. 12 February 2008.

398. ECtHR. Advisory Opinion on certain legal questions concerning the lists of candidates submitted with a view to the election of judges to the European Court of Human Rights (No. 2). 22 January 2010.

Акты Межамериканского суда по правам человека

399. Inter-American Commission on Human Rights. *Roach and Pinkerton v. United States*. Case No. 9647. Resolution No. 3/87 of 22 September 1987.

400. IACtHR. Advisory Opinion OC-15/97 of 14 November 1997. URL: https://hrlibrary.umn.edu/iachr/b_11_4o.html (дата обращения: 25.12.2025).
401. IACtHR. *The Right to Information on Consular Assistance in the Framework of the Guarantees of the Due Process of Law*. Advisory Opinion OC-16/99 of 1 October 1999.
402. IACtHR. *Juridical Condition and Rights of the Undocumented Migrants*. Advisory Opinion OC-18/03 of 17 September 2003.
403. IACtHR. *Rights and Guarantees of Children in the Context of Migration and/or in Need of International Protection*. Advisory opinion OC-21/14 of 19 August 2014.
404. IACtHR. *Gender Identity, and Equality and Non-Discrimination of Same-Sex Couples*. Advisory opinion OC-24/17 of 24 November 2017.
405. IACtHR. *The obligations in matters of human rights of a state that has denounced the American Convention on Human Rights and the Charter of the Organization of American States*. Series A. No. 26. Advisory opinion of 9 November 2020.

Акты Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации

406. WTO. *Armenia — Anti-Dumping Measures on Steel Pipes*. WT/DS569.
407. WTO. *Australia — Subsidies Provided to Producers and Exporters of Automotive Leather. Recourse to article 21.5 of the DSU by the United States*. Panel Report. WT/DS126/RW. 21 January 2000.
408. WTO. *European Communities — Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones)*. WT/DS26, WT/DS48.
409. WTO. *European Communities — Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas*. WT/DS27.
410. WTO. *European Communities — Selected Customs Matters*. Panel Report. WT/DS315/R. 16 June 2006.
411. WTO. *Kazakhstan — Anti-dumping Measures on Steel Pipes*. WT/DS530.

412. WTO. *Kyrgyz Republic — Anti-Dumping Measures on Steel Pipes*. WT/DS570.
413. WTO. *Korea — Measures Affecting Government Procurement*. Panel Report. WT/DS163/R. 1 May 2000.
414. WTO. *Russia — Anti-Dumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy*. WT/DS479.
415. WTO. *Russia — Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products*. WT/DS485.
416. WTO. *Russian Federation — Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union*. WT/DS475.
417. WTO. *Russia — Measures Affecting the Importation of Railway Equipment and Parts thereof*. WT/DS499.
418. WTO. *United States — Definitive Safeguard Measures on Imports of Circular Welded Carbon Quality Line Pipe from Korea*. Report of the Appellate Body. WT/DS202/AB/R. 15 February 2002.
419. WTO. *United States — Section 110(5) of US Copyright Act*. WT/DS160.
420. WTO. *United States — Subsidies on Upland Cotton*. WT/DS267.
421. WTO. *United States — Tax Treatment for "Foreign Sales Corporations". Decision of the Arbitrator*. WT/DS108/ARB. 30 August 2002.
422. WTO. Dispute settlement activity — some figures. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispustats_e.htm (дата обращения: 25.12.2025).
423. WTO. Report of the Appellate Body. WT/DS315/AB/R. 13 November 2006.

Правовые акты и документы Европейского союза

424. Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии 1957 года (консолидированный текст с учётом Ниццких изменений) (Official Journal of the European Union. C 326. 26.10.2012).

425. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества. Лиссабон, 13 декабря 2007 года (Official Journal of the European Union. C 306. 17.12.2007. P. 1–271).
426. Council Decision 61/106/EEC of 25 September 1961 on the Conclusion of the Agreement Establishing an Association between the European Economic Community and Greece.
427. Council Regulation (EC) No. 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters // Official Journal of the European Union. 2001. No. 12. P. 1–23.
428. Council Regulation (EC) No. 2201/2003 of 27 November 2003 concerning jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in matrimonial matters and the matters of parental responsibility, repealing Regulation (EC) No. 1347/2000 // Official Journal of the European Union. 2003. No. 338. P. 1–29.
429. European Commission. Proposal for a Council Regulation on the exercise of the right to take collective action within the context of the freedom of establishment and the freedom to provide services. COM(2012) 130. 21 March 2012. 2012/0064. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0130:FIN:EN:PDF (дата обращения: 25.12.2025).
430. European Commission. Proposal for a Council Regulation on the establishment of the European Public Prosecutor’s Office. COM(2013) 534. 17 July 2013. 2013/0255. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2013:0534:FIN:en:PDF (дата обращения: 25.12.2025).
431. Decision (EU) 2015/774 of the European Central Bank of 4 March 2015 on a secondary markets public sector asset purchase programs (ECB/2015/10) // Official Journal of the European Union. 2015. L 121. P. 20–24.
432. European Commission Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the application of Regulation (EU) 2019/788 on the European citizens’ initiative. COM(2023) 787 final. 6 December 2023. URL: https://citizens-initiative.europa.eu/sites/default/files/2023-12/COM_2023_787%20-%202023%20ECI%20review%20report.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

Акты Суда Европейского союза

433. CJEU. *Associazione Industrie Siderurgiche Italiane (ASSIDER) v High Authority of the European Coal and Steel Community*. Case 3-54. Opinion of the Advocate General of the Court of Justice of 11 November 1954.
434. CJEU. *Eva von Lachmüller, Bernard Peuvrier, Roger Ehrhardt v Commission of the European Economic Community*. Joined cases 43/59, 45/59, 48/59. Judgment of 15 July 1960. P. 476.
435. CJEU. *NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration*. Case 26/62. Judgment of 5 February 1963.
436. CJEU. *Flaminio Costa v E.N.E.L.* Case 6-64. Judgment of 15 July 1964.
437. CJEU. *Commission of the European Economic Commission v Grand Duchy of Luxembourg and Kingdom of Belgium. Joined cases 90/63 and 91/63*. Judgment of 13 November 1964.
438. CJEU. *Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel*. Case 11-70. Judgment of 17 December 1970.
439. CJEU. *Commission of the European Communities v Council of the European Communities*. Case 22/70. Judgment of 31 March 1971.
440. CJEU. *Yvonne van Duyn v Home Office*. Case 41/74. Judgment of 4 December 1974. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61974CJ0041 (дата обращения: 25.12.2025).
441. CJEU. *Régina v Pierre Bouchereau*. Case 30/77. Judgment of 27 October 1977.
442. CJEU. *Amministrazione delle Finanze dello Stato v Simmenthal SpA*. Case 106/77. Judgment of 9 March 1978.
443. CJEU. *Andrea Francovich and Danila Bonifaci and others v Italian Republic*. Joined cases C-6/90 and C-9/90. Judgment of 19 November 1991.

444. CJEU. *The Queen v Ministry of Agriculture, Fisheries and Food, ex parte Hedley Lomas (Ireland) Ltd*. Case C-5/94. Opinion of Advocate General Léger of 20 June 1995.

445. CJEU. *Brasserie du Pêcheur SA v Bundesrepublik Deutschland and The Queen v Secretary of State for Transport, ex parte: Factortame Ltd and others*. Joined cases C-46/93 and C-48/93. Judgment of 5 March 1996.

446. CJEU. *The Queen v H. M. Treasury, ex parte British Telecommunications plc*. Case C-392/93. Judgment of 26 March 1996.

447. CJEU. *The Queen v Ministry of Agriculture, Fisheries and Food, ex parte: Hedley Lomas (Ireland) Ltd*. Case C-5/94. Judgment of 23 May 1996.

448. CJEU. *Erich Dillenkofer, Christian Erdmann, Hans-Jürgen Schulte, Anke Heuer, Werner, Ursula and Trosten Knor v Bundesrepublik Deutschland*. Joined cases C-178/94, C-179/94, C-188/94, C-189/94 and C-190/94. Judgment of 8 October 1996.

449. CJEU. *Hermès International (a partnership limited by shares) v FHT Marketing Choice BV*. Case C-53/96. Judgment of 16 June 1998.

450. CJEU. *Eco Swiss China Time Ltd v Benetton International NV*. Case C-126/97. Judgment of 1 June 1999.

451. CJEU. *Dieter Krombach v André Bamberski*. Case C-7/98. Judgment of 28 March 2000.

452. CJEU. *Parfums Christian Dior SA v TUK Consultancy BV and Assco Gerüste GmbH and Rob van Dijk v Wilhelm Layher GmbH & Co. KG and Layher BV*. Joined cases C-300/98 and C-392/98. Judgment of 14 December 2000.

453. CJEU. *Commission of the European Communities v Ireland*. Case C-13/00. Judgment of 19 March 2002.

454. CJEU. *Commission of the European Communities v Fresh Marine Company A/S*. Case C-472/00 P. Judgment of 10 July 2003.

455. CJEU. *Commission of the European Communities v Ireland*. Case C-459/03. Judgment of 30 May 2006.

456. CJEU. *Jasin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v Council of the European Union and the Commission of the European Communities* [Grand Chamber]. Joined cases C-402/05 P and 415/05 P. Judgment of 3 September 2008 // ECR. 2008. I-06351.
457. CJEU. *Marie Landtová v Česká správa socialního zabezpečení*. Case C-399/09. Judgment of 22 June 2011.
458. CJEU. *Petar Aladzhov v Zamestnik director na Stolichna direktsia na vatreshnite raboti kam Ministerstvo na vatreshnite raboti* [Fourth Chamber]. Case C-434/10. Judgment of 17 November 2011.
459. CJEU. *Bruno Costantini and Others v European Commission*. Case T-44/14. Judgment of 19 April 2016.
460. CJEU. *Dansk Industri (Ajos) v Rasmussen*. Case C-441/14. Judgment of 19 April 2016**.**
461. CJEU. *Michael Efler and Others v European Commission*. Case T-754/14. Judgment of 10 May 2017.
462. CJEU. *Alexios Anagnostakis v European Commission*. Case C-589/15 P. Judgment of 12 September 2017.
463. CJEU. *Proceedings brought by Heinrich Weiss and Others*. Case C-493/17. Judgment of 11 December 2018.
464. CJEU. *European Commission v United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*. Case C-391/17. Judgment of 31 October 2019.
465. CJEU. *Patrick Grégor Puppinck and Others v European Commission*. Case C-418/18 P. Judgment of 19 December 2019.
466. CJEU. *Istanbul Convention*. Case Avis 1/19. Opinion of Advocate General Hogan of 11 March 2021.
467. CJEU. *Minority SafePack — one million signatures for diversity in Europe v Commission*. Case T-158/21. Judgment of 9 November 2022.
468. CJEU. End the Cage Age v Commission. Case T-151/24. Action brought on 16 March 2024.

Правовые акты и документы Евразийского экономического союза

469. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 года (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024). URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
470. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств — членов таможенного союза. Подписан в г. Астане 5 июля 2010 года (ред. от 10.10.2014) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 4.
471. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза».
472. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны. Подписано 29 мая 2015 года и вступило в силу 5 октября 2016 года. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/0e6/EAEU_VN-FTA_rus.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
473. Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями. Заключено в г. Сочи, 14 мая 2018 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1418.
474. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/singapore.php (дата обращения: 25.12.2025).

475. Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны. Подписано 25 октября 2019 года и вступило в силу 10 июля 2021 года. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/702/EAEU-Serbia-FTA-_rus_1_.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
476. Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. Подписано 17 мая 2018 года и вступило в силу 27 октября 2019 года. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/250/EAEU_Iran_rus.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
477. Соглашение от 25 декабря 2023 года «О свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны».
478. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019). Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза.
479. Сборник правовых позиций Суда (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2024 года. URL: https://courteurasian.org/analytics/#publications (дата обращения: 25.12.2025).

Акты Суда Евразийского экономического союза

480. Суд ЕАЭС. Решение Большой коллегии от 21 февраля 2017 года по делу № С-2/16. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/ (дата обращения: 25.12.2025).

481. Суд ЕАЭС. Решение Большой коллегии от 21 февраля 2017 года по делу № С-2/16. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/ (дата обращения: 25.12.2025).
482. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Чайки К. Л. от 25 февраля 2017 года по делу № С-2/16.
483. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 4 апреля 2017 года по делу № Р-1/17. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.17/ (дата обращения: 25.12.2025).
484. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 12 сентября 2017 года по делу № Р-2/17. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.17/ (дата обращения: 25.12.2025).
485. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 30 октября 2017 года по делу № Р-3/17. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.17/ (дата обращения: 25.12.2025).
486. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 11 декабря 2017 года по делу № Р-5.17. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.17/ (дата обращения: 25.12.2025).
487. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 10 июля 2018 года по делу № Р-1/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.18/ (дата обращения: 25.12.2025).
488. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 7 декабря 2018 года по делу № Р-3/18.
489. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 20 декабря 2018 года по делу № Р-5/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.18/ (дата обращения: 25.12.2025).
490. Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 12 июня 2019 года по делу № С-1/18.
491. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 18 июня 2019 года по делу № Р-1/19.

492. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 16 октября 2019 года по делу № Р-4/19. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.19/ (дата обращения: 25.12.2025).
493. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Чайки К. Л. от 2 июня 2020 года по делу № С-1/19.
494. Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 2 июня 2020 года по делу № С-1/19. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.19/ (дата обращения: 25.12.2025).
495. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 10 июля 2020 года по делу № Р-1/20. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.20/ (дата обращения: 25.12.2025).
496. Суд ЕАЭС. Постановление Апелляционной палаты от 7 октября 2020 года по делу № С-2/19.
497. Суд ЕАЭС. Постановление Большой коллегии от 8 декабря 2020 года по делу № Р-4/20. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.20/ (дата обращения: 25.12.2025).
498. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 11 января 2021 года по делу № Р-3/20. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.20/ (дата обращения: 25.12.2025).
499. Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 16 июля 2021 года по делу № С-2/21.
500. Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 4 октября 2021 года по делу № С-1/21.
501. Суд ЕАЭС. Постановление Коллегии от 29 ноября 2021 года по делу № С-1/21.
502. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Колоса Д. Г. от 3 декабря 2021 года по делу № С-1/21.
503. Суд ЕАЭС. Постановление Большой коллегии от 28 февраля 2022 года по делу № Р-1/22. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/npp-

atameken-o-razyasnenii-polozheniy-tr-eaes-o-bezopasnosti-khimicheskoy-produktsii/ (дата обращения: 25.12.2025).

504. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 12 октября 2022 года по делу № Р-2/22. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P.2-22/ (дата обращения: 25.12.2025).
505. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. от 12 октября 2022 года по делу № Р-2/22. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P.2-22/ (дата обращения: 25.12.2025).
506. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. от 22 ноября 2022 года по делу № Р-4/22. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-4.22/ (дата обращения: 25.12.2025).
507. Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 8 декабря 2022 года по делу № С-6/22. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/c-6.22/ (дата обращения: 25.12.2025).
508. Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 8 декабря 2022 года по делу № С-6/22.
509. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Федорцова А. А. от 8 декабря 2022 года по делу № С-6/22.
510. Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 14 марта 2023 года по делу № С-6/22.
511. Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 15 июня 2023 года по делу № С-4/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-4.23/ (дата обращения: 25.12.2025).
512. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Федорцова А. А. от 2 октября 2023 года по делу № С-1/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-1.23/ (дата обращения: 25.12.2025).
513. Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 23 октября 2023 года по делу № С-5/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/%D0%A1-5.23/ (дата обращения: 25.12.2025); Решение Апелляционной палаты от 12 февраля 2025 года по делу № С-10/24.
514. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 28 марта 2024 года по делу № Р-2/24. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.24/ (дата обращения: 25.12.2025).

515. Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 11 сентября 2024 года по делу № С-5/24.
516. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 13 ноября 2024 года по делу № Р-3/24. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.24/ (дата обращения: 25.12.2025).
517. Суд ЕАЭС. Постановление Большой коллегии от 23 января 2025 года по делу № Р-1/25. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-1-25-ministerstvo-ekonomiki-i-kommertsii-kyrgyzskoy-respubliki-o-razyasnenii-polozheniy-dogovora-o/ (дата обращения: 25.12.2025).
518. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Ажибраимовой А. М. от 23 января 2025 года по делу № Р-1/25.
519. Суд ЕАЭС. Особое мнение судей Кайыпова М. Т., Кишкембаева А. Б., Павловой Н. В. от 23 января 2025 года по делу № Р-1/25.
520. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой коллегии от 12 февраля 2025 года по делу № Р-6/24. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (дата обращения: 25.12.2025).
521. Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 12 февраля 2025 года по делу № С-10/24.
522. Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 17 марта 2025 года по делу №С-8/24.

Правовые акты и документы Евразийского экономического сообщества

523. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. Подписан в г. Астане 10 октября 2000 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 632.

Акты Суда Евразийского экономического сообщества

524. Суд ЕврАзЭС. Постановление Большой коллегии от 8 апреля 2013 года по делу № 1-7/1-2013. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eurazes/1-7.1-2013/ (дата обращения: 25.12.2025).
525. Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 9 декабря 2010 года № 534 «О Договоре об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним» (с изменениями от 10.10.2014) (вместе с «Договором об обращении в Суд Евразийского экономического сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним». Подписан в г. Москве 9 декабря 2010 года // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. 2013. № 2.

Законодательство и судебная практика Российской Федерации

526. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
527. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
528. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

529. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.
530. Федеральный закон от 11 июня 2022 года № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 24. Ст. 3943.
531. Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 10. Ст. 1566.
532. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2009 года № 5-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 2.
533. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 года № 7-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 3.
534. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 года № 30-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.
535. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 6.
536. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июля 2018 года № 29-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 6.
537. Определение Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 года № 417-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 3.
538. Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 года № 583-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 4.
539. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 года № 1903-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision209714.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

540. Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2022 года № 191-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision591099.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
541. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 года № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 1.
542. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2024 года по делу № 8Г-31567/2024 [88-28239/2024].
543. Решение Кировского районного суда города Уфы от 4 июля 2013 года по делу № 2-2830/2013~М-995/2013.
544. Решение Тверского районного суда города Москвы от 31 октября 2023 года по делу № 02-4594/2023. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/aca91471-4b21-11ee-a9a3-352c3040d4b4 (дата обращения: 25.12.2025).
545. Решение Московского городского суда от 16 июля 2024 года по делу № 33-24245/2024. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/2d18c5c0-1777-11ef-abcb-0f4db69112a8 (дата обращения: 25.12.2025).
546. Решение Тверского районного суда города Москвы от 3 апреля 2025 года по делу № 02-0972/2025. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/aaed8a50-b21b-11ef-a996-335a79407c45 (дата обращения: 25.12.2025).

Акты иностранных национальных высших судов

547. Supreme Court of Israel. *Mara'abe v. The Prime Minister of Israel*. H.C.J. 7957/04. Decision of 15 September 2005.

548. Belgian Court of Cassation. *Western European Union v. Siedler*. Judgment of 21 December 2009.
549. Czech Republic Constitutional Court. *Slovak Pensions*. Pl. ÚS 5/12. Decision of 31 January 2012.
550. Danish Supreme Court. No. 15/2014. Decision of 6 December 2016.
551. Romanian Constitutional Court. Decision 390/2021 of 8 June 2021.
552. Polish Constitutional Tribunal. Decision 7/20 of 14 July 2021.
553. Bundesverfassungsgericht. 2 BvR 859/15, 2 BvR 1651/15, 2 BvR 2006/15, 2 BvR 980/16. Leitsätze zum Urteil des Zweiten Senats vom 5. Mai 2020.

Прочие документы

554. Permanent Court of Arbitration. *Norwegian shipowners' claims (Norway v. U.S.A)*. Award of 13 October 1922. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_I/307-346.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
555. Permanent Court of International Justice. *Factory at Chorzow (Germany v. Poland)*. Judgment 13 September 1928. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1928.09.13_chorzow1.htm (дата обращения: 25.12.2025).
556. Institut de droit international. Session de Bruxelles — 1936. La reconnaissance des nouveaux Etats et des nouveaux gouvernements. 23 avril 1936. URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1936_brux_01_fr.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
557. United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. *Prosecutor v. Anto Furundzija [Trial Chamber]*. Case No. IT-95-17/1-T. Judgment of 10 December 1998.
558. U.S., Brazil Agree on Memorandum of Understanding as Part of Path Forward Toward Resolution of Cotton Dispute // Office of the United States Trade Representative. 2010. 20 April. URL: https://ustr.gov/about-us/policy-offices/

press-office/press-releases/2010/april/us-brazil-agree-memorandum-understanding-part-path-f (дата обращения: 25.12.2025).

559. Court of First Instance of the European Union. *Kadi v. Council and Commission*. Case T-315/01 // ECR. 2005. II-3546.

560. African Court on Human and Peoples' Rights. *Request for Advisory Opinion by the Socio-Economic Rights and Accountability Project (SERAP)*. No. 001/2013. Advisory Opinion of 26 May 2017.

561. ITLOS. *Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary Between Mauritius and Maldives in the Indian Ocean (Mauritius/Maldives)*. Case No. 28. Preliminary objections. Judgment of 28 January 2021.